

М. К. КОЗЫБАЕВ

КАЗАХСТАН
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ
И ПОИСКИ

2

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ ИМ. Ч.Ч.ВАЛИХАНОВА

КОЗЫБАЕВ М.К.

КАЗАХСТАН
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ
И ПОИСКИ

НЕСБЫВШИЕСЯ
НАДЕЖДЫ

Книга вторая

АЛМАТЫ
2000

Составитель

Жоламанова А. А.

Компьютерный набор

*Даленова Г. А., Жоламанова А. А.,
Раниева А. Т., Мендияшева Ш. А.,*

Верстка

Калайчиди Е. Н.

Козыбаев М. К. “Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски”.
В двух книгах. Книга вторая. — Алматы: Ғылым, 2000. 388 с.

В истории нашего Отечества было все: триумфы и поражения, независимость и колониальное существование, расцвет экономики и голод, — бурный демографический взрыв и этноцид, моно и полиэтничность... История народа с ее героическими и трагическими страницами — всеобщее достояние. Настало время писать правдивую научную Отечественную историю, определить от какого наследства колониального прошлого мы отказываемся — обо всем этом размышляет автор книги доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, заслуженный деятель науки РК, лауреат Государственной премии, Президентской премии мира и духовного согласия Козыбаев Манаш Кабашевич. В работе “Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски” (из двух книг) целостно исследуются проблемы историографии, источниковедения и методологии истории Казахстана. Она знакомит читателей с “белыми пятнами” истории, диалектикой новых подходов к ключевым проблемам истории казахской государственности, национально-освободительного движения, вхождения Казахстана в состав Российской империи, советского тоталитарного режима, становления независимой Республики Казахстан. В ней широко представлены также проблемы защиты Отечества, персоналии.

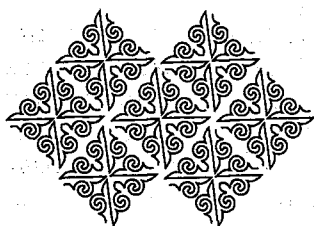
Рассчитана на историков, преподавателей школ и вузов, студентов, всех интересующихся историей Республики Казахстан.

© Козыбаев М., 2000

ISBN-5-628-02202-0

ЧАСТЬ IV

СОЦИАЛИЗМ: ОПЫТ И ГОРЬКИЕ УРОКИ

*Незабвенной памяти брата
Оразалы Козыбаева посвящается*

ТОТАЛИТАРНЫЙ СОЦИАЛИЗМ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ

30 декабря 1996 г. обнародован Указ Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева “Об объявлении 1997 года Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий”. Указ направлен на упрочение общественно-политической стабильности в государстве и одновременно в нем заложен высокий нравственный смысл, поскольку он предусматривает восстановление исторической памяти народа, вскрытие и осуждение преступной антинародной сущности тоталитарного режима.

О массовых репрессиях периода сталинщины написано немало. Однако память вновь и вновь возвращает людей к трагическим событиям недавнего прошлого, когда в застенках Гулага гибли миллионы ни в чем не повинных людей. Помимо того, многие народности по воле режима были депортированы из родных мест, оказавшись частью в своего рода резервациях, а частью погибшие вследствие бесчеловечных условий перемещения.

Как известно, начало этим исторически беспрецедентным по своим масштабам преступлениям положили Октябрьская революция и гражданская война в СССР. После установления и упрочения советской власти государство диктатуры пролетариата с небывалым размахом развернуло преследование своих политических и классовых противников. Вследствие этого тысячи граждан бывшей Российской империи оказались в эмиграции. К их числу относятся и граждане Казахстана, вынужденные покинуть историческую родину в период революции и гражданской войны, а также в годы насильственной коллективизации и голода конца 20-х – начала 30-х годов. Поэтому историю политических репрессий в Ка-

захстане необходимо рассматривать в контексте событий, происходивших в масштабах всего СССР.

С укреплением тоталитарного режима усилилась репрессивная политика и против участников национально-освободительного движения, а также политических партий, действовавших на окраинах Российской империи накануне и в период революции 1917 года. Эта политика легла в основу программы действий ВКП(б) — КПСС на протяжении всего существования СССР. Преследование участников национально-освободительного движения и носителей этой идеи в дальнейшем стало неотъемлемой частью существования советского государства. Особенно ожесточенный характер оно приобрело после совещания в ЦК РКП(б) с участием ответственных работников национальных республик и областей, прошедшего в июне 1923 г. в г. Москве. На этом совещании в центре внимания его участников оказалась национальная политика большевиков и, главным образом, — осуждение ошибок националистического толка в работе местных кадров, а подспудно идеи создания конфедерации тюркских народов СССР. В числе носителей этих ошибок оказались и казахстанские работники. Причем объектом критики стал Т. Рыскулов, обвиненный в связях с известным общественным и государственным деятелем Татарии М. Султангалиевым, к тому времени арестованным. Итоги совещания и дальнейший ход социально-экономических реформ в стране стали роковыми для представителей национальной интеллигенции в республиках СССР¹.

В конце 20-х годов с обострением социально-экономической ситуации в стране и предстоящей ломкой традиционно сложившихся структур жизнеобеспечения, были подвергнуты аресту и гонениям участники альтернативных большевизму партий и движений, в том числе таких, как IV Всеукраинская Рада, “Иттихат-ва-Таракки”, “Шуро-и-Ислами” и других течений, действовавших в свое время в республиках Средней Азии, Татарии, Башкирии и других регионах. Тогда же были арестованы участники движения “Алаш” в Казахстане.

Как известно, с появлением на исторической арене партии “Алаш” и правительства “Алаш-Орды” национально-освободитель-

¹ Здесь и далее использованы материалы архивов Республики Казахстан, в т.ч. и КНБ РК.

ное движение казахского народа поднялось на новую ступень. Однако первоначальные идеи создания казахской национальной автономии с победой советской власти претерпели коренные изменения, на много лет предопределив ход дальнейших событий.

Надо признать, что декларирование свободы и равенства ранее угнетенных народов, объединение всех казахских земель под эгидой Казахской Автономной Социалистической Республики явились этапным событием на пути восстановления национальной государственности. Однако на практике деятельность большевистской партии все больше вступала в противоречие с подлинными интересами народа.

Социально-экономические преобразования, проводимые государством “диктатуры пролетариата” на основе усиления и искусственного разжигания классовой борьбы, привели к тому, что к концу 20-х годов обстановка в республике приобрела чрезвычайно острый характер.

Меры, предпринимаемые в экономической области, идеология и практика отчаянного штурма бастионов капитализма создавали обстановку диктата и насилия. Таким же образом партийные и советские организации Казахстана проводили работу по снабжению Красной Армии и городов продовольствием. Например, в 1920 г. только один Кустанайский уезд поставил государству 6 млн. пудов хлеба. В том же году водным транспортом из Гурьева в Центральную Россию было вывезено более 600 тыс. пудов нефти. Тысячи трудящихся Казахстана участвовали в “коммунистических субботниках”, восстанавливая фабрики и заводы.

Милитаризация народного хозяйства, командная система управления экономикой, военизированные формы организации труда, распределительный принцип, пауперизация масс - все это свидетельствовало о том, что Советы, руководимые большевиками, не были подготовлены к экспериментам социалистического толка.

Преобладала тенденция экспроприации эксплуататоров, целенаправленного наступления на частную собственность. Она подлежала тотальному уничтожению. Возник “военно-коммунистический” монстр, положивший в основу народного хозяйства распределительный принцип. Наивные, вульгарные представления о социализме, размывавшие понятие о труде как первооснове общественного богатства, овладели широкими народными массами.

Ценой больших потерь и жертв, сомнений и надежд на светлое будущее народ Казахстана следовал за экспериментами пролетарского центра России. Таким образом, новая власть, утвердившаяся на гребне народной стихии, забегала вперед, торопила процессы самоутверждения. Победила психология “экспроприация экспроприаторов”, политика насилия, как универсальный метод строительства нового мира.

Некапиталистический путь развития ранее отсталых народов в условиях победившей социалистической революции означал революционный процесс, охватывающий все сферы общественной, политической, экономической, культурной жизни страны. По Ленину — это путь не только сокращенного, но, прежде всего, ускоренного развития, такого развития, при котором народы развитые, а также отсталые шли к социализму единым фронтом, выравнивая в ходе борьбы за построение социалистического общества уровень экономики и культуры.

Переход казахского, как и других ранее отсталых в своем развитии народов, к социалистическому строительству совпал по времени и по содержанию с переходом к новой экономической политике, которая по своей сути была призвана обеспечить постепенный, планомерный, в известной мере, ускоренный переход к социализму. Однако провозглашенная на длительную перспективу программа большевиков — “помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию” была во многом утопичной. Прежде всего, “средне-слабый” уровень промышленного развития не в состоянии был обеспечить прорыв в экономическом развитии национальных окраин. В свою очередь, в национальных регионах развитие промышленности носило до революции крайне ограниченный характер. Монополистический капитал в ту пору вкладывался в сырьевую базу, где использовались старые полуфеодалные формы эксплуатации. В этих регионах не было реальной основы — экономической, культурно-технической, психологической — для гигантского прыжка через капиталистическую формацию в социализм². Многочисленные массы трудящихся, задавленные нуждой, колониальным разбоем, угнетением, подвергавшиеся геноциду, были абсолютно не готовы к восприятию “новаций” социалистического толка. Несбыточной

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. т.45, с.380.

мечтой оказался и расчет на помощь международной пролетарской революции. Курс на насильственное насаждение сверху новой модели развития ранее угнетенных народов, минуя целую историческую формацию, в условиях ускоренного динамичного движения цивилизации явился продолжением идеологии “красногвардейской атаки на капитал”.

В неимоверно тяжелом положении оказалось крестьянство, в особенности казахские шаруа. Крутая ломка традиционно сложившегося уклада жизни, насильственная коллективизация, государственная политика заготовок в сельском хозяйстве подтолкнули их, оказавшихся на краю гибели от голода, к организованным выступлениям против советской власти.

По неполным данным, в 1929–1932 гг. в Казахстане произошло 372 восстания. Наиболее крупные инциденты произошли тогда в Батпакаринском, Сузакском, Бостандыкском, Иргизском, Казалинском, Кызылкумском, Кармакчинском, Аксуйском, Барыбаевском, Саркандском, Абралинском, Чубартауском и многих других районах. Сильными волнениями были охвачены Зыряновский, Усть-Каменогорский, Самарский, Шемонаихинский, Катон-Карагайский районы.

Развернулось широкое откожевочное движение, сопровождавшееся вооруженным сопротивлением населения в Адаевском округе. Всеобщий протест сопровождался уходом значительной части населения за пределы республики, в том числе в Китай, Иран и Афганистан. Этому не помешали упреждающие аресты и высылка лидеров и участников движения Алаш-Орды.

В 1929–1930 гг., в период первых репрессий против бывших лидеров и участников национально-освободительного движения в республиках СССР, в Казахстане были арестованы и осуждены на различные сроки участники движения “Алаш”, в том числе А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Жумабаев, Ж. Аймаутов, М. Тынышпаев, Ж. Акпаев и другие. В числе пунктов обвинения, по которому они предстали перед тройкой ОГПУ, были: противодействие политике советской власти; установление связи с Заки Валидовым, находившимся в Восточной Бухаре и руководившим басмачеством в Фергане; организация боевой группы молодежи для совершения террористических актов по отношению к ответственным работникам; подготовка военных кадров из молодежи; организация круж-

ков "Алка" с целью установления связи с байством; срыв кампаний и мероприятий по землеустройству; проведение антисоветской агитации и др.

Как говорится, комментарии излишни.

В годы коллективизации и последующего затем голода 1931-1933 гг. погибла почти половина казахского населения и около 200 тысяч представителей народов, населявших Казахстан. По неполным данным, число жертв голода в республике составило 2 млн. 200 тыс. человек.

Хотя трагедия коснулась почти поголовно всего населения, власти делали все, чтобы истина не всплыла наружу и не будоражила умы людей. Люди, уцелевшие от голодной смерти, террора и преследований, в то же время не имели права поднять голос протеста. Все заявления и докладные записки от граждан, руководящих работников, в том числе и самого высокого ранга, таких, как Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, У. Исаев и другие, попадали в так называемые "секретные папки", и реакция властей оформлялась соответствующим образом.

По официальной версии, во всем были виновны местные кадры, допускавшие "искривления линии партии в колхозном строительстве", чем не преминули "воспользоваться" некие вражеские элементы. Естественный протест населения, оказавшегося на краю гибели, сопротивление бесчинствам и произволу, крестьянские волнения и восстания объяснялись "результатом агитации байства, настраивавшего бедняцко-середняцкие массы на противодействие мерам советской власти по социалистическому переустройству сельского хозяйства и подталкивавшего их к контрреволюционным бандитским выступлениям". В массовое сознание усиленно внедрялась мысль о том, что другого пути к счастливому будущему социализма нет. Тем самым власть снимала с себя всякую ответственность за результаты проводимой ею же политики. Дабы скрыть свою непосредственную причастность к трагедии крестьянства, Сталин и его окружение, в том числе и его эмиссары в Казахстане, запретили даже малейшее упоминание о голоде и его последствиях.

В то время, когда в казахстанских степях разыгрывалась одна из величайших трагедий в истории человечества, страницы газет и журналов пестрели бодренькими рапортами об энтузиазме и трудовых достижениях народа. Своеобразный обет молчания устанавли-

ливался и в официальных структурах власти. В отчетах и докладных записках с мест, а также ведомств и органов, в чью компетенцию входило своевременное принятие мер по предотвращению трагедии, в лучшем случае говорилось лишь о продовольственных затруднениях в том или ином населенном пункте или районе. Сегодня обстоятельства коллективизации и голода стали достоянием гласности. Нас в данном случае интересуют репрессивные меры государства, связанные с этим периодом. Известно, что в конце 20-х — начале 30-х годов репрессиям было подвергнуто свыше 100 тысяч человек. Сказать, что эта цифра окончательная нельзя, поскольку данные о привлеченных к различным мерам наказания по линии местных органов власти, районных и окружных судов до сих пор не известны. Кроме того, в это число не входят ссыльные, так называемые кулаки, депортированные из России и других республик СССР. Известно, что в период коллективизации в Казахстан было выслано 189 тыс. человек из центральных районов России. Из них, в самый разгар голода, в мае 1931 г., 150 тыс. человек было размещено в районах нынешних Акмолинской, Карагандинской, Павлодарской и Кокчетавской областей. По неполным данным, к 1937 г. число высланных в Казахстан составило 360 тыс. человек. Однако многие вопросы, связанные с событиями 30-х годов, в том числе и крестьянское движение сопротивления требуют дальнейшего изучения.

Требуют нового осмысления и обстоятельства массовых политических репрессий 1937-1950 гг. Узнав об обстоятельствах и масштабах трагедии начала 30-х годов, сегодня любой нормальный человек вправе задаться вопросами: имело ли место сопротивление со стороны народных масс гибельной политике режима? Почему оказались безучастными представители интеллигенции и, в первую очередь, номенклатурные работники, входившие в руководящую элиту?

Ответ может быть неоднозначным. Не много находилось смельчаков среди партийно-советской номенклатуры тех лет, кто без оглядки мог бы выступить против ошибок в осуществлении социально-экономических задач государства, а то и откровенного произвола и беззакония в отношении населения. Мелкобуржуазный по своей природе состав партии, формирование активистов из числа ломленов, принявших на вооружение методы работы царских шабар-

манов стали классовой базой вождизма, административно-бюрократического стиля в работе с массами. Возрастание роли партии, милитаризация ее внутренней жизни, подавление воли партийных масс, всеобщий террор и насилие привели к установлению “бонопартизма” в партии и государстве. В этих условиях в основной своей массе руководящие работники всех звеньев являлись ревностными исполнителями той политики, которая диктовалась сверху. Но были и другие, кто не мог оставаться равнодушным ко всему происходящему. К числу таких деятелей, кто еще во второй половине 20-х годов поднял голос протеста, относятся С. Садвакасов, И. Мустамбаев, Ж. Султанбеков, позже — Н. Нурмаков, З. Торегожин, А. Асылбеков, М. Гатауллин, Г. Мусрепов и другие.

Разумные предложения местных партийных, советских, хозяйственных руководителей о необходимости пересмотра колониальной структуры экономики края, прежде всего, в ходе осуществления индустриализации (С. Садвакасов, Ж. Мынбаев и др.) квалифицировались секретарями крайкома ВКП(б) Ф. Голощекиным, И. Курамысовым и их сподвижниками как проявление местного национализма, а соображения некоторых экономистов из планирующих органов о необходимости соответствия темпов индустриализации уровню развития производительных сил, наличию трудовых ресурсов — как проявление великодержавного шовинизма. Субъективизм в теории и командно-волевые методы на практике исключали возможность альтернативы в движении республики к социализму.

Широкомасштабное промышленное строительство, освоение природных богатств и новых месторождений в довоенные годы потребовали увеличения дешевой рабочей силы. С усилением карательной политики тоталитарного режима расширилась сеть исправительно-трудовых лагерей на Севере, Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Средней Азии и других регионах СССР. Если в 1940 г. система Главного управления лагерей (Гулаг) НКВД СССР включала 53 лагеря, то в 1947 г. — 56, а в 1954 г. — 61. Возрастало и количество заключенных, содержащихся в них: 1930 г. — 179 тыс., 1940 г. — 1 млн. 344,4 тыс., 1950 г. — 1 млн. 416,3 тыс., 1953 г. — 1 млн. 727,9 тыс. человек. Причем количество заключенных, осужденных по 58-й статье Уголовного кодекса, колебалось от 15 до 20% (см. Дильманов С. История создания исправительно-трудо-

вых лагерей в СССР // В кн.: Материалы “круглых столов” и семинаров. Алматы, “Адилет”, 1996, с.63).

На территории Казахстана существовал Карагандинский лагерь (Карлаг), созданный в 1931 г. Через этот гигант Гулага прошли сотни тысяч узников, репрессированных по политическим мотивам в разные годы. Кроме Карлага на территории Казахстана функционировали и другие лагеря под названием Степной, Песчаный, Луговой, Дальний. На территории Акмолинской области был открыт печально известный АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников родины, в котором отбывали срок жены и дочери известных в стране государственных и общественных деятелей, в том числе и Казахстана.

Как свидетельствуют дела так называемых “врагов народа”, осужденных и расстрелянных в 1937–1938 гг. в Казахстане, кроме обвинений об участии в деятельности правых оппортунистов и троцкистов, а также буржуазных националистов, зачастую им вменялись в вину провалы в экономике, в особенности, в сельском хозяйстве начала 30-х годов. Так, одним из пунктов обвинений, предъявленных в 1937 г. бывшему первому секретарю Алматинского обкома и горкома ВКП(б) Ж. Садвакасову, писателю С. Сейфуллину, наркому просвещения Т. Жургеневу и другим была “организация восстания” в Каракумах, Иргизском, Сары-Суйском и других районах. Безусловна абсурдность таких обвинений, главной из которых была попытка переложить ответственность за провалы в экономике на других.

Создание индустрии, коренное изменение облика республики, освоение природных ресурсов — все это осуществлялось на базе поставок промышленного оборудования, материалов, совместного участия всех народов в осуществлении программы хозяйственного и культурного строительства. Индустриализация страны, в том числе ее окраин, происходила прежде всего за счет сверхналога, получаемого с крестьян. Она осуществлялась командными, административными методами — директивным планированием, безусловным подчинением центру. Тотальное обобществление и огосударствление всех сторон экономической жизни, изымание, то есть ограбление всех накоплений республик в госбюджет, выделение из этого же бюджета под видом субсидий и дотаций из фондов РСФСР, из союзного бюджета, концентрация в руках государ-

ства производства, сбыта и снабжения — таковы меры, которые были призваны обеспечить сверхвысокие темпы индустриализации. Репрессивная политика — развертывание лагерей, огражденных от мира колючей проволокой, силовое разрушение векового уклада жизни кочевников, ломка традиций народов, обнищание и голод казахских шаруа и крестьян других регионов, громадное напряжение сил народа — такова цена индустриализации страны.

Казахстан, как и другие национальные республики, получал постоянно финансовую поддержку в виде государственного субсидирования и дотаций сначала из фонда РСФСР, а позднее из союзного бюджета. Так, в 1931–1934 гг. из 2 млрд. 137 млн. рублей капиталовложений в народное хозяйство республики лишь 121 млн. рублей был выделен из местного бюджета. Сверхиндустриализация, проводимая силовыми методами и большей частью с привлечением труда заключенных Гулага, сопровождалась тотальным ограблением крестьян. Если на конец 1929 г. в Казахстане по неполным данным насчитывалось свыше 45 млн. голов скота, то на начало 1934 г. осталось всего 4,5 млн. Массовый голод и гибель людей, откочевки населения за пределы республики, искалеченные судьбы — такова цена силовой коллективизации.

Трагедия, постигшая основную часть населения в период насильственной коллективизации, не могла не повлиять на общественно-политическую обстановку тех лет. Как подчеркивалось выше, провалы в экономике, сопротивление населения бесчеловечным экспериментам усиливали давление режима на общественное мнение. Одновременно разворачивалась борьба против оппозиции, исподволь подготавливалась почва для массового уничтожения инакомыслящих, кто хоть в какой-то мере был не согласен со сталинской политикой.

Обострению внутривнутриполитической обстановки в республике способствовала и высылка в Казахстан в конце 20-х и начале 30-х годов участников троцкистской оппозиции внутри ВКП(б) и других фракционеров.

Пребывание в Казахстане в ссылке в 1928 году Л. Троцкого, позже П. Серебрякова, Г. Пятакова и других видных оппозиционеров давало повод режиму, неустанно следившему за действиями “внутренних врагов”, обвинить местных работников, недовольных политикой ВКП(б), в блокировании с ними. В результате часть ка-

захских работников была обвинена в связях с троцкистами и правыми и подверглась репрессиям. Эта участь в 1927—1928 гг. в первую очередь постигла наркома земледелия Ж. Султанбекова, председателя Сырдарьинского губисполкома И. Мустамбаева и других.

Одновременно внутренние разногласия и принципиальные выступления руководящих казахских работников с критикой социально-экономической политики центра квалифицировались как “национал-уклонизм”, уводящий от генерального курса большевистской партии, а совместные выступления и позиции по отдельным вопросам — как групповая борьба внутри краевой партийной организации. В создании таких группировок в 20-е годы обвинялись С. Сейфуллин, С. Мендешев, позже С. Ходжанов и другие. Пик борьбы с национал-уклонизмом приходится на вторую половину 20-х годов, когда обвиненные в таких “грехах” бывший секретарь крайкома ВКП(б) С. Ходжанов, нарком просвещения С. Садвакасов, председатель ЦИК КазССР Ж. Мынбаев были удалены со своих постов. Через 10 лет С. Ходжанов за старые “грехи” был арестован как “враг народа”, лишь преждевременная смерть “спасла” последних двух от карающего меча НКВД.

В конце 20-х — начале 30-х годов по мере обострения кризиса в социально-экономическом развитии СССР широкие масштабы приобрели поиски виновных и вредителей, подрывных антисоветских элементов и участников подпольных организаций. По аналогии с центром (судебные процессы над участниками “Промпартии”, “Крестьянской партии” и т. д.) в Казахстане начались поиски врагов в национальном варианте. Случайные аварии на шахтах и предприятиях, падеж скота в колхозах и совхозах, пожары и другие стихийные бедствия объяснялись происками классовых врагов и соответственно этому фабриковались уголовные дела врагов народа.

К середине 30-х годов нарастание борьбы с “троцкистско-зиновьевской оппозицией” и “правыми оппортунистами” в центре в национальных республиках проявилось в форме репрессий против представителей национально-освободительного движения, большей частью отбывших наказание, а также местных партийно-советских и хозяйственных работников. Вскоре репрессии охватили широкие слои населения, импульс которым был дан решением декабрьского 1936 г., а затем февральско-мартовского 1937 г. пленумов ЦК ВКП(б).

Как отмечалось выше в конце 1928 г. по ложному обвинению были арестованы 44 человека из числа так называемых “буржуазных националистов” — бывшие деятели “Алаш-Орды”, в том числе А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Жумабаев, Ж. Аймаутов, Х. Габбасов и другие. Ж. Аймаутов, Х. Габбасов, А. Байдильдин, Д.Адилев, Г. Биримжанов были расстреляны, остальные осуждены на различные сроки тюремного заключения. Некоторые из них (М. Дулатов и др.) скончались в лагерях, остальные (А. Байтурсынов, М. Жумабаев и др.), отбыв наказание, в 1937 г. были повторно привлечены к ответственности за участие в деятельности “Алаш-Орды” и расстреляны в 1937—1938 гг. Другая группа представителей национальной интеллигенции (около 40 чел.) в составе М. Тынышпаева, Х. Досмухамедова, Ж. Досмухамедова, Ж. Акпаева и других была арестована в сентябре-октябре 1930 г. Вскоре 15 из них (М. Тынышпаев, Ж. Акпаев, Х. Досмухамедов, Ж. Досмухамедов, К. Кеменгеров, Ж. Кудерин, К. Токтабаев и др.) были посланы в Центрально-Черноземную область России. Почти все они были вновь репрессированы и расстреляны в 1937—1938 гг.

Так, несмотря на амнистию, объявленную участникам движения “Алаш” в первые годы советской власти, невзирая на то, что в дальнейшем никто из них никакой политической деятельностью не занимался, спустя много лет была учинена расправа над выдающимися представителями национальной интеллигенции. До ареста все они честно трудились в различных областях народного хозяйства, науки и культуры, внося неоценимый вклад в развитие Казахстана.

Советское тоталитарное господство, якобинская диктатура еще больше исказили и помutilи сознание народа. Доносительство поощрялось. Вместо царских шабарманов с нагайкой появились белсенды, лже-активисты, члены Комитетов бедноты и тому подобные “деятели”. Главной фигурой времени стал человек с ружьем. Люди не верили никому, ушли в себя.

Деформация общественного сознания масс была достигнута, во-первых, путем целенаправленного уничтожения прежде всего интеллигентов и, во-вторых, с помощью широкого идеологического наступления по всему фронту. Тонкий слой казахской интеллигенции, сформированный в начале XX века, подвергся репрессиям еще при царском режиме. В период революции и гражданского противостояния казахская интеллигенция, лучшая ее часть, оказалась по

ту сторону баррикад; позднее, в 20-е годы, многие ее представители выступили решительно против Ф.И.Голощекина, его социальных экспериментов и первыми подверглись репрессиям.

Когда мы говорим о тоталитаризме, всегда возникает тема голощекинщины. При этом недостаточно акцентируется внимание на том, что голощекинщина — по сути дела трансформация сталинизма на почве казахстанской действительности. Результат политики этого сатрапа в области экономической — голод, почти полное уничтожение скота, разрушение общины. В идеологическом плане — это насаждение тоталитаризма, переход по всему фронту к командно-бюрократическому методу руководства, свертывание культурной революции, преследование и репрессирование деятелей литературы и искусства. В области политической — насаждение практики регионального вождизма, якобинской диктатуры. В области партийного строительства — это форсирование формирования личности “аульного коммуниста”, приверженца административно-командных методов руководства, выдумывание несуществующих “националистических блоков”, группировок и “подпольных антисоветских организаций”, “избиение” кадров путем наклеивания ярлыков, обвинения в отсутствии подлинной организованности и сплоченности коммунистов в республике, подозрительность в отношении коммунистов-казахов, обвиняемых обычно в национализме.

Ф. Голощекин был маленьким Сталиным в Казахстане, проводившим колониальную политику царизма на советский лад. То, чего добивался царизм на протяжении двух столетий, Система осуществила за десятилетие. Казахстан стал полигоном социальных экспериментов в масштабе всей страны.

Закономерным продолжением деятельности Голощекина, диктатора и палача, стали тотальные репрессии 1937–1938 гг.

Жертвами репрессий стали почти все руководящие партийные и советские работники республики. Как свидетельствуют дела так называемых “национал-фашистов”, репрессированные в 1937–1938 гг., Н. И. Ежов и его подручные особо не утруждали себя при их фабрикации. Были подняты давние дела так называемых участников различных группировок, в их число попали и те, кто в свое время отстаивал интересы республики, открыто выражал протест по поводу массовой гибели казахского населения в 1931–1933 гг.

Для пущей важности была придумана версия о том, что “национал-фашисты” во главе с заместителем председателя СНК РСФСР Т.Рыскуловым, заместителем секретаря ВЦИК СССР Н. Нурмаковым, председателем ЦИК Казахской ССР У.Кулумбетовым и другими хотели “отделить Казахстан от СССР и отдать его под протекторат Японии, а сами они являются японо-германскими шпионами”. Абсурдность предъявленных обвинений была очевидной, но это не смущало тех, кто фабриковал подобные дела.

Эти стандартные обвинения предъявлялись тогда почти всем известным руководящим работникам республики и деятелям культуры, что характеризует специфику репрессий в Казахстане. Например, писателю, общественному и государственному деятелю Сакену Сейфуллину было предъявлено следующее обвинительное заключение: “УГБ НКВД Казахской ССР вскрыта и ликвидирована широко разветвленная антисоветская националистическая, террористическо-повстанческая и шпионско-диверсионная организация. Эта организация ставила задачей свержение Советской власти, вооруженное отторжение Казахстана от СССР и создание Казахского буржуазного государства под покровительством Японии. В этих целях антисоветская националистическая организация проводила диверсионно-вредительскую работу в промышленности и сельском хозяйстве, готовила вооруженное восстание, приурочивая его к моменту иностранной военной интервенции против СССР, а также намечала применение террора против руководителей ВКП (б) и Советского правительства. Антисоветская националистическая организация широко развернула работу по формированию подпольных районных и областных филиалов организаций, вовлечение в них контрреволюционных националистических кадров: алашординцев, бывших карателей, басмачей, активных участников повстанческого движения, мулл, баев и прочих антисоветский элемент.

Руководящий центр этой организации в лице Рыскулова, Нурмакова, Ходжанова и Кулумбетова в целях расширения и усиления борьбы против Советского государства, установил политический и организационный блок с троцкистами — врагами народа Троцким, Зиновьевым и другими и центром контрреволюционной организации правых в лице Бухарина и Рыкова. В этих же целях антисоветская националистическая организация в Казахстане установила организационно-политические связи с подобными ей организациями

в других национальных республиках Советского Союза. Основой заключенных блоков являлось признание всеми названными анти-советскими организациями как общности их основной задачи — свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР, так и методов предательской работы — повстанчество, индивидуальный террор, шпионаж, диверсию и вредительство.

Антисоветская националистическая организация в Казахстане в контрреволюционных изменнических целях установила связь с разведывательными органами германского и японского фашистских правительств и проводила шпионскую работу по заданию и указанию последних. В частности, вышеуказанная организация поддерживала шпионскую связь с японо-германскими агентами, белоэмигрантами — Мустафой Чокаевым и Раимжаном Марсековым.

Одним из активных участников этой организации явился обвиняемый Сейфуллин Сакен — писатель. Следствием установлено, что Сейфуллин С. на путь контрреволюционной борьбы с ВКП(б) и Советской властью встал в 1922 году, когда выступил как организатор и руководитель контрреволюционной националистической группировки, называвшейся впоследствии его именем. По признанию самого Сейфуллина, эта группировка базировалась на контрреволюционных, буржуазно-националистических идеях и проводила борьбу с партией и Советской властью. Сейфуллин С. показал, что с 1922 года являлся скрытым троцкистом, разделял контрреволюционную программу Троцкого, что в целях популяризации Троцкого он выступал в печати, посвящал ему свои произведения и вел троцкистскую агитацию среди националистов.

В 1928 году в момент объединения националистических группировок на базе контрреволюционной борьбы с партией, по предложению Ходжанова Сейфуллин, как один из лидеров-националистов, вступил в антисоветскую националистическую организацию.

Ходжанов, а в последующее время Нурмаков и Тогжанов ориентировали Сейфуллина о вредительских, террористических и повстанческих методах борьбы организации с Советской властью, с чем Сейфуллин полностью согласился и неоднократно принимал участие в собраниях руководящего состава организации по вопросам борьбы с партией, Советской властью.

Сейфуллин принимал участие в подготовке террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского правительства.

Выполняя установку центра антисоветской организации, Сейфуллин проводил большую антисоветскую работу в области литературы и вел вербовочную деятельность.

В 1936 году, по заданию центра националистической организации, Сейфуллин установил организационную связь с врагом народа Сокольниковым, которого информировал о деятельности антисоветской националистической организации в Казахстане и получил от него директиву об активизации подрывной работы организации...”.

В 1937–1938 гг. на основе таких обвинений были репрессированы видные государственные и общественные деятели Казахстана Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, С. Ходжанов, У. Кулумбетов, У. Исаев, У. Джандосов, А. Досов, А. Асылбеков, Ж. Садвакасов, С. Сафарбеков, Ж. Султанбеков, Т. Жургенов, Н. Сыргабеков, З. Торегожин, С. Сегизбаев, С. Ескараев, А. Кенжин и многие другие. Невосполнимую утрату понесла наука и культура Казахстана. Жертвами репрессий стали А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, Х. Досмухамедов, М. Тынышпаев, М. Жумабаев, С. Сейфуллин, И. Джансугуров, Б. Майлин, С. Асфендияров, М. Жолдыбаев, К. Жубанов, Ж. Шанин, Т. Шонанов, К. Кеменгеров, К. Тюрякулов и многие другие.

Парадоксально, но факт, что репрессиям подверглись и те, кто в свое время участвовал в установлении советской власти. В этом отношении примечательны “признания” одного из активных участников установления советской власти и гражданской войны, в годы коллективизации работавшего секретарем КазЦИКа Абдуллы Асылбекова, данные им на следствии в 1937 г.: “Резко антисоветские настроения начали у меня созревать на националистической основе с 1932 г., когда в Казахстане активно проводилась политика коллективизации. Я считал, что казахский аул к коллективизации не подготовлен. В отношении же кочевых скотоводческих районов я был убежден, что в них коллективизация вообще невозможна.

Последовавшие затем перегибы и создавшиеся в связи с ними тяжелые условия в жизни казахского аула были мною восприняты как неопровержимое доказательство неправильности политики партии и правительства в Казахстане. Я ездил по районам, вплотную сталкивался с жизнью аула, видел исключительно тяжелое положение казахов...”.

В ноябре 1937 г. по распоряжению ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Казахстана в Караганде состоялся “показательный” судебный процесс над “врагами народа” — бывшим председателем облисполкома А. Асылбековым, вторым секретарем обкома партии Н. Нурсейтовым, руководителями ряда районов. Такие же открытые процессы над местными партийно-советскими работниками состоялись в Пресновском (Северо-Казахстанская область), Урджарском (Семипалатинская область) районах. Тогда же состоялся суд над группой работников ветеринарно-санитарной службы Южно-Казахстанского облземуправления во главе с М. Есентельдиным. Падеш скота, другие неурядицы в экономике и культурном строительстве были преподнесены общественности как результат вредительской, подрывной антисоветской деятельности привлеченных к суду лиц.

Как свидетельствуют дела, сфабрикованные против Т. Рыскулова, Н. Нурмакова, С. Ходжанова, У. Кулумбетова, С. Сейфуллина, Т. Садвакасова, Т. Жургенева, Г.-Х. Букейханова, А. Асылбекова и многих других, они обвинялись, в частности, в “буржуазном национализме” и в том, что допущенные ими “перегибы” вызвали крестьянские восстания. Тем самым режим задним числом свалил ответственность за содеянное на местных руководящих работников. В то же время, как свидетельствуют документы, многие из репрессированных деятелей были в оппозиции политике режима. Мы долгие годы не знали, в чем конкретно обвинялись эти люди. Просто констатировался факт, что они стали жертвами необоснованных репрессий. На самом деле подспудно в причинах гибели многих из них присутствует и элемент оппозиционности политике режима. Именно в этом плане, как естественный протест против геноцида следует рассматривать сегодня поэму “Кзылат” (“Красный конь”) и другие произведения С. Сейфуллина, стихи и поэмы И. Джансугурова, сочинения Б. Майлина и ряда других деятелей литературы, созданные в 30-е годы.

Выше отмечалось, что лишь немногие имели смелость поднять голос протеста против беззаконий и произвола. Большая часть номенклатурной интеллигенции оказалась заложником системы, которой сама же служила верой и правдой. В конечном итоге малочисленную казахскую интеллигенцию, оказавшуюся в период февральской и октябрьской революций по разные стороны баррикад, постигла одна и та же участь. И сегодня этот факт

мы должны признать, переосмыслить и по-новому отразить в исследованиях, посвященных истории политических репрессий конца 20-х и 30-х годов.

Репрессии сталинского режима против собственного народа продолжались и в последующие годы. Особенно ярко проявилось это в ходе депортации подвергшихся необоснованным гонениям народов. Как известно, в предвоенные и военные годы в Казахстан были насильственно перемещены корейцы, курды, иранцы, немцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, крымские татары, турки-месхетинцы, караимы, болгары, греки и т.д. Всего число депортированных достигло около 900 тыс. человек.

Как известно, во второй половине 30-х годов культ личности И.Сталина достиг своего апогея. Вместо единой, неделимой державы — Российской империи — возвысился “единый и нерушимый” Союз. Вместо православия утвердилась всепобеждающая идеология марксизма-ленинизма. Самодержавную монархию заменила диктатура партии большевиков во главе с ее “генеральным секретарем” И. Сталиным. В этих условиях И.Сталин, партия большевиков были кровно заинтересованы в апологетике имперской идеологии, которая с очевидностью обнаруживается в конституции СССР 1936 года, в решениях XVIII съезда партии, в письме И. Сталина “О работе Ф.Энгельса “Внешняя политика русского царизма””.

В стране победил казарменный социализм. В области политической он означал сращивание партии с государством, в экономической — господство методов внеэкономического принуждения, командно-бюрократического подхода к решению назревших проблем прогресса, в государственной — в создании видимости национальной государственности в виде марионеточных “союзных республик”, демократической формы власти — номенклатурных Советов, максимальной ее централизации под эгидой правящей партии большевиков. В области социальной произошло отторжение рабочих и крестьян от собственности, превращение их в наемных пролетариев, укоренилось примитивное распределение благ, а обещанное улучшение жизни неизменно отодвигалось в туманное будущее. В общественной морали утверждались коллективистские взгляды, которые (несмотря на многие положительные аспекты) поглощали личность как таковую. В духовной сфере господствовали стереотипы, клише и мифы.

Таким образом, советский народ получил вместо “Жер уйы-ка – Страны обетованной” – казарменный социализм.

Было бы неверно считать, что Система не дала народу ничего. Был уничтожен национальный и классовый гнет; казахский народ собрал воедино земли, принадлежавшие ему до колонизации и создал свою национальную, хотя и в форме марионеточной республики, государственность; серьезные успехи были достигнуты в области просвещения народа, эмансипации женщин, в частности, в азиатском регионе. Декларирование права на труд, образование, социальное обеспечение и т. д. сыграло бесспорно позитивную роль. В то же время тотальное обобществление собственности, репрессии против интеллигенции, передовой части рабочих и крестьян, депортация целых наций и глумление над собственным народом – все это обескровило страну. С другой стороны, агрессия фашистской Германии, нависшая над страной, угроза потери независимости порождали революционный энтузиазм, укрепляли веру в идеалы, самоотверженность – все это вместе взятое оказалось сильнее сталинской идеологии. Осуществленное в 30-е гг. физическое уничтожение лучших интеллектуальных сил страны, в которых усматривался потенциальный источник свободомыслия, должно было завершиться полным и абсолютным “приручением” оставшейся части интеллигенции. Война на время преврала “работу” по осуществлению этой цели.

В условиях тоталитарного режима в форме сталинской системы в годы войны наблюдается специфический феномен усиления демократических тенденций, что, безусловно, нельзя рассматривать как “спускание с тормозов”. Скорее всего имел место тандем тоталитарного режима с возросшим национальным самосознанием и гражданским единением народа.

Мы, исследователи, все эти годы в качестве одного из решающих факторов победы в войне 1941–1945 гг. выдвигали советский патриотизм. Думается, что наша трактовка патриотизма была обедненной, неполной. На деле он был шире по масштабу и глубже по смыслу, чем собственно “советский патриотизм”, ибо вобрал в себя патриотизм дедов и традиции предков. И. Сталин понимал, что под знаменем марксизма-ленинизма не объединишь народ, и был вынужден узаконить стихийный народный патриотизм в самом начале войны. 3 июля 1941 года И. Сталин тронул

струны народной души, когда обратился к своим соотечественникам со словами: “Братья и сестры...” Вся страна подхватила слова песни В.Лебедева-Кумача “Вставай, страна огромная...”. И.Сталин обратился не только к идеям марксизма-ленинизма, но и к боевым традициям русских полководцев, флотоводцев, а в Казахстане Ж.Шаяхметов — к традициям народных батыров, хана Кене и других лидеров национально-освободительного движения. Учреждение орденов Суворова, Кутузова, Александра Невского, Нахимова, Ушакова, введение офицерских погонов и генеральских званий в армии, негласный отказ от лозунга “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” и использование вместо него лозунга “Смерть фашистским оккупантам!” — все это явилось известным отступлением от идеологии казарменного социализма, приспособлением его к настроениям воюющего народа.

Годы войны внесли существенные перемены в духовно-нравственную атмосферу общества. С одной стороны, все народы обратились к своим национальным истокам. С другой, война воспринималась с двух воюющих сторон как своеобразный поединок славянских и германских народов, как противоборство двух культур. В этой схватке воюющих великодержавных наций искали свою нишу и народы окраин России. На передний план выдвинулась история национально-освободительных войн, народное творчество, воспевающее защиту Отечества., борьбу против колониализма, в том числе против Российской империи. В период строгого единоробства с фашизмом такое обращение к предкам, героям освободительных войн независимо от временного фактора протекало в русле официального идеологического курса.

И. Сталин и его соратники по партии были вынуждены апеллировать к дедовским патриотическим чувствам народов, поднять на щит народные идеалы. Однако такая идеологическая установка была применима только для великодержавной русской нации: При Российской империи понятие “завоевание Средней Азии” было хрестоматийным. Теперь на применение этого понятия было наложено табу. Но после войны ситуация изменилась. Исход борьбы с фашизмом был решен в пользу СССР, антигитлеровской коалиции. Существовавшая трактовка истории национально-освободительных войн приходила в противоречие с имперскими амбициями Кремля. Тоталитарный режим, олицетворявший самые отри-

пательные черты имперской идеологии, не мог допустить возрождения духа свободолюбия, вольнодумства, ностальгии по национальной государственности.

Творцы очередного идеологического наступления не скрывали, что надо перекраивать историю. В постановлении “О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации” прямо указывалось: “Обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского и татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-крепостнического гнета”. Из контекста постановления вытекало, что нельзя всерьез исследовать историю национально-освободительных движений народов, поскольку правдивое изложение ее могло посеять семена недоверия к советскому режиму, способствовать организации недовольных марионеточным “суверенитетом” союзных республик и жестоким режимам тоталитаризма, способствовать национальному пробуждению. Возобновлялся антинародный курс второй половины 30-х годов с той только разницей, что Сталин и его режим оказались лицом к лицу с теми, кто пережил вражескую оккупацию, кто увидел жизнь людей в освобожденной Европе. С приближением Победы страх за судьбу системы не ослаблялся, а даже скорее нарастал.

Руководство партии сочло необходимым осуществить комплекс широкомасштабных мер по “усилению идеологической работы”. Главным объектом ее стала интеллигенция, на которую решено было надеть железный намордник. В послевоенный период было принято несколько беспрецедентных решений, признавших, например, борьбу борцов за свободу Чечни и Дагестана реакционной, как и Андиганское восстание 1898 года и движение под руководством К. Касимова. Все народы должны были гордиться в первую очередь победами русского оружия над врагами, в том числе и над своими предками. На официальном уровне была установлена некая иерархия национальных величин, преследовавшая далеко идущие цели.

ЦК ВКП(б) оценил духовно-нравственную обстановку в стране как тревожную и принял целую серию постановлений по идеологическим вопросам. Предпринятые вслед за этим мероприятия милитаризованного партийного аппарата можно рассматривать как

победу тенденции выделения руководящей роли русского народа на всем протяжении истории, апологетики внешней политики царизма. О возобладании указанной тенденции на государственном уровне свидетельствовали постановления ЦК ВКП(б) "О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации" (январь 1945 г.). Перед интеллигенцией национальных республик замаячил до боли знакомый жупел приписываемого людям "буржуазного национализма"; обнаженно встал вопрос о новой волне репрессий, о повторении 1937 года.

Эти постановления положили начало новому этапу эскалации преследования национальной интеллигенции. Основным объектом для нападков в нашей республике стала "История Казахстана с древнейших времен до наших дней", изданная в 1943 году. Постановление ЦК ВКП(б) "О журналах "Звезда" и "Ленинград" от 14 августа 1946 года" способствовало новому витку "идейной" обработки народа, преследованию деятелей литературы и искусства, чьи, написанные ранее произведения, оказались несозвучны с установками партии.

Идеологическое наступление второй половины 40-х — начала 50-х гг. представляло особую систему четко продуманных и тщательно спланированных политических кампаний. Каждая из них ставила конкретные задачи, которые, естественно, далеко не всегда провозглашались открыто. Это было и навязывание жестких идеологических стандартов в художественном творчестве, почти полное исключение из него общечеловеческих ценностей, подавление национального самосознания народов, резкое ограничение международных контактов советской интеллигенции. В значительной степени шумные кампании отразили завершение великодержавной имперской эволюции сталинского режима. И. Сталин преследовал цель показать имперское могущество своей власти не только бывшим окраинам России, но и, не в меньшей мере, побежденной Европе. Идеология сталинизма обрела форму шовинизма и временами оголтелого национал-фашизма. Соответственно иссушалась сама душа гуманитарных наук.

Система запретительной политики ограничивала источниковедческую базу исследований, особенно советского периода. Господствовала методология, в основу которой был положен классово-социальный подход ко всем явлениям жизни общества, бази-

рующей на марксистско-ленинской интерпретации классов и классовой борьбы. В массовое сознание настойчиво внедрялись идеи об особой роли России в истории народов бывшего СССР, в мировой истории, об ее особом, мессианском предназначении. Имперские традиции ставили историков национальных регионов в зависимое положение, история малых народов разрабатывалась по запрограммированной идеологической схеме.

Самобытная история казахского народа подгонялась под общие закономерности формационного характера, схематизировалась, из нее выпадали важные события и факты, исключались выдающиеся исторические личности, деятельность которых не укладывалась в доктринальные установки официальных концепций. Замалчивались трагические страницы прошлого. Недооценивалось богатейшее культурное наследие казахского народа, роль кочевой цивилизации в мировой истории. Развитие мировой культуры связывалось только с оседлым образом жизни и хозяйствования. Все достижения человеческой культуры и техники приписывались исключительно европейской цивилизации, в особенности России. Статус этногенеза малых народов определялся как более низкий. История Казахстана искусственно отрывалась от истории тюркских народов стран Центральной Азии. Эти тенденции находили широкое распространение в “официальной” историографии. Народ был лишен возможности знать, где его исторические корни, какое место он занимает в истории Европы и Азии, каковы были его подлинные взаимоотношения с другими странами и народами в прошлом. Исчезали со страниц истории герои, возглавлявшие национально-освободительное движение против российского самодержавия и советского тоталитарного режима. История освещалась в угоду власти имущим империи. Такой субъективно-волевой подход искажал не только факты прошлого малых народов, но и историю самой России, деформировал историческое мышление людей, особенно молодежи.

Сложилась особая система воспитания, оболванивания советских людей, наиболее изощренная в отношении детей и молодежи. “Подвиг” несчастного Павлика Морозова, выдавшего своего собственного отца, - яркий показатель советской воспитательной работы. Так воспитывались манкурты, винтики, исполнители воли диктатуры, диктатора. Люди с помутневшим сознанием шли

на все. В таких условиях и стало возможным тотальное репрессирование целых народов.

В послевоенные годы, по обвинению в участии в националистическом движении, в Казахстан депортирована группа населения из Западной Украины. В конце 40-х — начале 50-х годов вновь начались репрессии. На этот раз в ходе борьбы с “космополитизмом” под огонь критики вновь попали представители творческой и научной интеллигенции. Некоторым из них, таким, как историки Е.Бекмаханов, Б.Сулейменов, литературоведы Е.Исмаилов, Х.Жумалиев и другие, не удалось избежать преследований. Е.Бекмаханов и Б.Сулейменов были арестованы и осуждены. Президент Академии наук, всемирно известный ученый-геолог К.Сатпаев, писатель М.Ауэзов были вынуждены на время покинуть республику. Лишь смерть И.Сталина остановила молох очередных массовых политических репрессий. По данным КНБ РК, в период между 20-50 годами на территории Казахстана по политическим мотивам было осуждено 103 тыс. человек. Из них к настоящему времени реабилитировано около 92 тыс. Из числа репрессированных свыше 25 тыс. человек расстреляно по приговорам троек ОГПУ — НКВД и других внесудебных и судебных органов. Однако основная масса репрессированных расстреляна по приговорам внесудебных органов. В настоящее время прокуратурой и судами республики продолжается пересмотр дел лиц, подвергшихся в свое время необоснованным репрессиям.

Известно, что реабилитация жертв политических репрессий затянулась на долгие десятилетия. Активная работа, проводившаяся в этом направлении в период так называемой “хрущевской оттепели”, была прервана. Тем временем имена тысяч жертв репрессий, судьбы которых оставались неизвестными потомкам, ждали своего восстановления. Среди них значились и такие выдающиеся общественные деятели и представители интеллигенции как Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Мириякуб Дулатов, Магжан Жумабаев, Жусупбек Аймаутов, Кошке Кеменгеров, Халил Габбасов, Жанша и Халил Досмухамедовы, Мухамеджан Тынышпаев, Телжан Шонанов и многие другие. Хотя в свое время приговоры в отношении них были отменены за отсутствием состава преступления, из-за идеологических установок режима они так и не были реабилитированы в политическом плане, имена их оставались под

запретом. Лишь в конце 80-х годов под напором общественного мнения и работ ученых ЦК Компартии Казахстана был вынужден их реабилитировать.

В последние годы в контексте реализации Закона Республики Казахстан "О реабилитации жертв массовых политических репрессий" от 14 апреля 1993 г. большая работа была проделана учеными Института истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова. Совместно с правлением и активистами историко-просветительского общества "Адилет" и при активной поддержке руководства КНБ республики были проведены научные конференции и семинары, получены списки жертв массовых политических репрессий периода сталинщины. Рассекречены и обнародованы отдельные документы, в том числе постановления ЦК ВКП(б) и бывшего крайкома и ЦК Компартии Казахстана, послужившие основанием для проведения массовых политических репрессий.

В феврале 1995 г. была проведена научно-практическая конференция на тему "Насильственная коллективизация и политические репрессии в Казахстане". В октябре 1996 г. материалы конференции и воспоминания жертв политических репрессий изданы отдельной книгой под названием "Народ не безмолвствует". В течение 1996 г. общество "Адилет" провело ряд круглых столов и семинаров и итоговую научно-теоретическую конференцию, посвященную истории политических репрессий тоталитарного режима. Материалы этих семинаров и круглых столов, а также конференций изданы в виде отдельных книг.

Одновременно продолжается поиск мест массовых захоронений жертв репрессий. Несмотря на давность событий, отсутствие документальных свидетельств и очевидцев, с помощью общественности, а также сотрудников КНБ были установлены места массовых захоронений жертв репрессий в Алматинской, Акмолинской, Актюбинской, Западно-Казахстанской и Южно-Казахстанской областях. Следует напомнить, что только по Алматинской области было приговорено к высшей мере наказания 2209 человек, среди которых видные государственные и общественные деятели, представители науки и творческой интеллигенции. В настоящее время установлен памятный знак на месте их захоронения в местности между поселками Али и Жаналык. Предполагается соорудить здесь мемориальный комплекс.

В ноябре 1996 г. был издан первый том “Книги скорби”, куда вошли списки расстрелянных в г.Алма-Ате и Алма-Атинской области граждан. В нее включены также имена людей, работавших в других областях республики, дела которых рассматривались в г.Алма-Ате выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР. В связи с работой этого карательного органа в Казахстане необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР в 1936—1938 гг. неоднократно рассматривала в областных центрах и в г. Алма-Ате дела “врагов народа” и “контрреволюционных организаций”, выявленных стараниями органов НКВД. По своему статусу данная сессия должна была рассматривать исключительно крупные дела участников вражеских организаций. Как свидетельствуют документы, то были честнейшие люди, попавшие под колесо репрессий по ложно сфабрикованным делам и доносам. При этом следует отметить, что рассматривались дела и выносились приговоры руководящим партийно-советским и хозяйственным работникам как районного звена, так и аппарата высших органов республики. Начиная с 1936 г. и вплоть до конца 1938 г. неизменно в Казахстан председателем выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР направлялся один и тот же человек — дивизионный военный юрист Горячев. Вот некоторые штрихи его “судебной деятельности”. Прибыв в столицу Казахстана, с 25 февраля по 13 марта 1938 г. он почти ежедневно выносил смертные приговоры нескольким десяткам людей. Так, например, 25 февраля 1938 г. им приговорено к расстрелу 39 человек, среди которых Сакен Сейфуллин, Санжар Асфендияров, Темирбек Жургенев, Сейткали Мендешев, Жанайдар Садвакасов и др.; 26 февраля — 37 человек, в том числе Ильяс Джансугуров, Ильяс Кабулов, Жумат Шанин и др.; 27 февраля — 41 человек; 28 февраля — 40 человек и так до 14 марта. Судебные слушания, если их так можно называть, длились 15-20 минут, а то и меньше. Вот так решались судьбы людей.

Как явствуют данные из списка репрессированных, почти 90%, поименованных в нем лиц составляют рядовые труженики — колхозники, рабочие, служащие, работники низшего и среднего звена. В свое время широкое распространение получило утверждение о том, что главным образом репрессии были направлены про-

тив участников оппозиции режиму Сталина, в основном против представителей интеллигенции. Это только видимая часть айсберга. Как показывает предварительный анализ, среди расстрелянных примерно одну треть составляют рабочие, около 20% – крестьяне, 9% – спецпереселенцы и около 50% – служащие. В их числе представители всех национальностей, населяющих Казахстан. Так, среди расстрелянных по Карагандинской области 35% составляют русские, 28% – немцы, 18% – казахи, 7,2% – украинцы и т. д. Предстоит еще большая работа по дальнейшему изучению социального и национального состава репрессированных. При этом хотелось бы обратить внимание на то, что в списках по отдельным областям значится большое число лиц польской и немецкой национальности, литовцев, эстонцев, латышей и др. Думается, этот вопрос заинтересует наших зарубежных коллег в плане издания отдельных книг, посвященных жертвам репрессий из других стран.

Есть еще одна проблема, на которую следует обратить внимание, – это восстановление справедливости в отношении участников крестьянских движений сопротивления коллективизации и голоду. В списках репрессированных зачастую отсутствуют лица, осужденные и расстрелянные за участие в этих движениях. Среди них очень много необоснованно репрессированных, тех, кто должен быть реабилитирован и включен в соответствующие списки.

Разоблачение преступлений тоталитарного режима – настоятельная необходимость сегодняшнего дня. К этому призывает Указ Президента Республики Казахстан “Об объявлении 1997 года годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий”. Его реализация будет способствовать восстановлению в полном объеме исторической справедливости, а значит и укреплению общественно-политической стабильности в республике.

**Опубликовано в соавторстве: к.и.н. Алдажуманов К. С.
Казахстанское историко-просветительное
общество “Адилет”. Алматы, 1997 г.**

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И ОБЩЕСТВО

Прокуратуре Казахстана 75 лет, 70 лет ее истории связаны с периодом социализма.

Какое общество мы имели, и что из себя представляли правоохранительные органы в условиях социализма?

С укреплением тоталитарного режима усилилась репрессивная политика государства. Нарастание масштабов репрессий сопровождалось непрерывным ростом численности состава карательных органов. В 1939 г., — как отмечает исследователь Ю.Романов, в них насчитывалось уже около 400 тыс. работников. Работа ГУЛАГа стала составной частью плана экономического развития страны, возникла и совершенствовалась “лагерная экономика” с системой принудительного труда. На территории Казахстана находились 27 лагерей ГУЛАГа, 70 лагерей, принадлежащих Главному управлению исправительно-трудовых лагерей НКВД республики....

Однако было бы односторонним подходом, если мы всю ответственность за политику массовых политических репрессий Советской власти перенесли на работников правоохранительных органов. Правила балом партия, ставшая правящей, это, во-первых. Во-вторых, в годы гражданского противостояния белогвардейцы и интервенты во временно оккупированных районах совершили чудовищные злодеяния. В одном только Сергиополе (Аягузе) анненковцы повесили и расстреляли 800 человек, а в селах Черкасском и Покатиловке они погубили без суда и следствия 1800 человек. Всем известно, как колчаковцы бросили живым в пароходную топку председателя Усть-Каменогорского Совдепа Ушанова. Именно с белогвардейцами, совершившими акции против народа, героически боролись молодые работники правоохранительных органов власти. Огромную работу они вели с бандитизмом, скрывавшимися офицерами и полицейскими, против распространенного вида преступления — скотокрадства.

Как известно, первыми уголовными законами Казахской республики были декреты “Об отмене куна”, “Об отмене калыма”. Они сыграли огромную роль в формировании правосознания народа, способствовали ведению всенародной борьбы с преступлениями, тесно связанными с родовым бытом, родовой враждой, религиозными верованиями.

В-третьих, многие работники правоохранительных органов первых лет Советской власти были людьми, преданными делу революции, фанатами своего дела. Они верили в идеалы социализма и полагали, что, выполняя те или иные акции, приближают мировую пролетарскую революцию.

В феврале 1921 г. ЦИК КА ССР принял декрет об охране памятников старины. “В целях сбережения остатков старины и сохранившихся в степи курганов, имеющих громадное значение в историко-археологическом отношении при изучении Киркряя, — говорилось в декрете, — настоящим объявляется, что все курганы подлежат охране местных властей”. Государственные органы взяли на учет памятники старины, привлекали к ответственности за незаконные раскопки курганов, расхищение памятников. Правоохранительные органы выступили коллективным хранителем всего ценного, созданного народом на протяжении веков.

История сохранила память о работе “Кызыл-керуен” (“Красный караван”), который прошел 3,5 тыс. верст по Орскому, Адамовскому, Тургайскому, Атбасарскому, Акмолинскому, Павлодарскому, Петропавловскому и другим уездам, и более чем в 60 аулах и волостях пропагандировал законы Советского государства, помогал ввести в казахских волостях делопроизводство на казахском языке и т.д. В его работе принимал участие рядовой милиционер, впоследствии Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Серке Кожамкулов.

Свою работу в те далекие годы рядовым милиционером начал впоследствии народный писатель, Герой Социалистического Труда Габит Мусрепов, принимавший одновременно участие в ликвидации неграмотности казахского населения.

Первые работники правоохранительных органов участвовали в разработке декрета СНК Казахской ССР “О порядке употребления киргизского и казахского языка”, который предусматривал необходимость опубликования законодательных актов Центральных органов власти и нормативных актов губернских органов на этих языках.

Однако эволюционное развитие республики продолжалось недолго. Вскоре во главе республиканской партийной организации стал Ф. И. Голощекин. Наместник И. Сталина стал активным проводником политики центра, государственность получила

форму “кукольной республики”, начались эксперименты, которые привели к свертыванию НЭПа, массовому террору местных кадров.

Возрастание роли партии, милитаризация ее внутренней жизни, подавление воли партийных масс, всеобщий террор и насилие привели к установлению “бонопартизма” в партии и государстве. Деформация общественного сознания масс была достигнута, во-первых, путем целенаправленного уничтожения, прежде всего, интеллектуалов, и, во-вторых, с помощью идеологического наступления по всему фронту.

ВЧК, а позднее ГПУ, имели право внесудебной расправы вплоть до расстрела. В марте 1924 г. постановлением ЦИК СССР создано Особое совещание, имевшее право высылки, ссылки, заключения в концлагерь. Появились “тройки”, позднее “двойки”, имевшие право выносить приговоры по первой и второй категориям, причем решения по первой категории (то есть о расстреле) должны были приводиться в исполнение немедленно.

Жертвами тоталитарного режима стали многие ветераны правоохранительных органов: первый прокурор автономной республики Ш. Бекмухаммедов, видные государственные деятели страны, работавшие на заре Советской власти, прокуроры Н. Нурмаков, Ж. Садуакасов, первый прокурор Казахской ССР С. Ескараев и многие другие.

Проблема “тоталитарное общество и судьбы народов” – важная проблема отечественной истории. Следует сказать, что после XX съезда КПСС правоохранительные органы республики сделали очень многое для реабилитации жертв репрессий. Думается, что ждут своего часа обработка большого комплекса источников, находящихся в архивах ведомств. На наш взгляд, необходимо обработать личные анкеты исторических деятелей, заполненные в те годы, материалы судебных процессов, всевозможных Комиссий КазЦИКа, личные дела “лишенцев” (зажиточных крестьян, дворян, служителей культа и т. д.), лишенных избирательных прав, жалобы и заявления граждан. В архивах этих органов затерялись многие рукописи, фотографии деятелей литературы и искусства. Следует по примеру РСФСР внедрить математические методы обработки источников. Предстоит создать банк данных на репрессированных людей по лагерям. Совершенно выпала из поля зрения

история тюрем. Ждут своих исследователей историко-правовые аспекты проблемы. Все еще нет доступа к архивам НКВД, в структуре которого была спецкомендатура.

Полагаю, что с новых позиций нуждается в изучении и история правоохранительных органов, советской власти в Казахстане. Они накопили опыт создания нового аппарата правоохранительных органов, опыт борьбы со спекуляцией, организованной преступностью. Огромный интерес представляет эволюция права, в том числе гражданского, земельно-водного, семейного, уголовного. В одном из документов тех лет, например, было записано: "...создать судебный аппарат, приспособленный к нуждам кочевых населения. Аппарат этот должен прежде всего быть подвижным и с упрощенным делопроизводством, чтобы тяжущиеся в любое время и с наименьшей затратой времени и средств могли бы найти защиты своих интересов".

Написаны эти строки на заре советской власти. И надо сказать, они пронизаны заботой о судьбе народа. В те годы были созданы казахские участки нарсудов, а также смешанные судебные участки и т. д. Осуждая тоталитаризм, массовый террор и насилие, нельзя огульно отрицать все и вся. История учит, что опыт, накопленный народом, государством, должен служить объектом изучения, осмысления, стать строительным лесом для созидания будущего, в данном случае для строительства демократического, правового государства Республики Казахстан.

"Дәуір даусы"

Время испытаний.

(Очерк из истории прокуратуры Казахстана)

Сб. статей, Алматы "Өлке", 1997 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению постановлений КазЦИК и СНК КАССР от 27 августа 1928 года “О конфискации байских хозяйств”, от 13 сентября 1928 года “Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодалного байства”, от 19 февраля 1930 года “О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством”.

Комиссия Президиума Верховного Совета Республики Казахстан, изучив документальные материалы республиканских и ведомственных архивов, статистические источники, периодическую печать, свидетельства очевидцев, составила настоящее заключение:

В ужасающем реестре трагедий, потрясших XX век, наряду с такими преступлениями против человечества, как большевистские антикрестьянские репрессии, украинский “голодомор”, “Сталинские депортации народов, маоистская “культурная революция”, полпотовщина, всегда будут помниться и уничтожительные акции в отношении многострадального народа Казахстана.

Пройдут годы, сменятся поколения, но историческая память будет вновь и вновь возвращать нас к той страшной трагедии, когда по воле преступного режима сотни и сотни тысяч жизней наших соотечественников утратили смысл и цену.

Казахстан стал гигантским полигоном для проведения беспрецедентного социального эксперимента. Здесь была предпринята преступная попытка реализации ортодоксального марксистского постулата о “Возможности перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм”, что закончилось разрушением традиционных систем жизнеобеспеченности этносов Казахстана и, в конечном счете, привело к беспрецедентной в истории катастрофе.

Масштабы трагедии были столь чудовищны, что мы с полной моральной ответственностью можем обозначить ее как проявление политики геноцида. Такая констатация вытекает из строгих

норм международного права, зафиксированных в Международной конференции "О предупреждении преступления геноцида и наказания за него".

К сожалению, наше общественное сознание еще не до конца прониклось пониманием глубинной природы разыгравшейся трагедии, ассоциируя ее лишь со страшным голодом 1932/33 года и силовой коллективизацией. Между тем, ее предпосылки зарождались с самого начала существования режима.

Пролог разворачивавшейся драмы был связан с 20-ми годами, когда система нанесла первый удар по традиционной структуре казахского этноса.

Так, обвальными разрушительными последствиями обернулась "ударная" кампания по ликвидации хозяйств так называемых баев-полуфеодалов, переросшая вскоре в массовые антикрестьянские репрессии, проводившиеся в рамках государственного курса на ликвидацию "кулачества как класса". Идея экспроприации эксплуататорских хозяйств проистекала из самой природы государства с его приматом классовых интересов. Поэтому с самого начала установления диктатуры пролетариата в Казахстане мотивы классовой борьбы постоянно вынашивались в умах проводников политики новой власти. По воспоминаниям первого председателя Кирвоенревкома С. Пестковского, еще весной 1919 г. Ленин, отвечая на вопрос казахстанцев - делегатов VIII съезда РКП(б), каким образом можно подорвать экономическую силу баев в ауле, прямо напутствовал: "Очевидно, вам придется раньше или позже поставить вопрос о перераспределении скота".

В ноябре 1927 г. 6-я казахстанская партконференция обсуждала вопрос об экспроприации баев, посчитав возможным "допустить изъятие у крупных баев части скота и инвентаря", что должно привести к "осереднячиванию аула и развитию его производительных сил и еще большему закреплению союза пролетариата с трудящимися массами аула".

В декабре 1927 г. была образована комиссия для разработки проекта закона о конфискации хозяйств крупных баев. После рассмотрения и уточнения на бюро Казрайкома, он был одобрен ЦК ВКП(б) и ВЦИК. 15 августа 1928 г. Крайком создал комиссию для непосредственного руководства кампанией.

27 августа на заседании ЦИК и СНК республики постановление "О конфискации байских хозяйств" было принято. Были назначены уполномоченные по проведению конфискации в округах республики. Непосредственно в аулы направили свыше тысячи уполномоченных. Кроме того, в комиссиях содействия работало 4700 человек.

Согласно документальным материалам об итогах кампании, фактически конфискации было подвергнуто 696 хозяйств, из них 619 были высланы за пределы округа проживания. У них было экспроприровано 145 тыс. голов скота (в переводе на крупный). Около 114 тысяч голов скота перераспределялось между колхозами (29 тыс. или 26 процентов) и бедняцко-батрацкими хозяйствами (85 тыс. голов или 74 процента). Кроме скота было экспроприровано 633 юрты, 475 домов, 44 амбара, 534 другие надворные постройки, 108 плугов, 113 борон, 248 сенокосилок, 1367 бричек и т. д.

Анализ опубликованных статистических материалов показывает, что конфискованного и "поровну" перераспределенного скота далеко не всегда хватало, чтобы подтянуть бедняцко-батрацкие хозяйства до приемлемых, с точки зрения задач нормального ведения хозяйства, размеров. Получив лишь несколько единиц скота, эти хозяйства не могли включиться в общину, и им ничего не оставалось делать, как вернуться к своему прежнему социальному статусу, продав или зарезав полученный скот.

Вместе с тем, ликвидация байских и зажиточных хозяйств, выполнявших вполне определенную роль в наработанной системе воспроизведенных связей, вызывала нарастание хаотических процессов в традиционной структуре хозяйства, вела к ее деформации. Таким образом, конфискация скота у баев обернулась не консолидацией середнячества в ауле и ростом благосостояния, а, напротив, - нараставшей пауперизацией населения нищавших аулов и разрушением хозяйства. Это и был реальный итог силовой кампании по конфискации.

Сильнейший удар по крестьянству нанесли кампания по заготовке сельхозпродукции и силовая налоговая политика.

По методам проведения хлебозаготовительные кампании вылились в форму прямых экспроприаций. Для прикрытия откровенно неправового характера предпринимаемых акций власти распространили действие статьи 107 УК РСФСР, определив уголов-

ное наказание за “Злостное повышение цен на товары, сокрытие или невыпуск таковых на рынок”, и ст.61 УК РСФСР, предполагавшей уголовную ответственность “За отказ от выполнения повинностей, имеющих общегосударственное значение”.

Информационные сводки орготдела ВЦИКа фиксировали настроения полного разочарования крестьянства политической властью. На многочисленных сходах крестьяне откровенно заявляли: “Не нужно развивать сельское хозяйство, иначе правительство задавит налогом”, “Советская власть установила крепостное право”, “Середняка разоряют, представляя за его счет льготы лодырям-беднякам”, “Советская власть зажала крестьян хуже, чем при старой власти. Такой власти помогать не надо” и т. п.

Сильнейший административный террор был развязан в ходе заготовительных кампаний в казахском ауле. Здесь кампания по заготовкам скота с самого начала приняла характер чрезвычайной акции времен “военного коммунизма”, хотя даже в тот трудный период казахское хозяйство не знало ничего подобного. Размеры заготовок определялись плановыми заданиями, но те, как оказалось, имели в своей расчетной основе фальсифицированные данные о количестве у населения скота. В результате на районы стали спускаться задания, намного превышающие реальную численность имевшегося в наличии скота. В этой связи характерен пример Балхашского района, располагавшегося стадом в 183 тысячи голов скота, но получившего разверстку почти на 300 тысяч единиц.

Под прикрытием государственных интересов творились беззакония и при заготовках в ауле других видов сельскохозяйственной продукции. Так, в целях “ударного” проведения заготовки шерсти в ряде мест заставляли стричь овец в середине суровой зимы, что не могло не привести к массовому падежу скота. Обязательные хлебозаготовки, вопреки всякой логике, распространялись и на несееющие хозяйства сугубо животноводческих районов. Страшась быть обвиненным в саботаже, их население вынуждено было обменивать свой скот на хлеб и сдавать последний в счет заготовок. Вследствие этого норма потребления начинала тяготеть к минимуму, предвещая близкий голод.

В ходе заготовительных кампаний в Казахстане были проведены масштабные антикрестьянские репрессии. По выявленным архивным данным, удалось установить: в этот период к админис-

тративно-уголовной ответственности было привлечено 56498 жителей села, из них 34121 был осужден. На закрытом заседании бюро Казкрайкома ВКП(б) в начале января 1930 г. Голощекин дал информацию, что в ходе заготовок с 1 октября 1928 г. по 1 декабря 1929 г. по судебной линии было приговорено к расстрелу 125 человек, а по линии ГПУ за этот же период расстреляно 152.

Кроме того, следует иметь в виду, что в процессе заготовок практически уже осуществлялось “раскулачивание”.

В поисках средств для индустриализации государство в конце 20-х годов ужесточило налоговый режим. Тяжелый налоговый пресс давил на аул и деревню Казахстана. В 1927–1928 гг. 4 % зажиточных и кулацких хозяйств были вынуждены заплатить 33% всей суммы начисленного на крестьянские хозяйства сельхозналога, а 0,6% крупных скотоводческих хозяйств уплатили 25 % всей суммы начисленного по скотоводческим районам налога.

В следующем, 1928–29 окладном году, по сравнению с 1927–28 г. тяжесть налогообложения возросла на 98,8%, хотя налоговая база выросла несущественно.

Кроме того, вводилось индивидуальное налогообложение для хозяйств, выделяющихся в общей крестьянской массе своими доходами и их “нетрудовым характером”. Но многие хозяйства подпали под эту форму налогообложения в силу опять-таки произвола властей: потому что имели две коровы, сепаратор или железную крышу или же были известны антисоветским “ворчанием”.

Если в 1927–28 г. 9,6% зажиточно-кулацких хозяйств внесли 57,3% общей суммы сельхозналога, то в 1928/29 г. — уже 76,2%. Под воздействием резко возросшей нормы налогообложения значительная часть хозяйств, используя терминологию тех лет, “самораскулачивалась”, или, по-просту говоря, раскрестьянивалась, уходя в города или меняя источники дохода и формы деятельности. Что касается скотоводческих хозяйств, то они откочевывали целыми общинами за рубежи республики и даже страны. Таким образом, чрезвычайщина во время заготовок и силовая налоговая политика значительно усугубили положение сельского населения Казахстана, создавая новые предпосылки для приближающейся катастрофы.

Сильнейший удар нанесла по казахскому хозяйству волюнтаристско-силовая политика по переводу скотоводов-кочевников и полукочевников на так называемую оседлость.

Идеология оседания тесно увязывалась с полной трансформацией хозяйственных форм. Иначе говоря, пути прогресса казахского крестьянства виделись исключительно в административно направляемой “эволюции” скотоводческого хозяйства в земледельческое или стационарное животноводческое.

Между тем государству, опирающемуся на неразвитые, фактически доиндустриальные (т. е. природообусловленные) производительные силы, радикальное решение проблемы традиционного аграрного фундаментализма было, конечно же, не под силу. Поэтому не случайно, все, что оно “сумело” сделать, так это искорректировать и деформировать сформировавшиеся в ходе длительной социокультурной эволюции хозяйственные структуры и породить некий уродливый гибрид под названием “социалистическое отгонно-пастбищное животноводство”.

Принципиально важно было и то, что в тех условиях кочевое скотоводство сохраняло свою экологическую рациональность, ибо являлось именно тем типом хозяйственно-культурной деятельности, который на том доиндустриальном уровне развития производительных сил единственно только и мог интегрироваться, вписаться в аридную среду, каковой, собственно, представлялась территория Казахстана. Только через кочевой способ производства представлялось возможным хозяйственно освоить гигантские пустынные и полупустынные ландшафты.

Наряду с этим необходимо особо подчеркнуть, что в то время кочевое хозяйство еще не исчерпало свой экономический потенциал, оставаясь во многом экономически целесообразной системой. Это очевидно, ибо в пределах фактора аридности способность гармонично “влияться” в среду обитания одновременно означала и возможность ее экономически продуктивного освоения.

Однако все эти моменты в одних случаях воспринимались не более как досадные мелочи, которые можно попросту не замечать, а в других - выдавались за злобный имидж, выдуманный некоей националистической оппозицией или “великодержавными шовинистами от науки”. Не случайно, ученые, практики и общественные деятели, которых отличало альтернативное понимание проблемы оседания (М. Г. Сириус, С. П. Швецов, А. Букейханов, К. А. Гувелев, А. Дониг, С. Садвакасов и многие другие), подверглись жесточайшей обструкции, а впоследствии и репрессиям.

Кампания по оседанию по времени была синхронизирована с разворачиванием индустриализации. И это не случайно, поскольку, как показывают документы, посредством политики оседания государство решало чисто утилитарные цели (т.е. стремление “перевести казахский народ на рельсы социального прогресса” было отнюдь не главным мотивом): решение зерновой проблемы, а через нее обеспечение накоплений для индустриального прогресса.

Не успев выйти из состояния прострации, вызванного непрерывающейся чередой силовых акций, аул и деревня Казахстана были тут же втянуты в молох еще более стремительной и нажимной коллективизации.

Если в 1928 г. в Казахстане было коллективизировано 2% всех хозяйств, то уже к осени 1931 г. в республике насчитывалось 78 районов (из 122), где обобществлению было подвергнуто от 70 до 100 процентов хозяйств.

Причиной “колхозного взрыва” в крае послужила отнюдь не крестьянская инициатива, как это пытались представить органы официальной пропаганды. Здесь прямо сказывались методы откровенного давления. Нарушения принципа добровольности и элементарной законности вообще с самого начала приняли повсеместный характер. Сплошь и рядом во время проведения сельских сходов вместо обращения: “Кто хочет вступить в колхоз?”, звучал злоеший вопрос: “Кто против коллективизации?”. В тех случаях, когда крестьянство не проявляло “доброй воли” и не спешило избавляться от “буржуазной” частной собственности, к нему применяли иные “воспитательные меры”. Так, источники сообщают о таких фактах, как имитация расстрелов (когда по несколько раз умышленно стреляли выше головы, якобы приговоренного к расстрелу, что, естественно, доводило жертву до потери рассудка), раздевание на морозе и вожделение под конвоем по снегу через всю деревню, “купание” в ледяной проруби и т.д. Распространенными являлись и такие приемы принуждения, как лишение избирательных прав, угрозы выселения за пределы района проживания или превентивный арест.

Сильнейший нажим оказывался на казахский аул. Директивные органы требовали “стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству”.

В начале марта и апреля 1930 г. были опубликованы сталинские статьи “Головокружение от успехов” и “Ответ товарищам колхозникам”. Оба документа долгое время рассматривались в историографии как этапные в нормализации колхозного движения. Между тем источники обнаруживают, что в Казахстане (да и по стране в целом) и после того, как прозвучал “глас вождя”, все оставалось по-прежнему: административно-бюрократический террор продолжал раскручиваться. Причем, как и раньше, он санкционировал самыми высокими инстанциями республики и, следовательно, не мог объясняться ссылками на непонимание или “искривление партийной линии на местах”. В постановлениях Казкрайкома, принятых в течение мая-августа 1931 г., без какой-либо двусмысленности перед животноводческими районами ставилась задача “выйти на линию более высоких темпов коллективизации”.

При этом в животноводческих колхозах мера обобществления перешагнула всякие допустимые пределы. В решениях одного из пленумов Казкрайкома черным по белому было записано: “В животноводческих и животноводческо-земледельческих районах основное внимание должно быть направлено на полное обобществление в сельскохозяйственных артелях всего товарно-продуктивного стада”. В результате, к февралю 1932 г. в Казахстане 87% хозяйств колхозников и 51,8% единоличников полностью лишились своего скота.

Обобществленный скот собирался на колхозно-товарных фермах. Но здесь надо иметь в виду то, что по настоянию Казкрайкома в ходе коллективизации ставка делалась на создание крупных животноводческих колхозов. А это понималось, как механическое объединение нескольких сотен хозяйств в радиусе до 200 и более километров в единый колхоз-гигант. Например, на юге республики в Курдайском районе существовало немало сельхозартелей, объединявших 600-800 хозяйств, в Таласском районе в так называемые городки стонялись до 300-400 хозяйств.

Скот в таких уродливых образованиях (где, естественно, не могло быть и речи о какой-то организации производства, учете труда и пр.) скапливался на колхозно-товарных фермах (участок степи, огороженный арканом). Разумеется, в таких условиях трудно было и думать о соблюдении основного экосистемного прин-

ципа кочевого способа производства - точной (симметричной) соотнесенности численности скота и природных водно-кормовых ресурсов.

Расплата за абсурдные решения не заставила себя долго ждать. Собранный в огромнейших концентрациях на колхозно-товарных фермах скот попросту погибал, не имея возможности прокормиться. Аул и деревня Казахстана отреагировали на перегибы и извращения повсеместным упадком сельскохозяйственного производства.

В течение первой пятилетки (1928–1932 гг.) удельный вес Казахстана в общесоюзном производстве товарного зерна уменьшился примерно с 9 до 3 процентов. Хотя посевные площади под зерновыми культурами возросли с 1928 по 1940 гг. почти в 1,5 раза, их валовой сбор не только увеличивался, но, наоборот, сократился примерно в 1,5 раза, урожайность за те же годы упала с 9,2 ц/га до 4,3. Начинало сказываться безразличие, порожденное отчуждением крестьянина от земли и превращением его в наемного исполнителя воли начальства.

Беспрецедентный урон понесло животноводство. Динамика случившейся здесь катастрофы выглядела следующим образом. В 1928 г. в республике насчитывалось 6509 тыс. голов крупного рогатого скота, а в 1932 г. всего 965 тыс. Даже накануне войны, в 1941 г., доколхозный уровень не был восстановлен (3335 тыс. голов). Еще больше поражают цифры по мелкому скоту: из 18566 тыс. овец в 1932 г. осталось только 1386 тыс. (перед самой войной численность стада едва приблизилась к 8 млн. голов). Из конского поголовья, определявшего на 1928 г. в размере 3516 тыс., фактически выбыло 3200 тыс. (в 1941 г. — 885 тыс. голов). Практически перестала существовать такая традиционная для края отрасль, как верблюдоводство: к 1935 г. осталось всего 63 тыс. верблюдов, тогда как в 1928 г. их насчитывалось 1042 тыс. голов.

Чрезвычайный характер коллективизации с особой силой проявился в тех мерах, которые разворачивались в рамках реализации государственного курса на ликвидацию кулачества и байства. В директивах, доведенных до местных органов, указывалось, что удельный вес ликвидируемых кулацких дворов по отношению к общей массе хозяйств не должен превышать 3–5 процента. Но во многих районах подобного количества кулаков никак не набира-

лось. Поэтому численность раскулаченных почти всегда и везде “подтягивалась” до самого верхнего предела. И нередко план “по валу” выполнялся настолько усердно, что фактически превышал в два, а то и в три раза субъективно установленный контингент.

Подобные “достижения” имели очень простое объяснение: наряду с сугубо эксплуататорскими элементами раскулачивались (а точнее было бы сказать, “раскрестьянивались”) зажиточные и середняцкие хозяйства. Основной индикатор частнокапиталистического уклада — использование наемного труда и ориентация на создание прибавочной стоимости — растворился в обилии надуманных признаков, выражавших скорее производственную мощь того или иного хозяйства, чем его действительную социально-экономическую природу.

К сожалению, масштабы раскулачивания в Казахстане пока не поддаются абсолютно точной оценке, так как достоверность выявленных материалов еще не вызывает удовлетворения. Здесь, в частности, необходим анализ ранее закрытых материалов, отложенных в архивах КГБ и МВД бывшего СССР. Тем не менее известно, что только в 1930–1931 гг. численность крестьян в Казахстане, отправленных в “кулацкую ссылку”, достигла по далеко не полным данным 6765 человек.

Но крестьянские хозяйства раскулачивались, и их хозяева выссылались в “кулацкую ссылку” и в пределах республики. Кроме того, следует иметь в виду, что фактически антикрестьянские репрессии осуществлялись в ходе конфискации скота, хлебозаготовок, налоговых обложений, заготовок сельхозпродукции, оседаний и других силовых кампаний. К ним применялись самые разные статьи Уголовного кодекса. Поэтому категория “раскулаченные” включала сотни тысяч человек. В то же время территория Казахстана была определена сталинским режимом в качестве “кулацкой ссылки” для многих и многих десятков тысяч крестьян из других районов страны. По сведениям отдела по спецпереселенцам ГУЛага ОГПУ-НКВД, в республику была выселена 46091 семья, или свыше 180 тысяч человек.

Следует сказать, что идеология раскулачивания вылилась впоследствии в беспрецедентно широкие репрессивные акции по отношению к крестьянству. Так, 7 августа 1932 г. был принят

Закон “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности”. Закон предполагал наказание в виде расстрела, а при “смягчающих обстоятельствах” — 10 лет тюрьмы с конфискацией имущества. Только за первый год действия этой антиконституционной нормы в Казахстане было осуждено 33345 человек.

Как уже отмечалось, в русле кампании по раскулачиванию были развернуты массовые антикрестьянские репрессии. Так называемые раскулачиваемые подпадали под целый ряд других статей уголовного характера. При этом отсутствовало какое-либо подобие судебного разбирательства. Все решалось оперативными тройками, созданными в нарушение Конституции и существующих законов.

За 5 лет, т. е. с 1929 по 1933 годы, тройками ПП ОГПУ в КАССР по неполным данным рассмотрено 9805 дел и принято решений в отношении 22933 лиц, из них: к высшей мере наказания — расстрелу приговорено 3386 человек, заключению в концлагерях от 3 до 10 лет — 13151 человек. Решения троек утверждались краевым и областными комитетами партии.

Не последнюю роль в обострении обстановки и усилении протестов со стороны населения, в особенности крестьянского, сыграла антирелигиозная, атеистическая политика ВКП(б) и Советского государства. Декларируя свободу совести и вероисповедания своим гражданам, государство в то же время проводило воинствующую атеистическую политику, доведя ее до крайних форм антирелигиозного вандализма, при которой откровенно попирались все нормы морали и права. Так, за короткие сроки в Казахстане была разрушена значительная часть мечетей, молитвенных домов и церквей. Не считаясь с мнением и настроением населения, в сельских районах были снесены или закрыты почти все религиозные дома.

Реакция на силовое давление и грубый произвол выразилась не только в резком упадке сельскохозяйственного производства. Как и по всей стране, в Казахстане население проявляло открытое недовольство, которое в ряде случаев вылилось в вооруженные выступления крестьянства.

В 1929—1931 гг. в Казахстане имели место 372 восстания, в которые было вовлечено около 80 тыс. человек. Особо трагичную известность получили крестьянские движения в Сузакском, Шемонайхинском, Бухтарминском, Иргизском, Казалинском, Кармакчинском, Самарском, Абралинском, Биен-Аксуиском, Чингистауском, Барйбаевском, Кастекском, Балхашском, Чубартауском, Мангистауском и других районах. Восстания сопровождались массовыми откочевками населения за пределы республики, в том числе и за границу. Только с начала 1930 г. до середины 1931 г. с территории Казахстана откочевало 281230 крестьянских хозяйств, значительная часть на территорию Китая, Ирана и Афганистана. Всего за пределы республики в годы голода откочевало 1130 тыс. чел, из них 676 тыс. безвозвратно и 454 тыс. впоследствии вернулись в Казахстан. Силами регулярных войск и органов ОГПУ против мятежного населения проводились жестокие карательные акции. За участие в крупных восстаниях и волнениях в 1929—1931 гг. только органами ОГПУ осуждено 5551 человек, из которых 883 расстреляно.

Волонтаристские силовые акции, разрушавшие системы обеспечения этносов Казахстана, обернулись беспрецедентной демографической катастрофой, последствия которой проецируются в современность. Вопрос о численности жертв трагедии остается пока еще открытым. Существенную коррекцию, по-видимому, дадут вводимые в научный оборот материалы из архивохранилищ ЦУНХУ, КГБ и МВД, центральных партийных органов, из дел с литерой "с" (секретно), хранящихся в фондах республиканского и областных архивов. Кардинально новые моменты вносят опубликованные материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., известной как "репрессивная перепись".

Предварительный анализ, проведенный историками и демографами, показывает, что казахский этнос подвергся жесточайшему геноциду и понес тяжелейшие потери. От голода и связанных с ним эпидемий, а также постоянно высокого уровня естественной смертности народ потерял 2 млн. 200 тыс. человек, т.е. около 49% всего своего состава.

Материалы переписи 1937 г. фиксируют снижение численности и других этносов Казахстана. Об этом дает представление нижеприведенная таблица.

Названия этносов	Уменьшение их состава
Украинцы	100 тысяч человек (11%)
Русские	85 тысяч человек (6%)
Узбеки	20 тысяч человек (8%)
Уйгуры	10 тысяч человек (13%)
Татары	9 тысяч человек (10%)
Немцы	6 тысяч человек (11%)
Мордва	4 тысячи человек (12%)
Беларусы	3 тысячи человек (10%)
Киргизы	3 тысячи человек (25%)
Дунгане	1 тысяча человек (10%)
Другие национальности	9 тысяч человек (10%)

Казахстанская трагедия подтвердила демагогическую сущность объявленного государством права народов на политическое самоопределение. Со временем укрепив свои позиции, сталинский режим перешел в наступление против сил оппозиции в Казахстане: во-первых, против беспартийной интеллигенции и, во-вторых, против партийных и государственных деятелей, отстаивающих национальный и государственный суверенитет казахского народа уже в рамках советской системы. Одновременно был взят курс на вытеснение из сферы общественно-политической деятельности наиболее радикально настроенных в вопросах национально-государственного строительства работников и, наоборот, приобщение к верхнему эшелону власти лиц, готовых служить в соответствии с установками центра или, по крайней мере, ведущих себя лояльно. Это был совершенно новый этап в политической жизни народа. Теперь право “общенациональных интересов” присваивалось номенклатурной бюрократией, для которой превыше установок центра ничего не могло быть.

В свою очередь, не случайным является и совпадение курса на ликвидацию оппозиции с назначением Ф. И. Голощекина первым руководителем республики. Личные качества Голощекина соответствовали всем требованиям формирующегося тоталитарного государства — идти к цели “не щадя сил, не останавливаясь перед жертвами” (И. Сталин). А цель — создание всесильного аппарата государственной власти, способного немедленно и безоговорочно проводить желание центра в Казахстане.

Сосредоточение реальной власти в руках центральных органов, незрелость консолидирующих факторов внутри нации и на

этом фоне межгрупповая борьба в среде руководящих работников позволяли Голощекину за короткий срок осуществить перегруппировки сил в свою пользу и укрепить режим личной власти. Наиболее типичным проявлением этой политики являлось решение 3-го пленума Казкрайкома ВКП(б) 1926 года, где он добился осуждения партийным активом республики так называемой “межгрупповой”, “национал-уклонистской деятельности” лидеров оппозиции — С. Садвакасова, С. Ходжанова и Ж. Мунбаева.

С приходом Голощекина к руководству в Казахстане завершается и процесс сосредоточения реальной власти в руках партийных органов во главе с Казкрайкомом, и постепенное ослабление роли Советов. Выступавшие против выхолащивания роли Советов зам. Председателя СНК РСФСР Т. Рыскулов, Председатель Совнаркома республики Н. Нурмаков, И. Мустамбаев и другие были обвинены в противопоставлении Советов партии, в отрыве от партийного руководства.

Одно из главных заблуждений ЦК партии, как органа, вырабатывающего стратегию в национальной политике, Голощекина, как его представителя в Казахстане, заключалось в том, что они не сумели (или не хотели) правильно понять природу национализма в Казахстане, однозначно определив его, как явление реакционное, отрицательное, грубо противопоставляя его классовым интересам. Анализируя национализм с великодержавной, имперской позиции, они недооценивали экономические, социальные, психологические и другие глубинные его проявления в этот исторический период.

Руководствуясь сталинским тезисом о том, что в коммунистических организациях на окраинах “национализм играет” ту же роль, какую меньшевизм играл в прошлом для партии большевиков, государство объявило настоящую войну против казахской национальной интеллигенции, широко и последовательно проводя репрессивные меры по отношению к ней. В результате в 1928–1932 гг. около 90 человек были привлечены к уголовной ответственности. Несмотря на отсутствие каких-либо неопровержимых доказательств, подтверждающих причастность их к контрреволюционной деятельности, многие из них были осуждены на длительные сроки тюремного заключения, а часть расстреляна. Сегодня

мы со всей уверенностью можем утверждать, что это была настоящая политическая расправа с лидерами оппозиции.

В борьбе с оппозицией система использовала всю мощь карательных институтов государственной власти. С утверждением административно-командной системы наблюдается сращивание партийных и карательных органов, в том числе и в Казахстане, по всему спектру политической жизни, особенно в "укрощении" национальной интеллигенции. Характер и содержание деятельности ПП ОГПУ, его структура, состав руководящих работников позволяли этой организации играть основную роль в необъявленной войне против своего народа.

Изучив документальные материалы, свидетельства очевидцев, материалы судебных и внесудебных органов, статистические источники, комиссия Верховного Совета пришла к следующим выводам:

I. Комиссия считает незаконными, противоречащими правам человека, волонтаристские акции по конфискации имущества у зажиточного крестьянства, его массовому выселению, силовые кампании по коллективизации и оседанию кочевых и полукочевых хозяйств, изъятию сельхозпродукции у населения и квалифицирует их как преступление государства против собственного народа.

Антинародной политикой руководства Казкайкома, КазЦИКа, СНК, ПП ОГПУ СССР по Казахстану, а также командированием САВО и частей других военных округов фактически были спровоцированы за 1929–1932 гг. массовые (372) антиправительственные выступления, и народу Казахстана навязана гражданская война, сопровождаемая карательными акциями и многочисленными репрессиями, изгнаниями населения с родных мест.

II. Политическая и юридическая ответственность за казахскую трагедию в первую очередь ложится на руководство ВПК(б) и Казкрайкома, как на организаторов и проводников всех антигуманных кампаний от начала до конца. Краевая партийная организация практически заранее ставила цели и задачи, вырабатывала пути и механизмы реализации намеченных центром политических акций, жестоко контролировала ход и результаты исполнения. КазЦИК и СНК республики отстранялись от принятия решений, им отводилась второстепенная исполнительская роль.

III. Учитывая, что законодательные акты о конфискации байских хозяйств, о проведении коллективизации сельского хозяйства, об оседании кочевого и полукочевого казахского населения и другие акты как республиканских, так и местных органов исполнительной власти, связанные с реализацией указанных акций:

- насильственно прервали ход естественно-исторического развития социально-экономических отношений в (казахском) обществе;

- привели к искусственному созданию антагонизма между различными социальными слоями, поэтому носили антинародный характер;

- способствовали насильственному обобществлению орудий и средств производства крестьян и созданию неэффективной системы сельского хозяйства, чуждой крестьянству;

- стали правовой основой массовых репрессий в отношении безвинного, мирного населения, осуществленных к тому же незаконными внесудебными органами — тройками, пятерками, особыми совещаниями, путем произвольного применения существовавших репрессивных правовых норм, противоречат общечеловеческим нормам морали и общепризнанным нормам международного права, в целях восстановления исторической справедливости просить Верховный Совет Республики Казахстан:

1. Отменить и осудить как неправовые, антинародные постановления и акты, принятые в 1928—1932 гг. по вопросам конфискации, коллективизации, оседанию и др.

2. Исходя из международных норм права, необходимо лиц, подвергнутых конфискации имущества и выселению, различным государственно организованным изъятиям сельхозпродукции в ходе заготовительных кампаний, насильственной коллективизации, а также лиц, незаконно понесших наказание в виде расстрела, лишения свободы или высылки за активное сопротивление проводимой антинародной политике, признать жертвами политических репрессий.

3. В целях источникового обеспечения разворачивающихся исследований предложить Главному архивному управлению при Кабинете Министров Республики Казахстан, архивным подразделениям соответствующих ведомств и учреждений создать условия для широкого допуска исследователей к документальной базе, находящейся в ведомственных архивах КГБ, МВД и их структур.

Рекомендовать научным учреждениям и вузам Республики Казахстан расширить исследовательскую проблематику с включением в нее анализа сложных событий 20-30 годов.

Институту истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова Национальной Академии наук Республики Казахстан подготовить публикации по данной проблеме, осуществить издание документальных сборников о казахстанской трагедии. Поручить Министерству науки и новых технологий Республики Казахстан обеспечить финансирование актуальных исследований в данной области.

Министерству образования Республики Казахстан совместно с Институтом истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова Национальной Академии наук Республики Казахстан и другими заинтересованными организациями осуществить подготовку учебников, программ и другой методической литературы в свете новейших теоретико-концептуальных и исследовательских подходов, выработанных научным знанием.

Комиссия обращается к девятой сессии Верховного Совета Республики Казахстан, к Конституционной комиссии, принимая первую Конституцию независимого и суверенного Казахстана, закладывая основы правового и демократического государства, выполнить исторический долг по восстановлению справедливости, а именно в главе II "Основные задачи государства" перед последним абзацем статьи 62 проекта Конституции включить очень важное положение: "В соответствии с общепризнанными международными нормами оказывать всемерную помощь в обустройстве возвращающихся на историческую Родину соотечественников, их потомков, ставших жертвами массовых политических репрессий, антигуманных насильственных мер и преследований, а также лиц казахской диаспоры, вынужденных бежать в Казахстан в силу их дискриминации, притеснения и изгнания из других государств".

В состав комиссии входили видные ученые — историки, юристы, экономисты, демографы, политические и общественные деятели, руководители правоохранительных органов Республики.

Комиссию возглавлял акад. АН РК Козыбаев М. К.
Советы Казахстана. 1992. 22 декабря.

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

За годы господства теории и практики культа личности и застоя в исторической науке накопилось очень много наслоений, преодоление которых требует нового подхода, исследовательского поиска решения многих проблем, казавшихся до сих пор сравнительно хорошо изученными. Негативные тенденции в науке в целом нарастают годами, а в исторической – десятилетиями, нанося непоправимый урон ее престижу. Именно в исторической науке, как ни в какой другой, сформировались устаревшие, догматические оценки, неадекватные практике. С целью мобилизации потенциала исторической науки нам предстоит преодолеть объективные барьеры, которые воздвигались перед нами в эти годы. Это жестокое командно-волевое администрирование, догматический диктат, засилие конъюнктуры, навязывание неверных точек зрения, отсутствие творческих дискуссий, слабая координация научных исследований не только внутри региона, но и на международном и союзном уровнях. Одним из важных факторов, “повинных” в застойных явлениях в исторической науке, является пренебрежительное отношение к расширению источниковой базы исследований.

Серьезное ограничение доступа к архивным фондам, подбор документов исключительно для иллюстрации заданных схем и концепций привели к созданию компилятивных сочинений. К публикации не допускались документы, которые давали бы возможность комплексно рассмотреть самые различные аспекты исторического процесса. В результате со страниц издаваемых в это время сборников документов и материалов, союзной серии по коллективизации сельского хозяйства исчезли своеобразие исторического процесса, его особенности, творцы самой истории – люди. Вне истории оказались деятели колхозно-кооперативного движения, социалистического строительства, репрессированные в 20–30-е гг. В период нового мышления необходима трезвая оценка истории строительства социализма в нашей стране, в том числе истории коллективизации сельского хозяйства. Она дает возможность по-новому смотреть на всю концепцию аграрной политики КПСС второй половины 20-х – начала 30-х гг.

Продолжительное время в монографических исследованиях — в “Истории Казахской ССР”, “Очерках истории Компартии Казахстана”, многотомной “Истории КПСС” и других фундаментальных трудах — отступление от ленинских принципов в коллективизации рассматривалось как извращение, искривление, как искажение принципов ленинского кооперативного плана. Такая трактовка оставляла лазейку для обоснования ложного тезиса о том, что эти искривления были свершены по злой воле людей, а не заложены в самой концепции сталинизма. Именно в эти годы закладывался фундамент сталинизма, искажившего ленинский облик социализма.

В Казахстане данный процесс усилился с середины 20-х гг. Здесь раньше, чем где-либо, происходит постепенная замена власти народа личной диктатурой, насаждение командно-бюрократического метода руководства. Характеризуя последствия подобного курса, М. С. Горбачев констатировал: “Сегодня ясно: в огромном деле, которое затрагивало судьбы большинства населения страны было допущено отступление от ленинской политики по отношению к крестьянству. Руководство этим важнейшим и очень сложным социальным процессом, где очень многое зависит от местных условий, осуществлялось преимущественно административными методами. Возникла убежденность, что все проблемы можно решить одним махом в кратчайшие сроки. Целые области и регионы страны стали соревноваться, кто быстрее проведет полную коллективизацию. Сверху давались произвольные процентные разнарядки. Грубые нарушения принципов коллективизации приобрели повсеместный характер. Не обошлось без перегибов в проведении борьбы против кулачества. Сама по себе правильная линия на борьбу с кулачеством зачастую так широко трактовалась, что захватила и значительную часть середняков. Такова историческая реальность”¹.

Да, именно “отступление от ленинской политики по отношению к крестьянству” происходило и в Казахстане. Форсирование сплошной коллективизации в кочевых аулах нашло отражение во многих директивных документах Казкрайкома партии, в частности, в решении Казкрайкома, принятом в декабре 1929 г., в котором предполагалось “стимулировать коллективизацию животноводчес-

¹ Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С.20.

ких хозяйств в таких же рамках, как по зерновому хозяйству... форсировать массовую коллективизацию бедняцких и середняцких скотоводческих хозяйств... провести работу по сложной коллективизации отдельных районов в округах: Сырдарьинском, Уральском, Актюбинском, Павлодарском, Алма-Атинском. Поручить бюро крайкома в недельный срок проработать вопрос о выборе в данных округах отдельных районов сплошной коллективизации, имея в виду охватить не только зерновые районы, но и животноводческие, и хлопковые, установить темпы коллективизации с расчетом на полный возврат населения в течение одного года..."².

17 декабря 1929 г. Бюро Казкрайкома дает директиву: кооперативное внимание должно быть обращено на организацию крупных животноводческих колхозов в основных животноводческих районах с тесной увязкой организационных форм с производственными планами животноводческих совхозов, создание единых хозяйственных комбинатов. Постановление устанавливало и конкретные сроки, обязывая хозяйственных руководителей "в первый же год добиться обобществления сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота в зерновых колхозах и всего продуктивного скота в животноводческих..."³.

В решении от 13 февраля 1930 г. "О постановке партийно-массовой работы в районах сплошной коллективизации и об очередных задачах колхозных ячеек" крайком ориентировал местных работников на проведение постоянной и упорной работы по дальнейшему укреплению колхозов, создание всех условий для перевода их из низших форм в высшие (артели, коммуна) на основе действительного и полного обобществления средств производства"⁴.

Наряду с "левацким" форсированием коллективизации, перескакиванием через не пройденную еще форму коллективизации в кочевых и полукочевых районах, насаждением колхозов-гигантов и колхозно-совхозных комбинатов, краевое руководство санкционировало ускоренное оседание без необходимой предварительной подготовки. Так, V Пленум крайкома (декабрь 1929г.) постановил "Поставить весь план практических работ в области форси-

² IV Пленум Казкрайкома ВКП(б), 10-16 июля 1933 г.: Стенограф. отчет. Алма-Ата, 1935. С.4, 143.

³ Там же.

⁴ Там же.

рованного оседания и хозяйственного укрепления оседающего населения с таким расчетом, чтобы оседание производилось на основе стопроцентной коллективизации всех оседающих бедняцко-средняцких хозяйств”⁵.

В совместной директиве Казкрайкома ВКП(б) и Совнаркома от 25 декабря 1931 г. ставилась задача “охватить плановыми мероприятиями по оседанию в 1932 г. все оставшиеся кочевые и полукочевые трудовые хозяйства с тем, чтобы полный процесс оседания завершить в 1933 г.”⁶.

Установленные Лениным принципы добровольности кооперативной демократии, материальной заинтересованности, метод постепенности подвода крестьян к высшим формам крестьянского кооперирования через ряд переходных ступеней, развитие кооперации от простейших форм к высшим с учетом степени развития материально-технической базы, культурного развития беззастенчиво попирались.

Довольно продолжительное время историки-аграрники вводили в закономерность необходимость в ходе коллективизации казахского аула ликвидации остатков патриархально-феодальных отношений, т. е. конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов, перехода кочевников на оседлость⁷.

Ныне приходится сомневаться в правильности этого вывода. Конфискация 696 баев-полуфеодалов и передача всего-навсего 150 тыс. голов скота (в переводе на крупный), надо полагать, не дала желаемого эффекта. Наоборот, эта преждевременная акция позволила эксплуататорским слоям заблаговременно консолидироваться, перегруппироваться и перейти в атаку в период самой коллективизации, искусно используя при этом серьезные отступления от ленинских принципов кооперирования крестьянства. Вряд ли можно считать перевод кочевого крестьянства на оседлость исторически обусловленным, подготовленным экономически, идеологически, психологически и т.д. В связи с этим нуждается в серьезном пересмотре стратегия и тактика Казкрайкома ВКП(б) и правительства автономной республики по осуществлению социалистических преобразований, начиная со второй половины 20-х гг.

⁵ IV Пленум Казкрайкома ВКП(б)... С.145.

⁶ Там же. С. 145.

⁷ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977. Т.4. С.403, 425.

Генеральная линия республиканской партийной организации и Советов пронизана духом голощекинщины, этого отвратительного порождения сталинизма. Голощекинщина — система ошибок, допущенных Казкрайкомом ВКП(б) и правительством республики в ходе осуществления коллективизации сельского хозяйства, индустриализации республики, культурной революции, советизации аула, связанная прежде всего с именем Филиппа Исаевича Голощекина, возглавлявшего в тот период партийную организацию республики. Будучи первым секретарем Казкрайкома ВКП(б) в 1925–1933 гг., он выступал в роли теоретика социализма, подводил теоретическую базу под практику регионального вождизма. Всем известно, как упорно Голощекин доказывал, что аул “не чувствовал дыхания Октября”⁸, в “ауле нет еще классовой борьбы”⁹, “в казахском ауле нет советской власти”¹⁰, “аул не имел Октября, не имел комбедов и раскулачивания”¹¹, “в ауле не имеем вообще аульного коммуниста”¹². Исходя из этих установок, он утверждал, что то, что происходило у нас до осени 1925 г., можно было бы назвать предисторией Казахстана и его партийной организации, и проповедовал идею проведения “Малого Октября”, перечеркнув одним росчерком пера десятилетнюю историю Советской власти в Казахстане¹³.

Второй секретарь крайкома И. Курамысов решительно поддерживал эту идею. Он писал, что “октябрьский ураган пронесся мимо казахского аула, мало задев его”¹⁴. По его мнению, в этот период партийная организация единой и монолитной в Казахстане не была¹⁵.

Тем не менее сторонников этого курса в Казкрайкоме было немного. Он встретил серьезное сопротивление. По выражению самого Ф.И. Голощекина, члены Казкрайкома “вздумали обратиться не к нам в организацию, а пошли в ЦК жаловаться”¹⁶. Тогда Голощекин решил обратиться к Сталину с письмом, излагавшим сущ-

⁸ Голощекин Ф.И. Партийное строительство в Казахстане: Сб. речей и статей. М.; Алма-Ата, 1930. С.72.

⁹ Там же С.83.

¹⁰ Голощекин Ф.И. Партийное строительство в Казахстане. С.125.

¹¹ Там же. С. 151-152.

¹² Там же. С. 153.

¹⁴ Там же. С. 236.

¹⁵ Курамысов И. Национальная политика партии в Казахстане. Алма-Ата. 1932.

¹⁶ Голощекин Ф.И. . Партийное строительство в Казахстане. С.151.

ность линии бюро Казрайкома партии. В этом осуществление лозунга советизации казахского аула, исходившего из тезиса, что “революция не затронула старые дореволюционные отношения, оставив в полной мере экономическое и политическое господство сильных родов и бая”, создание “базы в ауле в виде аульного коммуниста”, борьба с уклонами в национальном вопросе, коренизация аппарата, влияние на быт степняка, необходимость “научить его пользоваться ложкой, вилок, окнами, трубами в зимовках, одевать чистое белье и т. п. — словом, “культуретерство в данных условиях”. Письмо завершалось утверждением, что “хотя крайком в общем и целом ведет свою работу по этой линии, но осознание этого идет медленно и встречает противодействие”¹⁷.

Ф. И. Голощекин требовал от И. В. Сталина чрезвычайных полномочий на осуществление курса “Малого Октября” в Казахстане. Одобрение его ЦК ВКП(б) на деле означало свертывание демократии, насаждение методов борьбы периода военного коммунизма. В письме, в частности, Ф. И. Голощекин просил санкцию на определение “сельхозналога, согласно шкале, проводимой в СССР, но с необходимой поправкой на особые законы по скрытию (скрывалось до 50%), заинтересовывая в этом бедноту — союз Косчи”; “проведение закона уголовной наказуемости руководителей родовой борьбы и использующих ее в своих интересах при перевыборах”; борьбу “против основных руководителей и организаторов” группировок и запрета на поездку лидеров в ЦК партии. Вскоре Ф. И. Голощекин получил ответ И. В. Сталина, который гласил: “Тов. Голощекин! Я думаю, что политика, намеченная в настоящей записке, является в основном единственно правильной политикой. И. Сталин.”

На IV Всесоюзной конференции (15-25 ноября 1927 г.) Ф. И. Голощекин выступил с докладом “Поставить развитие Казахстана на социалистические рельсы”, где огласил текст своего письма и ответ И. Сталина. В этом докладе он всесторонне обосновал курс “Малого Октября”, а в заключительном слове со всей категоричностью заявил, что он пойдет “по этому пути решительно, смело, отбрасывая все препятствия. Только тогда основные массы Казахстана, коренного населения в первую очередь, — говорил Ф. И. Голощекин, — действительно реально получают то, что дает Октябрь”¹⁸.

¹⁷ Голощекин Ф. И. . Партийное строительство в Казахстане. С.151-156.

¹⁸ Там же, С.205.

Нуждается в пересмотре оппортунистическая теория Голощекина, согласно которой “в период коллективизации нельзя обойтись без уронов”¹⁹. Настало время доказать ошибочность “теории” Голощекина о сокращении поголовья скота как неизбежной закономерности при переходе отсталых аулов, отсталого животноводства к высшим ступеням общественного развития, базирующейся на следующем положении: “Животноводство проявляет неустойчивость при переходе от натурального хозяйства к социализму”²⁰.

Многие исследователи до сих пор находятся в плену концепции Голощекина о нивелировке бывшей отсталости казахского аула к началу 30-х гг. “Сохранились ли, — спрашивал он, — у нас особенности и отсталость?”. Тут же отмечал, что “сохранились, но не превалируют, не они господствуют, — это уже не определяет всей задачи Казахстана”²¹. Таким образом, Голощекин обосновал необходимость выхода на более высокие темпы коллективизации. Подобные подходы существовали и в науке, причем довольно продолжительное время. Так, авторы многотомной “Истории Казахской ССР” в унисон с Голощекиным утверждают следующее: “Коммунистическая партия и Советское государство не форсировали социально-экономические преобразования, постепенно велась подготовка условий для них, с тем, чтобы и аульная бедняцко-средняя масса созрела для этих преобразований и активно участвовала в их осуществлении. Такие объективные условия созрели, сложились в результате улучшения снабжения аула сельскохозяйственным инвентарем, успехом кооперативного строительства, приспособленного к условиям местной жизни и быта, освобождения от налога значительного числа бедняцких хозяйств, массового землеустройства, все большего вовлечения трудящихся аула в советское строительство, активизации деятельности союза Кошчи. Все это вплотную подвело бедняцко-средняцкие слои аула к осознанию необходимости конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов — социального оплота патриархально-феодалных отношений в кочевом и полукочевом ауле, сдерживавшего его социально-культурный прогресс”²².

¹⁹ Советская степь. 1931. 1 сентября.

²⁰ IV Пленум Казкрайкома ВКП(б)... С.156.

²¹ Там же С.155.

²² История Казахской ССР. Т.4. С.403-404.

При оценке теоретических положений и курса Голощекина следует исходить из диаметрально противоположных позиций. В условиях активного переосмысления исторического опыта, в частности, последствий курса на сплошную, форсированную коллективизацию, необходимо комплексное исследование по голоду 1932–1933 гг. Подступы к разработке этой проблемы уже вырабатываются. Но в литературе переоценивается значение постановления ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 г. “О сельском хозяйстве Казахстана”.

Заслуживает серьезного внимания история крестьянства накануне коллективизации. Не секрет, что у нас до сих пор нет полной картины эволюции натурального хозяйства, развития товарного производства, масштабов проникновения частнопредпринимательских тенденций. “Смазана” и картина расслоения аула и деревни, их осереднячивания, пролетаризации и пауперизации, не полностью выяснена мера распространения в агроструктурах стихийной товарно-капиталистической тенденции. Не достаточно ясна ситуация с укладами, поскольку исследователи до сих пор не пришли к единому пониманию их природы.

Довольно слабо изучена политическая история 20–30-х гг. Между тем она была насыщена невероятным многообразием дискуссий и столкновений мнений, появлением самых неожиданных теорий (отдельные из которых и сейчас не утратили своего рационального зерна), ярких персоналий, новаторских акций и т. д. Недостаточно оценена и освещена, например, роль кооперации в 20-х гг., когда в результате претворения в жизнь ленинских идей бурно развивались многие ее формы в производстве и торговле, снабжении и сбыте, в финансах и кредите, бытовом обслуживании и других областях²³. Но, к сожалению, это продолжалось недолго — до конца 20-х гг., когда было допущено отступление от ленинской политики по отношению к крестьянству²⁴, коллективизация стала осуществляться ускоренно, административно-командными методами, принцип добровольности был отброшен, широкую практику получили перегибы в борьбе с кулачеством, распространившиеся и на значительную часть середняков. Бесспорно, коллективизация была величайшим завоеванием социализма — об этом исторически справедливо говорят, но тот факт, что “она проходила

²³ Правда. 1988.24 марта

²⁴ Горбачев М.С., Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С.19-20.

болезненно, не без серьезных перегибов и ошибок в методах и темпах"²⁵ не получил достаточно полного и достоверного освещения. Вопрос о роли и значении кооперации актуален и важен в наши дни.

В литературе не получило должной оценки явление голощекинщины. Голощекинщина — явление уникальное, проявление сталинизма в конкретных условиях. Наследие ее в области экономической — голод, десятикратное, а может быть, двадцатикратное уменьшение поголовья скота, дискредитация экономической политики партии, прежде всего нэпа, у истоков которой стоял В.И. Ленин. В области идеологической — пересмотр ленинской концепции социализма, нагнетание обстановки внутри республики, попытка теоретического обоснования сползания на командно-бюрократический метод руководства, свертывание культурной революции, преследование и репрессирование деятелей литературы и искусства. В области политической — насаждение практики регионального вождизма, выработка политической линии, направленной на осуществление деформированного курса строительства социализма. В области партийного строительства — форсирование формирования аульного коммуниста, прежде всего за счет лжеактивистов, приверженцев административно-командного метода руководства, уклонотворчество, выдумывание несуществующих в природе националистических блоков, группировок и подпольных антисоветских организаций, преследование партийных, советских, идеологических кадров путем наклеивания ярлыков, предвзятое обвинение в отсутствии подлинной коммунистической организации в республике, повышенное подозрение коммунистов-казахов (без исключения) в национализме.

Предстоит выяснить, каковы мотивы, побудившие революционера-профессионала к субъективизму в теории и авантюризму в политике. Вряд ли можно согласиться с оценкой, предлагаемой авторами "Очерков истории Компартии Казахстана", квалифицирующих ошибки Голощекина как перегиб в социалистическом переустройстве казахского аула.

Как известно отступления от ленинского курса в процессе коллективизации допускались повсеместно во многих районах стра-

²⁵ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С.36.

ны. Но ошибки Ф. Голощекина и Казкрайкома партии были ошибками другого рода. Ибо по своим тяжелым последствиям они не имеют аналога в масштабе всего Союза.

Ответ для оценки сути ошибок Ф. Голощекина надо искать в трудах В. И. Ленина, который считал необходимым сблизить, приспособить к докапиталистической структуре общества советскую форму диктатуры пролетариата. Он учил партию понимать, какие посредствующие пути, приемы, средства нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму, настоятельно требовал самым внимательным образом учитывать исторически сложившиеся особенности каждого народа, своеобразные черты его быта, религии, обычаев, традиций, языка. В. И. Ленин подчеркивал, что "царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставили в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великоруссам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами"²⁶. Он систематически обращал внимание партии на необходимость находить более гибкие, эффективные средства и методы в осуществлении национальной политики с тем, чтобы обеспечить "более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму"²⁷. В. И. Ленин неустанно подчеркивал необходимость творческого отношения к марксистской науке, которая требовала "во-первых, учета опыта других стран, особенно, если другие тоже капиталистические, страны переживают или недавно переживали весьма сходный опыт; во-вторых, учета всех сил, групп, партийных классов, масс, действующих внутри данной страны".

Эти и другие ленинские указания Ф. Голощекиным были преданы забвению. Он не стал изучать опыт соседнего Туркестана, который, говоря словами Владимира Ильича, переживал "весьма сходный опыт". Он игнорировал совет вождя и о необходимости учета всех сил, групп, партий, классов, масс, действующих внутри данной страны" какой был огромный Казахстан. Руководство края не приняло во внимание директивную установку II Конгресса Коминтерна о необходимости применения основных принципов коммунизма, которое бы правильно видоизменяло их к национальным и национально-государственным различиям. Не был воспринят призыв В. И. Ленина к коммунистам остерегаться увлече-

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.379...

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43. С.199.

ний, реально учитывать закономерности исторического развития, предостережение от поспешности и авантюризма в национальной политике и руководстве народным хозяйством. Выдвинув линию на осуществление новой — малой Октябрьской революции в ауле, Ф. Голощекин и Казкрайком партии выработали ультралевые сектантские лозунги, применили авантюристические тактические приемы классовой борьбы. Ф. И. Голощекин впал в глубокий волонтаризм в теории, встав на путь мелкобуржуазной полуанархической революционности на практике.

То, от чего предостерегал коммунистические партии В. И. Ленин в первые годы Советской власти, произошло в одной из организаций КПСС. “Левая” болезнь в Компартии Казахстана тогда стала возможной, во-первых, в условиях идейной незрелости не только коммунистов края, а прежде всего его руководящего ядра, отсутствия в ней авторитетной революционной прослойки, способной удержать своеволие, диктаторские замашки Ф. И. Голощекина, что придало его действиям трагический размах и масштабность, во-вторых, острой классовой борьбы между коммунистической и националистической, патриархально-феодальной и клерикальной идеологией, троцкизмом и другими оппортунистическими течениями; в-третьих, слабости пролетарского ядра населения Казахстана; в-четвертых, своеобразия края, где властвовала еще стихия мелкого собственника, мелкого хозяйчика, который при крутых поворотах истории легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержку, организованность, дисциплину и стойкость.

Отдавая дань Голощекину как революционеру-функционеру, мы отмечаем и его ошибки, являющиеся плодом его теоретической беспомощности, догматического мышления, увлечения его администрированием, командными методами руководства.

В оценке наследия голощекинщины ныне в сфере творческой интеллигенции имеются различные подходы. Ученые архивисты, демографы единодушно полагают, что в результате голода и других последствий сплошной коллективизации в 1932–1933 гг. погибли 1 750 тыс. казахов, писатели же и публицисты цифру жертв голода доводят до 3 млн. чел., а по мнению группы ученых из Института истории партии, находящихся под влиянием традиционных оценок, погибло лишь 1300 тыс. чел.

На наш взгляд, проблема весьма щепетильная, острая, она нуждается в строго научном подходе. Видимо, все же последнее слово здесь скажут демографы, архивисты. Эмоции в данном случае плохой союзник.

В публицистических выступлениях все чаще звучит вопрос: кто несет ответственность за отступления от ленинских принципов коллективизации в сельском хозяйстве, за преступления, совершенные в ходе его осуществления? Ответ может быть однозначным: И.В.Сталин, его окружение. Полномочным представителем ЦК ВКП(б), Генерального секретаря в Казахстане был Ф.И.Голощекин. Именно он в определении политики Казкрайкома партии сыграл решающую роль. Одновременно с ним разделяют ответственность за трагедию Исаев, Голлодов, Ерназаров, Курамысов и другие члены Бюро Казкрайкома партии. Пагубную роль в извращениях ленинской концепции сыграли лжебельсенды, призванные стать "приводным ремнем" в проведении политики партии в ауле. Как справедливо отмечал на IV Пленуме Казкрайкома ВКП(б) Нурмухамедов, "этот приводной ремень в значительной своей части был порченный, гнилой"²⁸.

Выдвинутые из среды пришедших в движение после Великого Октября бедняцко-середняцких масс аула активисты-бельсенды, как констатировал Нурмухамедов, "с первых дней пользовались в своей работе старым методом — администрированием". Парторганизация не сумела охватить сразу этот слой активистов и перевоспитать его в духе большевизма. Эти активисты, в основном вышедшие из бедняцкой и середняцкой среды, были прекрасным материалом для воспитания и превращения их в подлинно большевистскую армию, могущую возглавить наши хозяйственно-политические мероприятия в ауле. К сожалению, этого не было сделано. Бельсенды, почти сплошь безграмотные и политически неразвитые, были предоставлены сами себе, варились в собственном соку. При отсутствии воспитательной работы со стороны парторганизации эти активисты черпали образцы своей работы из арсенала байско-феодалной знати аула и бывшей колониально-чиновничьей бюрократии русского империализма. В период наступления на полуфеодалов (передела сенокосных и па-

²⁸ IV Всеказахстанская партийная организация ВКП(б): Стенограф. отчет. Кзыл-Орда. 1927. С.181.

хотных угодий; конфискации полуфеодалов) количество бельсенды выросло; они сыграли немалую роль, помогая парторганизациям проводить аграрную революцию в ауле. Но политический уровень бельсенды оставался чрезвычайно низким и методы их работы старыми. Надо сказать, что к этому времени ряды бельсенды уже порядочно засорились, туда проникли представители баев. Бай старался приспособить бельсенды к себе; воспитать его по своему образу и подобию. Надо признать, что в этом бай имел определенные успехи... с 1929 г. Казахстан встал на путь колхозного развития. Перед нами встали совершенно новые задачи, которые требовали непосредственного подхода к массам, поднятия уровня этих масс. И тут со всей силой сказался отрицательный результат неправильного воспитания бельсенды”²⁹. Иначе говоря, лжебельсенды оказались той базой, на которую опирались Ф. И. Голощекин, Казкрайком ВКП(б) при форсировании коллективизации без учета особенностей казахского аула, всего региона.

За содеянное Голощекиным и Казкрайком партии в ответе и ЦК ВКП(б). Голощекина, который был введен в состав ЦК И. В. Сталиным решительно поддерживали секретари ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, В. М. Молотов. Так, например, на IV Всеказахстанской конференции ВКП(б) (15-23 ноября 1927 г.) Ф. И. Голощекин ополчился на своих оппонентов, которые выступили против его диктаторских замашек. “Пусть, — говорил он, — попробуют выступить “вожди” любых групп против крайкома, они все будут смяты в течение недельки”³⁰.

А. А. Андреев, принимавший участие в работе конференции, четко выразил позицию ЦК, решительно поддержав Ф. И. Голощекина: “Мне кажется, исходя из сообщения Голощекина, — подчеркивал он, — что партийное руководство не достаточно крепко, властно, нажимисто”³¹. Выступив на XV съезде партии, В. М. Молотов дословно повторил тезис Голощекина об отсутствии в Казахстане советской власти. По его мнению, для создания “настоящей советской власти на Востоке понадобится несколько лет”³².

²⁹ IV Всеказахстанская партийная организация ВКП(б): Стенограф. отчет. Кзыл-Орда. 1927. С.180-181.

³⁰ IV Всеказахстанская партийная организация ВКП(б). С.137.

³¹ Там же, С.232.

³² XV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1928. С.147.

На наш взгляд, в историографии до сих пор преувеличивалась роль процесса коллективизации в формировании национального отряда рабочего класса Казахстана. Утверждалась, что “главным источником пополнения рядов рабочего класса выступило колхозное крестьянство”³³. При этом забывалось, что никакого аграрного перенаселения, например в Казахстане не существовало, так как ряды рабочего класса на заре индустриализации пополнило крестьянство, голодные беженцы, оказавшиеся перед дилеммой — жить или погибнуть. По переписи 1926 г., как известно, казахов насчитывалось 3 968 тыс., а в 1939 г. — 3,1, а спустя еще 20 лет — 3 622 тыс., т.е. на 346 тыс. меньше чем 33 года назад³⁴. Из 40,5 млн. голов скота в 1929 г. осталось к 1933 г. 4,1 млн. голов. Таковы последствия субъективизма в теории, волонтаризма и авантюризма на практике. Эти ошибки, отступления от ленинизма сродни, скорее, не перегибам, искривлениям линии коллективизации, а “детской болезни” левизны в коммунизме.

Накануне первой пятилетки рабочих казахов было всего 17,7%, в 1932 г. — 42,3, а в конце второй пятилетки — 50% общей численности рабочих и служащих³⁵. Следовательно, приобщение значительной части казахов-шаруа к индустриальному труду было связано с трагедией народа; и их личный вклад в создание материально-технической базы социализма, в осуществление исторической задачи перехода казахского народа в социалистическую нацию при естественном ходе развития исторического процесса мог бы быть более значительным и весомым. Сложные личные переживания рабочих — казахов первого поколения, связанные с голодом и репрессиями, трудные военные годы, серьезные нарушения экологической ситуации в республике в послевоенные годы, на наш взгляд, все еще создают в известной мере психологический заслон на пути роста казахского отряда рабочего класса. Иначе чем можно объяснить тот факт, что численность и удельный вес казахов среди рабочих республики на начало 1983 г., по данным ЦСУ КазССР, составили в промышленности 155 тыс. чел., т.е. 17,9% всех рабочих этой сферы (а в 1934 г. — 46,5%). В электроэнергетике рабочие-казахи составляли 18,2%, в черной металлур-

³³ Рабочий класс и индустриальное развитие СССР: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. М., 1972. с.136 и др.

³⁴ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С.432.

³⁵ Очерки экономической истории Казахской ССР. Алма-Ата, 1974. С.197.

гии — 6,3, в цветной — 18,6, в машиностроении и металлообработке — 12%. В Карбасейне, на родине прославленных горняков казахов Бекбосына Сихымбаева, Тусупа Кузембаева, Башира Нурмагамбетова, Еркена Таушина, Аскара Серикова и других, 40 лет назад рабочих-казахов было 63,9%, а в 1979 г. — 15,4%, а в 1987г. — 7,8%. Наиболее многочисленно представительство казахских рабочих в сельском хозяйстве — примерно 40%, это в основном бывшие колхозники, ставшие рабочими в процессе преобразования колхозов в совхозы в годы освоения целины. Итак, в составе казахской социалистической нации рабочий класс не стал господствующей духовной силой. В нем быстрее рос слой людей, занятых в сфере торговли, обслуживания, аппарате управления. Долг историков — раскрыть истоки деформационных явлений в социально-классовой структуре, сокращения удельного веса рабочего класса коренного населения и определить пути повышения его роли в духовной жизни нации, советского общества.

В годы осуществления коллективизации в Казахстане произошли серьезные перекосы в формировании казахской советской интеллигенции, вследствие нарушения ленинского подхода к интеллигенции, в котором четко выраженное требование как землицу ока беречь всякого спеца, работающего добросовестно, со знанием своего дела, и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно. Яркие представители интеллигенции, проявившие недовольство действиями Голощекина, подвергались репрессиям. Так, в 1930 г. за якобы участие в контрреволюционной подпольной организации были репрессированы Магжан Жумабаев, Ахмет Байтурсынов, Жусупбек Аймаутов. 4 ноября 1988 г. Коллегия Верховного суда по уголовным делам КазССР реабилитировала из-за отсутствия в их действиях состава преступления. Именно в те годы подвергался репрессиям М. О. Ауэзов. По схеме периода культа личности у нас пока изучается период противоборства Алаш-Орды с большевизмом. В то же время деятельность интеллигенции, привлеченной в качестве буржуазных специалистов после амнистии, в том числе честно служивших Советской власти, не исследуется.

История коллективизации сельского хозяйства — составная часть ленинского учения некапиталистического пути развития ра-

нее отсталых народов. В период нового мышления, видимо, необходима трезвая оценка негативных аспектов авторитарной реализации его в национальных районах. Безусловно, открытый В. И. Лениным некапиталистический путь, являясь единственной альтернативой перехода отсталых народов к социализму, был сложным, противоречивым, вызывал те или иные социально-экономические и политические проблемы. В трудах наших обществоведов преваляло наивное восхищение, восхваление этого пути, изображение его как некоего гигантского прыжка от царства патриархального феодализма в царство социализма, как великого достояния революции, без противоречий и трудностей, без проблем. Мы уделяли больше внимания конечным результатам, социальным завоеваниям, забывая при этом о серьезных противоречиях, трудностях этого пути, о дорогой цене, которая была заплачена ранее отсталыми народами. Обществоведы считали, что с победой социализма некапиталистический путь разрешил раз и навсегда проблемы, в том числе национальный вопрос, проблемы воспитания политической, нравственной и мировоззренческой культуры трудящихся. Но жизнь подтвердила преждевременность наивных восторгов о решении всех проблем экономического и культурного развития в течении жизни одного поколения.

Сомнений нет, такой путь лежит на "общей линии мирового развития"³⁶, он стал возможным только в условиях "действительной помощи русского пролетариата отсталым народам союза в деле их хозяйственного и культурного преуспевания..."³⁷, но тем не менее ныне очевидно, что вывод о завершении процесса ликвидации фактического и культурного неравенства в годы довоенных пятилеток можно принять с оговорками. Он был завершён лишь в главном, существенном - победил социалистический путь развития как в промышленности, так и в аграрном секторе. В то же время между развитыми регионами центра и юга России, СССР и других республик и районами, не прошедшими капиталистический путь развития, лежало еще огромное расстояние. Так, по числу рабочих крупной промышленности на 1000 человек населения и по душевому промышленному производству промышленной про-

³⁶ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.45. С.379.

³⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. С.438.

дукции Казахская ССР и республики Средней Азии. в предвоенные годы отставали от УССР в 2-3 раза³⁸. Промышленный пролетариат на Востоке только формировался, а в России, УССР, Грузии и других республиках он к тому времени прошел школу капитализма, революционной борьбы и созидания. Если в республиках Средней Азии и Казахстана была создана сеть вузов и техникумов, и формировалась народная интеллигенция, то в наиболее развитых регионах страны она была, по существу, потомственной, обладала глубокими связями с мировой культурой. В духовной сфере на советском Востоке велико было еще влияние пережитков родоплеменной идеологии ислама. Эти факторы не воспринимались нами всерьез, издание аналитических сборников документов не практиковалось. Между тем действие данных сборников оказало существенное влияние на последующее развитие восточных республик.

Не случайно, еще в начале 70-х гг. республики Средней Азии и Казахстана имели показатели ниже средне-союзного уровня по многим параметрам, в том числе по уровню экономического, индустриального и сельскохозяйственного развития, производству национального дохода на душу населения, уровню производительности труда. Прирост национального дохода на один рубль вложений в РСФСР, УССР, БССР, Латвийской, Литовской, Эстонской ССР составил от 33 до 44 коп., а в таких республиках, как Туркменская, Азербайджанская, Казахская, Узбекская, Таджикская ССР — от 14 до 27 коп³⁹.

Велика была разница в структуре индустрии между республиками Средней Азии Казахстаном и УССР, РСФСР и др. Полагаю, что теоретические просчеты по этим проблемам стали стартовой базой для принятия субъективных экономических решений при определении темпов развития братских республик, размещения производительных сил. На наш взгляд, нужны серьезные исследования данной проблемы с участием специалистов в области всех обществоведческих наук.

Нам предстоит не просто переосмыслить многие явления, а, по-существу, анализировать их заново. Это относится, в первую очередь, ко всему комплексу проблем социалистического строи-

³⁸ Воробьев Ю.Ф. Выравнивание уровней экономического развития союзных республик. М., 1965. С.139.

³⁹ Закумбаев А.К. Экономическое развитие союзных республик и регионов. Алма-Ата, 1974. С.67,69.

тельства в архитотсталой стране, какой был Казахстан и другие республики Средней Азии.

Достижение качеств нового состояния советского общества требует и качественного сдвига в общественном сознании, как в массовом, так и в теоретическом. Нам предстоит исследовать и многообразие проявлений революционного творчества масс, разобратся в неоднолинейности, альтернативности развития истории нашего народа, в сочетании эволюционных и революционных форм в их диалектике.

В истории нашего социалистического Отечества были не только светлые, героические страницы. Осмысливая итоги и уроки пройденного пути, мы обязаны подходить к ним, как справедливо подчеркнул М. С. Горбачев, “без сенсаций, серьезно, ответственно”, дорожить каждым прожитым днем, “даже когда он был тяжелейшим. Потому, что это была школа истории, наши исторические уроки”. Вот почему настало время раскрыть наряду с позитивными аспектами и гнесеологические корни отступления Сталина, его окружения, в том числе Голощекина и Казкрайкома партии, от ленинского облика социализма, назвать вещи своими именами и дать всему этому надлежащую марксистскую основу, не впадая в крайности, характерные для некоторых исследователей. Несостоятельны, например, попытки обособить русский народ от общенациональной трагедии 30—40-х гг., выдвинуть ложный тезис благополучия русских на фоне такой фактологии, как ситуация с крымскими татарами, уничтожение в 1948 г. всей еврейской профессиональной интеллигенции, уничтожение верхнего слоя наций в Западной Украине, Западной Белоруссии, Молдавии⁴⁰.

Рассматривая историю, опыт и проблемы коллективизации, мы обязаны и должны вести борьбу с такого рода плюрализмом идей, направленных на сознательное сталкивание наших народов, вести исследование на принципах историзма и партийности, в рамках и интересах социализма.

Мы сделали лишь попытку очертить круг вопросов, ждущих своего творческого решения, каждый из которых требует новых подходов, новых доказательств и интерпретаций. Вот почему Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР, руководствуясь решениями XIX партийной конфе-

⁴⁰ Правда. 1988. 18 ноября.

ренции, рекомендовавшей как метод решения спорных проблем проведение дискуссий, считал необходимым организовать дискуссии по ряду проблем, в том числе и по истории коллективизации в республиках Средней Азии и Казахстане.

**Коллективизация сельского хозяйства
в республиках Средней Азии и Казахстане: опыт и проблемы.
Сборник статей. Алма-Ата, 1990. С. 9-27.**

НОВОЕ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ*

На рубеже 20-30-х годов нэповская линия развития исторического действия была блокирована деформирующими установками авторитарного политического мышления. На долгие и мучительные десятилетия в сфере экономики и общественно-политической жизни воцарился тотальный дух "силовой" альтернативы.

Глубоко трагические последствия возымела его роковая данность в сельском хозяйстве. Выдвинутые во главу угла политики в деревне внеэкономические императивы выхолостили ленинскую идею кооперирования крестьянства, подменив ее ориентацией на чуждые социализму методы и жесточайший командно-административный террор. "Великий перелом" начинал безжалостно размывать сельские структуры, исподволь подготавливая грядущие проблемы общества.

В этих условиях основным двигателем процесса кооперирования непосредственных производителей становились не столько действительное творчество масс и осознанная "снизу" экономическая целесообразность, сколько грубая сила и санкционированное "свыше" принуждение с его системой противоправных атрибутов обеспечения. И одним из первых подтверждений тому служил уже сам факт директивного установления зональных сроков и темпов проведения коллективизации сельского хозяйства,

* Первый вариант данной публикации под названием "Казахстанская трагедия" была опубликована в журнале "Вопросы истории", 1989, N 7.

когда вся страна, словно театр военных действий, была поделена на ударные плацдармы и районы эшелонированного продвижения кампании.

Казахстан волею сталинского руководства был отнесен к той региональной группе, где коллективизацию необходимо было в основном завершить весной 1932 г. (за исключением кочевых и полукочевых районов)¹. Тем не менее в республиканских чиновно-бюрократических чертогах даже эти форсированные сроки воспринимались как некая планка, “перепрыгивая” которую, необходимо было взять намного большую высоту. Типичный образчик подобного усердия зафиксирован, например, в постановлениях V пленума Кзыл-Ординского окружкома ВКП(б), в которых прямо ставилась задача полностью коллективизировать сельское хозяйство округа уже к концу 1930—31 года².

По-видимому, иного мышления в условиях командно-административной системы попросту не могло и быть, ибо в ее установках коллективизация ассоциировалась не иначе, как с очередной ударной кампанией. А логика данного явления предполагала всегда один и тот же апофеоз — досрочно победный рапорт. Поэтому понятно, что очень скоро вся партийно-политическая работа и деловые качества местного аппарата стали оцениваться исключительно по одному критерию — проценту коллективизированных хозяйств.

Директивные органы вроде бы и предостерегали от чрезмерного забегания вперед, однако, имевшиеся на этот счет многочисленные прецеденты в большинстве своем квалифицировались как “издержки революционного рвения” или неопытность и, в худшем случае, вызвали дисциплинарные взыскания. Куда как серьезнее трактовались обратные тенденции, которые очень часто расценивались как проявление “правого оппортунизма” или даже вредительство. А за подобными обвинениями уже в то время, как правило, следовали самые печальные последствия. Одним словом, весь комплекс политико-идеологических регулятивов нацеливал больше на рекорд, нежели на разумные темпы.

И вот уже метастазы спровоцированной процентомании стали стремительно разрастаться по общественному организму. Районы

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970.

² Ленинский путь (г. Кзыл-Орда). 1930. 7 февраля

и округа республики соревновались друг с другом в напыщенности победных реляций. Газеты не успевали давать ежедневно меняющуюся информацию с “колхозного фронта”. С каждым месяцем кампания приобретала все более ненормальный характер.

Если в 1928г. в Казахстане было коллективизировано 2% всех хозяйств, то уже на 1 апреля 1930 г. — 50,5, а к октябрю 1931 г. — около 65%³. А ряд “маяков” колхозного движения перекрыл и эти показатели. Так, скажем, в Уральском и Петропавловском округах на это время в колхозах числилось свыше 70% имеющихся там хозяйств⁴. Не менее крутую параболу выписывала динамика рождения колхозов в других регионах края. Поэтому неудивительно, что к началу осени 1931 г. в республике насчитывалось 78 районов (из 122), где коллективизацией было охвачено от 70 до 100% дворов.

Однако, если количественные характеристики вызывали на всех уровнях иерархической отчетности чувство оптимизма, то их качественная ипостась порождала сомнения. Не случайно в документах того периода можно встретить часто повторяющиеся эпитеты типа “бумажный”, “дутый” или “лжеколхоз”. Даже беспрекословные и готовые на все функционеры в своих комментариях для вышестоящих инстанций были вынуждены признать, что подавляющее большинство стремительно “организовавшихся” колхозов не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики и может считаться таковыми лишь весьма и весьма условно⁵. Но даже эти вынужденные откровения мало смущали краевое руководство, которое, несмотря ни на что, продолжало накручивать темпы кампании, реагируя на проблему в основном словесной демагогией.

Детонатором “колхозного взрыва” в крае послужила отнюдь не крестьянская инициатива, как это пытались представить органы официальной пропаганды. Здесь прямо сказывались методы откровенного давления. Нарушения принципа добровольности и элементарной законности вообще с самого начала приняли повсеместный характер. Сплошь и рядом во время проведения сельских сходов вместо обращения “кто хочет вступить в колхоз” звучала

³ Жалнин Н. Очередные задачи колхозного движения в Казахстане// Народное хозяйство Казахстана. 1931. № 9-8. С. 91; ЦГА КазССР. Ф. 247. Оп. 1. Д. 242. Л. 104.

⁴ ЦГА КазССР. Ф. 5. Оп. 11. Д. 221. Л. 133.

⁵ Жалнин Н. Очередные задачи колхозного движения в Казахстане. С. 92.

⁶ Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (далее: ИИАЭ АН КазССР). Инв. № 149. С. 20.

зловеще вопрошающая риторика: “кто против коллективизации”. В тех случаях, когда крестьянство не проявляло “доброй воли” и не спешило избавиться от “буржуазной” частной собственности, ему напоминали о существовании административных способов вовлечения в колхозы. Наиболее типичными и распространенными являлись такие приемы принуждения, как лишение избирательных прав, угрозы выселения за пределы района проживания или превентивный арест, так сказать в “воспитательных целях”⁷.

Излюбленным средством наиболее рьяных коллективизаторов было огульное зачисление колебавшихся в так называемые подкулачники. Эта категория представлялась столь универсальной, что большая фантазия чиновных исполнителей могла подвести под нее кого угодно. Бывало, что снять это обвинение можно было лишь “поплакавшись в жилетку” Всесоюзному старосте, что, конечно, удавалось далеко не каждому.

Чрезвычайный характер кампании с особой силой проявился в тех мерах, которые разворачивались в рамках курса на ликвидацию кулачества и байства как класса. Коллизии его затронули далеко не только эксплуататорские слои аула и деревни. В водоворот драматических событий оказалась втянутой большая часть зажиточных (но при этом трудовых) и середняцких хозяйств.

Своего рода предтечей обрушившихся на крестьянство репрессий стали сельскохозяйственные заготовки. Уже в ходе их произошла заметная эскалация силового нажима. О масштабах его можно судить хотя бы по тому факту, что в течение только двух хлебозаготовительных кампаний (1928—29 гг. и 1929—30 гг.) и только по трем округам (Акмолинскому, Петропавловскому и Семипалатинскому) в результате применения 107 и 61 статей Уголовного кодекса РСФСР были осуждены 34 120 человек и подвержено административной ответственности 22 307 хозяйств. Кроме этого, взыскано штрафов и изъято имущества более чем на 23 млн. руб., конфисковано скота 53,4 тыс. голов, хлебных запасов — 631 тыс. пудов, различных строений — 258 единиц⁸. Показательно, что даже по официальным признаниям в общей массе судебно и административно привлеченных кулацкие хозяйства составляли несколько больше половины⁹.

⁷ ЦГА КазССР. Ф. 247. Оп. 1. Д. 439. Л. 24, 27.

⁸ Весь Казахстан. Алма-Ата. 1931. С. 77.

⁹ Весь Казахстан. Алма-Ата. 1931. С. 77.

Заготовительные акции встречали сопротивление и со стороны только что созданных колхозов. Многие руководители в то время еще не до конца осознали, что решения о форсированном расширении сельхозартельной формы производства во многом определились задачей обеспечения удобной и бесконфликтной “перекачки” прибавочного (а очень часто и необходимого) продукта деревни в фонд накопления индустриализации. Они еще не успели свыкнуться с мыслью, что общественные закрома должны рассматриваться не как элемент расширенного воспроизводства колхозной экономики и фактор повышения материального благосостояния членов сельхозартелей, а скорее как своеобразная транзитная база продвижения хлеба за кордон в целях получения валюты.

Поэтому в первое время находилось немало работников, наивно пытавшихся апеллировать к разумным пределам. Например, бюро Мендыгаринского райкома партии долго и упорно не соглашалось с твердыми заданиями по заготовкам, спущенным из Краевого комитета ВКП(б). Когда же нажим усилился, секретарь райкома с откровенным разочарованием заявил: “Ну что же, раз так, то я возьму до квашни, разую и раздену все колхозы, и они разбегутся” (и это оказалось не столь уж далеким от истины предсказанием). Из другого райкома (Карабалыкского) сообщали: “Экономика района окончательно подорвана непосильными планами. Колхозники, а также бедняки и середняки не имеют перспективы своего существования. Мы оттолкнули от себя колхозников, они от нас уходят”. И подобных “демаршей капитулянтского оппортунизма”, как расценивало все это тогдашнее руководство республики, было предостаточно¹⁰.

Когда же стало ясно, что упования на нужду не только не действуют, но и вызывают обратную реакцию (крайне печальную для критиков “борьбы за хлеб”), в ход пошли всевозможные ухищрения. Для того, чтобы оставить себе на пропитание и семена хоть какую-то толику выращенного урожая, колхозники специально не выкашивали полосы хлеба у дорог, межей и арыков, недоочищали зернотока, пропускали зерно в мякину, оставляли на полях колосья, использовали умышленно не отрегулированные молотилки с целью пропуска в солому колосьев и т. д., и т. д.¹¹.

¹⁰ Борьба за хлеб — борьба за социализм // Большевик Казахстана. 1931. № 12. С. 45.

¹¹ Там же. С. 45.

Вскоре, однако, эти “маленькие хитрости” стали сурово пресекаться. После того, как 7 августа 1932 года был принят драконовский Закон “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности”, за подобные дела грозил расстрел, а при “смягчающих обстоятельствах” — десять лет тюрьмы с конфискацией имущества¹².

Только за первый год действия этой антиконституционной нормы в Казахстане было осуждено 33 345 человек, из них 7728 колхозников и 5315 трудящихся-единоличников (как сказано в отчетах). Как сообщают источники, во второй половине 1931 г. т. е. до принятия закона, по делам, связанным с заготовками, было расстреляно 79 человек. Но даже эти вопиющие цифры меркнут на фоне террора, развернувшегося вслед за этим. Хотя чиновники из Казахского отделения Верховного Суда придерживались иного мнения. В отчетном докладе за 1933 г. они, словно речь идет о поголовье скота, отмечают: “... уменьшение количества приговоренных к расстрелу в период с 5 мая по 1 августа 1933г. на 44,5% (с 305 до 163 человек) нельзя признать нормальным”. Тут же запоздало констатируется, что “на 163 осужденных к расстрелу только 18 классово чуждых элементов” (последняя фраза ясно дает понять, что социальная принадлежность могла служить “оправдательным” основанием для лишения человека жизни)¹³.

Поводом для жестокого наказания могли стать самые пустяковые провинности. Примеров тому буквально сотни. Приведем здесь лишь несколько наиболее характерных случаев из судебной практики того периода.

Нарсуд Курдайского района приговорил к 10 годам лишения свободы колхозника Самойленко за однократное использование общественных лошадей в поездке по личным делам; Усть-Каме-ногорский суд дал тот же срок (ниже не было) Колпакову за то, что его дети “украли” 6 кг проса, а середняку Астафьеву за “кражу” 17 кг зерна (по-видимому, судьи квалифицировали данное “дело” как крупное хищение, ибо во многих случаях “народные”

¹² СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

¹³ Приведенный здесь комплекс данных о репрессивных мерах, применявшихся в соответствии с законом от 7 августа 1932 г., взят нами из выкладок М.Ж. Хасанаева, сообщенных им на региональной дискуссии по проблемам истории коллективизации в республиках Средней Азии и Казахстана (Алма-Ата, 1988. ноябрь).

судьи, не раздумывая, сажали и за несколько сот граммов); Сталинский нарсуд (совпадение глубоко символичное) отправил в лагеря колхозников Д. Воробьева и Н. Дудина, имевших несчастье не усмотреть, как на колхозную лошадь свалился стог сена и повредил ей глаз; тем же судом был обречен на ужасы ГУЛАГа В. Ковчуг, ударивший лопатой строптивного верблюда. Над определениями судов, наверное, можно было бы посмеяться, если бы они не являли собой горестных реалий набравшего силу сталинизма¹⁴.

Крайне тяжелыми последствиями обернулось так называемое раскулачивание. В директивах, доведенных до местных органов, указывалось, что удельный вес ликвидируемых кулацких дворов по отношению к общей массе хозяйств не должен превышать 3-5%. Но во многих районах подобного количества кулаков никак не набиралось. Однако система на то и была командно-административной, чтобы всякая спущенная сверху установка без какого бы то ни было осмысления и препирательства ударно претворялась в жизнь, пусть даже ценой конфликта с элементарной логикой. Именно поэтому численность раскулаченных почти всегда и везде “подтягивалась” до самого верхнего предела. А нередко план “по валу” выполнялся настолько усердно, что фактически превышал в два, а то три раза субъективно установленный контингент. Так было, например, в Красноармейском районе Петропавловского округа, где экспроприации оказались подвергнуты 7% всех хозяйств (496 дворов), т. е. втрое больше, чем насчитывалось индивидуально обложенных налогоплательщиков. А в одном из сел Боровского района Кустанайского округа было определено к выселению сразу 37 хозяйств¹⁵, хотя поверить, что в одной деревне имелось около четырех десятков частных предпринимателей кулацкого типа, более чем трудно.

Подобные “достижения” имели очень простое объяснение: наряду с сугубо эксплуататорскими элементами, раскулачивались (а точнее было бы сказать, “раскрестьянивались”) зажиточные и середняцкие хозяйства. Основной индикатор частнокапиталистического уклада — использование наемного труда (который, кстати, с 1 февраля 1930 г. был запрещен) — растворился в обилии надуманных признаков, выражавших более производственную мощь

¹⁴ Хасанаев М.Ж. Там же.

¹⁵ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. Документы и материалы. Алма-Ата, 1967. Ч. 1. С. 287.

ность того или иного хозяйства, чем его действительную социально-экономическую природу. Достаточно было иметь, скажем, дом с железной крышей, или две лошади — и риск попасть в разряд кулаков обрел реальность¹⁶.

Следует также учитывать, что конкретные решения об экспроприации или выселении кулаков принимались на общих сходах колхозников, бедняков и батраков. А поскольку конфискованное имущество передавалось в качестве вступительных взносов бедняков и батраков в неделимые фонды колхозов (к лету 1930 г. доля стоимости имущества раскулаченных в неделимых фондах колхозников Казахстана составила 25,2 %)¹⁷, а частью раздавалось бедноте, то подчас за “классово строгими” резолюциями оказывались не более как обиденные меркантильно-личностные интересы.

Нередко середняки и зажиточные попадали в “кулацкие списки” в силу действия субъективно-эмоционального настроения массы, подхлестываемого всеобщим ажиотажем “нарастающей классовой борьбы” и чувством причастности к разоблачению “затаившихся врагов”. Тем более, что огульные обвинения не являлись строго наказуемыми и даже поощрялись моральной индульгенцией в виде занесения в лик “активистов” (на мутной волне администрирования появились сотни и сотни таких беспринципных и корыстолюбивых лжеактивистов).

К сожалению, масштабы раскулачивания в Казахстане пока не поддаются точной оценке, так как репрезентативность выявленных материалов еще не вызывает удовлетворения. На сегодня историография располагает лишь фрагментарными сведениями на этот счет. Тем не менее даже имеющиеся отрывочные данные позволяют констатировать беспрецедентную массовость этого печального явления.

В самом деле, можно ли по-другому интерпретировать тот факт, что уже на 15 марта 1930 г., т.е. всего через месяц после принятия постановления ЦИК и СНК КазССР “О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством”¹⁸ в республике было арестовано и предано

¹⁶ Степной крестьянин (г. Кустанай). 1930. 17 февраля.

¹⁷ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 141.

¹⁸ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. Ч. 1. С. 273-280.

суду 3113 человек, а члены 2450 хозяйств подлежали выселению за пределы округа проживания¹⁹.

Можно предположить, что в последующие месяцы репрессивные акции охватили еще более широкий круг хозяйств. Косвенным образом на это указывают и некоторые официальные источники того времени. Согласно одному из них, на середину 1930 г. вследствие разбирательства различных комиссий было освобождено из заключения 4073 "раскулаченных", возвращено из ссылки 1160 хозяйств, прекращены судебные дела на 2664 человека, восстановлены в избирательных правах 1618 "пораженцев", отменены штрафы с 1266 хозяйств, возвращено конфискованное имущество 9533 хозяйствам²⁰.

Нетрудно догадаться, что приведенный выше перечень включает лишь те хозяйства, у которых хватило сил достучаться в вышестоящие инстанции. А сколько их так и не смогло пробиться сквозь стену чиновничьего равнодушия? Кроме того, следует иметь в виду, что раскулачивание не ограничилось 1930 годом. По имеющимся данным (опять-таки далеко не полным), аресту и выселению было подвергнуто 5500 хозяйств в 1931 г. Немало их было ликвидировано и в 1932 г., и в первой половине 1933 г. Рецидивы раскулачивания продолжались и позже.

Таким образом, казахстанская деревня испытала сильнейший административный нажим. Не случайно источники фиксируют на тот период многочисленные факты не только самораскулачивания, но и рассереднячивания. Суть последнего явления сводилась к тому, что часть середняцких и зажиточных хозяйств, будучи неуверенной в своей дальнейшей судьбе, предпочитала свертывать производство по всем параметрам или вообще порывала с аграрной сферой деятельности. Это еще сильнее ускоряло развитие процесса раскрестьянивания, в ходе которого сельское хозяйство края лишалось наиболее предприимчивых, опытных и квалифицированных работников производства. И было очень много нелепого в том, что эти люди, строившие свое хозяйство на основе изнурительной, продолжавшейся из года в год самоэксплуатации, отождествлявшие собой, что называется "крестьянскую косточку",

¹⁹ Жумабеков Ж. Ленинской дорогой. Алма-Ата, 1973. С. 155.

²⁰ VII Всекзахстанская конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Алма-Ата, 1930. С. 109.

очень часто выдворялись в спецпоселения для так называемого трудового перевоспитания.

Глубоко антигуманная идеология сталинизма многое объясняет в той страшной трагедии, которая выпала на долю казахского аула. Однако катастрофические последствия от ее реализации многократно усугублялись извращениями по линии сельхоззаготовок и так называемого планового оседания кочевых и полукочевых хозяйств.

Кампания по заготовкам скота с самого начала приняла в ауле характер чрезвычайной акции времен военного коммунизма (хотя даже в тот трудный период казахское хозяйство не знало ничего подобного). Размеры заготовок определялись плановыми заданиями, но те, как оказалось, имели в своей расчетной основе фальсифицированные данные о количестве у населения скота. Случалось это в том числе и потому, что более или менее достоверные первоначальные сведения (налоговый учет Наркомфина) в ходе своего продвижения от одной бюрократической инстанции к другой претерпевали существенные поправки в сторону увеличения (при этом говорилось, что финансовые органы, дескать, недоучли огромное сокрытие скота от налогообложения).

Вследствие приписок и грубого волюнтаристского планирования районам определялись задания, намного превышающие реальную численность имеющегося в наличии скота. В этой связи характерен пример Балхашского района, располагавшего стадом в 173 тыс. голов скота, но получившего разверстку почти на 300 тыс. единиц²¹.

Естественно, очень скоро в краевые органы стало поступать множество жалоб. Но на них мало кто реагировал. Да и сама реакция была вполне в духе времени. Так, некто Торегожин озабоченно сообщал, что, согласно реальному балансу, при существующих объемах заготовок животноводство в республике вряд ли выстоит. Реакция последовала незамедлительно через воинствующую статью в журнале "Большевик Казахстана". В ней, в частности, говорилось: "В балансе... ярко проявилась вся суть правооппортунистической, механистической методологии, теоретическая беспомощность, полное непонимание марксистско-ленинской диалектики...

²¹ VI пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). 10-16 июля 1933 года. С. 232.

Автор ухватился за количественное снижение поголовья. Последнее — факт. Но ползучий уклонист за этим фактом не видит более существенных экономических и политических изменений... За внешней, поверхностной стороной событий, близорукий эмпирик не видит действительного роста социализма”²².

Не менее ярким “обличительным пафосом” отличались вердикты, сформулированные в более высоких сферах. Например, бюро Казкрайкома ВКП(б), раздраженное исходящей от некоторых районных руководителей критикой, вынесло специальное постановление. В нем был буквально следующий текст: “Крайком решительно осуждает тенденции отдельных районов и работников не выполнять планы и ослабить темпы мясозаготовок... под прикрытием разговоров о сокращении стада, о необходимости сохранения производственного скота, ...как тенденции, вытекающие из правооппортунистического непонимания скотозаготовок как органической части социалистической реконструкции животноводства (подчеркнуто нами — авт.), как важнейшего рычага обеспечения индустриализации страны”²³.

“Промывание мозгов” дало свои результаты. И вскоре лозунг “Перегибов не допускать” — парнокопытных не оставлять!”, рожденный зловещей иронией бездушных исполнителей, стал определяющим в кампании. Как отмечал один из ее ретивых проводников, “миндальничать не приходилось”²⁴. И не миндальничали. Тем более, что по меркам заезжих заготовителей 25-30 баранов в хозяйстве выглядели чуть ли ни как “сверхбогатство”, от которого не убудет.

Между тем, специфика кочевого способа производства допускала подобное количество скота лишь как жизнеобеспечивающий минимум. Для воспроизводства же и нормального функционирования хозяйственной ячейки требовалось гораздо больше (раз в четыре). Но эта объективная предпосылка не принималась во внимание, и хозяйству этому в лучшем случае оставлялось 2-3 барана, что ставило его на грань безысходности (опасаясь, что заберут и оставшихся баранов, скотоводы их тут же забивали).

²² Исаков П. Методологические основы “торегожинщины”//Большевик Казахстана. 1931. № 11, с. 40.

²³ Постановление бюро Казахского Краевого комитета ВКП(б) о мероприятиях по выполнению решения декабрьского Пленума ЦК и ЦКК о скотозаготовках//Большевик Казахстана. 1931. № 1.

²⁴ Рукописный фонд ИИАЭ АН КазССР. Инв. № 149. Л. 30.

Под прикрытием государственных интересов творились беззакония и при заготовках в ауле других видов сельскохозяйственной продукции. Так, в целях "ударного" проведения заготовки шерсти в ряде мест заставляли стричь овец в стужу, посреди суровой зимы, что не могло не привести к массовому падежу скота²⁵.

Нередко в поисках хлеба заготовители наезжали в скотоводческо-земледельческие аулы и выколачивали (другого слова не подберешь) его у хозяйств, имевших крошечные посевы. У них подчистую забиралось даже то ничтожное количество зерна, с которым связывалась единственная надежда на выживание. Обязательные хлебозаготовки, вопреки всякой логике, распространялись и на несееющие хозяйства сугубо животноводческих районов. Страхась быть обвиненными в саботаже, их население было вынуждено обменивать свой скот на хлеб и сдавать последний за счет заготовок²⁶. Понятно, что вследствие этого норма потребления начинала тяготеть к своему минимуму, предвещая близкий голод.

Одной из переломных вех в истории Советского Казахстана явилось оседание кочевых и полукочевых хозяйств. Процесс этот, вне всякого сомнения, ознаменовал поистине революционный переворот в судьбе казахского народа. Но, к несчастью, и это большое дело дискредитировалось безответственными актами волонтаризма, необузданным стремлением урвать любой ценой сомнительные сиюминутные дивиденды.

Подготовительные мероприятия не обеспечивали запланированный темп кампании. Так называемая плановость выражалась по большей части в определении контингента оседающих хозяйств. Другие же организационные вопросы (хозяйственная база, землеустройство, снабжение семенами и сельхозинвентарем, предоставление кредита для закупок рабочего скота, организация МТС и мн. др.) решались (если вообще решались) с наскака и, как правило, неэффективно²⁷.

Приступая к столь серьезной акции, важно было все время держать в поле зрения то обстоятельство, что кочевничество отнюдь не примитивный, но чрезвычайно сложный (по-своему, конечно) тип хозяйственно-культурной деятельности, с непростой социальной организацией и многоуровневым комплексом инсти-

²⁵ VII Всеказахстанская партийная конференция. С. 101.

²⁶ Там же.

²⁷ Казахстан к IX съезду Советов. Алма-Ата. 1935. С. 97.

туциональных связей. Уже одни только издавна сложившиеся отношения собственности (их специфика до сих пор проблема проблем в исторической науке) свидетельствовали о том, что эта общественно-экономическая система была способна демонстрировать сильнейший “иммунитет” к любым стандартно запланированным социальным проектам. Спецификой было и то, что преобладавшие здесь общинные структуры в течение веков формировали уникальную корпоративную психологию и традиционные идеологические установки с их смещенными в реальности стереотипами. В их данности “взяли” многие “благие начинания”, не слишком продуманные в контексте конкретно-исторических реалий.

Одним словом, необходим был всесторонний учет множества особенных факторов. Как раз такому подходу в решении задач социалистического строительства на местах и учил В. И. Ленин. В частности, обращаясь к коммунистам национальных районов, он предостерегал их от слепого копирования тактики, применяемой в условиях более развитых регионов, говорил о необходимости “обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий”²⁸, советовал проводить в жизнь “общекommунистическую теорию и практику ...применяясь к своеобразным условиям, ...когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков”²⁹.

Однако в то время ленинские мысли, противоречащие амбициям аппарата, выносились за скобки “теории социализма”. В свете этого неудивительно, что перечисленные выше глубоко специфические моменты в одних случаях воспринимались не более как досадные мелочи, которые можно попросту не замечать, а в других - выдавались за злобный имидж, выдуманный националистической оппозицией. И в этом деле многие преуспели, о чем свидетельствовали вопиющие перегибы.

Более всего они определялись игнорированием принципа добровольности в проведении коллективизации, перевод населения на оседлый образ жизни. Главное, — верили организаторы новой кампании, — форсированные темпы. И вот целые районы в административном порядке и в крайне сжатые сроки переводятся на оседлость.

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 198.

²⁹ Там же. Т. 39. С. 329.

Характерно, что сам смысл этого явления понимался подчас весьма вульгарно. Для одних администраторов это означало стягивание с огромной территории сотен и сотен хозяйств в одно место. Для других идея виделась в организации буквальных аналогов переселенческих деревень, для чего многочисленные юрты выстраивались прямо на снегу в идеально правильные кварталы (такая картина, должно быть, умиляла сердца любителей показухи)³⁰. Неважно, что вследствие подобного скопления скотоводы лишались хозяйственного простора и возможности маневрировать стадами в поисках воды и корма. Главное усматривалось не в этой “прозе” жизни, а в той, еще одной “галочке”, ради которой больше всего и старались подвизавшиеся на столь благородной ниве различные инспектора, инструкторы и прочие уполномоченные.

Не успев выйти из состояния прострации, вызванного административно-форсированными методами кампании по оседанию, население аула тут же было втянуто в горнило еще более стремительной и нажимной коллективизации. Собственно говоря, массовое оседание кочевых и полукочевых хозяйств и было-то задумано в тесной увязке с коллективизацией. Об этом прямо говорилось в постановлении пленума Казкрайкома ВКП(б) в декабре 1929 г.: “Поставить весь план практических работ в области форсирования оседания и хозяйственного укрепления оседающего населения с таким расчетом, чтобы оседание производилось на основе стопроцентной коллективизации всех оседающих бедняцко-середняцких хозяйств”³¹.

Наряду с этим, директивные органы потребовали “стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству”³². Вольно или невольно эта глубоко ошибочная установка давала “зеленый свет” новым перегибам, тем более, что под так называемым стимулированием понималась все та же политика “выкручивания рук”. И в значительной степени благодаря именно последней колхозное строительство стало стремительно разрастаться “вширь”. Скотоводческие хозяйства в экстренном порядке и сплошными массивами зачислялись в до того неведомые им сельскохозяйственные артели. На-

³⁰ Рукописный фонд ИИАЭ АН КазССР. Инв. № 1041. Л. 48.

³¹ Бюллетень Казахского краевого комитета ВКП(б), 1929. № 14. С. 14.

³² VII Всеказахстанская пратийная конференция. С. 103.

пример, в Абралинском районе было сразу же коллективизировано 70% всех хозяйств, Джамбейтинском — 80, Беркалинском — 84, Джаныбекском — 95% и т. д.³³

В начале марта и в апреле 1930 г. были опубликованы сталинские статьи “Головокружение от успехов” и “Ответ товарищам колхозникам”³⁴. Оба документа долгое время рассматривались в историографии как этапные в нормализации колхозного движения. Между тем источники обнаруживают, что в Казахстане (да и по стране в целом) и после того, как прозвучал “глас божий”, все оставалось по-прежнему. Перегибы, а точнее административно-бюрократический террор, продолжались. Причем, как и раньше, они санкционировались самыми высокими инстанциями республики и, следовательно, не могут объясняться ссылками на непонимание или игнорирование партийной линии на местах (как это имело место во многих публикациях). В постановлениях Казкрайкома, принятых в течение мая-августа 1931 г., без какой-либо двусмысленности перед животноводческими районами ставилась задача “выйти на линию более высоких темпов коллективизации”³⁵.

В них строго вменялось считать “основной формой колхозного движения в ауле... животноводческую сельскохозяйственную артель”³⁶. Политическая конъюнктура была соблюдена более чем оперативно: к августу 1931 г. в 60 кочевых и полукочевых районах республики из 2 771 ТОЗа осталось всего 312, остальные были переведены на устав сельхозартели”³⁷.

Предпринятая авантюра в значительной мере предопределила “летальный” исход скотоводческой отрасли, поскольку перепрыгивание через ТОЗы, являвшие в стадийном и сущностном отношении переходную форму кооперации, означало забегание вперед, причем не на два и не на три года.

Преждевременность односторонней ориентации на колхозы подтвердилась и тем обстоятельством, что даже ТОЗы не всегда и не везде встречали понимание. Понадобилась большая пропагандистская работа, чтобы преломить сложившиеся настроения. До

³³ VII Всеказахстанская партийная конференция. С. 103.

³⁴ Правда, 1930. 2 марта, 3 апреля.

³⁵ VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). С. 155.

³⁶ VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). С. 155.

³⁷ Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1967. С. 291.

этого же население казахского аула, будучи в массе своей малограмотным и к тому же задавленным всевозможными актами чиновничьего произвола, весьма туманно представляло разницу между ТОЗом и колхозниками. Не случайно, аббревиатура “ТОЗ”, созвучная с казахским словом “тоз” (“разоряться”), нередко воспринималась в среде степняков в искаженном смысле, как впрочем, и “коллективизация” чаще ассоциировалась с более знакомой “конфискацией”. Кстати будет сказано, что байство умело использовало подобные “семантические версии” в целях своей антисоветской борьбы.

Как известно, колхоз предполагал более высокую степень обобществления. Если в ТОЗах основные средства производства (в частности, скот) оставались в индивидуальном пользовании и распоряжении хозяйствующих субъектов, то в сельхозартелях обобществлялся и этот фрагмент производства.

Но в животноводческих колхозах мера обобществления перешагнула всякие допустимые пределы. Источником гипертрофированно расширительного толкования процессов социализации служили категоричные команды, исходившие из “коридоров власти”, в том числе из того же Казкрайкома. В решениях одного из его Пленумов черным по белому было записано: “В животноводческих и животноводческо-земледельческих районах основное внимание должно быть направлено на полное (подчеркнуто нами. - авт.) обобществление в сельскохозяйственных артелях всего товарно-продуктивного стада”³⁸.

Как это часто бывает, периферийный аппарат в своем рвении пошел еще дальше, демонстрируя при этом недюжинную фантазию. Так, тургайские работники поставили задачу “весь скот обобществить, не оставляя ни одного козленка в индивидуальном пользовании”. Другим показалось этого недостаточно, и они решили “в целях изжития мелкособственнической психологии колхозника передать скот одного колхоза другим колхозам”³⁹. “Творческая инициатива” борцов с частной собственностью очень скоро дала свои результаты. К февралю 1932 г. в Казахстане 37% хозяйств колхозников и 51,8% единоличников полностью лишились своего скота⁴⁰. И это в традиционно животноводческой республике!

³⁸ VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). С. 146.

³⁹ Там же. С. 147.

⁴⁰ VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). С. 143.

Куда же девался скот (кроме выбывшего по заготовкам)? Будучи на все 100% “обобщественным”, он собирался на колхозно-товарных фермах (в абсолютном большинстве случаев за громким названием ничего не стояло). Но здесь надо вспомнить, что, как и рекомендовал Казкрайком, при проведении коллективизации предпочтение отдавалось созданию “крупных животноводческих колхозов”⁴¹. А это понималось, как механическое объединение нескольких сотен хозяйств в радиусе до 200 и более километров в единый колхоз-гигант. Например, в Курдайском районе существовало немало сельхозартелей, объединявших 600–800 хозяйств, в Келесском районе из первоначальных 122 колхозов было выделено 35, в Арысском — из 138 было создано 67 сельхозартелей, в Таласском районе в так называемые городки стогнялось до 300–400 хозяйств⁴².

Скот в таких уродливых образованиях (где, естественно, не могло быть и речи о какой-то организации производства, учете труда и пр.) скапливался на колхозно-товарных фермах. Таким образом, с лихой бравадой игнорировался действовавший во все века принцип необходимости соблюдения точной соотнесенности численности и природного кормового потенциала. Гигантомания становилась одной из самых распространенных болезней командно-административной системы. Разрушение же сложившейся организации производства с ее принципами концентрации (естественно, разумной) и дисперсности (пространственного рассеивания хозяйств с целью рационального использования среды обитания) не сопровождалось оперативной заменой технологически приемлемой альтернативой. Все это прошло гораздо позднее, когда стало технически осуществимым, а пока события шли вразрез с объявленными целями.

Расплата за абсурдные решения не заставила себя долго ждать. Огромнейшие концентрации скота на колхозно-товарных фермах не давали возможности прокормить его, и началась массовая гибель животных. И до этого мало кому было дела. У большинства бывших собственников, а теперь членов сельхозартели родилось тщательно скрываемое чувство безразличия к происходящему. И

⁴¹ Большевик Казахстана. 1931. г 5; Рукописный фонд ИИАЭ АН КазССР. Инв. № 1041. Л. 50.

⁴² Там же.

как результат — тот скот, который был получен по линии заготовок, из-за бескормицы и вызванных скученностью эпизоотий во многих случаях не доходил до потребителя, а на скотопрогонных путях образовались гигантские “овечьи” кладбища.

Опыт показывает, что самым чувствительным барометром, своевременно информирующим о неблагополучии в сфере принятия политических решений, является экономика. Так было и сейчас. Аулы и деревни Казахстана отреагировали на перегибы и извращения повсеместным упадком сельскохозяйственного производства.

В течение первой пятилетки (1928—1932 гг.) удельный вес Казахстана в общесоюзном производстве товарного зерна уменьшился примерно с 9 до 3%⁴³. Больше того, хотя посевные площади под зерновыми культурами возросли с 1928 г. по 1940 г. почти в 1,5 раза, их валовой сбор сократился тоже, примерно, в 1,5 раза. И неудивительно: урожайность за те же годы упала с 9,2 ц/га до 4,3 (по-видимому, начинали сказываться отчуждение крестьянина от земли и превращение его в наемного исполнителя воли начальства).

Беспрецедентный урон понесло животноводство. Динамика случившейся катастрофы выглядела следующим образом. В 1928 г. в республике насчитывалось 6509 тыс. голов крупного рогатого скота, а в 1932 г. всего 965 тыс. Даже накануне войны, в 1941 г., докопхозный уровень не был восстановлен (3335 тыс. голов). Еще большие поражают цифры по мелкому скоту: из 18566 тыс. овец в 1932 г. осталось только 1386 тыс. (перед самой войной численность стада едва приблизилась к 8 млн. голов). Из 3516 тыс. лошадей в 1928 году физически выбыло 3200 тыс. (в 1941 г. — 885 тыс. голов). Практически перестала существовать такая традиционная для края отрасль, как верблюдоводство: к 1935 г. осталось всего 63 тыс. верблюдов, тогда как в 1928 г. насчитывалось 1042 тыс. голов⁴⁴.

Столь внушительные провалы вызвали некоторое замешательство в сталинском руководстве. И вот 17 сентября 1932 г. выходит постановление “О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана”⁴⁵, которое вынуждено было дать установку на “выпрямление” перегибов. В научной литературе доперестроечного времени оно характеризуется как “историческое”, давшее “четкую программу действий”.

⁴³ VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). С. 184.

⁴⁴ Казахстан за 50 лет. С. 82-83.

⁴⁵ Казахстанская правда. 1932. 24 сентября

Между тем, уже только время принятия постановления (кстати, до сельсоветов оно дошло только в декабре — январе) его “выдающуюся” роль ставит под сомнение. В самом деле, так ли велико конструктивное значение документа, если он был принят, как говорится, по следам горестных событий, когда разрушительные процессы зашли слишком далеко и трагические последствия обрели необратимый характер. Не вызывает доверия и полуправдивый контекст директивы, в котором присутствует некая озабоченность по поводу сокращения численности скота, но нет и намека на разразившийся голод и его многочисленные жертвы.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что в постановлении не прозвучало принципиально строгой оценки деятельности республиканских органов. В этом отношении выводы были более чем сдержанны, что и позволило истолковать документ как признание правильности линии Казкрайкома. Не случайно его секретарь И. Курамысов прямо заявил: “Последнее постановление ЦК от 17 сентября одобряет линию Краевого Комитета партии, а вы знаете, что ЦК очень скуп на похвалы”⁴⁶.

Коль речь зашла о тогдашнем руководстве края, то надо с особой силой подчеркнуть, что оно в тот сложный период показало удивительную неспособность к критическому самоанализу и реалистической оценке событий. Беспредельная вера в субъективный фактор и всемогущество аппарата, односторонняя ориентация на политико-идеологические регулятивы и нажимные методы управления, наконец, явно выраженная левацкая торопливость нейтрализовали даже слабые позывы в этом направлении. В норму был возведен круг на жестокое администрирование.

И тон здесь задавал секретарь Казкрайкома ВКП(б) Ф. И. Голощекин* (хотя вину с ним, безусловно, разделяют и другие руководители республики). Как лидер он являл собой яркий тип работника, выпестованного авторитарной политической культурой. А потому

⁴⁶ VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). С. 216.

* Голощекин Филипп Исаевич (1876-1941 гг.) — член партии с 1903 г. Вел партийную работу в дореволюционные годы. Избирался членом Петербургского (1906 г.) и Московского (1909 г.) комитетов РСДРП. На VI (Пражской) партийной конференции был выбран членом большевистского ЦК. Участвовал в работе VI съезда партии (1917 г.) В дни Октябрьской революции — член Военно-революционного комитета в Петрограде. С декабря 1925 года до начала 1933 г. — секретарь Казахского краевого комитета ВКП(б). Последние годы жизни — Главный государственный арбитр при СНК СССР. В начале войны Голощекин был репрессирован. 28 октября 1941 г. расстрелян.

вождистские тенденции скрыто присутствовали в его политической деятельности. Хотя они и не проявлялись в гипертрофированных формах, но тем не менее, когда Голощекина стали называть “вождем трудящихся отсталого Казахстана”, то протесты на это были больше деланными и не отличались должной принципиальностью.

Отрицательную роль в действиях Ф. И. Голощекина сыграли вера в собственную непогрешимость и нетерпимость к стороннему мнению. Отрицательные качества эти особенно укрепились после того, как Сталин в ответ на полученную как-то от него записку (в которой, между прочим, были высказаны и ошибочные положения), выдал своеобразный мандат доверия, в котором говорилось: “Тов. Голощекин! Я думаю, что политика, намеченная в настоящей записке, является в основном единственно правильной политикой”⁴⁷. Заручившись такой “высочайшей грамотой”, трудно было не впасть в эйфорию бесконтрольного администрирования.

Ораторские навыки и задатки опытного полемиста позволили Ф.И.Голощекину эффективно манипулировать идеологическим инструментарием в целях подавления критики. В своих многочисленных выступлениях и публикациях он умудрился даже прозаические вопросы хозяйственной жизни поднимать до уровня глобальных проблем классовой борьбы и мировой революции: в этом случае ход обильно пускались обвинения в “правом” и “левом” оппортунизме, буржуазном национализме и великодержавном шовинизме, непонимании текущего момента и линии партии.

Свои аргументы Голощекин обычно стремился сопроводить соответствующей теоретической оснасткой. Например, на одном из совещаний он поучал: “Мы- власть. У колхозников еще живут собственнические инстинкты. Нужно уметь администрировать!”⁴⁸. По поводу сокращения поголовья скота руководитель партийной организации края высказал следующую “аксиому”: “Животноводство проявляет неустойчивость при переходе от натурального хозяйства к социалистическому”⁴⁹. Казалось бы, абсурд, но вездесущие подхалимы, нимало не смущаясь, подают эту “мысль” как “блестящий образец диалектического подхода к животноводству”⁵⁰.

⁴⁷ VI Всеказахстанская конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Кзыл-Орда, 1927. С. 90-95; Советская степь. 1927. 20 ноября.

⁴⁸ VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). С. 255.

⁴⁹ Там же. С. 150.

⁵⁰ Искаков П. Методические основы “торегожинщины”. С. 44.

Силовое давление и грубый произвол обернулись не только резким упадком сельскохозяйственного производства. В Казахстане имело место и проявление открытого недовольства, которое в ряде случаев вылилось в вооруженные выступления крестьянства.

Наиболее крупные инциденты произошли в Семипалатинском округе. Здесь с февраля по май 1930 г. сильными волнениями были охвачены Зырянский, Усть-Каменогорский, Самарский, Шемонаихинский, Катон-Карагайский районы⁵¹. Осенью 1929 г. тревожные вести не переставали поступать из Бостандыкского района Сырдарьинского округа, Батбакаринского и Наурзумского районов Кустанайского округа⁵². Острые конфликты возникали в Балхашском районе Алма-Атинского и Иргизском районе Актюбинского округа⁵³. В феврале-марте 1930 г. вспыхнули мятежи в Сарысуском районе Сырдарьинского округа⁵⁴. Крестьянские волнения отмечались и в других районах края.

Кулацко-байские элементы, воспользовавшись ситуацией, стремились придать крестьянским протестам антисоветскую направленность. И надо признать, подчас им это удавалось. Так было, например, в случае со скотоводами, откочевывшими из Западного Казахстана⁵⁵. Часть их, покинув территорию республики, под влиянием байской агитации противопоставила себя Советской власти и вошла в басмаческую, так называемую иомудо-казахскую группировку, терроризировавшую население Красноводского и Канджикского районов Туркмении⁵⁶.

Вина кулачества и байства во многих событиях несомненна, что, собственно, отмечают партийные документы тех лет. Однако, если попытаться вчитаться в них несколько внимательнее, то будет нетрудно обнаружить попытку спроецировать все причинные связи исключительно на факторе классовой борьбы и поисках внутренних и внешних врагов. Между тем, огромное провоцирующее воздействие на ход событий оказали именно перегибы и извращения. Не будь их, социальная база движений оказалась бы

⁵¹ ЦГА КазССР. Ф. 74. Оп. 4. Д. 1444. Л. 60.

⁵² ЦГА КазССР. Ф. 229. Оп. 3. Д. 159. Л. 32.

⁵³ Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3297. Л. 112-118.

⁵⁴ Абдуразаков А. Операция "Кокандские эмиссары" // Мы из ЧК. Алма-Ата, 1983.

⁵⁵ Рукописный фонд ИИАЭ АН КазССР. Инв. № 139. Л. 43.

⁵⁶ Зевелев А.И., Поляков Ю. И., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981. С. 176.

куда как уже, да и сами они вряд ли вылились в столь острые конфликты, если бы вообще имели место. Подтверждением того служит опыт нэпа, с переходом к которому волна крестьянских протестов мгновенно пошла на убыль, несмотря на все усилия контрреволюционного лагеря.

Ставка на чуждые социализму методы привела к голоду, эпидемиям, другим лишениям и в итоге — к огромным человеческим жертвам. Долгие годы эта печальная страница “вырывалась” из анналов истории*. И понятно, что сегодня, когда дух гласности становится неотъемлемой частью образа жизни советских людей, необходимо как можно скорее устранить образовавшиеся здесь лакуны.

Но “скорее” вовсе не означает, что замалчивавшиеся и не изучавшиеся десятилетиями проблемы надо вскрывать “с наскака”, стремительной и часто некомпетентной “атакой”, в том числе и в область исторической демографии. К сожалению, в последнее время получили распространение и такие попытки.

Не секрет, что происшедшие в годы коллективизации демографические катаклизмы — предмет устойчивого внимания западной советологии. К сожалению, интерес этот часто порождается не научно-познавательными стимулами, а сугубо политическими приоритетами. Что касается казахстанских событий, то здесь предметно-целевые установки ориентированы преимущественно на расхожую концепцию о якобы колониальном характере политики Советской власти в национальных районах и дискредитацию национальных отношений вообще. Выстраивая свои штудии в тенденциозно заданном векторе, буржуазные авторы игнорируют серьезный научный анализ, возводя в абсолют лишь те моменты, которые, согласно их сентенциям, более всего “работают” на желаемую версию.

* В годы застоя история коллективизации сельского хозяйства подавалась исключительно в восторженно-оптимистических интонациях из “Краткого курса истории ВКП(б)”. Откровения, прозвучавшие после XX съезда партии, очень скоро стали восприниматься в идеологических инстанциях как покушение на революционное прошлое. Даже простая констатация ошибок и перегибов вызывала негативную реакцию. В этом смысле характерна речь Л. И. Брежнева на III Всесоюзном съезде колхозников (ноябрь 1969 г.), где он говорил: “В процессе колхозного строительства мы не избежали известных ошибок. Но это были ошибки поиска, ошибки из-за отсутствия опыта... К сожалению, еще по сей день находятся любители преувеличивать издержки в большом революционном деле”// Брежнев Л. И. Об. основных вопросах экономической политики на современном этапе. Речи и доклады. М., 1975. Т. 1. С. 397

Так, буквально общим методом в советологической литературе стал тезис о “специально запланированном геноциде”.

В вопросе о людских потерях в Казахстане в результате голода 1932 — 1933 гг. советологическая историография выдвигает целый спектр оценок. В исследованиях, базирующихся на упрощенной процедуре (где все сводится к определению межпереписной арифметической разницы в численности казахского этноса), как правило, называется цифра в пределах одного миллиона человек. Имеются и явно завышенные оценки, как, скажем, в книге известного советолога М. Б. Олкотт “Фабрикация социального прошлого: казахи Средней Азии”, в которой говорится о двух миллионах жертв.

Имея в виду западную советологию, надо учитывать, что если в одних случаях ее изыскания отражают стремление к истине, то в других (и такие, как это ни печально, доминируют в общем массиве литературы), бесполезно пытаться найти даже видимость объективности, ибо там все подавляет примат тех стереотипов, в основе которых неистребимое желание опорочить социалистический строй. Кроме кого бы то ни было, проблемы нашей отечественной истории лучше нас же самих никто не решит. Поэтому настала пора интенсифицировать исследовательский поиск в этом направлении. И здесь огромную роль должна сыграть историческая демография с ее эффективным познавательным инструментарием и универсальными методиками исследования.

Как известно, на сегодняшний день единственным документальным источником для анализа проблемы служат данные первой и второй Всесоюзных переписей населения (проведены соответственно 17 декабря 1926 г. и 15 января 1939 г.)^{*}. Интервал между ними составляет полные 12 лет и один месяц. Именно в этот межпереписный период произошла убыль населения. Если учесть, что пик демографической депопуляции падает на середину зимы 1932/33гг., то, следовательно, катастрофа народонаселения произошла почти через полные шесть лет после первой переписи и точно за такой же срок до второй. Другими словами, апогей тра-

^{*} Из истории советской государственной статистики, известно, что в 1937 году была проведена очередная союзная перепись населения. Однако ее результаты были признаны ошибочными. При этом уповали на “дефекты” методологического и организационного характера. Действительные причины уничтожения переписи сегодня известны. Хотелось бы надеяться, что данные переписи рано или поздно будут обнаружены.

гического события приходится как раз на середину интервала между двумя переписями, что существенно облегчает расчеты.

Но для корректности анализа необходимо точное соотношение не только временных структур, но и пространственных. В последнем случае имеется в виду, что производимые расчеты принципиально важно проецировать на сопоставимые административно-территориальные границы Казахской АССР (с 1936г. — союзная республика), говорить об убыли населения только в пределах республики.

Согласно результатам первой переписи 1926 г., на территории Казахской АССР (без Каракалпакской автономной области) проживало 3 млн. 628 тыс. человек коренного населения⁵⁷. Но уже через 12 лет в переписи 1939 г. фиксируется убыль в 1 млн 321 тыс. человек, т. е. происходит уменьшение населения на 35,7 %⁵⁸. Но даже эту огромную цифру следует признать минимальной, требующей существенной коррекции в рамках факторного анализа.

Во-первых, на фоне данных дореволюционной переписи 1897 г. становится очевидным, что часть кочевого и полукочевого населения республики оказалась вне поля зрения счетчиков переписной кампании 1926 г. Сравнение демографических структур обнаруживает явный недоучет детей, особенно грудного возраста, а также женщин. И это понятно. Перепись 1926 г. прошла после недавней отмены калыма и многоженства. Декрет-то вышел, но явление, как это часто бывает, еще продолжало сохраняться, приняв лишь нелегальные формы. Не случайно в 15-летней возрастной группе на 100 юношей приходилось всего 60 девушек. Последнее может быть объяснено лишь умышленным сокрытием молодых девушек от регистрации в ходе переписи.

Следует также учитывать, что в то время в памяти народа еще свежи были воспоминания о насильственных мобилизациях мужчин на тыловые работы в годы империалистической войны. Поэтому неудивительно, что в группе двадцатилетних на 100 женщин по переписи 1926 г. зафиксировано лишь 70 мужчин (такое не всегда наблюдается даже после крупных войн). Мужчины молодых и средних возрастов при переписных опросах попросту не назывались.

⁵⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1962. Т. VIII. Отд. 1.

⁵⁸ Численность и расселение народов мира. М., 1962. С. 108; Татимов М. Б. Рост народонаселения (на каз. яз.). Алма-Ата, 1975. С. 53.

Недоучет получился и вследствие сложности административно-территориальной структуры края и распыленности кочевого и полукочевого населения. Часто случалось, что “забывались” целые аулы, находившиеся на дальних зимовьях, а если учет их населения все же осуществлялся, то нередко по заочным декларациям с использованием всевозможных условностей и средних коэффициентов, что в конечном итоге тоже искажало картину.

С учетом перечисленных выше факторов (явные диспропорции в половозрастной структуре и фронтальный недоучет жителей отдаленных поселений) минимальная поправка, подсчитанная нами по специальной методике, определяется в + 6,7% от общего результата численности казахского населения.

Нельзя сбрасывать со счетов и естественный прирост населения за 12 лет. В межпереписный период (1926–1939 гг.) естественный прирост у соседних народов, имевших сходный с казахским этносом тип воспроизводства, был достаточно высоким. Так, численность узбеков возросла на 22%, таджиков – 29, киргиз – 16, каракалпаков – 25%⁵⁹. Учитывая этот ряд, а также то обстоятельство, что из 12 лет межпереписного периода 9 лет (1927–1930 гг. и 1934–1938 гг.) были в отношении естественного прироста более или менее благополучными, мы вправе предположить близкие к названным показатели и у казахов. Однако надо принять к сведению еще и то, что в этот сложный период демографическая ситуация в республике ухудшилась. Отмечались высокая детская смертность, относительно невысокая рождаемость, частое бесплодие у аульных женщин, низкая брачность мужчин в возрасте до 30 лет (повидимому, из-за необходимости уплаты калыма)⁶⁰. В контексте всех этих особенностей расчеты дают прирост +5,6.

Таким образом, суммарная поправка к данным переписи 1926 г. на 12,3 % дает основание предполагать, что на середину 1930 г., когда население еще оставалось относительно стабильным, численность коренных жителей в пределах сопоставимой границы республики составляла 4 млн. 120 тыс. человек. Эта цифра может служить базой для последующего демографического анализа.

⁵⁹ Татимов М.Б. Развитие народонаселения и демографическая политика. Алма-Ата, 1978. С. 114.

⁶⁰ Половозрастная структура, брачность и размер семьи у народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы народонаселения. М., 1970. С. 304–307.

Согласно им в годы трагедии прямыми жертвами голода и его тяжелого последствия — эпидемии брюшного тифа стали 1 млн. 750 тыс. человек, или 42% всей численности казахского населения республики.

Надо сказать, что в это время в Казахстане произошло снижение численности и других этносов: украинцев с 859,4 тыс. до 658,1, узбеков — с 228,2 тыс. до 103,6, уйгуров — с 62,3 до 36,6⁶¹. В трудные годы многие представители этих народов были вынуждены покинуть обжитые места и переехать в более благополучные в продовольственном отношении районы — Сибирь, Узбекистан.

Масштабы голода, вызванного силовыми скотозаготовками и поголовным обобществлением скота в колхозах, были страшными. Утратив скот, жители степи лишались традиционного для их мясо-молочного рациона питания. Рыболовство, охота и собирательство не спасали положения. Хлеб в ауле из-за неурожая отсутствовал (а тот, что был, выгребли в счет хлебозаготовок). Покинуть зону бедствия не всегда удавалось. Без лошадей, верблюдов голодному кочевнику трудно было преодолеть огромные расстояния в несколько сот, а то и тысяч километров. Для потерявшего скот казахского крестьянства огромная степь из кормилицы превратилась в ловушку.

Гонимые нуждой, людские массы, растекались по городам, станицам, деревням, станциям железных дорог с единственной целью — выжить. В местах их концентрации вспыхивали очаги эпидемии брюшного тифа, который до того времени был неизвестен жителям редконаселенной степи. Отсутствие иммунитета против неизвестной ранее болезни, а также слабая организация здравоохранения (а во многих случаях ее полное отсутствие) обрекали ослабленных голодом людей на смерть.

Большой урон численности коренного населения нанесли откочевки. Четвертая часть первоначальной совокупности или половина уцелевшего населения в количестве 1030 тыс. человек откочевала в годы голода за пределы республики. Из них 616 тыс. безвозвратно и 414 тыс. впоследствии вернулись в Казахстан. По нашим оценкам, из безвозвратно откочевавших около 200 тыс. человек ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию.

⁶¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Казахская АССР. М., 1973. С. 222.

Неоспоримым доказательством крупных откочетов казахов в сопредельные регионы служат материалы все тех же переписей населения 1926 и 1939 гг. Если по переписи 1926 г. в соседних республиках проживало 314 тыс. лиц казахской национальности, то по переписи 1939 г. — уже 794 тыс., т.е. превышение составило в сопоставимых границах 453 тыс. человек⁶². В межпереписной период 1926—1939 гг. за счет эмигрантов численность казахов возросла: в РСФСР в 2,3 раза, в Узбекистане — в 1,7 раза, в Туркмении — в 6 раз, в Таджикистане — в 7 раз, в Киргизии — в 10 раз⁶³.

С приходом в республику нового руководства (Ф. И. Голощекин в начале 1933 г. был освобожден от занимаемой должности) во главе с видным большевиком-ленинцем, Л. И. Мирзояном была проделана большая работа по возвращению и обустройству откочевников. Но уже в 1938 г. после репрессивных вакханалий по борьбе с “японскими шпионами” и “национал-фашистами” эти усилия были свернуты. Новый состав ЦК республики не рискнул продолжать дело “врагов народа” (Л. И. Мирзоян был арестован и расстрелян). Однако это уже другая, не менее печальная, страница истории.

Голод, связанные с ним эпидемии и откочевки сильно деформировали нормальный процесс демографических переходов в самом их начальном этапе. Только благодаря мощному демографическому взрыву, совершившемуся в послевоенные годы в своем классическом варианте (пик приходится на 1962 г.), казахский этнос смог восстановить огромные потери. Прежняя численность была восстановлена почти через 40 лет, в 1969 г. Если бы не было демографического взрыва и его до сих пор продолжающегося “эха”, то для преодоления подобного национального кризиса народонаселения потребовалось бы не менее 100-120 лет, т.е. в 2-3 раза больше времени. Несмотря на это, его последствия будут сказываться еще долго — в течение 150-170 лет, как бы повторяя волнообразно прошлую историю, но постепенно угасая, через смену каждого поколения.

Голод, сильно деформировавший в свое время нормальный ход демографических процессов, отразился и на современной половозрастной структуре казахского народа: заметен явный дефицит численности поколения 1930—1934 гг. рождения, пережившие

⁶² Татимов М.Б. Летопись в цифрах (на каз.яз.). Алма-Ата, 1968. С.78-90.

⁶³ Там же С.80.

го критический период истории в самом раннем детстве. При детальном демографическом анализе до сих пор обнаруживаются последствия некоторых аномальных явлений. Например, по переписи населения 1959 г. довольно заметно преобладание численности мужчин среди поколения рожденных в 1930–1934 гг. над численностью женщин (на 1000 женщин 1092 мужчины)⁶⁴. По-видимому, подобное и даже еще более разительное соотношение сложилось в их самом раннем детстве, когда отчаявшиеся родители, спасая своих детей от голодной смерти, предпочтение отдавали мальчикам из-за укоренившегося патриархального сознания, вопреки рациональному демографическому поведению, которое предполагает возобновление нового поколения в будущем.

Когда начинаешь осмысливать трагические события тех лет, то приходишь к пониманию, что причины их отнюдь не объясняются категорией “случайного”, обозначенной в традиционной историографии как “ошибки и перегибы”. Скорее наоборот, становится очевидным, что имело место явление закономерное, мы бы даже рискнули сказать фатальное, ибо мобилизационно-административные и волюнтаристско-силовые методы по природе своей стихийны. В их субстрате всегда присутствуют тенденции к противопоставлению политико-идеологических средств императивам экономического ряда, к попранию правовых норм и человеческого фактора (выражаясь сегодняшним языком). Следовательно, ошибки и перегибы выражают в действительности объективную логику сталинской модели организации общества.

Осознавая это, мы тем не менее не можем удержаться от вопроса: как все же в то время могли допустить такое трагическое развитие событий? Тем более, что еще и сегодня бытует мнение о якобы полном неведении Сталина и его ближайшего окружения о положении дел, о масштабах драмы в степи, что их, дескать, дезинформировали и т.д. Так ли это?

Действительно, как рассказывали на одном из заседаний бюро Казкрайкома Л.И.Мирзоян (он только заступил к руководству партийной организацией республики) и председатель СНК КАССР У.Исаев, возвратившиеся из Москвы после доклада о ситуации, сложившейся в крае, Каганович был более чем возмущен положением дел на местах. Он все время грозно вопрошал: Как это могло

⁶⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том. М., 1964. С.215.

случиться? Почему ЦК узнает об этом из газет (явная ложь, так как пресса в то время не выходила в своей “информации” далее санкционированных пропагандистских клише)? Кому выгодно было это (т.е. голод, откочевки и т.д.) замалчивать (привычный намек на “вредителей”)?

Казалось бы, в Центре на самом деле не представляли масштабов катастрофы, иначе к чему весь этот фарс⁶⁵. Но документы говорят о совершенно обратном. Прежде всего известна официальная правительственная записка за подписью председателя СНК Казахстана У.Исаева (май 1932 г.), в которой давалась более или менее правдивая информация⁶⁶. Существует также версия, что о голоде и откочевках в Казахстане в Москву сообщали секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.Эйхе и председатель ЦИК Узбекистана Ю.Ахунбабаев (логика здесь есть, поскольку Западная Сибирь и Узбекистан приняли большие массы откочевников, и их руководители не могли не ставить об этом в известность Сталина).

В этой связи можно также напомнить эпизод, когда Молотов выразил подобие беспокойства по поводу массовых откочевов населения из Западного Казахстана, при этом сразу удовлетворившись объяснениями Ф. Голощекина, что дескать, там опять “классово чуждый” элемент воду мутит (столь универсальная отговорка в те годы всегда “снимала” все проблемы: от поломки турбины до пожара в поле)⁶⁷. Кстати, понимание Голощекиным сущности откочевов вообще отличалось большой “оригинальностью”. Вот буквальная цитата из одного его выступления: “Казах никогда не выезжал из своего аула, не знал путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работы, на хозяйственное строительство в Приволжье и Сибирь. Конечно, этот переход изменяет хозяйство, изменяет быт, разрушает старый быт, рушится старое хозяйство. Не без уронов. Они – националисты – видят в этом исключительно мрачную сторону, разрушение хозяйства, другие – “левые” фразеры – видят в этом только контрреволюцию. Конечно, в некоторой степени есть элементы и того, и

⁶⁵ Сегодня зная уже очень много о преступной деятельности Л. Кагановича, можно утверждать, что в данном случае имел место именно фарс. Кому, как не Кагановичу, было знать о голоде в Казахстане, да и в других районах страны. Ведь он прямо ответственен за его возникновение (Правда. 1977. 16 сентября).

⁶⁶ Жумабеков Ж. Ленинской дорогой. С.201.

⁶⁷ IV Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). С.49.

другого, но и в основном идет перестройка быта”⁶⁸. Неужто невдомек было первому руководителю республики, что стихийные передвижения огромных масс населения были вызваны не “перестройкой быта”, а элементарной нуждой.

Фарисейство высшего эшелона власти разоблачают письма Т. Р. Рыскулова⁶⁹. Последние из его известных писем Сталину датировано мартом 1933г. и написано оно на основе разнохарактерной информации, которую Т. Р. Рыскулов, как зам. председателя Совнаркома РСФСР, имел возможность получать из самых разных мест и источников⁷⁰. Это письмо было адресовано лично Сталину (копия: Сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б) – Кагановичу, СНК СССР – Молотову). Являясь человеком большого гражданского мужества и принципиальной партийной честности, Т. Рыскулов не побоялся раскрыть правду о разразившейся трагедии. Очевидно, хорошо зная гипертрофированную любовь Сталина к краткости (которая отражала больше патологическую манию до предела упрощать все и вся, чем служила “сестрой таланта”) и стремясь, чтобы “вождь” вник в содержание всего документа (а он довольно объемён), а не бросил читать его на половине, Т.Рыскулов предпослал письму что-то похожее на преамбулу. По сути, это был крик о помощи. Здесь говорилось: “Прошу Вас ознакомиться с настоящей запиской и вмешаться в это дело и тем самым спасти жизнь многих людей, обреченных на голодную смерть”. Далее шли страницы, раскрывавшие нарастающую трагедию, часть которых мы и приводим ниже.

⁶⁸ Советская степь. 1931. 1 сентября.

⁶⁹ Рыскулов Турар Рыскулович (1894–1943(?)) – член партии с сентября 1917 г. В январе 1920 г. избран председателем Туркестанского ЦИКа, осенью того же года назначен зам. наркома по делам национальностей РСФСР. Осенью 1922г. – председатель СНК ТурКССР, с февраля 1924 г. работает в Исполкоме Коминтерна, его уполномоченный в Монголии. С мая 1926 по май 1937гг. - зам. председателя СНК РСФСР. Незаконно арестован и расстрелян.

⁷⁰ Правильнее было бы сказать, что до сих пор больше известны не сами письма, а лишь факт их существования. Фрагмент из последнего письма Т. Рыскулова впервые публикуется в настоящей статье. В этой связи хотелось бы выразить глубокую признательность известному казахскому советскому писателю Ш. Муртазаеву, который представил нам эту возможность, поделившись своими личными архивами, где хранилась и копия этого письма. Писатель долгие годы занимается изучением жизни и деятельности Т. Рыскулова, автор книги и статей о нем. На основе малоизвестных материалов (в т. ч. и писем Сталину) Ш. Муртазаев написал пьесу “Письмо Сталину”, которая пользуется неизменным успехом у широкой аудитории. Достоверность авторства Т. Рыскулова и самого письма (часть которого мы здесь приводим) абсолютна. Документ имеет соответствующую архивную атрибуцию.

Итак, Т. Рыскулов в своем письме Сталину писал: "...Отко-
чевки казахов из одного района в другой, из пределов Казахстана,
начавшиеся в конце 1931 г., с возрастанием к весне и возвращени-
ем части откочевников(благодаря принятым мерам) летом 1932 г.,
вновь теперь усиливаются.

...Откочевки по отдельным районам доходят до 40-50% сего
количества населения районов.

...В прошлую весну в Казахских районах среди откочевни-
ков наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемии.
Это явление усиливается сейчас, с приближением весны. Вот ряд
фактов, взятых из материалов с мест и относящихся к последнему
времени. Приехавшие от нескольких краев представители для уча-
стия в рабочих комиссиях СНК РСФСР сообщают следующие
факты: т. Илларионов (от Средне-Волжского Крайкома) говорит,
что в Сольбицком и Орском районах среди откочевников умира-
ют ежедневно 5-10 человек, тов.Алагызов (от. Зап.Сиб. исполко-
ма) сообщает, что по одним станциям Сибирской ж.д. скопилось
10 тыс. казахов, среди которых много больных эпидемическими
заболеваниями и значительная смертность, Туганбаев (Зам.пред.
Киргизского ЦИКа) сообщает, что в г. Фрунзе и окрестностях до
10 тыс. казахов (о чем писал в ЦК ВКП(б)), ежедневно умирают
15-20 человек (особенно дети).

Не лучше обстоит дело с откочевниками внутри самого Ка-
захстана. По многим городам (Аулие-Ата⁷¹, Чимкент, Семипалатинск,
Кзыл-Орда и др. и ст. ж.д. ежедневно вывозят трупы умерших. В
Чуйском районе (по сообщению уполномоченного тов. Джандосо-
ва), в райцентре сел Ново-Троицком умирает ежедневно 10-12 че-
ловек, в Сары-Суйском районе из имевшихся 7000 хозяйств оста-
лось только 500, а остальные откочевали в Аулие-Атинский и др.
районы и часть даже попала в Киргизию. В ноябре на большое
расстояние двинулось несколько сот казахов из этого района с се-
мьями. На вторую пятидневку января подобрали 24 трупа. На доро-
ге напали на них вооруженные банды. Женщины бросали детей в
воду. В г. Аулие-Ата 5-6 января по чайханам подобрали замерзших
20 трупов детей, и за это же время умерло 34 человек взрослых.

...В докладе московского отряда Красного Креста, работаю-
щего сейчас в Актюбинской области, сообщается, что казахи в та-

⁷¹ Ныне г. Джамбул (Тараз — ред.)

ких районах, как Тургайский, охвачены голодом и эпидемией. Голодные питаются отбросами, поедают корешки диких растений, мелких грызунов. Собаки и кошки.. съедены полностью, и кучи мусора вокруг их шалашей полны вываренных костей собак, кошек и мелких грызунов... Передают о случаях трупоедства.

... По данным местных органов, в Тургайском и Бетбакаринском районах вымерло 20-30% населения и большая часть остального населения откочевала. В Челкарском районе в ряде аулсоветов 30-35% населения. В целом по Актюбинской области (куда относятся эти районы) председатель облисполкома тов. Иванов сообщил в докладе на областном съезде Советов (июль 1932 г.), что в области в 1930 г. было населения 1 012 500 человек, в 1932 г. осталось 725 800 человек, или 71%.

По свидетельству председателя Кызыл-Ординского райисполкома, в этом районе по большинству аулсоветов оставалось 15-20% населения. В Балхашском районе (по данным местного ОГПУ) было населения 60 тыс., откочевало 12 тыс. человек, умерло 30 тыс. В Каратальском районе в прошлую зиму, во время насильственного переселения на оседание трех казахских аулов в другое место, погибла половина населения. В том же районе (по свидетельству местного ОГПУ) за декабрь и 10 дней января (1933 г.) умерло 569 чел. от голода, подобрано за это же время на ст. Уштобе, площадке Караталстроя и рисосовхозе больше 300 трупов. В Чубартауском районе в 1931 г. было 5300 хозяйств, а на 1 января 1933г. осталось 1941 хозяйство. В Каркаралинском районе в мае 1932 г. было 50 400 человек, а к ноябрю месяцу осталось 15 900 чел, и в райцентре ежедневно умирало 15-20 человек (из сведений Крайисполкома). В Караганде в прошлую зиму умерло около 1500 человек казахов, среди них рабочие, от голода и эпидемии. В городе Сергиополе (Турксиб) за январь месяц умерло около 30 человек. Все вышеприведенные данные взяты из официальных источников.

Таких примеров с большим или меньшим размером убыли казахского населения можно встретить и по ряду других казахских районов. Особенно значительная убыль среди детского населения. Многие откочевники бросают детей на произвол судьбы. Прибывшие в другие края откочевники мало приносят с собой детей. Массы беспризорных детей скапливаются по городам и станциям ж. д. в Казахстане, ...приносят и бросают детей перед учреждениями и

домами. Казахские органы еще в конце 1932 г. официально сообщали о неустроенных 50 тыс. казахских беспризорных детей. Существующие детдома в Казахстане переуплотнены, и немало смертности среди детей. Так, например, в Семипалатинском районе при обследовании комиссии обнаружено в одном детдоме в подвале разложившихся 20 трупов детей, которых во время не убрали из-за отсутствия транспорта.

Вот выдержка из доклада того же Актюбинского отряда Красного Креста о казахских детях в Тургае: "В самом жутком состоянии находятся дети. Детское население в возрасте до 4-х лет вымерло поголовно, если осталось без родителей". В Кызыл-Орде в январе скопилось до 450 беспризорных детей. С одной станции Аягуз было собрано 300 детей, там же казашка бросила двух своих детей под поезд, а в городе Семипалатинске казашка двух детей бросила в прорубь".

Недавно журнал "Огонек" опубликовал главы из книги К. Икрамова, где он, в частности, приводит стенограмму допроса своего отца, видного большевика Акмарада Икрамова, незаконно арестованного по "делу Бухарина". Отвечая на иезуитские вопросы Вышинского, А. Икрамов подтвердил, что у них с Н. И. Бухариным во время его посещения Ташкента был разговор о Казахстане. Николай Иванович рассказывал, как "ехал по дороге, из окна вагона смотрел, что видел - ужас..."⁷².

Читая выдержки из письма Т. Рыскулова Сталину, начинаешь понимать, что мог видеть, проезжая через многие станции Казахстана, Н. И. Бухарин. Ужас его был вызван апокалипсическими картинами голодной степи, проплывавшими за окнами вагона. И с болью всматриваясь в них, видный государственный деятель, наверное, как никто другой, чувствовал, что это есть начало господства глубоко преступной системы сталинизма, в рамках которой нет конкретных людей, с их болями и бедами, а есть только масса, послушная воле "бого-человека".

**В соавторстве: Абылхожин Ж., Татимов Н. Б.
История Казахстана: белые пятна:
Алма-Ата, 1991. С. 183-217.**

⁷² Икрамов К. Дело моего отца. Главы из книги// Огонек. 1988. № 48. С. 13.

СТАЛИН: “НАША СТРАНА СТАНЕТ САМОЙ ХЛЕБНОЙ СТРАНОЙ В МИРЕ”

В вопросе о людских потерях в Казахстане в результате голода 1932—1933 годов современная историография выдвигает целый спектр оценок. В исследованиях, базирующихся на упрощенной процедуре (где все сводится к определению межпереписной арифметической разницы в численности казахского этноса), как правило, называется цифра в пределах 1 миллиона человек. Есть и явно завышенные оценки, как, скажем, в книге известного американского специалиста Марты Олкотт “Фабрикация социального прошлого: казахи Средней Азии”, там говорится о двух миллионах жертв*.

Разброс оценочных данных очень велик, поэтому есть необходимость провести широкие и углубленные исследования с тщательной проработкой источников.

До недавнего времени единственным документальным источником анализа проблемы служили данные первой и второй все-союзных переписей населения (проведены соответственно 17 декабря 1926 года и 15 января 1939 года). Интервал между ними составляет полные 12 лет и один месяц. Именно в этот межпереписной период произошла убыль населения. Если учесть, что пик демографической депопуляции падает на середину зимы 1932-1933 годов, то, следовательно, катастрофическое сокращение численности народонаселения произошло почти через шесть лет после первой переписи и за точно такой же срок до второй. Другими словами тяжесть трагического события приходится как раз на середину интервала между двумя переписями, что несколько облегчает расчеты.

Согласно результатам первой переписи 1926 года, на территории Казахской АССР проживало 3 миллиона 628 тысяч коренного населения¹. Но уже через 12 лет в переписи 1939 года фиксируется убыль в 1 миллион 321 тысяча человек, т. е. происходит уменьшение на 36,7 процента². Но даже эту цифру, как считают

* Переведен в Москву на должность Главного государственного арбитра СССР. В 1934 году был выведен из состава ЦК ВКП(б). Расстрелян в 1941 году. — Ред.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928, т.8, отд.1.

² Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989, с.122.

историки и демографы, следует признать минимальной, требующей существенной коррекции в рамках факторного анализа³. С его подклочением исследователям удалось установить, что на середину 1930 года, когда количественный состав населения еще оставался относительно стабильным, численность коренных жителей в пределах сопоставимой границы республики составляла около 4 миллионов 120 тысяч человек⁴.

Исходя из этой базы примерные масштабы невосполнимой убыли коренного населения Казахстана в годы трагедии, по данным М.Татимова, определяются в пределах около двух миллионов человек или 49 процентов его первоначальной численности⁵. Если же принять во внимание, что по сведениям текущего учета движения населения в 20-х годах уровень естественной смертности достигал 25 человек на 1000⁶, то численность умерших естественной смертью в 1931-1933 годах должна была фиксироваться на уровне где-то в 250 тысяч человек (7 процентов). Из этого историки и демографы делают вывод, что прямыми жертвами голода и связанных с ним болезней стали в названные годы 1 миллион 750 человек или 42 процента всей численности казахского населения республики⁷.

Думается, исчерпывающие данные о численности жертв голода остаются пока еще открытыми. Существенную коррекцию, по-видимому, дадут вводимые в научный оборот материалы из архивохранилищ КГБ и МВД, центральных партийных органов, из дел с литерой "С" ("Секретно"), хранящихся в фондах республиканских и областных архивов. Кардинальные изменения и новые моменты внесут материалы опубликованной далеко не полностью Всесоюзной переписи населения 1937 года, известной как "репрессированная перепись". Проведенная буквально за сутки (с 5 на 6 января), она отразила картину величайшей демографической катастрофы. Сами же материалы переписи долгие годы считались уничтоженными. Лишь недавно они были обнаружены в фондах Центрального государственного архива народного хозяйства

³ Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989, с.122.

⁴ Галиев А. Голод в Казахстане 1932-1933 гг. // Заря. 1989, № 2, с.13; Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. 1989, с.124.

⁵ Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. 1989, с.124.

⁶ Естественное движение населения Союза ССР в 1925 г. М., 1926, с.40.

⁷ Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989, № 7, с.18 (подсчеты Татимова М.Б.).

(ЦГАНХ). Из этих материалов следует, что численность казахов составляла в СССР на январь 1937 года 2 862 458 человек⁸.

Надо сказать, что в это время в Казахстане произошло снижение численности и других этносов: украинцев с 859,4 тысячи до 658,1, узбеков — с 228,2 тысячи до 103,6, уйгуров — 62,3 тысячи до 36,6. В это трудное лихолетье представители этих народов были вынуждены покинуть обжитые места и переселиться в более благополучные в продовольственном отношении районы Сибири, Узбекистана.

Масштабы голода, вызванного гигантским разрушением хозяйства, были воистину страшными. Утратив скот, обитатели Степи лишались традиционного для них мясомолочного рациона питания. Рыболовство, охота и собирательство не спасали. Хлеб в ауле в силу неурожая также отсутствовал (а тот, что был, выгребли вчистую по хлебозаготовкам). Покинуть зону бедствия не всегда удавалось. Без лошадей и верблюдов голодному кочевнику трудно было преодолеть огромные расстояния в несколько сот, а то и тысячи километров. Для бесскотного казахского крестьянства огромная Степь из кормилицы превратилась в ловушку.

Гонимые нуждой, людские массы растекались по городам, поселкам, станицам, деревням, станциям железных дорог с единственной целью — выжить. В местах их концентрации вспыхивали эпидемии брюшного тифа, который до того времени встречался очень редко среди жителей малонаселенной степи. Отсутствие иммунитета против неизвестной ранее болезни, а также слабая организация здравоохранения, а во многих случаях полное ее отсутствие, обрекали ослабленных голодом людей на смерть.

Большой урон численности коренного населения нанесли откочевки. Четвертая часть первоначальной совокупности населения, т.е. 1030 тысяч человек, откочевала в годы голода за пределы республики. Из них 616 тысяч безвозвратно и только 414 тысяч впоследствии возвратились в Казахстан. По оценкам, из безвозвратно откочевавших около 200 тысяч человек ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию.

Неоспоримым доказательством крупных откочевек казахов в сопредельные регионы служат материалы все тех же переписей

⁸ Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания // Социологические исследования. 1990, № 7, с.59.

населения 1926 и 1939 годов. Если по переписи 1926 года в соседних республиках проживало 314 тысяч лиц казахской национальности, то по переписи 1939 года — уже 794 тысяч, т.е. превышение составило в сопоставимых границах 453 тысячи⁹. В межпереписный период (1926-1939) за счет мигрантов численность казахов возросла: в РСФСР в 2,3 раза, в Узбекистане — в 1,7 раза, в Туркмении — в 6 раз, в Таджикистане — в 7 раз, в Киргизии — в 10 раз¹⁰.

С приходом в республику нового руководства (Голощекин в начале 1933 года был освобожден от занимаемой должности) во главе с видным партийным и государственным деятелем Л. И. Мирзояном (в казахском народе его фамилию любовно переименовывали на “Мырзажан” — “Щедрая душа”) была проделана большая работа по возвращению и хозяйственному обустройству отколовцев. Но уже в 1938 года после вакханалий борьбы с “японскими шпионами” и “национал-фашистами” эти усилия были свернуты. Новый состав ЦК республики не рискнул продолжать дело “врагов народа” (Мирзоян был арестован и расстрелян)** Однако это уже другая, не менее печальная страница истории.

Голод и связанные с ним эпидемии, а также отколовки сильно деформировали нормальный процесс демографических переходов на самом их начальном этапе. Коренное население республики смогло быстро преодолеть глубоко кризисное явление только потому, что последнее застало его на самой ранней стадии развития народонаселения, то есть на первых фазах демографической эволюции. Только благодаря мощному демографическому взрыву, совершившемуся в послевоенные годы в своем классическом варианте (пик приходится на 1962 год), казахский этнос смог восстановить огромные потери. Прежняя численность, как отмечает демограф М.Татимов, была восстановлена почти через 40 лет, в 1969 году. Если бы не было демографического взрыва и его до сих пор продолжающегося “эха”, то для преодоления подобного на-

⁹ Татимов М.Б. Летопись в цифрах (на казахском яз.). Алма-Ата, 1969, с.79-80.

¹⁰ Там же. с.80; На сегодня в мире насчитывается около 10 миллионов казахов. Наиболее многочисленны диаспоры в Китае (1070 тысяч чел.), Монголии (137 тысяч), Турции (120 тысяч). В Афганистане — 20 тысяч казахов, Иране — 10 тысяч, в Западной Германии — 550 казахов, во Франции — 510, в Швеции — 200, Нидерландах — 120, США — 100 человек, Великобритании — 60 человек и т.д.

** Мирзоян Левон Исаевич (1897 г.р.) — участник борьбы за Советскую власть в Закавказье. В 1925-1929 годах был секретарем ЦК КП (б) Азербайджана. Расстрелян в 1939 году после зверских пыток. — Ред.

ционального кризиса народонаселения потребовалось бы не менее 100-120 лет. Несмотря на это, его последствия будут сказываться еще долго — в течение 150-170 лет, как бы повторяя волнообразно сложную прошлую историю, но постепенно угасая, через смену каждого поколения.

Когда начинаешь осмысливать трагические события тех лет, то приходишь к пониманию, что причины их раскрываются отнюдь не через категорию “случайного”, обозначенную в традиционной историографии как “ошибки и перегибы”. Скорее наоборот, здесь имело место явление закономерное, мы бы даже рискнули бы сказать, фатальное, ибо мобилизационно-административные и волонтаристско-силовые методы уже по природе своей стихийны. В их основе лежат тенденции к контрастному противопоставлению политико-идеологических средств императивам экономического ряда, к попранию правовых норм и (выражаясь сегодняшним языком) человеческого фактора. Следовательно, ошибки и перегибы выражали в действительности объективную логику сталинской модели общества.

Осознавая эту предпосылку, тем не менее трудно удержаться от вопроса: как в то время могли допустить такое трагическое развитие событий? Тем более, что и сегодня еще бытует мнение о якобы полном неведении Сталина и его ближайшей креатуры о положении дел, о масштабах драмы в степи, что их, дескать, дезинформировали и т.д. Так ли это?

Действительно, как рассказывали свидетели, на одной из заседаний бюро Казкрайкома Мирзоян (он тогда только заступил к руководству партийной организацией республики) и председатель СНК КАССР Исаев, возвратившиеся из Москвы после доклада о ситуации, сложившейся в крае, один из сподвижников Сталина Каганович был более чем возмущен. Он все время грозно вопрошал: “Как это могло случиться? Почему ЦК узнает об этом из газет? Кому выгодно было это замалчивание?”

Казалось бы, в Центре в самом деле не представляли масштабов катастрофы, иначе к чему весь этот фарс? Но документы говорят о совершенно обратном. Известная правительственная записка за подписью председателя СНК Казахстана Исаева (май 1932 год), в которой давалась более или менее правдивая информация. Существует также версия, что о голоде и откочевках в Казахстане,

в Москву сообщали секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) Р. И. Эйхе* и председатель ЦИК Узбекистана Ю. Ахунбаев**. Логика здесь есть, поскольку Западная Сибирь и Узбекистан приняли большие массы откочевников, и их руководители не могли не ставить об этом в известность Сталина.

В этой же связи можно также напомнить эпизод, когда Молотов выразил подобие беспокойства по поводу массовых откочетов населения из Западного Казахстана, при этом удовлетворившись объяснениями Голощекина, что, дескать, там опять “классово чуждый элемент воду мутит”. Столь универсальная отговорка всегда снимала все проблемы. Кстати, понимание Голощекиным сущности откочетов вообще отличалось большой “оригинальностью”. Вот буквальная цитата: “Казах никогда не выезжал из своего аула, не знал путей, кроме путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включаются русские, украинские колхозы, переходит на работы, на хозяйственное строительство в Приволжье и Сибирь. Конечно, этот переход изменяет хозяйство, изменяет быт, разрушает старый быт, рушится старое хозяйство. Не без уронов. Одни — националисты — видят в этом исключительно мрачную сторону, разрушение хозяйства, другие — “левые” фразеры — видят в этом только контрреволюцию. Конечно, в некоторой степени есть элементы и того, и другого, но в основном идет перестройка быта”¹¹. Неужто было невдомек первому руководителю республики, что стихийные передвижения огромных масс населения вызвались не “перестройкой быта”, а острой нуждой?

Убедительным свидетельством безбрежного лицемерия высшего эшелона власти к проблемам голода в Казахстане стало письмо Т. Р. Рыскулова¹² Сталину.

* Эйхе Роберт Индрикович (1890 г.р.). С 1937 года нарком земледелия СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Репрессирован. Год смерти — 1940-й. - Ред.

** Ахунбаев Юлдаш (1885 г.р.). С 1938 года — председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, заместитель председателя. Умер в 1943 году. - Ред.

¹¹ Советская степь. 1931, 1 сентября.

¹² Рыскулов Турар Рыскулович (1894-1938 гг.) — член партии с сентября 1917 года. В январе 1920 года избран председателем Туркестанского ЦИКа, осенью того же года назначен заместителем наркома по делам национальностей РСФСР. Осенью 1922 года — председатель СНК ТуркАССР, с февраля 1924 года работает в Исполкоме Коминтерна, его уполномоченный в Монголии. С мая 1929 года по май 1937 года — заместитель председателя СНК РСФСР. Незаконно арестован и расстрелян.

В нем говорилось: “По последним приблизительным данным, полученным с мест, прикочевавших в соседние с Казахстаном края сейчас казахов: в Средней Волге — 40 тысяч человек, Киргизии — 100 тысяч человек, Западной Сибири — 50 тысяч человек, Каракалпакии — 20 тысяч, Средней Азии — 30 тысяч человек. Откочевки попали даже в такие отдаленные места как Калмыкия, Таджикистан, Северный край и др. Часть населения во главе с баями откочевала в Западный Китай. Подобное явление откочевки казахов в сторону центральных районов происходит впервые в Казахстане. Это не просто кочевание (которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота), а в значительной части бегство голодных людей в поисках пропитания. Откочевки по отдельным районам доходят до 40-50 процентов всего количества населения районов...

Но самым отрицательным результатом этих откочевки и расшатываний казахских хозяйств — являются голод и эпидемии среди казахского населения, начавшиеся с начала 1932 года, которые, ослабев летом, теперь вновь принимают угрожающие размеры. В прошлую весну в казахских районах и среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемий. Это явление вновь усиливается сейчас с приближением весны”.

Нам известны два письма Рыскулова Сталину — от 29 сентября 1932 года и 9 марта 1933 года. Ниже приводятся выдержки из письма Рыскулова Сталину (копия Кагановичу и Молотову) от 9 марта 1933 года, где говорилось о том, что “в Сольицком и Орском районах среди откочевников умирают ежедневно 5-10 человек; т. Алагызов (от Западно-Сибирского исполкома) сообщает, что по одним станциям Сибирской железной дороги скопилось 10 тысяч казахов, среди которых много больных эпидемическими заболеваниями и значительная смертность; на кирпичном заводе Севстройпути работало 84 казахским рабочим, потом их уволили, 14 человек умерло с голоду, за что привлечены к ответственности виновники; т. Туганбаев (заместитель председателя Киргизского ЦИКа) сообщает, что в г. Фрунзе и окрестностях скопилось до 10 тысяч казахов (о чем писал в ЦК ВКП(б) и Киробком ВКП(б) и ежедневно умирает 15-20 человек (особенно дети)”. Далее в письме указывалось: “не лучше обстоит дело с откочевниками внутри самого Казахстана. По многим городам (Аулие-Ата, Чимкент, Се-

мипалатинск, Кызыл-Орда и др.) и станциям железных дорог ежедневно вывозят трупы умерших казахов. В Чуйском районе (по сообщению уполномоченного т. Джандосова) в райцентре с. Ново-Троицком умирает ежедневно до 10-12 человек казахов, и 60 процентов кочевников также ушло из района. В Сары-Суйском районе из имевшихся 7000 тысяч хозяйств осталось около 500 хозяйств, а остальные откочевали в Аулие-Атинский и другие районы, и часть даже попала в Киргизию. В ноябре на большое расстояние двинулось несколько сотен казахов из этого района с семьями. По дороге часть населения погибла. За одну вторую пятидневку января подобрали 24 трупа. По дороге напали на них вооруженные бандиты. Женщины бросали детей в воду. В г. Аулие-Ата 5-6 января по чайханам подобрали замерзших 20 трупов детей и за то время умерло 84 человека взрослых. В постановлении Актюбинского обкома от 16 октября 1932 года указывается, что на железнодорожной станции Джусалы из прибывших до 300-400 семейств возвращенцев-откочевников (и направленных затем на станцию Саксаульская) умерло (по неточным данным) 100 казахов (в том числе 21 человек от натуральной оспы), притом не оказывали им помощь, имело место на станции избиение казахов.

...В докладе московского отряда Общества Красного Креста, работающего сейчас в Актюбинской области, сообщается, что казахи в таких районах как Тургайский, охвачены голодом и эпидемией. Голодные питаются отбросами, поедают корешки диких растений, мелких грызунов. В то время, когда по центру района работало 12 оспопрививателей, в аулах района с населением 25 тысяч человек работало всего два оспопрививателя. Актюбинский областной центр не знал об эпидемии оспы в Тургайском районе. А Казахский наркомздрав вовсе не охватывает учетом также районы, вследствие чего получается, что на то же время по краю числилось заболевших оспой 2400 человек. Таковы были факты сообщившиеся Рыскуловым — и далее летопись скорби — по данным местных органов, в Тургайском и Бетпаккаринском районах вымерло 20-30 процентов населения и большая часть остального населения откочевала. В Челкарском районе в ряде аулсоветов вымерло 30-35 процентов населения. В целом по Актюбинской области (куда относятся эти районы) председатель облисполкома т. Иванов сообщил в докладе на областном съезде Советов (июль 1932 года), что

в области в 1930 году было населения 1 012 500 человек, в 1932 году осталось 725 800 человек или 71 процент. По свидетельству председателя Кзыл-Ординского райисполкома в этом районе по большинству аулсоветов осталось 15-20 процентов населения. В Балхашском районе (по данным местного ОГПУ) было население 60 тысяч казахов. В Каратальском районе в прошлую зиму во время насильственного переселения на оседание трех казахских аулов в другое место погибла половина населения. В том же районе (по сведениям местного ОГПУ) за декабрь и 10 января 1933 года умерло 569 человек от голода, подобрано за то же время на станции Уштобе, площадке Караталстроя и рисосовхозе больше 300 трупов. В Чубартауском районе в 1931 году было 5 300 хозяйств, на 1 января 1933 года осталось 1 941 хозяйство”.

Закончим перечисление фактов и оставим читателям возможность сделать свои выводы.

**ДЕПОРТИРОВАННЫЕ В КАЗАХСТАН НАРОДЫ:
СУДЬБЫ И РЕАЛЬНОСТЬ.
Алматы. 1998.**

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ТРАГЕДИЯ КРЕСТЬЯНСТВА*

I. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

Реакция на силовое давление и грубый произвол выразилась не только в резком упадке сельскохозяйственного производства. Как и по всей стране, в Казахстане имело место проявление открытого недовольства, которое в ряде случаев вылилось в вооруженные выступления крестьянства.

Наиболее крупные инциденты произошли в Семипалатинском округе. Здесь с февраля по май 1930 г. сильными волнениями были охвачены Зыряновский, Усть-Каменогорский;

*Брошюра под таким названием была написана М.К.Козыбаевым, Ж.Б.Абылгожиным, К.С.Алдажумановым. А., 1992. Ниже публикуется § 2,3 из этой работы.

Самарский, Шемонаихинский, Катон-Карагайский районы. Осенью 1929 г. тревожные вести не переставали поступать из Бостандыкского района Сыр-Дарьинского округа, Батбакаринского и Наурузумского районов Кустанайского округа¹. Острые конфликты возникали в Балхашском районе Алма-Атинского и Иргизском районе Актюбинского округов². В феврале-марте 1930 г. вспыхнули мятежи в Сарысуйском районе Сырдарьинского округа³. Крестьянские волнения отмечались и в других районах края. Всего, по сводкам ОГПУ, по Казахстану в это время имело место более трехсот различных демонстраций крестьянского протеста.

Если в 1929 г. выступления крестьян имели преимущественно вид локальных вооруженных противодействий (как это было, например, в Батбакаринском, Бостандыкском районах), то уже зимой и весной 1930 г. волнения обрели более широкий и повсеместный характер. Несмотря на жестокое подавление любых проявлений недовольства и беспощадные карательные акции со стороны органов ОГПУ, сопротивление населения антикрестьянской политике властей с гало резко нарастать. Этому не смогли воспрепятствовать и меры, предпринятые властями в соответствии со специальным постановлением бюро Казкрайкома ВКП(б), квалифицировавшего выступления крестьян в Батбакаринском и Бостандыкском районах как проявление бандитско-басмаческого движения.

Начиная с февраля 1930 г. волнения усилились. Непосредственным поводом к этому послужило постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 1 февраля 1930 г. "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством", на основе которого повсеместно начался неприкрытый террор не только в отношении зажиточной, но и середнячко-бедняцкой части крестьянства⁴. Аналогичное постановление, направленное на реализацию вышеупомянутого решения ЦИК и СНК СССР, принимало также и правительство Казахской республики. Впрочем, в те годы таких нормативных актов, направленных на усиление административно-командных методов руководства сельским хозяй-

¹ ЦГА РК. Ф. 229. Оп. 3. Д. 159. Л. 32.

² Архив Инст. Политологии и управления. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3297. Л. 112—118.

³ Абдуразаков А. Операция "Кокандские эмиссары" // Мы из ЧК. Алма-Ата.

⁴ ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 47. Л. 1.

ством и расширение антикрестьянских репрессий принималось предостаточно, причем как в Центре, так и на местах.

Так, известная секретная инструкция, направлена вслед за февральским постановлением всем Центральным исполнительным комитетам, а также совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам, за подписями Председателя ВЦИК М. Калинина, Председателя СНК СССР А. Рыкова и секретаря ВЦИК А. Енукидзе предлагала "в районах сплошной коллективизации провести немедленно, а в остальных районах - по мере действительного массового развертывания коллективизации" ряд карательных акций в отношении кулаков. В частности, здесь говорилось: "В целях решительного подрыва влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-середняцкого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток контрреволюционного противодействия со стороны кулаков проводимым советской властью и колхозами мероприятиям: а) выселить кулацкий актив, наиболее богатых кулаков и полупомещиков и отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края — в отдаленные его районы; б) расселить остальных кулаков в пределах района, в котором они проживают на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств, участках..."⁵.

Крестьянские протесты провоцировались и антирелигиозной политикой ВКП(б) и советского государства. Декларируя свободу совести и вероисповедания своим гражданам, государство тем не менее не отказалось от воинствующего атеизма. Доведя его до крайних форм антирелигиозного вандализма, при котором откровенно попирались все нормы морали и права. За короткие сроки в Казахстане были разрушены или закрыты почти все мечети, молитвенные дома и церкви, находящиеся в сельских районах. Естественно, что это вызывало неприятие населения, значительная часть которого относилась к верующим.

Результат не приминул сказаться. Во многих районах республики независимо друг от друга вспыхивали стихийные бунты. Нередки были случаи поджогов, убийств местных партийных и советских работников, уполномоченных по заготовкам, коммунистов, активистов и т. д. Так, насилие со стороны властей порождало ответную реакцию населения.

⁵ Там же. Л. 8-10.

Социальный состав восставших был в большинстве случаев однородным. Следует также отметить, что, как правило, участники того или иного движения были объединены родовыми связями, вследствие чего в ходе массовых волнений возникали своеобразные межродовые союзы. Во главе каждой группы такого союза стояли выборные предводители из числа наиболее влиятельных и решительных лиц, способных повести за собой людей. Восставшие нескольких родовых групп выбирали общего лидера. Например, так обстояло дело среди восставших в Адаевском округе и в Иргизском районе или в Каракумах, где весной 1930 г. кочевало бежавшее от преследований население из многих аулов Казалинского, Кармакчинского, Карабутацкого, Иргизского, Челкарского и других районов. Однако такие объединения (союзы) не выходили за рамки нескольких аулов и если даже находились на территории одного района, действовали самостоятельно.

В ряде районов крестьянские восстания носили хотя и организованный, но скоротечный характер. Это во многом объяснялось отсутствием оружия и не способностью долго противостоять регулярным войсковым подразделениям, высланным для подавления мятежных очагов. Собственно, именно так случилось в Сузакском районе, где действия и восставших, и отрядов, высланных для их подавления, носили обоюдно трагический характер.

Подготовка к восстанию велась с ноября 1929 г.⁶. Основное ядро его состояло из крестьян некоторых родов племени "Тама", кочевавших в северной и северо-восточной части Сузакского района по р. Сары-Су (в отдельные моменты численность повстанцев достигала 2 тыс. чел.). Одним из идеологов и руководителей повстанцев был гражданин Ирана, перебравшийся в 1918 г. в Баку, а затем в Сузакский район Асадулла Сафар-Али Ибрагим. С его помощью задолго до восстания были изготовлены воззвания и листовки, где в контексте откровенного осуждения беззакония властей обыгрывались и религиозные мотивы (призывы к священной войне против иноверцев — газавату).

Рано утром 7 февраля 1930 г. восставшие (около 400 человек) ворвались в районный центр с. Сузак. Одновременно они захватили пос. Чулак-Курган и близлежащие аулы. Была предпринята и

⁶ Здесь и далее использованы материалы архива КГБ Республики Казахстан о крестьянских волнениях.

неудавшаяся попытка прорваться к руднику Ачисай, где предполагался захват имевшегося там оружия.

Доведенные до крайней степени озлобления, восставшие убили в захваченном Сузаке всех руководителей района, в том числе секретаря райкома партии К. Джунусбекова и председателя райисполкома Д. Канлыбаева. Жертвами ослепленных отчаянием повстанцев стали также и случайные люди (погибло 24 человека).

Первоначально для подавления восстания были привлечены отряды, сформированные из коммунаров Туркестана, Чимкента и Кызыл-Орды. Однако последним эта задача оказалась не под силу. 11 февраля 1930 г. в окрестностях кишлака Бабай-Курган в засаду повстанцев попал Туркестанский отряд. 12 февраля в местности Кугашик попал в окружение и был заблокирован Чимкентский отряд. От разгрома его спасла лишь слабая вооруженность восставших (у них были примитивные пики, шашки и в небольшом количестве охотничьи ружья), оказавшихся бессильными против плотного винтовочного и пулеметного огня. С подходом же Кызылординского отряда, подоспевшего на помощь окруженным, восставшие отошли в районе села Сузак. После этого органы ОГПУ в своем докладе Средазбюро ЦК ВКП(б) и штабу Среднеазиатского военного округа были вынуждены констатировать, что "организованные для подавления восстания отряды из коммунаров с этой задачей не справились, а в некоторых случаях понесли поражение, имея убитых и раненых".

С этого момента карательные функции передаются регулярным частям из войск САВО. В середине февраля из Ташкента вышел отряд курсантов и батарея горно-вьючной артиллерии военной школы. Совершив ночной переход через горы Каратау, они подошли к Сузаку. Окружив райцентр со всех сторон, военные обрушили на его жителей и всех кто там оказался шквал пулеметного и орудийного огня. Но и после этого огненного смерча примитивно вооруженные крестьяне еще четыре часа оказывали сопротивление, умело организуя уличные бои.

Однако вскоре восстание, в подавлении которого принял участие и национальный кавалерийский эскадрон, было ликвидировано. При этом 316 повстанцев было убито, 7 ранено и 276 арестовано. В последующем вакханалию жесточайшего террора познали почти все жители района. Многие из них, спасаясь от расправы, откочева-

ли в пески Муюнкумов, где попытались скрыться, от преследования. Однако далеко не всем это удалось, ибо по их следам шли преторианцы из организации со зловещей аббревиатурой ОГПУ. Так уже Советское государство повторило опыт царизма, осуществлявшего карательные экспедиции в Степи при подавлении национально-освободительного восстания 1916 года.

События, происходившие на территории Сузакского региона, неизбежно повлияли на обстановку и в соседних районах. Так, в одном из них — Чаяновском — население восьми общин открыто выразило недовольство проводимой Советской властью политикой в ауле. А в 9-м ауле этого же района вспыхнул мятеж, который был подавлен силами местной милиции и отряда самообороны.

Похожие события происходили и на территории Сары-Суйского района. Здесь повстанцами были убиты пять человек из числа местных партийно-советских работников и активистов. Однако упреждающие акции карательных органов не дали разрастись движению. Тем не менее в сводках ОГПУ этот район еще долго упоминался в ряду “мятежных территорий”.

Весной 1930 г. волнениями были охвачены аулы Кызыл-Кумского района. Загнанные в угол беспределом местных властей, крестьяне были вынуждены оказать сопротивление, проявлявшееся в том числе и в откочевках на территорию Кара-Калпакской автономной области.

В начале марта 1930 г. началось восстание в Иргизском районе. Его руководители А. Какаев и М. Саматов, собрав около 600 человек, даже пытались захватить г. Иргиз. Но после небольшого боя с вооруженным отрядом местных коммунаров, потеряв 56 человек убитыми и пленными, они отказались от этого намерения.

В феврале—марте этого же года обострилась обстановка в районах, прилегающих к пескам Каракумы. Жители многих аулов Казалинского, Кармакчинского, Терень-Узекского, Алам-Есекского и других районов были вынуждены откочевать в Каракумы. Одновременно создавались боевые дружины из числа повстанцев, возглавляемых объявившими себя ханами Дж. Баймбетовым, П. Лаубаевым, К. Жубановым и другими. Необходимо отметить, что выборы или объявление “ханов” среди восставших вытекали из необходимости осуществления единого руководства над повстанцами и беспрекословного их подчинения.

Масштабы волнений в Каракумах разрастались, и это стало вызывать беспокойство местных властей. Поэтому, по просьбе Ф. И. Голощекина и руководителей республиканского ОГПУ, в Аральск, а затем и на станцию Джусалы были переброшены регулярные части, дислоцировавшейся в Оренбурге 8-й кавалерийской дивизии. В ходе войсковых операций погибли или были пленены руководители повстанцев М. Саматов, Айжаркен Канаев, П. Лаубаев, И. Сатылбалдин, Б. Шуйборин и другие.

Каждая стычка войск с группами в основном безоружных повстанцев оборачивалась для последних десятками убитых и сотнями плененных. Например, в ходе подавления восстания в Иргизском районе и Каракумах со стороны повстанцев погибло 386 человек, а изъято было всего 17 винтовок. 2 берданки и 12 дробовиков. И так было почти везде.

Общим моментом во всех восстаниях было то, что крестьяне, не имея возможности оказывать длительное сопротивление превосходящим их силам, снимались с насиженных мест и откочевывали. Так поступали крестьяне Мангистауского, Жилокосинского, Уильского и Табынского районов, которые, оказывая сопротивление, откочевывали на территорию Туркмении и Каракалпакии, а часть — в Иран и Афганистан. На территории Китая оказалась значительная часть мятежных аулов Балхашского, Чокпарского, Илийского, Энбекши-Казахского, Биен-Аксуйского, Саркандского, Джаркентского, Барибаевского районов Алма-Атинского округа.

В более сложном, подчас безысходном положении оказались участники восстаний во внутренних районах. Они блокировались со всех сторон и очень часто подвергались уничтожению влетавшими в аулы эскадронами. Так было весной 1931 г. в Абралинском, Чингистауском и Чубартауском районах Каркаралинского округа.

По неполным данным за полтора года в волнениях участвовало около 80 тыс. человек. Несмотря на широкий размах географического пространства, восстания и волнения крестьянства 1929—1931 гг. в силу своей обреченности не могли изменить ход событий и политику официальных властей в ауле и деревне. Одной из главных причин этого явилось противопоставление города и деревни, рабочего класса и крестьянства. Индустриализация стра-

ны, осуществлявшая за счет разорения аула и деревни, разрушения традиционных структур, крестьянских хозяйств, не могла вызвать широкого сочувствия со стороны населения. Тем не менее репрессивные меры к восставшим привели к смирению остальной части крестьянства. Однако впереди надвигались еще более страшные события — голод 1932—1933 гг.

III. КАЗАХСТАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В вопросе о людских потерях в Казахстане в результате голода 1932—1933 гг. современная историография выдвигает целый спектр оценок. В исследованиях, базирующихся на упрощенной процедуре (где все сводится к определению межпереписной арифметической разницы в численности казахского этноса), как правило, называется цифра в пределах 1 млн. чел. Имеются и явно завышенные оценки, как, скажем, в книге известного американского специалиста Марты Олкотт “Фабрикация социального прошлого: казахи Средней Азии”, в которой говорится о двух миллионах жертв.

Имея в виду западную советологию, надо учитывать, что если в одних случаях ее изыскания отражают стремление к истине, то в других бесполезно пытаться искать даже видимость объективности, ибо там все подавляет примат тех стереотипов, в основе которых лежит все то же неистребимое желание “кинуть еще один камень”. Но как бы то ни было, проблемы нашей отечественной истории лучше нас же самих никто не решит. Поэтому настала пора интенсифицировать исследовательский поиск в этом направлении. И здесь огромную роль должна сыграть историческая демография с ее эффективным познавательным инструментарием и универсальными методами исследования.

Как известно, до недавнего времени единственным документальным источником для анализа проблемы служили данные первой и второй Всесоюзных переписей населения (проведены соответственно 17 декабря 1926 г. и 15 января 1939 г.). Интервал между ними составляет полные 12 лет и один месяц. Именно в этот межпереписной период произошла убыль населения. Если учесть, что пик демографической депопуляции падает на середину зимы 1932/1933 гг., то, следовательно, катастрофическое сокраще-

ние численности народонаселения произошло через почти шесть лет после первой переписи и за точно такой же срок до второй. Другими словами, апогей трагического события приходится как раз на середину интервала между двумя переписями, что несколько облегчает расчеты.

Согласно результатам первой переписи 1926 г., на территории Казахской АССР проживало 3 млн. 628-тыс. коренного населения⁷. Но уже через 12 лет в переписи 1939 г. фиксируется убыль в 1 млн 321 тыс. чел., т. е. происходит уменьшение совокупности на 36,7 %⁸. Но даже эту цифру, как считают историко-демографы, следует признать минимальной, требующей существенной коррекции в рамках факторного анализа⁹. С его подключением исследователям удалось установить, что на середину 1930 г., когда количественный состав населения еще оставался относительно стабильным, численность коренных жителей в пределах сопоставимой границы республики составляла около 4 млн. 120 тыс. чел.¹⁰.

Исходя из этой базы примерные масштабы невосполнимой убыли коренного населения Казахстана в годы трагедии определяются в пределах около 2 млн. чел., или 49% его первоначальной численности¹¹. Если же принять во внимание, что по данным текущего учета движения населения в 20-х гг. уровень естественной смертности достигал 25 человек на 1000¹², то численность умерших естественной смертью 1931—1933 гг. должна фиксироваться на уровне где-то в 250 тыс. чел. (7%). Из этого историко-демографы делают вывод, что прямыми жертвами голода и связанных с ним болезней стали в названные годы 1 млн. 750 чел., или 42% всей численности казахского населения республики¹³.

Думается, что вопрос о численности жертв голода остается пока еще открытым. Существенную коррекцию, по-видимому, дадут вводимые в научный оборот материалы из архивохранилищ

⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Г 8, отд. 1.

⁸ Татимов М. Б. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989. С. 122.

⁹ Там же.

¹⁰ Галиев А. Голод в Казахстане 1932—1933 гг. // Заря, 1989, № 11 С. 13; Татимов М. Б. Социальная обусловленность демографических процессов, С. 124.

¹¹ Татимов М. Б. Социальная обусловленность демографических процессов. С. 124.

¹² Естественное движение населения Союза ССР в 1925 г М 1926 С. 40

¹³ Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории 1989. № 7. С 18. (подсчеты М. Татимова).

КГБ и МВД, Центральных партийных организаций, и с Литерой "С" ("секретно"), хранящиеся в фондах республиканского и областных архивов. Кардинально новые моменты внесут материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., известной как "репрессированная перепись". Проведенная буквально за один день (с 5 на 6 января), она отразила картину величайшей демографической катастрофы, вызванной политикой сталинизма. Понятно, что вскоре ее разработчики и исполнители были арестованы, а многие уничтожены (система боялась оставлять свидетелей). Сами же материалы переписи долгие годы считались уничтоженными. И вот недавно они были обнаружены в фондах Центрального Государственного Архива Народного хозяйства (ЦГАНХ). Из этих материалов следует, что численность казахов составляла в СССР на январь 1937 г. 2862458 человек¹⁴.

Надо сказать, что в это время в Казахстане произошло снижение численности и других этносов: украинцев с 859,4 тыс. до 658,1, узбеков — с 228,2 тыс. до 103,6, уйгуров — с 62,3 тыс. до 36,6. В это трудное лихолетье представители этих народов были вынуждены покинуть обжитые места и переехать в более благополучные в продовольственном отношении районы — Сибирь, Узбекистан.

Из приведенных данных видно, что масштабы голода, вызванного тотальным разрушением хозяйства, были воистину страшными. Утратив скот, обитатели Степи лишались традиционного для них мясомолочного рациона питания. Рыболовство, охота и собирательство не спасали положения. Хлеб в ауле в силу неурожая также отсутствовал (а тот, что был, выгребли по хлебозаготовкам). Покинуть зону бедствия не всегда удавалось. Без лошадей, верблюдов голодному кочевнику трудно было преодолеть огромные расстояния в несколько сот, а то и тысячи километров. Для бесскотного казахского крестьянства огромная Степь из кормилицы превратилась в ловушку.

Гонимые нуждой, людские массы растекались по городам, поселкам, станицам, деревням, станциям железных дорог с единственной целью — выжить. В местах их концентрации вспыхивали очаги эпидемии брюшного тифа, который до того времени был неизвестен жителям редконаселенной степи. Отсутствие иммуни-

¹⁴ Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания // Социологические исследования. 1990, № 7. С. 59.

тета против неизвестной ранее болезни слабая организация здравоохранения (а во многих случаях ее полное отсутствие) обрекали ослабленных голодом людей на смерть.

Большой урон численности коренного населения нанесли откочевки. Четвертая часть первоначальной совокупности населения, т. е. 1030 тысяч человек, откочевала в годы голода за пределы республики. Из них 616 тыс. безвозвратно и 414 тыс. впоследствии вернулись в Казахстан. По нашим оценкам, из безвозвратно откочевавших около 200 тыс. человек ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию.

Неоспоримым доказательством крупных откочевки казахов в сопредельные регионы служат материалы все тех же переписей населения 1926 и 1939 гг. Если по переписи 1926 г. в соседних республиках проживало 314 тыс. лиц казахской национальности, то по переписи 1939 г. — уже 794 тыс., т. е. превышение составило в сопоставимых границах 453 тыс. человек¹⁵. В межпереписный период 1926—1939 гг. за счет мигрантов численность казахов возросла: в РСФСР в 2,3 раза, в Узбекистане — в 1,7 раза, в Туркмении — в 6 раз, в Таджикистане — в 7 раз, в Киргизии — в 10 раз¹⁶.

С приходом в республику нового руководства (Ф. И. Голощекин в начале 1933 г. был освобожден от занимаемой должности) во главе с видным большевиком-ленинцем Л. И. Мирзояном (в казахском народе его фамилию любовно переиначивали на “Мырзажан” — “Щедрая душа”) была проделана большая работа по возвращению и хозяйственному обустройству откочевников. Но уже с 1938 г. после репрессивных вакханалий по борьбе с “японскими шпионами” и “национал-фашистами” эти усилия были свергнуты. Новый состав ЦК республики не рискнул продолжать дело “врагов народа” (Л. И. Мирзоян был арестован и расстрелян). Однако это уже другая, не менее печальная, страница истории.

Голод и связанные с ним эпидемии, а также откочевки сильно деформировали нормальный процесс демографических перехо-

¹⁵ Татимов М. Б. Летопись в цифрах (на каз. яз.). Алма-Ата, 1969. С. 79—80.

¹⁶ Там же. С. 80. На сегодня в мире насчитывается около 10 миллионов казахов. Наиболее многочисленные диаспоры имеются в Китае (1070 тысячи чел.), Монголии (137 тысяч), Турции (120 тысяч), Афганистане (20 тысяч), Иране (10 тысяч), Западной Германии (550 человек), Франции (510 человек), Швеции (200 человек), Нидерландах (120 человек), США (100 человек), Англии (60 человек) и т. д.

дов в самом их начальном этапе. Коренное население республики смогло быстро преодолеть глубоко кризисное явление только потому, что последнее застало его на самой ранней стадии развития народонаселения, то есть на первых фазах демографической эволюции. Только благодаря мощному демографическому взрыву, совершившемуся в послевоенные годы в своем классическом варианте (пик приходится на 1962 г.), казахский этнос смог восстановить огромные потери. Прежняя численность была восстановлена почти через 40 лет, в 1969 г. Если бы не было демографического взрыва и его до сих пор продолжающегося “эха”, то для преодоления подобного национального кризиса народонаселения потребовалось бы не менее 100—120 лет, т. е. в 2—3 раза больше времени. Несмотря на это, его последствия будут сказываться еще долго — в течение 150—170 лет, как бы повторяя волнообразно прошлую сложную историю, но постепенно угасая, через смену каждого поколения.

Когда начинаешь осмысливать трагические события, тех лет, то приходишь к пониманию, что причины их раскрываются отнюдь не через категорию “случайного”, обозначенную в традиционной историографии как “ошибки и перегибы”. Скорее, наоборот, здесь имело место явление закономерное, мы бы даже рискнули сказать, фатальное, ибо мобилизационно-административные и волонтаристско-силовые методы уже по природе своей стихийны. В их основе лежат тенденции к контр противопоставлению политико-идеологических средств императивам экономического ряда, к попранию правовых норм и человеческого фактора (выражаясь сегодняшним языком). Следовательно, ошибки и перегибы выражают в действительности объективную логику сталинской модели организации общества.

Осознавая эту предпосылку, тем не менее, трудно удержаться от вопроса: как в то время могли допустить такое трагическое развитие событий? Тем более, что еще и сегодня бытует мнение о якобы полном неведении Сталина и его ближайшей креатуры о положении дел, о масштабах драмы в Степи, что их, декать, дезинформировали и т. д. Так ли это?

Действительно, как рассказывали на одном из заседаний бюро Казкрайкома Л. И. Мирзоян (он только заступил к руководству партийной организацией республики) и председатель СНК КАССР У. Исаев, возвратившиеся из Москвы после доклада о ситуации,

сложившейся в крае, Л. Каганович был более чем возмущен. Он все время грозно вопрошал: “Как это могло случиться? Почему ЦК узнает об этом из газет (явная ложь, так как пресса в то время не выходила в своей “информации” далее санкционированных пропагандистских клише)? Кому выгодно было это (т.е. голод, откочевки и т. д.) замалчивать (привычный намек на “вредителей”)?”

Казалось бы в Центре в самом деле не представляли масштабов катастрофы, иначе к чему весь этот фарс. Но документы говорят о совершенно обратном. Прежде всего известна официальная правительственная записка за подписью Председателя СНК Казахстана У. Исаева (май 1932 г.), в которой давалась более или менее правдивая информация. Существует также версия, что о голоде и откочевках в Казахстане в Москву сообщали секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. Эйхе и председатель ЦИК Узбекистана Ю. Ахунбабаев (логика здесь есть, поскольку Западная Сибирь и Узбекистан приняли большие массы откочевников, и их руководители не могли не ставить об этом в известность Сталина).

В этой же связи можно также напомнить эпизод, когда В. Молотов выразил подобие беспокойства по поводу массовых откочетов населения из Западного Казахстана, при этом сразу удовлетворившись объяснениями Ф. Голощекина, что “дескать, там опять “классово чуждый” элемент воду мутит (столь универсальная отговорка в те годы всегда “снимала” все проблемы: от поломки турбины до пожара в поле). Кстати, понимание Голощекиным сущности откочетов вообще отличалось большой “оригинальностью”. Вот буквальная цитата из одного его выступления: “Казах никогда не выезжал из своего аула, не знал путей, кроме путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работы, на хозяйственное строительство в Приволжье и Сибирь. Конечно, этот переход изменяет хозяйство, изменяет быт, разрушает старый быт, рушится старое хозяйство. Не без уронов. Они — националисты — видят в этом исключительно мрачную сторону, разрушение хозяйства, другие — “левые” фразеры — видят в этом только контрреволюцию. Конечно, в некоторой степени есть элементы и того, и другого, но в основном идет перестройка быта”¹⁷. Неужто невдомек было первому руководителю рес-

¹⁷ Советская степь, 1931. 1 сентября.

публики, что стихийные передвижения огромных масс населения были вызваны не “перестройкой быта”, а элементарной нуждой.

Убедительным свидетельством фарисейского лицемерия высшего эшелона власти служит письмо Т. Р. Рыскулова* Сталину.

В нем говорилось: “По последним приблизительным данным, полученным с мест, прикочевавших в соседние с Казахстаном края сейчас казахов: в Средней Волге — 40 тыс. человек, Киргизии — 100 тыс. человек, Западной Сибири — 50 тыс. человек, Каракалпаккии — 20 тыс., Средней Азии — 30 тыс. человек. Откочевники попали даже в такие отдаленные места как Калмыкия, Таджикистан, Северный край и др. Часть населения во главе с баями откочевала в Западный Китай. Подобное явление откочевки казахов в сторону центральных районов происходит впервые в Казахстане. Это не просто кочевание (которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота), а в значительной части бегство голодных людей в поисках пропитания. Откочевники по отдельным районам доходят до 40—50% всего количества населения районов...

Но самым отрицательным результатом этих откочевки и расшатываний казахских хозяйств — являются голод и эпидемии среди казахского населения, начавшиеся с начала 1932 г., которые, ослабев летом, теперь вновь принимают угрожающие размеры. В прошлую весну в казахских районах и среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемий. Это явление вновь усиливается сейчас с приближением весны. Вот ряд фактов, взятых из материалов мест и относящихся к последнему времени. Приехавшие от нескольких краев представители для участия в работах комиссии СНК РСФСР сообщают следующие факты: т. Илларионов (от Средне-Волжского Крайисполкома) говорит, что в Солылецком и Орском районах среди откочевников умирают ежедневно 5—10 человек; т. Алагызов (от Западно-Си-

* Рыскулов Турар Рыскулов :ч (1894—1943 (?) гг.) — член партии с сентября 1917 г. В январе 1920 г. избран председателем Туркестанского ЦИКа, осенью того же года назначен зам. наркома по делам национальностей РСФСР. Осенью 1922 г. — председатель СНК ТуркССР, с февраля 1924 г работает в Исполкоме Коминтерна, его уполномоченный в Монголии. С мая 1926 по май 1937 гг. — зам. председателя СНК РСФСР. Незаконно арестован и расстрелян.

Известны два письма Т. Рыскулова Сталину — от 29 сентября 1932 г. и 9 марта 1933 г. Ниже приводятся выдержки из письма Т. Рыскулова Сталину (копия с. х. отдела ЦК ВКП(б) т. Кагановичу и СНК СССР — т. Молотову) от 9 марта 1933 г.

бирского исполкома) сообщает, что по одним станциям Сибирской ж.д. скопилось 10 тыс. казахов, среди которых много больных эпидемическими заболеваниями и значительная смертность; на кирпичном заводе Севстройпути работало 84 казахских рабочих, потом их уволили, 14 человек умерло с голоду, за что привлечены к ответственности виновники; т. Туганбаев (зам. председателя) Киргизского ЦИКа) сообщает, что в г. Фрунзе и окрестностях скопилось до 10 тыс. казахов (о чем писал в ЦК ВКП(б) и Киробком ВКП(б)) и ежедневно умирает 15—20 человек (особенно дети).

Не лучше обстоит дело с откочевниками внутри самого Казахстана. По многим городам (Аулие-Ата, Чимкент, Семипалатинск, Кызыл-Орда и др.) и станциям ж. д. ежедневно вывозят трупы умерших казахов. В Чуйском районе (по сообщению уполномоченного т. Джандосова) в райцентре с. Ново-Троицком умирает ежедневно до 10—12 человек казахов, и 60% кочевников также ушло из района. В Сары-Суйском районе из имевшихся 7000 хозяйств осталось около 500 хозяйств, а остальные откочевали в Аулие-Атинский и другие районы и часть даже попала в Киргизию. В ноябре на большое расстояние двинулось несколько сот казахов из этого района с семьями. По дороге часть населения погибла. За одну вторую пятидневку января подобрали 24 трупа. По дороге напали на них вооруженные бандиты. Женщины бросали детей в воду. В г. Аулие-Ата 5—6 января по чайханам подобрали замерзших 20 трупов детей и за то время умерло 84 человека взрослых. В постановлении Актюбинского обкома от 16 октября 1932 г. указывается, что на ж.д. ст. Джусалы из прибывших до 300—400 семейств возвращенцев-откочевников (и направленных затем на ст. Саксаульская) умерло (по неточным данным) 100 человек казахов (в том числе 21 человек от натуральной оспы), благодаря не оказанию им помощи, имело место на станции избиеие казахов. В указанном постановлении констатируется, что районные организации проявили “безразлично-безучастное отношение к массовой смертности казахов”. Событие произошло еще в конце июля месяца, а постановление обкома состоялось в октябре месяце.

В докладе московского отряда (Общества) Красного Креста, работающего сейчас в Актюбинской обл., сообщается, что казахи в таких районах как Тургайский, охвачены голодом и эпидемией. Голодные питаются отбросами, поедают корешки диких растений,

мелких грызунов. “Собаки и кошки этой группой съедены полностью, и кучи мусора вокруг их шалашей полны вываренных костей собак, кошек и мелких грызунов...”. Передают о случаях трупоедства. В этом же сообщении отряда указывается, что в одном районном центре Тургая, где 2500 человек населения, болело оспой 728 человек при высокой смертности. В то время, когда по центру района работало 12 оспопрививателей, в аулах района с населением 25 тыс. человек работало всего 2 оспопрививателя. Актюбинский областной центр не знал об эпидемии оспы в Тургайском районе. А Казахский наркомздрав вовсе не охватывает учетом также районы, вследствие чего получается, что на то же время по краю числилось заболевших оспой 2400 человек.

По данным местных органов в Тургайском и Батпакаринском районах вымерло 20—30% населения и большая часть остального населения откочевала. В Челкарском районе в ряде аул-советов вымерло 30—35% населения. В целом по Актюбинской обл. (куда относятся эти районы) председатель облисполкома т. Иванов сообщил в докладе на областном съезде Советов (июль 1932 г.), что в области в 1930 г. было населения 1 012 500 человек, в 1932 г. осталось 725 800 человек или 71%. По свидетельству председателя Кзыл-Ординского райисполкома в этом районе по большинству аул-советов осталось 15—20% населения. В Балхашском районе (по данным местного ОГПУ) было население 60 тыс., откочевало 12 тыс. человек, умерло 30 тыс. В Каратальском районе в прошлую зиму во время насильственного переселения на оседание трех казахских аулов и в другое место погибла половина населения. В том же районе (по сведениям местного ОГПУ) за декабрь и 10 дней января 1933 г. умерло 569 человек от голода, подобрано за то время на ст. Уштобе, площадке Каратальстроя и рисосовхозе больше 300 трупов. В Чубартауском районе в 1931 г. было 5300 хозяйств, на 1 января 1933 г. осталось 1941 хозяйство”.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В ПЕРИОД СОВЕТСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В КАЗАХСТАНЕ

Общественное сознание народов, подвластных империи, было деформировано задолго до установления тоталитарного режима под влиянием господствующей идеологии колонизаторов.

Уже Абай в своих произведениях показал, как изменился менталитет казахов в результате длительного колониального гнета. Так, он писал:

Измучен, обманут я всеми вокруг,
Меня предавали и недруг, и друг.
Средь близких и дальних почти не найти
Кто б не был причиною горестных мук...
Завидуют злобно свои своему.
Не внимлет, не верит никто никому.
И дети, и брат, и жена, и твой друг
Тебе ж изменяют в твоём же дому!..
К заслугам, к летам — уважения нет.
Стяжатели вылезли гордо на свет.
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекрасившись цвет!¹
(перевод П.Карабана)

В стихотворении “Бесчестный, зверя жадней...” поэт клеймил доносительство, ставшее для власти основным орудием репрессивного режима:

Бесчестный, зверя жадней,
Грязный в словах и делах,
Таков герой наших дней
Правит тобою, казах!
Забыв и совесть, и честь,
Весь завистью налитой,
Он всех был готов извести
Хулою и клеветой...
Он оптом и в розницу вас
Сто раз предаст и продаст.²
(перевод П.Карабана)

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. М., 1945, с.20.

² Там же, с.44.

В другом месте у поэта можно прочитать такую характеристику современника:

Он роет нам
По сорок ям,
Пуская в ход клевету...
Семь шкур теперь
Сдирает, зверь,
И внешность — нутру подстать...³

(перевод П.Карабана)

Абай разоблачал безнравственность, созданную колониальной политикой царизма и господствовавшую в обществе.

Советское тоталитарное господство, якобинская диктатура еще больше исказили и помutilи сознание народа. Доносительство поощрялось. Вместо царских шабарманов с нагайкой появились белсенды, лже-активисты, члены Комитетов бедноты и тому подобные “деятели”. Главной фигурой времени стал человек с ружьем. Люди не верили никому, ушли в себя. “Мыркымбай” шли туда, куда их звали, делали все так, как приказывала делать власть.

Деформация общественного сознания масс была достигнута, во-первых, путем целенаправленного уничтожения прежде всего интеллигентов и, во-вторых, широкого идеологического наступления по всему фронту. Тонкий слой казахской интеллигенции, сформированный в начале XX века, подвергся репрессиям еще при царском режиме. В период революции и гражданского противостояния казахская интеллигенция, лучшая ее часть, оказалась по ту сторону баррикад; позднее, в 20-е годы, многие ее представители выступили решительно против Ф. И. Голощекина, его социальных экспериментов и первыми подверглись репрессиям.

Ф. Голощекин был маленьким Сталиным в Казахстане, проводившим колониальную политику царизма на советский лад. То, чего добивался царизм на протяжении двух столетий, Система осуществила за десятилетие. Казахстан стал полигоном социальных экспериментов в масштабе всей страны.

Закономерным продолжением деятельности Голощекина, диктатора и палача, стали тотальные репрессии 1937–1938 гг.

До последнего времени трагическая судьба Е. Бекмаханова и многих его современников рассматривалась в узких рамках идео-

³ Там же, с.100.

логической “работы” партии в 40-е — 50-е годы. Между тем, уже с конца 20-х годов шло наступление сталинской реакции, масштабы которых мы все еще не оценили должным образом. Новый этап его начался со второй половины 1944 года.

Как известно во второй половине 30-х годов культ личности И. Сталина достиг своего апогея. Вместо единой, неделимой Державы — Российской империи — возвысился “единый и нерушимый” Союз. Вместо православия утвердилась всепобеждающая идеология марксизма-ленинизма. Самодержавную монархию заменила диктатура партии большевиков во главе с ее “генеральным секретарем” И. Сталиным. В этих условиях И. Сталин, партия большевиков были кровно заинтересованы в апологетике имперской идеологии, которая с очевидностью обнаруживается в Конституции СССР 1936 года, в решениях съезда партии, в письме И. Сталина “О работе Ф. Энгельса “Внешняя политика русского царизма”.

Годы войны внесли существенные перемены в духовно-нравственную атмосферу общества. С одной стороны, все народы обратились к своим национальным истокам. С другой, война воспринималась с двух воюющих сторон как своеобразный поединок славянских и германских народов, как противоборство двух культур. В этой схватке воюющих великодержавных наций искали свою нишу и народы окраин России. На передний план выдвинулась история национально-освободительных войн, народное творчество, воспевающее защиту Отечества, борьбу против колониализма, в том числе против Российской империи. В период острого единоборства с фашизмом такое обращение к предкам, героям освободительных войн независимо от временного фактора протекало в русле официального идеологического курса.

И. Сталин и его соратники по партии были вынуждены апеллировать к дедовским патриотическим чувствам народов, поднять на щит народные идеалы. Однако такая идеологическая установка была применима только для великодержавной русской нации. При Российской империи понятие “завоевание Средней Азии” было хрестоматийным. Теперь на применение этого понятия было наложено табу. Но после войны ситуация изменилась. Исход борьбы с фашизмом был решен в пользу СССР, антигитлеровской коалиции. Существовавшая трактовка истории национально-освободительных войн приходила в противоречие с имперскими амбиция-

ми Кремля. Тоталитарный режим, олицетворявший самые отрицательные черты имперской идеологии, не мог допустить возрождения духа свободолюбия, вольнодумства, ностальгии по национальной государственности.

Творцы очередного идеологического наступления не скрывали, что надо перекраивать историю, умалчивая о том, что “противоречило чаяниям других народов СССР”⁴ (читайте — русско-го народа. — М. К.). В постановлении “О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации” прямо указывалось: “Обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского и татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-крепостнического гнета”⁵. Из контекста постановления вытекало, что нельзя всерьез исследовать историю национально-освободительных движений народов, поскольку правдивое изложение ее могло посеять семена недоверия к советскому режиму, способствовать организации недовольных марионеточным “суверенитетом” союзных республик и жестоким режимом тоталитаризма, способствовать национальному пробуждению.

Возобновлялся антинародный курс второй половины 30-х годов с той только разницей, что Сталин и его режим оказались лицом к лицу с теми, кто пережил вражескую оккупацию, кто увидел жизнь людей в освобожденной Европе. С приближением Победы страх за судьбу системы не ослаблялся, даже скорее нарастал.

Руководство партии сочло необходимым осуществить комплекс широкомасштабных мер по “усилению идеологической работы”. Главным объектом ее стала интеллигенция, на которую решено было надеть железный намордник.

В послевоенный период было принято несколько беспрецедентных решений, признавших, например, борьбу борцов за свободу Чечни и Дагестана реакционной, как Андиганское восстание 1898 года и движение под руководством К. Касимова. Все народы должны были гордиться в первую очередь победами русского оружия над врагами, в том числе и над своими предками. На

⁴ Камков Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной... М., 1983, с.159.

⁵ Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. с. 467.

официальном уровне была установлена некая иерархия национальных величий, преследовавшая далеко идущие цели.

ЦК ВКП(б) оценил духовно-нравственную обстановку в стране как тревожную и принял целую серию постановлений по идеологическим вопросам. Предпринятые вслед за этим мероприятия милитаризованного партийного аппарата можно рассматривать как победу тенденции выделения руководящей роли русского народа на всем протяжении истории, апологетики внешней политики царизма. О возобладании указанной тенденции на государственном уровне свидетельствовали постановления ЦК ВКП(б) “О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации” (август 1944 года) и “О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации” (январь 1945 года). Перед интеллигенцией национальных республик замаячил до боли знакомый жупел приписываемого людям “буржуазного национализма”, обнаженно встал вопрос о новой волне репрессий, о повторении 1937 года.

Эти постановления положили начало новому этапу эскалации преследования национальной интеллигенции. Основным объектом для нападок в нашей республике стала “История Казахстана с древнейших времен до наших дней”, изданная в 1943 г.

Постановление ЦК ВКП (б) “О журналах “Звезда” и “Ленинград” от 14 августа 1946 года” способствовало новому витку “идейной” обработки народа, преследованию деятелей литературы и искусства, чьи написанные ранее произведения оказались несозвучны с установками партии.

Идеологическое наступление второй половины 40-х — начала 50-х годов представляло особую систему четко продуманных и тщательно спланированных политических кампаний. Каждая из них ставила конкретные задачи, которые, естественно, далеко не всегда провозглашались открыто. Это было и навязывание жестких идеологических стандартов в художественном творчестве, почти полное исключение из него общечеловеческих ценностей, подавление национального самосознания народов, резкое ограничение международных контактов советской интеллигенции. В значительной степени шумные кампании отразили завершение великодержавной имперской эволюции сталинского режима. И. Сталин

преследовал цель показать имперское могущество своей власти не только бывшим окраинам России, но и, не в меньшей мере, побежденной Европе. Идеология сталинизма обрела форму шовинизма и временами оголтелого национал-фашизма. Соответственно иссушалась сама душа гуманитарных наук.

Система запретительной политики ограничивала источниковедческую базу исследований, особенно советского периода. Господствовала методология, в основу которой был положен классово-социальный подход ко всем явлениям жизни общества, базирующийся на марксистско-ленинской интерпретации классов и классовой борьбы. В массовое сознание настойчиво внедрялись идеи об особой роли России в истории народов бывшего СССР, в мировой истории, об ее особом, мессианском предназначении. Имперские традиции ставили историков национальных регионов в зависимое положение, история малых народов разрабатывалась по запрограммированной идеологической схеме.

Такой субъективно-волевой подход искажал не только факты прошлого малых народов, но и историю самой России, деформировал историческое мышление людей, особенно молодежи.

Сложилась особая система воспитания, оболванивания советских людей, наиболее изощренная в отношении детей и молодежи. "Подвиг" несчастного Павлика Морозова, выдавшего своего собственного отца, - яркий показатель советской воспитательной работы. Так воспитывались манкурты, винтики, исполнители воли диктатуры, диктатора. Люди с помутневшим сознанием шли на все. В таких условиях и стало возможным тотальное репрессирование целых народов.

Было бы не верным однако полагать, что система сумела воспитать всех абсолютно граждан в духе манкуртизма. Лучшие представители народа, интеллигенции сопротивлялись идеологической обработке умов, вступая иногда в открытый конфликт с властями.

Ныне наступило новое время.

Будучи депутатом Верховного Совета Республики Казахстан XII Созыва, я внес законопроект об осуждении преступлений сталинского режима против народа Казахстана. В частности, я предлагал Верховному Совету:

1. Осудить тоталитарно-волюнтаристскую политику сталинского режима в крае как преступление против народа Казахстана.

2. Признать массовую депортацию народов в нашу республику преступной акцией сталинизма, итогом расово-националистического преследования.

3. Создать на территории бывшего КарЛАГА мемориал жертв сталинских репрессий.

4. В память о жертвах казахстанской трагедии (голод 1932-1933 гг.) открыть мемориал "Касретті Дала".

5. Создать книгу Всенародной скорби.

6. Установить День Всенародной скорби в первую субботу февраля месяца.

7. Главному архивному управлению при Совете Министров Казахской ССР и Институту истории партии при ЦК Компартии Казахстана принять меры к открытию доступа ко всем архивным документам, фиксирующим события того времени.

8. Поручить Институту истории, археологии и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова АН КазССР подготовить сборники документальных материалов по истории голода, репрессий и депортаций, провести исследования по "белым пятнам" истории 20-30-х гг.

Могу доложить участникам конференции, что наше общество "Адилет", ученые планомерно осуществляют в жизнь эти программные положения. Сегодня мы собрались подвести некоторые итоги своей работы.

**Проблемы формирования нового общественного сознания и построение гражданского общества в Казахстане. Материалы республиканской научно-теоретической конференции
28 августа 1996 г. Алматы, 1996.**

СУД НАД ПАМЯТЬЮ

Долгие десятилетия историческое сознание общества находилось в состоянии комы. И способствовала тому отнюдь не некая гипертрофированная ориентация (как заявляют иные тотальные отрицатели) на принципы историзма, партийности, классовости, а то, что последние были исподволь подменены директивно санкционированным набором догматических идеологов. Согласно им, из всего многообразия событийной панорамы прошлого должно было вычленивать лишь те “эпохальные” знаки истории, которые укладывались в сталинскую схему критериев социалистичности. Все другие явления, процессы и факты были обречены оставаться, если и не за пределами исследовательской проекции, то, во всяком случае, на крайней периферии историографических изысканий.

Сегодня мы заново открываем для себя неизвестные и замалчивавшиеся страницы того, что было.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ

Его имя вписано в беспристрастные скрижали истории благодаря деяниям, мягко говоря, сомнительной ценности, ибо этот человек, Ф. И. Голощекин, один из многочисленных микрочуждых сталинской селекции, выведенных для целей системы, ее макиавеллиевским устоям.

Шая Ицкович (подлинное имя, все остальное - псевдонимы) родился 26 февраля (10 марта по новому стилю) 1876 года в небольшом городке Невель Витебской губернии, в мелкобуржуазной семье. В биографии, записанной из его собственных уст и опубликованной 18 сентября 1925 года в газете “Советская степь” по случаю прибытия в Казахстан на работу, говорится следующее: “В общем по образованию Филипп Исаевич имеет шестиклассный курс гимназии, а с 1901 по 1903 год обучался в зубоврачебной школе, которую и окончил, с 1896 по 1900 гг. служил приказчиком в писчебумажном магазине. В детстве Филипп Исаевич читал очень много, но бессистемно и разбросано, по всем вопросам. Сначала увлекался философией, а потом общественными науками. Нелегальную литературу в очень ограниченном размере начал читать с 1900 г.”

Видимо, не удосужился. Хотя видные деятели партии, такие как Ф. Дзержинский и др., будучи даже в ссылке, не позволяли себе перерывов в изучении марксистской литературы, постоянно углубляли свои теоретические знания. Анализируя речи Голощекина на различных партийных форумах, а также труды, которые он написал, будучи руководителем партийной организации Казахстана, приходишь к выводу, что этот человек был потрясающе беспомощен в вопросах теории.

Так складывалось, что почти каждый из руководящих большевиков в своей профессиональной революционной деятельности получал тот участок работы, который более всего отвечал его характеру, способностям. Так, скажем, у М.В.Фрунзе талант революционера наиболее ярко раскрылся в военно-организаторской деятельности, у С.Г.Шаумяна - в осуществлении теории и практики национальной политики, у М.И.Калинина - в сфере агитационно-пропагандистской деятельности.

Что касается Голощекина, то он с самого начала своей политической карьеры продемонстрировал особые задатки функционера, способного выполнять весьма ответственные задания ЦК. Эта черта доминировала и в его деятельности более позднего периода.

Он был человеком оперативного мышления и действия. В период подпольной работы такие качества ценились особенно высоко. Но в годы строительства социализма требовались уже иные способности, подкрепляемые знанием теории, дальновидностью. Голощекин же за годы борьбы с самодержавием воспитал в себе безжалостное отношение к противнику, и это стало его вторым "я". Пришло время других подходов, а он продолжал демонстрировать революционную нетерпимость. Не зря, наверное, в годы гражданской войны Голощекина в его бытность на Урале левые эсеры обвиняли в проявлении "комиссародержавия".

В годы осуществления сталинской теории и практики Голощекин достиг апогея своего искусства функционера, став бескомпромиссным толкователем ленинизма на сталинский манер. Слепой догматизм у него сочетался со скоропалительным действием. В его личности причудливо переплетались и недомыслие, и убеждение, что отчасти объясняет драматизм его судьбы.

ТОВАРИЩ БОРИС

Еще на VI Всероссийской конференции РСДРП, где он участвовал в качестве делегата, Голощекин показал, сколь слабы его теоретические познания. Эта конференция должна была определить политическую линию и тактику партии в условиях нового революционного подъема. На ней обсуждались составленные Лениным проекты резолюции, в т.ч. и о конструировании конференции как общепартийного форума. В первом пункте этого замечания была дана оценка тяжелому положению, в котором оказалась РСДРП в годы реакции 1908—1911 гг. Ф. И. Голощекин выступил с критикой доклада В. И. Ленина, в котором излагалась общая оценка с точки зрения особенностей исторического момента и марксистской диалектики. При этом он говорил, что доклад написан старомодным языком и что в нем нет четкости. Голощекин до конца не представлял себе всех особенностей момента, но все же попытался обосновать свою точку зрения.

В. И. Ленин доказал теоретическую несостоятельность критики оппонента. “Товарищ Борис (Голощекин участвовал на конференции под псевдонимом Борис Иванович — М. К.) не облегчает, — говорил он, разъясняя суть проекта резолюции, — а вносит даже некоторую путаницу... делает ее громоздкой. Многое, что он предлагает, можно и должно сказать (в резолюции) о текущем моменте. В старой резолюции каждый пункт имеет свой смысл”.

И тем не менее Филипп Исаевич был избран членом руководящего органа партии. Он сумел показать, что является деятельным и способным функционером, знающим стиль и методы партийной работы, разбирающимся в ее внутренней структуре.

После Пражской конференции Голощекина арестовали и сослали в Тобольскую губернию. Но вскоре он бежал оттуда и оказался в Екатеринбурге, а пробыв на свободе чуть менее года, снова попал в руки охранки, оказавшись в март 1913 года в Туруханском крае. Судьба складывалась так, что до 1917 года Ф. И. Голощекин не столько находился в гуще революционной работы, сколько в застенках и ссылках.

Его деятельность после Февральской революции отражена в биографической справке: “Делегат VII (Апрельской) конференции, VI съезда РСДРП(б) и Второго Всероссийского Съезда Советов.

Член Петроградского Военно-революционного Комитета. Член ВЦИК с декабря 1917 года, Екатеринбургского комитета РСДРП(б), комиссар по военным делам. С февраля 1918 года – уральский военком, член обкома партии и облсовета, с мая – окружной военком, одновременно с сентября 1918 по январь 1919 – главный политкомиссар 3-й армии (руководитель партийно-политической работы в воинских частях и среди гражданского населения в районе 3-й армии). С декабря 1918 года – член Сиббюро РКП(б) и окрвоенком Уральского ВО”. На этот же период приходится то, что случилось на Урале. Речь идет о казни Николая II, последнего монарха из династии Романовых, правившей в России свыше 300 лет. В числе входивших в состав Уральского областного Совета левых эсеров, анархистов и революционеров-максималистов, потребовавших уничтожения Романовых, оказался и Голощекин. Он никак не мог не прикоснуться к истории...

Впоследствии Шая Ицкович занимался разными делами.

С апреля по июнь 1919 года был членом Реввоенсовета Туркестана, Восточного фронта. В августе его избрали председателем ревкома Челябинской губернии. В октябре 1919 года-мае 1920-го – членом Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В 1920-1922 годах он находился на различных постах в Башкирии и в Костроме. С августа 1923 года работал председателем Самарского губисполкома.

В сентябре 1925 года Ф.И.Голощекин прибыл в Кзыл-Орду.

ПРЕЛЮДИЯ

19 февраля ЦК ВКП(б) принял постановление о преобразовании Казахского обкома в краевой комитет. Состоявшийся 15-19 апреля V съезд Советов автономной республики восстановил этническое самоназвание казахов, которые до этого назывались киргизами, и в соответствии с этим переименовал название АССР. К этому времени начал складываться национальный отряд рабочего класса республики. В нефтяной промышленности казахи составляли большинство рабочих, в горной – 45%, в легкой промышленности – 30%.

Урожай зерновых возрос по сравнению с 1922 годом на 92 млн. пудов, а поголовье скота увеличилось в два раза. Товарооборот по сравнению с 1923 годом возрос в четыре раза. Посредством

союзных организаций Казахстан стал налаживать торговые связи с зарубежными странами. На 1 октября 1925 года в республике действовал 281 кооператив различного типа, 36 колхозов, 96 коммун, 557 артелей и 58 товариществ. К 1925 году в крае издавалось 13 газет и 5 журналов, тогда же было принято решение о создании Казахской ассоциации пролетарских писателей во главе с С. Сейфуллиным. В республике насчитывалось 31.910 коммунистов.

Прибыв на новое место, Голощекин приступил к делу со свойственной оперативностью, сразу же сделав далеко идущий вывод, что в Казахстане, в период с октября 1917 года до сентября 1925 года не было Советской власти и коммунистической партийной организации. Он не придавал никакого значения тому, что народ этой отсталой окраины, идущий к социализму, минуя капитализм, имеет свои особенности. Уже в 1927 году новый лидер партийной организации выпустил две книги - "Казахстан на Октябрьском смотре" и "10 лет Советской власти". В них он упорно доказывал, что аул "не чувствовал дыхания классовой борьбы", в "казахском ауле нет Советской власти", "аул не имел Октября, не имел комбедов и раскулачивания", "в ауле не имеем вообще аульного коммуниста". Далее Ф. И. Голощекин утверждал, что "то, что происходило у нас до осени 1925 года, можно было бы назвать предысторией Казахстана и его партийной организации".

ЭПИГОН

Второй секретарь крайкома Казахстана И. Курамысов решительно поддержал Ф. И. Голощекина, вторя ему: "Октябрьский ураган пронесся мимо казахского аула, мало задев его", "Строго говоря, в этот период партийной организации, единой и монолитной, в Казахстане не было".

Всегда считалось, что Ф. И. Голощекин — родоначальник теории и практики "малого Октября". Однако внимательное изучение наследия И. Сталина свидетельствует, что он был лишь жалким эпигоном. Так, например, И. Сталин, открывая совещание коммунистов тюркских народов РСФСР 1 января 1921 г., говорил, что развитие коммунизма в России имеет долгую историю теоретической работы - теоретической борьбы внутри русского социализма, длившейся несколько десятилетий. "В отличие от этого ком-

мунизм на Востоке нашей страны, — сообщил он, — зародился недавно, в ходе революционной борьбы за социализм, без предварительной теоретической стадии развития”.

Нетрудно понять, что Ф. И. Голощекин принял эту “установку” И. Сталина и со свойственной ему энергией принялся за осуществление “малой Октябрьской революции” в казахской степи.

В соответствии с этой установкой Голощекин перечеркнул одним расчерком пера десятилетнюю историю Советской власти в Казахстане. Но административно-командный метод работы Голощекина неожиданно для него встретил сопротивление со стороны партийно-хозяйственного актива. И тогда властолюбивый и бывалый администратор, желая разом обрезать крылья оппозиции, отправил Сталину письмо, где доказывал правомерность “нового” политического мышления. Его позиция в отношении пяти важнейших вопросов — советизации, партийного строительства, межнациональных отношений, коренизации и культурного строительства — была сформулирована в послании “вождю” следующим образом: “Необходимо двинуть грамотного и культурного казаха в аул, влиять на степняка, научить его пользоваться ложкой, вилок, окнами, трубами в зимовках, одевать чистое белье и т.п., словом, “культурегерство” в данных условиях становится большой политикой для аула”.

Анализ содержания письма Голощекина свидетельствует, что он требовал от И. В. Сталина чрезвычайных полномочий на осуществление “малого Октября” в Казахстане. Одобрение его ЦК ВКП(б) на деле означало свертывание демократии, насаждение методов борьбы периода “военного коммунизма”.

Письмо это было зачитано также на VI Всеказахстанской конференции ВКП(б). Был оглашен и ответ за подписью лично Сталина, давший “зеленый свет” подстрекательской политике Голощекина. В нем говорилось: “Товарищ Голощекин! Я думаю, что политика, намеченная в настоящей записке, является в основном единственно правильной политикой”. На этой конференции Голощекин держал семичасовую речь. Выступавшие следом секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, ответработник ЦКК М. К. Муратов, председатель КазЦИКа Е. Ерназаров, второй секретарь крайкома И. Курамысов и Председатель Совета Народных Комиссаров

республики У. Исаев полностью поддержали линию первого секретаря крайкома. При этом они поощряли его во все большей мере проявлявшийся вождизм, а на недостатки закрывали глаза.

Иначе говоря, Ф. Голощекин получил от И. Сталина, руководящего ядра ЦК санкцию на проведение чрезвычайных мер, вытекающих из директивных установок центра, а также авантюристского курса, выработанного самим Голощекиным и неуклонно проводимого им в жизнь. Голощекин не скрывал, что будет отныне единолично править Казахстаном. Выступая на этой же конференции, он заявил: “Теперь я хочу сказать относительно руководства в Казахстане. Вы знаете, как Зиновьев выразился: “Голощекину отдан в самоличное владение Казахстан”, — это слова Мынбаева... Пусть попробуют выступить “вожди” любых групп против крайкома, они все будут смяты в течение недельки”.

Перед историками стоит задача аналитически, глубоко изучить политику Казкрайкома под руководством Ф. И. Голощекина и дать ей по возможности объективную оценку. В этой связи хотел бы высказать и личное мнение касательно данного вопроса.

Как известно, Казкрайком вслед за проведением земельно-водных реформ осуществил кампанию по конфискации имущества крупных баев. В исторической литературе эти “масштабные мероприятия”, несомненно имевшие политическое и экономическое значение, безудержно восхваляются. Видимо, такая оценка несколько однобока.

Голощекин считал, что конфискация имущества крупных баев — это все равно что “Великий Октябрь” в казахской степи. А вот Турар Рыскулов на сессии ВЦИК в том же 1928 году, дал более сдержанную оценку этому делу, решительно высказавшись против заявления Голощекина, будто Великий Октябрь берет свое начало в Казахстане с кампании по конфискации.

Руководитель крайкома, пользуясь привычным ему догматическим приемом, извратил суть выступления Т. Рыскулова. И потому тот был вынужден отправить открытое письмо в газету (“Советская степь”, 1929, N 51, 4 марта). Позже о том же, а также о последствиях “голощекинщины” Т. Рыскулов, оказывается, писал и в своем письме Л. И. Мирзояну.

Как выясняется, крестьянам было передано всего-то 150 тысяч голов скота. Что уж тут великого? Громкогласные заявления о

конфискации скота и имущества 696 крупных феодалов напугали не только баев, но и, безусловно, все крестьянство казахской степи. Кампания еще не успела завершиться, а уже полным ходом пошла коллективизация, и в этих условиях какая могла быть гарантия тому, что темный и забитый казахский шаруа не решит, что его ждет то же? Не случайно в степи слово “коллективизация” не отличали от слова “конфискация”.

НЕТЕРПЕНИЕ

Голощекин, который всегда стремился выделиться, с самого начала стал грубо попираť даже элементарные принципы коллективизации. В 1929 году в одной из своих речей он заявил: “Я встречался с таким мнением, что у нас колхозное движение пойдет медленнее, чем в других районах СССР. Я считаю это ошибочным”. А второй секретарь И.Курамысов пошел дальше: “Несмотря на то, что Казахстан является отсталым районом, темп коллективизации на сегодняшний день громадный, мы многие передовые области Союза в этом отношении обгоняем”.

В Казахстане коллективизация, политику проведения которой определил Голощекин, велась средствами администрирования и запугивания. Без всякой разъяснительной подготовки весь скот был обобществлен. И почти сразу начался падеж. Лозунги вроде “лучше пересолить, чем недосолить”, “где хочешь находишь с пустыми мешками не приходи” и “при социализме не бывает таких, кто не осужден” определяли весь ход кампании. Все это привело к невосполнимым потерям. К примеру, если в 1929 г. в Аулиеатинском районе имелось 1,5 миллиона голов скота, то в 1934 г. осталось всего 7 тысяч. В Балхашском районе в 1930 г. насчитывалось чуть более 173 тыс. голов скота, тем не менее ему “разверстали” 287 тысяч голов. В Шетском районе обязали каждую семью сдать в качестве налога от 150 до 500 голов скота. В Чубартауском районе сдали по поставкам 80% имевшегося в наличии поголовья. Такие перегибы вскоре стали повсеместным явлением. На VI пленуме Казкрайкома руководитель правительства республики У.Исаев был вынужден признать, что из 40 миллионов голов скота, что имелось в Казахстане в 1929 г., к февралю 1933 г. осталось всего лишь 4 миллиона.

Одним из первых о трагедии в степи забил тревогу активный участник гражданской войны, ответственный работник наркомата земледелия республики З. Торегожин. Обращаясь в инстанции, он предупреждал, что, согласно рассчитанному им балансу, при существующих объемах заготовок животноводство в республике вряд ли сохранится как отрасль. В ответ на это Голощекин не нашел ничего лучшего, как объявить Торегожина на заседании бюро Казкрайкома оппортунистом, организатором право-оппортунистической группировки. Далее, явно с подачи Голощекина, последовала статья в органе Казкрайкома “Большевик Казахстана”: “В балансе... ярко проявилась вся суть правооппортунистической механической методологии, теоретическая беспомощность, полное непонимание марксистско-ленинской диалектики... Автор (т. е. З. Торегожин — М. К.) ухватился за количественное снижение поголовья скота. Последнее — факт. Но ползучий уклонист за этим фактом не видит более существенных экономических и политических изменений... За внешней, поверхностной стороной событий близорукий эмпирик не видит действительного роста социализма”.

Что говорить, вполне в духе голощекинских сентенций.

ПИСЬМО ПЯТИ

К числу жупелов системы, мастерски используемых функционерами, относился бывший весьма популярным в республике ярлык национализма. Навешивали его налево и направо. Так было и случае с авторами известного “Письма пяти”, поступившего в Казкрайком партии в середине 1932 года. Подписавшая его группа коммунистов (Г. Мусрепов, М. Гатаулин, М. Давлетталиев, Е. Алтынбеков, К. Куанышев) откровенно критиковала грубейшие ошибки руководства республики в сельском хозяйстве и социальном переустройстве казахского аула. В частности, отмечалось: “В области животноводства мы имеем глубокий прорыв, который превращает Казахстан из основной животноводческой базы Союза в одно из второстепенных... Такое катастрофическое сокращение поголовья... вызвано не только байской агитацией, но и главным образом “левацкими” искривлениями линии ЦК при проведении в жизнь его решений и директив, направленных на развитие животноводства. Мы не сумели полностью исправить “левацкие” перегибы, имев-

шие место в колхозном движении, начиная с 1929 года, выразившиеся в нарушении ленинского принципа добровольности, недочете особенностей аула и даже в ликвидации середняка вместе с баями. Аульская и районная парторганизации не сумели извлечь уроки из этих перегибов и в силу этого перегибы и администрирование продолжались вплоть до настоящего времени”.

Понятно, что выдвинутые обвинения были адресованы прежде всего Голощекину, как руководителю Казкрайкома ВКП(б). И он отреагировал на них весьма жестко. Авторы письма были объявлены безответственными людьми, попавшими под влияние националистических элементов и льющих воду на их мельницу. Специальное заседание бюро Крайкома 15 июля 1932 г. вынесло именно такой вердикт, хотя его участники, прекрасно знакомые с реалиями системы, понимали, чем чреваты подобные формулировки.

Обстановка, созданная Голощекиным в партийной организации республики, исключала какой-бы то ни было плюрализм мнений. Ростки здоровой критики подавлялись проверенными догматическими приемами. Именно с подачи Голощекина и при его всяческом поощрении в крае началась “охота за ведьмами”. Стоило кому-то высказать суждение, не совпадающее с мнением первого руководителя (а оно всегда и во всем отражало сталинские постулаты), как его автор тут же превращался из оппонента по какому-то вопросу в персонификатора “вредного” идейного течения. Именно такое происхождение ярлыков типа “сатвакасовщина”, “каратлеувщина” и т.п. Конечно, у того же Смагула Садвакасова были и ошибочные воззрения. Но вряд ли можно признать вредными его выступления против превращения края исключительно в сырьевой придаток, за разумное и рациональное размещение производительных сил. Вызывает понимание и позиция Нурмакова, видного политического и советского деятеля республики, который стремился избежать межнациональных трений в решении земельного вопроса.

15 июля 1932 г. бюро крайкома приняло специальное постановление, обвиняющее авторов письма в национализме. Дело изображалось так, будто обнаружена какая-то право-оппортунистическая группа подрывающая авторитет крайкома и его руководителей.

ПЯТНАДЦАТЬ ПУНКТОВ ТРОЦКОГО

Интересно, что некоторые критические моменты, имевшие место в республике в годы правления Голощекина, находят отражение в материалах Троцкого. В этой связи привлекает внимание следующий документ.

“Тов. Сокольникову.

Григорий Яковлевич! Посылаю Вам кое-какие заметки, являющиеся результатом беседы моей с двумя казахскими коммунистами. Не знаю, известны ли Вам отношения в Казахстане? Во всяком случае, кое-какие заключения Вы сможете сделать по аналогии с Туркестаном.

22 марта 1927 г.

Л. Троцкий.

Национальные моменты политики в Казахстане. В беседе по поводу своих дел казахские товарищи выдвигали следующие соображения:

1. Краины отстали. Нужно их развитию придать такой темп, чтобы они приближались к Москве, а не еще более отставали от нее. Мы имеем здесь, следовательно, своеобразное преломление общего вопроса о темпе развития.

2. Капитальные вложения в отсталых частях Союза обещают дать плоды не скоро. Отсюда пассивное, отчасти и активное сопротивление центральных учреждений против таких вложений.

3. Участие Казахстана в руководящих учреждениях РСФСР “совершенно не чувствуется”. По-видимому, есть тенденция к выделению в самостоятельную республику.

4. Жалобы на переселенческую политику центра: казахские массы были привлечены к Советской власти земельной революцией; “покушение” на казахские земли вызывает немедленно тревогу. “Мы не против переселенческой политики, но нужно, прежде всего, удовлетворить землею туземное население”.

5. “Когда мы ставим вопросы о земельных и иных интересах Казахстана, нам отвечают: это вы хотите мстить за царскую политику. Мало верят, что мы как коммунисты, способны подходить к вопросам с общегосударственной точки зрения”.

6. В ведомствах преобладает точка зрения старых спецов, которые живут традициями прошлого при решении всех хозяйственных и культурных вопросов на окраине.

7. Национальные коммунисты поднялись, но присылаемые из центра руководители не дают им хода. "Считают, что мы не доросли".

8. Между европейскими и казахскими коммунистами — стена. Живут совершенно раздельно. Даже в шахматы не играют совместно.

9. Европейские коммунисты ведут общую линию центра. Ни прений, ни столкновений на принципиальной основе у них нет, что объясняется их "безучастием".

10. Националы, наоборот, кипят. Среди националов — группировки. Эти группировки поддерживаются и даже культивируются присланными из центра руководителями. Какая цель? "Во-первых, чтобы упрочить свое господство; во-вторых, внутренними разногласиями отвлечь внимание от вопросов, связанных с политикой центра".

11. Среди казахских коммунистов три группировки: одна — вокруг Голощекина — это люди, всегда и во всем послушные указаниям сверху; другая — "левая", также поддерживающая Голощекина, но, насколько я понял, несколько независимая; третья — "правая", к которой принадлежали мои собеседники, впрочем, представители "левой" иногда примыкают к "правой".

12. В чем разногласия? "Нас упрекают в том, что мы противники бедноты, покровители баев, но мы готовы провести любые разумные меры против баев, пусть нам ясно и точно их предложат".

13. Голощекин в одной речи сказал: "Надо пройтись маленьким Октябрем по Казахстану". Что это значит, он не объяснил; никаких конкретных мер не предлагает. Во внутренней политике в Казахстане мы не видим ни принципиальных, ни даже практических разногласий. Все это выдвигается искусственно для того, чтобы маскировать вопрос об отношениях к РСФСР.

14. Второй из собеседников говорит: "Центр тяжести вопроса — в разном отношении группы Голощекина к аулу и к русской деревне. По мнению Голощекина, русский кулак достаточно ослаблен и унижен; бай затронут мало. Поэтому "нужно пройтись Октябрем по аулам". Другими словами, Голощекин проповедует гражданский мир в русской деревне и гражданскую войну в ауле.

15. Нас душит бюрократизм, который принимает тем более отталкивающие формы, что между европейскими и казахскими коммунистами стоит стена. Страх, лицемерие, доносы играют большую роль.

В этой характеристике положения много неясного. Особенно, конечно, важно указание насчет русской деревни и аула. В чем тут дело? Выходит так, что “правые” стоят под обвинением в кулацком уклоне. Верно ли это? Не может ли оказаться, что, отрицая наличие кулацкого уклона вообще, кое-какие администраторы тем легче открывают его в отсталых областях, поправляя таким образом свою левую репутацию и облегчая себе администрирование.

Владимир Ильич говорил о том, что русские коммунисты на окраинах должны быть помощниками. Кое-кто из этих помощников не дает пикнуть тем, кому “помогает”. В общем, думается, что вследствие малой дифференцированности самой среды идейные группировки среди коммунистов неизбежно должны иметь зыбкий, неустойчивый характер. Тем легче зачислять в “правую” и в “левую” фракции. Однако отнюдь не исключена возможность того, что в процессе борьбы с бюрократизмом центра складываются на местах элементы национально-буржуазной идеологии.

Хорошо было бы молодых и способных националов более отсталых народностей посылать за границу для более близкого знакомства с классовой борьбой. У нас они сразу получают государственно-административное умонастроение”.

Можно по-разному относиться к деятельности Троцкого¹. Но в оценке проводимой в Казахстане политики, негативной роли Голощекина в истории республики Лев Давидович не ошибался.

ШОЛАК-БЕЛЬСЕНДЫ

Голощекинщина не есть явление, которым мы обязаны одному-единственному человеку. Это — целая система грубого администрирования, которая складывалась стараниями Ф. Голощекина, И. Курамысова, О. Исаева, Г. Голлодова, Е. Ерназарова и других руководящих работников республики. Но первый секретарь крайкома выступал в качестве первой скрипки, а остальным в ра-

¹ Козыбаев И. М. Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата, 1990, 34-37 б.

зыгранной им трагедии отводилась роль рядовых оркестрантов, послушных, готовых подыгрывать.

Голощекинщина как явление не случайна. Известно, ряды красных активистов, состоявшие в первые после Великой Октябрьской революции годы в основном из тех людей, что с оружием в руках устанавливали Советскую власть в Казахстане, в эпоху нэпа претерпели качественные изменения. С вновь прибывающими воспитательная работа не проводилась. Люди, выросшие в такой среде, где очень сильны были традиции регионального вождизма и деления на роды, стали послушными воле выпшестоящих активистов. Народ прозвал их “шолок-бельсенды” — “ретивые активисты”. Именно они сделали социальную опору и орудием голощекинщины. Как отмечал на VI пленуме Казкрайкома ВКП(б) ответственный работник Госплана республики Нурмухамедов, “эти бельсенды с первых дней пользовались в своей работе старым методом — администрированием”. Парторганизация не сумела сразу охватить этот слой и перевоспитать его в духе большевизма. Вышедшие в основном из бедняцкой и середняцкой среды, эти активисты были прекрасным материалом для воспитания и превращения их в подлинно большевистскую армию для преобразования в ауле. К сожалению, этого не было сделано. Бельсенды, почти сплошь неграмотные и политически неразвитые, были предоставлены самим себе, варились в собственном соку. При отсутствии воспитательной работы со стороны парторганизации они черпали образцы своей работы из арсенала феодально-байской знати и бывшей колониально-чиновничьей бюрократии Русской империи.

Голощекин, находясь восемь лет у власти в республике, упорно придерживался того взгляда, согласно которому Октябрь бурей промчался мимо казахского аула, и поэтому-де степи был необходим “малый Октябрь”. В более поздний период, когда казахи массами покидали свои родные края, спасаясь от голода, он тщился доказать, что ничего особенного не происходит, и называл это следствием вековой тяги казахских шаруа к кочевому образу жизни. Другим перлом теоретических изысканий Голощекина стала такая идея: “В процессе перевода кочевого населения на социалистический путь развития нельзя обойтись без жертв” и что сокращение поголовья скота в процессе подъема животноводства на высокую ступень общественного развития — объективная законо-

мерность. Голощекин всячески создавал мнение, что основные трудности, обусловленные специфичными особенностями региона, были устранены в 1925–1930 гг. или же, иначе говоря, при нем республика “теперь сравнялась со всем Союзом”.

ДЕТИЩЕ СТАЛИНИЗМА

Характерна оценка Голощекиным партийных сил республики. Одних казахских коммунистов он причислил к разряду националистов-уклонистов, которых использовать невозможно, ибо они никакому воспитанию не поддаются; других — к хамелеонам, меняющим окраску в зависимости от ситуаций; третьих относил к тем, “которые стремятся свалить на одного Голощекина всю ответственность за допущенные ошибки”. Это мнение он высказал, когда уже уходил с поста первого секретаря Казкрайкома. Иначе говоря, он считал, что во всей республике нет ни одного честного, достойного коммуниста, и не скрывал, что с таким мнением и уезжает из Казахстана.

В годы осуществления коллективизации в республике произошли серьезные перекосы в формировании казахской советской интеллигенции. Яркие представители интеллигенции, проявившие недовольство действиями Голощекина, подвергались репрессиям. Так, в 1930 г. якобы за участие в контрреволюционной подпольной организации были репрессированы Магжан Жумабаев, Ахмет Байтурсинов, Жусупбек Аймаутов. Именно в те годы подвергался репрессиям М. О. Ауэзов.

В литературе при освещении истории коллективизации зачастую весь произвол связывают лишь с именем Голощекина. Думается, что было бы более объективным говорить о голощекинщине как о проявлении сталинизма в Казахстане. Иначе говоря, голощекинщина — детище сталинизма на почве казахстанской действительности. Ее наследие в области экономической — голод, катастрофическое уменьшение поголовья скота, дискредитация экономической политики партии, прежде всего нэпа. В области идеологической — пересмотр ленинской концепции социализма, нагнетание обстановки внутри республики, попытка теоретического обоснования командно-бюрократического метода руководства, свертывание культурной революции, преследование и репресси-

рование деятелей литературы и искусства. В области политической — насаждение практики регионального вождизма, выработка политической линии, направленной на осуществление курса деформированного строительства социализма. В области партийного строительства — форсированное формирование аульного коммуниста, прежде всего за счет лжебельсенды — приверженцев административно-командного метода руководства; выдумывание несуществующих националистических бликов, группировок и подпольных антисоветских организаций; избиение партийных, советских и идеологических кадров путем наклеивания ярлыков; обвинение коммунистов-казахов в национализме.

Однако каковы мотивы, побудившие революционера-профессионала свернуть на путь субъективизма в теории и авантюризма в политике? Вряд ли можно согласиться с оценкой, данной авторами “Очерков истории Компартии Казахстана”, квалифицирующей ошибки Голощекина, руководства Казкрайкома партии того времени всего лишь как перегиб в социалистическом переустройстве казахского аула.

Как известно, перегибы в процессе коллективизации допускались во многих районах страны. Но ошибки Голощекина и Казкрайкома партии были ошибками иного рода, ибо по своим тяжелейшим последствиям они не имеют аналога в масштабе всей страны.

Этот деятель впал в глубокий волюнтаризм в теории, встав на путь мелкобуржуазной полуанархической революционности на практике.

17 сентября 1932 г. после того, как перегибы в ходе коллективизации в Казахстане приняли широкие масштабы, ЦК ВКП(б) принял специальное постановление, в котором были раскрыты причины понесенных в животноводстве потерь и намечены меры по их восполнению. Но, к сожалению, судьба людей, судьба народа осталась в тени.

МИЗАНТРОП

Следует сказать, наверное, несколько слов о том, как сложилась дальнейшая жизнь Ф. И. Голощекина. После освобождения от должности первого секретаря Казкрайкома в начале 1933 г. он стал членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции,

а 3 октября того же года уже заступил на пост главного арбитра при Совете Народных Комиссаров.

28 октября 1941 г. Ф. И. Голощекин, согласно приказу Берии, был расстрелян в районе поселка Барбыш Куйбышевской области вместе с другими деятелями, обвиненными в шпионаже в пользу международного империализма.

Это финал.

Однако каков психологический портрет Шая Голощекина? Это был жестокий, тщеславный, с беспокойным характером человек.

В свое время он сочетался браком с революционеркой Бертой Иосифовной Перельман. В 1911 году, бежав из Сибири, оставил ее и встретился со своей супругой только в 1917 году. Через некоторое время потерявшая здоровье Берта Иосифовна наложила на себя руки. На это событие Голощекин отреагировал своеобразно: он написал в газету "Уральский рабочий", что "она нашла в себе силы красиво уйти из этой жизни".

Я. М. Свердлов в письме своей жене писал: "Несколько дней пробыл с Ж. ("Жорж" — еще один псевдоним Голощекина), с ним дело плохо. Он стал форменным неврастеником и становится мизантропом. При хорошем отношении к людям вообще, к абстрактным людям, он безобразно придиричив к конкретному человеку, с которым ему приходится соприкасаться. В результате — контры со всеми... Он портится, создает сам себе невыносимое существование".

Одно то, что Яков Михайлович, чуткий, добросердечный и отзывчивый человек, вынужден отзываться о Голощекине таким образом, говорит о многом.

История не терпит произвола. Сегодня главная задача историков, как отметил М. С. Горбачев на февральском Пленуме 1988 года, заключается в том, чтобы "написать и правдивую и полную историю, которая была бы историей жизни и борьбы народов. Это основной вопрос марксистско-ленинской методологии исторических исследований". Имени Голощекина нельзя ни забыть, ни вычеркнуть из истории республики. К сожалению, до недавнего времени в исследованиях, в том числе в многотомной "Истории СССР" и энциклопедических изданиях, а также в научных трудах, опубликованных в Казахстане, Средней Азии и на Урале, револю-

ционная и партийная деятельность Голощекина оценивалась весьма тенденциозно и только положительно.

Ленин говорил: "... пролетариату нужна правда и о живых политических деятелях, и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики". Он указывал, что самое важное для правильного подхода к любому вопросу — это "не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь". Если руководствоваться ленинской диалектикой, ясно, что никак нельзя Голощекина называть "крупным военным и политическим работником, стойким ленинцем".

Я отнюдь не призываю вычеркнуть имя Голощекина из истории. Она пишется один раз, и всякие попытки переделывать ее бессмысленны. Ф. И. Голощекин, внесший в свое время посильный вклад в развитие революционного движения, на следующем этапе истории уже не справился с возложенной на него революцией работой. Он опорочил ее идеал, деформировал великую идею, не только взяв на вооружение сталинизм — извращенную теорию и практику социализма, но и проявил особую ретивость, проводя ее в жизнь. Из революционера Голощекин превратился в преступника и был проклят народом.

Суд над ним вынесла народная память, а значит, и сама история.

**Казахстанская правда. 1990.
30 сентября, 2 октября.**

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДА

Нетлена память народная. Она вобрала в себя события далеких эпох и факты современной истории, бережно хранит подвиги отцов и скорбные даты людских бедствий. В числе последних — трагические реалии недавнего прошлого: голод и массовые репрессии, гонения и насильственная депортация безвинных людей режимом, который заклеямен навеки как тоталитарный. Незаживающей раной в памяти народа навсегда останется эпоха сталинизма и “великого перелома” 30-х годов, унесшая в вакханалии массовых политических репрессий миллионы ни в чем не повинных людей. Как известно, начало этим исторически беспрецедентным по своим масштабам преступлениям положили Октябрьская революция и гражданская война в СССР. После установления Советской власти государство диктатуры пролетариата продолжило преследование своих политических и классовых противников с небывалым размахом. С укреплением национально-освободительных движений, а также политических партий, действовавших на окраинах России накануне и в период революции 1917 г. Особенно ожесточенный характер эти репрессии приобрели после совещания в ЦК РКП(б) с участием ответственных работников национальных республик и областей, прошедшего в июне 1923 г. в Москве.

В конце 20-х годов были подвергнуты гонениям участники альтернативных большевизму партий и движений, в том числе таких, как IV Всеукраинская рада, “Иттихат-ва-Таракки”, “Шури-Ислами” и других политических течений, действовавших в свое время на Украине, в республиках Средней Азии, Татарии, Башкирии. Тогда же были арестованы и осуждены участники движения “Алаш” в Казахстане. Одновременно подверглись гонениям руководящие работники республики, занимавшие принципиальную позицию в отношении темпов и методов осуществления крупномасштабных социально-экономических преобразований в крае и высказывавшие сомнение в правильности политики центра, грубо попиравшего суверенные права республики в хозяйственных, политических и кадровых вопросах, не считавшегося с национальными особенностями и интересами коренного населения.

Политика давления на общественность республики усилилась и приняла особенно жесткий характер с приходом Ф. И. Го-

лощекина, направленного в сентябре 1925 г. на пост первого секретаря Казкрайкома ВКП(б). К этому времени партийные органы, подменившие все демократические институты власти, сами оказались заложниками установленной ими же системы. Во второй половине 20-х годов общественно-политическая жизнь в Казахстане претерпела крутые перемены. Решения V партконференции, прошедшей в декабре 1925 г., о “советизации аула” резко обострили обстановку. По мнению инициатора и вдохновителя “новой революции” Ф. И. Голощекина, Советы в Казахстане были засорены баями и их приспешниками, что будто бы способствовало усилению классовой борьбы в ауле. Создавалась идеологическая база для осуществления так называемого “малого Октября”, приведшего к неисчислимым бедствиям и трагедии казахского народа в период насильственной коллективизации и последовавших затем массовых политических репрессий 1937–1938 гг.

Немалый “вклад” в нагнетание истерии и преследование местных кадров внес и Н. И. Ежов, перемещенный в 1923 г. из Марийского обкома на должность секретаря Семипалатинского губкома ВКП(б), а затем назначенный заведующим организационно-инструкторским отделом крайкома партии. Одновременно было сломлено сопротивление крупных ответственных работников, не согласных с голощекинско-сталинской моделью “преобразований” в Казахстане. Под различными предлогами в 1927–1929 гг. из республики были удалены такие видные государственные и общественные деятели Казахстана как Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, С. Ходжанов, М. Мырзагалиев. Были сняты со своих постов председатель КазЦИКа Ж. Мынбаев, нарком просвещения С. Садвакасов, нарком земледелия Ж. Султанбеков и другие. Большая часть казахстанских работников была обвинена в групповщине, о чем свидетельствует резолюция 3-й краевой партконференции, проходившей в ноябре 1927 г.

По примеру борьбы с оппозицией в центре, разногласия между отдельными казахстанскими руководящими работниками выдавались за групповую борьбу, а их оппозиция по отстаиванию интересов республики квалифицировалась как национал-уклонизм. Во всяком случае, в своих письмах И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. М. Кагановичу. Н. И. Ежов доносил, что все национальные кадры, все казахские коммунисты заражены национал-уклониз-

мом и групповой борьбой, что среди них нет здоровых партийных сил¹. Так “оттачивал” свою карьеру перед переводом в Москву будущий нарком внутренних дел СССР, чьими стараниями были проведены массовые репрессии 1937–1938 гг.

К концу 20-х годов нагнетание обстановки и всеобщая подозрительность приобрели широкие масштабы. Нарастание борьбы с “троцистско-зиновьевской оппозицией” и “правыми оппортунистами” в центре и в национальных республиках проявилось в форме репрессий против представителей национально-освободительных движений. Как отмечалось выше, в конце 1928 г. по ложному обвинению были арестованы 44 человека из числа так называемых “буржуазных националистов” — бывшие деятели “Алаш-Орды”, в том числе А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Джумабаев, Ж. Аймаутов, Х. Габбасов и другие.

Ж.Аймаутов, А.Байдильдин, Д. Адилев были расстреляны, остальные осуждены на различные сроки тюремного заключения. Некоторые из них (М. Дулатов и др.) скончались в лагерях, остальные (А. Байтурсынов, М. Джумабаев и др.), отбыв наказание, в 1937 г. были повторно привлечены к ответственности за участие в деятельности “Алаш-Орды” и расстреляны в 1937–1938 гг. Другая группа представителей национальной интеллигенции (около 40 чел.) в составе М. Тынышпаева, Х. Досмухамедова, Ж. Досмухамедова, Ж. Акпаева и других была арестована в сентябре-октябре 1930 г. Вскоре 15 из них (М. Тынышпаев, Ж. Акпаев, Х. Досмухамедов, Ж. Досмухамедов, К. Кеменгеров и др.) были сосланы в Центрально-Черноземную область России. Почти все они были репрессированы в 1937 г.

Так, несмотря на амнистию, объявленную участникам движения “Алаш” в первые годы советской власти, не взирая на то, что в дальнейшем никто из них никакой политической деятельностью не занимался, спустя много лет была учинена расправа над выдающимися представителями национальной интеллигенции. До ареста все они честно трудились в различных областях народного хозяйства, науки и культуры, внося ощутимый вклад в развитие Казахстана.

В конце 20-х — начале 30-х годов, по мере обострения кризиса в социально-экономическом развитии СССР, широкие масшта-

¹ Осипов В.П. Всматриваясь в 20-30 годы. Алма-Ата, 1991, с. 159.

бы приобрели поиски виновных — ”врагов народа”, вредителей, подрывных антисоветских элементов и подпольных организаций. По аналогии с центром (судебные процессы над участниками “Промпартии”, “Крестьянской партии” и т.д.) в Казахстане приступили к “разоблачению” соответствующих врагов в национальном варианте. Случайные аварии на шахтах и предприятиях, падеж скота в колхозах и совхозах, пожары и другие стихийные бедствия объяснялись происками врагов и соответственно этому фабриковались уголовные дела. Одновременно проводились чистки в партийных организациях. Все, кто не внушал доверия или когда-либо допускал ошибки в работе, безжалостно изгонялись из рядов ВКП(б). Основными пунктами обвинений явились принадлежность или сочувствие троцкизму, правым и национал-уклонистам.

В такой обстановке проходило обсуждение проекта новой Конституции СССР, которая была принята на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 5 декабря 1936 г. Согласно новой Конституции 26 марта 1937 г. Казахская АССР была преобразована в союзную республику. Чрезвычайный X съезд Советов Казахстана утвердил Конституцию Казахской ССР. 12 декабря 1937 г. состоялись выборы в Верховный Совет республики.

Однако общий политический и трудовой энтузиазм народа продолжал сопровождаться трагическими событиями: начавшиеся весной 1937 г. политические репрессии охватили всю страну. Начало этому было положено на пленуме ЦК ВКП(б) в декабре 1936 г. и продолжено затем на февральско-мартовском пленуме 1937 г. Установка ЦК ВКП(б), И. В. Сталина и его окружения на необходимость “искоренения и уничтожения врагов народа и двурушников” была подхвачена повсеместно. Обработка общественного сознания дошла до того, что на массовых митингах, проходивших по всей стране, в том числе и в Казахстане, население требовало смертной казни Н. И. Бухарину, А. И. Рыкову и другим, оказавшимся на скамье подсудимых.

В этой обстановке И. В. Сталин и его соратники решили разом покончить с вероятной оппозицией не только в центре, но и в национальных республиках. Как свидетельствуют дела так называемых “национал-фашистов”, репрессированных в 1937–1938 гг., Н. И. Ежов и его подручные особо не утруждали себя их фабрикацией. Были извлечены на свет давнишние дела различных группи-

ровок. В их число попали и те, кто в свое время отстаивал интересы Казахстана, открыто выражал протест по поводу массовой гибели казахского населения в 1931–1933 гг. Для пущей важности была придумана версия о том, что “национал-фашизм” во главе с заместителем председателя СНК РСФСР Т. Рыскуловым, заместителем секретаря ВЦИК Н. Нурмаковым, председателем ЦИК Казахстана У. Кулумбетовым и другими хотели-де отделить Казахстан от СССР и отдать его под протекторат Японии, а сами они являются якобы японо-германскими шпионами. Абсурдность предъявленных обвинений была очевидной, однако это не смущало тех, кто фабриковал подобные дела. Для придания борьбе с “национал-фашистами” и другими “врагами народа” широкомасштабного характера было выдвинуто обвинение в заключении ими блока с троцкистами и правыми.

По аналогии с московскими процессами на местах организовывались показательные судебные заседания, на которых из подсудимых выжимались необходимые “показания”. В 1937 г. такие процессы проводились в Урджарском, Пресновском и других районах республики. Большой резонанс получил судебный процесс над А. Асылбековым, Н. Нурсеитовым, М. Гатауллиным и другими руководителями Карагандинской области, состоявшийся в ноябре 1937 г. Однако судьбы основной массы “врагов народа” решались тайно, на заседаниях Военной Коллегии Верховного Суда СССР, Особых совещаниях НКВД и так называемых “троек” и “двоек”.

Неизбежных спутник незаконных репрессий - массовые нарушения государством, его органами и должностными лицами элементарных человеческих прав. Если бы последние scrupulously соблюдались в ходе расследования и судебного разбирательства, то невозможно было бы склонить такое огромное количество людей к “признанию” ими своей вины в совершении тягчайших и просто немыслимых, нереальных преступлений, к оговорам своих сослуживцев, друзей и родственников в соучастии и пособничестве преступной деятельности. Чтобы придать надуманным обвинениям правдоподобный вид, надо было пойти на всякого рода махинации, ухищрения, подтасовки и фальсификации. Иначе политика массовых репрессий была бы существенно затруднена или вообще оказалась бы неосуществимой.

Советская история 20–50-х годов наглядно подтверждает это. Нарушения прав человека в ходе осуществления репрессивной политики приобрели массовый характер, они санкционировались многими институтами, инструкциями и нормами советского законодательства, что придавало им видимость юридической обоснованности и легальности. Особо следует выделить нарушения прав человека, допускавшиеся: 1) материальным законодательством, 2) процессуальным законодательством, 3) законодательством об органах, непосредственно занятых осуществлением репрессивно-карательной политики.

Одной из главных черт законодательства о контрреволюционных преступлениях — а именно оно было ядром репрессивно-карательной политики Советского государства — следует признать чрезмерную суровость применявшихся за их совершение мер уголовного наказания. Так, из 17 конкретных составов контрреволюционных преступлений, предусматривавшихся главой I Особенной части УК РСФСР 1926 г., 12 предлагали применение высшей меры наказания — расстрела. Широко применялись и такие меры наказания, как объявление врагом народа с лишением гражданства и изгнанием из государства, лишение свободы со строгой изоляцией, конфискация имущества и т.д. По степени жестокости законодательство о контрреволюционных преступлениях могло соперничать с церковно-уголовным законодательством средневековой инквизиции, а также с фашистским законодательством. Чудовищная несоразмерность мер ответственности с тяжестью совершенных деяний сразу же ставила обвиняемых и подсудимых в крайне тяжелое, если не безнадежное, положение. О возможности соблюдения их прав в этой ситуации можно говорить лишь с большой степенью условности.

Однако даже названные суровые санкции за контрреволюционные преступления показались руководящим органам Советского государства недостаточными, особенно в части лишения свободы. И вот уже 2 октября 1937 г. ЦИК СССР принял постановление, которым предусматривавшийся тогдашним уголовным законодательством 10-летний срок лишения свободы был продлен до 25 лет. (См. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., издательство “Республика”, 1993 г., стр. 35).

Но и при условии отбывтия сурового наказания лица, осужденные за контрреволюционные преступления, не могли рассчитывать на освобождение и возвращение к родному очагу. Указом от 21 февраля 1948 г. "О направлении особо опасных государственных преступников по отбывтии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР" (См. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий, стр. 46) Президиум Верховного Совета СССР обязал МВД СССР всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах "шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности", - по истечении сроков наказания направлять в ссылку на поселение под надзор органов Мингосбезопасности в районы Колымы, Красноярского края, Новосибирской области и ряда областей Казахстана. Положение о направлении в ссылку на поселение распространялось и на тех осужденных за перечисленные выше деяния, которые уже были освобождены по отбывтии наказания из ИТЛ и тюрем со времени окончания Отечественной войны (статья 2 Указа). Иными словами, эта категория осужденных вообще не подлежала полному освобождению от наказания (10 марта 1956 г. рассматриваемый Указ был отменен и установлено, что впредь направление в ссылку может иметь место только по приговорам судов (там же, стр. 47)).

Нельзя не отметить и такую особенность советского уголовного законодательства, как расплывчатость его формулировок, касавшихся как общего понятия контрреволюционного преступления, так и конкретных его составов. Это открывало перед органами следствия, дознания и суда широкий простор для манипуляций и вольного обращения с фактами, позволяло им искусственно фабриковать дела, привлекать к ответственности невиновных либо инкриминировать им вместо полагающихся другие более тяжкие деяния. Известны многочисленные факты, когда расторопные служители органов следствия, дознания и суда умело подводили обычную бесхозяйственность под контрреволюционные преступления и всеми правдами добивались вынесения обвинительных приговоров с высшей мерой наказания или длительными сроками лишения свободы.

В итоге в стране нагнеталась обстановка всеобщего страха. Никто не мог быть уверен в том, что его не подвергнут репрессии, не объявят виновным в совершении мнимых преступлений.

К репрессивно-карательным целям было всецело приспособлено процессуальное право, закреплявшее такую процедуру расследования и рассмотрения уголовных дел, которая имела чисто обвинительный уклон, нарушала принцип презумпции невиновности, не ориентировалась на достижение объективной истины в процессе.

Поистине уникальным примером попрания и игнорирования прав участников уголовного процесса является постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. "О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик". (См. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий, стр. 33-34). В нем речь шла о расследовании и рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти. Постановлением устанавливался форсированный порядок проведения следствия по этим делам: оно должно было заканчиваться в срок не более 10 дней. Чем обуславливалась такая спешка, - непонятно. Во всяком случае с уверенностью можно сказать, что интересы сбора всех доказательств по делу, их обстоятельного анализа и сопоставления, выработки правильных и обоснованных версий в расчет принимались, приносились в жертву умозрительно понимаемой политической целесообразности. При таком ограниченном лимите времени у следователя немудрено было прийти к ложным представлениям и оценкам, односторонне трактовать как событие преступления, так и личность обвиняемого.

Необоснованно коротким был предусмотренный постановлением от 1 декабря 1934 г. промежуток времени от вручения обвиняемым обвинительных заключений до начала судебного разбирательства по этим делам - всего одни сутки. Ведь не всякий человек может за одни сутки, тем более находясь в стрессовой ситуации (в камере предварительного заключения, изоляторе и т.д.), осознать и осмыслить все детали дела, подготовиться к процессу, продумать линию своего поведения, определить, как он обратит внимание суда на смягчающие вину обстоятельства или на обстоятельства, освобождающие его от ответственности.

Постановление обязывало слушать указанные дела без участия сторон, что нарушало состоятельность процесса, являющуюся одним из краеугольных демократических принципов судопроизводства. Получалось, что даже в судебном заседании человек, в отношении которого заведено дело, был лишен права прибегнуть к помощи квалифицированного защитника и возможности вести хоть какой-то диалог с обвинением. Между тем любое мало-мальски демократическое государство считает аксиомой обеспечение права обвиняемого и подсудимого на защиту не только в судебном заседании, но и на стадии предварительного расследования. На недопущение же сторон к судебному разбирательству может идти лишь государство, заведомо не заинтересованное в достижении истины по тем или иным делам либо даже ориентирующееся на обязательное выяснение по ним обвинительных приговоров. Не участвуя в судебном разбирательстве, стороны не могли влиять на исследование и оценку доказательств, приводить доводы и соображения по поводу затрагиваемых в деле обстоятельств и т. д. благодаря чему судебное рассмотрение всецело шло по тому руслу, которое было намечено предварительным расследованием, и в подавляющем большинстве послушно штамповало подготовленные им обвинительные материалы.

Столь же драконовскими являлись нормы рассматриваемого постановления, не допускавшие кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, и обязывавшие приговоры к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по их вынесении. Будучи лишен права на кассационное обжалование приговора и даже права на подачу петиции о помиловании², осужденный полностью ставился в зависимость от карательной системы государства и по сути уже не имел никаких даже призрачных перспектив на облегчение его участи. Если же он приговаривался к высшей мере наказания, то судьба его была предрешена окончательно, и ничто уже не могло предотвратить распра-

² В Постановлении Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. "О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов" судебным органам предлагалось не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств о помиловании. Мотивировалось это тем, что "Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению" (Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий, стр. 33).

ву, включая и случаи, когда она основывалась на очевидных ошибках и фальсификациях.

Как видим, в постановлении ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. что ни норма, то факт грубого и бесцеремонного наступления на права личности. Последняя была полностью беззащитной перед лицом власти, которая могла творить с ней все, что хотела.

Позднее ЦИК СССР постановлением от 14 сентября 1937 г. "О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик" распространил этот порядок рассмотрения с отдельными модификациями на дела о контрреволюционном вредительстве и диверсиях. По данной категории дел обвинительные заключения также надлежало вручить обвиняемым за сутки до рассмотрения в суде, кассационное обжалование приговоров не допускалось, а приговоры о высшей мере наказания приводились в исполнение немедленно по отклонении ходатайства осужденных о помиловании.

Ввиду очевидной неконституционности, а также полной несовместимости с принципами гуманизма, справедливости и демократизма названные выше акты настолько портили общий фасад государства, что последнее при первом же повороте политики постаралось освободиться от них. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1956 г. были отменены постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г., а также постановление Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., отмечено, что органы следствия и суды должны руководствоваться процессуальными нормами, установленными УПК союзных республик. (См. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий, стр. 34).

Если передовые страны в своем уголовно-процессуальном законодательстве специально оговаривают неправомерность и недопустимость использования доказательств, добытых незаконным путем, то советское государство не считало возможным связывать себя такими неудобными формулировками. Больше того, Политбюро ЦК ВКП(б), занимавшее в иерархии структур более высокое место, чем законодатель, разрешило применение пыток по отношению к лицам, обвинявшимся в совершении контрреволюционных преступлений. А главный правовой идеолог сталинского режима А. Я. Вышинский утверждал, что если по всем уголовным делам признание

подсудимого должно обязательно быть подтверждено иными доказательствами, то по делам о контрреволюционных преступлениях одного лишь признания подсудимым своей вины вполне достаточно для вынесения обвинительного приговора.

Тоталитарный режим посягал и на такое неотъемлемое право человека, как право требовать рассмотрения выдвинутых против него обвинений объективным, беспристрастным и справедливым судом. С момента утверждения своей власти в государстве он встал на путь наделения административных органов юрисдикционными полномочиями. Уже в декрете ВЦИК от 17 февраля 1919 г. "О Всероссийской Чрезвычайной комиссии" устанавливалось, что при наличии вооруженных выступлений (контрреволюционных, бандитских и т. п.) за чрезвычайными комиссиями сохраняется право непосредственной расправы для пресечения преступлений. (См. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий, стр. 56). Декретом ВЦИК от 16 октября 1922 г. Государственному политическому управлению было предоставлено право внесудебной расправы, вплоть до расстрела, в отношении всех лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях, а комиссии при НКВД - право высылать в лагерь принудительных работ на месте высылки по некоторым категориям дел. (См. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий, стр. 12-13). Положение о правах ОГПУ в части административных высылков, ссылок, заключения в концлагерь, утвержденное постановлением ЦИК СССР от 28 марта 1924 г., предусматривало создание Особого совещания, получившего вскоре печальную известность. В феврале 1930 г. Объединенному государственному политическому управлению было предоставлено право "передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел" его органам на местах. А по приказу ОГПУ от 2 февраля 1930 г. были созданы "тройки" в областях и краях. (см. там же, стр. 59).

При упразднении ОГПУ и включении его в состав вновь образованного НКВД СССР (1934 г.) в структуре последнего предусматривалось Особое совещание и предоставлением ему права применять в административном порядке высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовые лагеря до 5 лет и высылку за пре-

дела СССР лиц, признававшихся общественно опасными. (См. там же, стр. 61-63). По приказу НКВД СССР № 00192 от 25 мая 1935 г. в НКВД-УНКВД республик, краев и областей были организованы "тройки", а в соответствии с приказами НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. и № 00593 от 20 сентября 1937 г. дела по спискам стали рассматриваться "двойками" в республиках, краях и областях. (См. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий, стр. 63). Политбюро ЦК ВКП(б) постановлением от 15 сентября 1938 г. № 64 предоставило Особым тройкам право выносить приговоры по первой и второй категории, оговорив специально, что решения по первой категории (то есть о расстреле) должны приводиться в исполнение немедленно. (Известия, 1996 г., 3 апреля).

Названные и некоторые другие административно-карательные органы рассматривали значительную часть дел о контрреволюционных и иных особо опасных государственных преступлениях. Между тем эти органы не имели достаточной юридической основы, а конституционными актами вообще не предусматривались. Упрощенный порядок рассмотрения прав граждан, произвольный выбор юрисдикционной процедуры, возможность повернуть дело в сторону, желательную властям, — все это делало несудебные органы удобным средством проведения политики массовых репрессий.

При знакомстве с делами о так называемых контрреволюционных преступлениях невольно обращаешь внимание на одну немаловажную деталь: по некоторым из них осужденные лица приговорены к высшей мере наказания без указания статей УК. В большинстве своем это относится к приговорам, вынесенным тройками НКВД или тройкам ОГПУ. Будучи укомплектованы не профессиональными юристами, а партийно-номенклатурными работниками определенной политической ориентации, они считали чистой формальностью ссылку на соответствующие законоположения и юридическое обоснование выносимого приговора. Любой судебный работник такого никогда не допустит. Указанный штрих рельефно высвечивает некомпетентность всякого рода несудебных органов, на которые возлагалось выполнение значительной части функций правосудия.

Удручающее впечатление оставляют формулировки обвинений, лежавших в основе массового осуждения людей, причислен-

ных к категории политических преступников. Казахстанцам часто инкриминировалось то, что они якобы являются японскими (иногда- германскими) шпионами. Это, разумеется, подтверждалось только собственными "признаниями" обвиняемых и осужденных, а иные доказательства в делах отсутствуют. Распространенными были обвинения в антисоветской агитации и пропаганде, основывавшиеся главным образом на доносах соседей, сослуживцев, знакомых и даже родственников. В национальных республиках, как и в Казахстане, широко практиковалось обвинение в национализме, национал-уклонизме, создании националистических организаций, добивавшихся якобы отделения республики от Союза ССР. Многие лица были репрессированы по обвинению в подготовке и совершении террористических актов, диверсий, саботажа, противодействии нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий в целях экономической контрреволюции. Причем большинство приговоров (особенно приговоры "троек", "двоек", Особых совещаний) по содержанию, аргументации и обосновыванию представляют собой не столько юридические, сколько политико-идеологические документы.

Конечно, в осуществлении политических репрессий ориентироваться только на несудебные административно-карательные органы было нельзя. Полностью отказаться от судебных форм рассмотрения дел о контрреволюционных и иных политических преступлениях даже тоталитарный режим не решался, ибо это было бы однозначно расценено как вызов прогрессивному общественному мнению и разрыв с общепризнанными институтами. В то же время использование судов в целях массовых репрессий предполагало их предварительную "обработку" и приспособление к столь необычной задаче. Жесткая кадровая политика и повседневный контроль за каждым рассматриваемым судами делом, являвшиеся краеугольными принципами партийного руководства ими, сделали суд послушным орудием тоталитаризма. Ни о какой независимости и самостоятельности суда от партийных и советских органов не могло быть и речи. "Телефонное право", повседневные вызовы судей в партийные инстанции и жесткие "накачки" их с "разъяснением" необходимости проведения ими партийно-классовой линии, суровые наказания за малейшие отступления от нее, - все это привело к тому, что суды безоговорочно и слепо штамповали обвинительные

приговоры против “врагов народа”, внося весомый вклад в дело борьбы партийной и советской верхушки с собственным народом. Приведенные в настоящей книге материалы свидетельствуют о том, что многие смертные приговоры на лиц, о которых в ней идет речь, вынесены Военной Коллегией Верховного Суда СССР, Верховным Судом Казахской ССР, областными судами. Иными словами, суды, как бы опасаясь обвинения в “интеллигентском либерализме”, старались не отставать от несудебных органов в жестокости и соревновались с ними в ревностном выполнении бесчеловечного “социального заказа” верхов.

“Социальный заказ” вынуждал все репрессивно-карательные органы государства работать на полную мощность. Объем этой работы все возрастал и она была поставлена на “серийный поток”: Политбюро ЦК ВКП(б) как по собственной инициативе, так и на основании заявок НКВД, ОГПУ, республиканских и местных партийных и советских органов утверждал лимиты лиц, подлежащих репрессии, по отдельным регионам. В порыве служебного рвения и верноподданничества республиканские и местные органы порою входили с ходатайствами об увеличении утвержденного для них лимита. Например, в конце 1937 г. ЦК КП(б) Казахстана внес предложение об увеличении количества репрессированных по республике лиц на 600 человек по первой категории и на 1000 человек — по второй категории; это предложение было утверждено на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 3 декабря 1937 г. (см. Расстрел по 1-й категории. — Известия, 1966, 3 апреля).

Борьба с мнимыми врагами народа, набирая размах, приобрела характер самоцели. Она велась столь интенсивно, что страна покрылась густой сетью концлагерей (упоминаем лишь Карлаг, Степлаг, Алжир), многие ее районы оказались окруженными колючей проволокой, охранялись вооруженными до зубов службами. А позднее стали выявляться места массового погребения расстрелянных людей. Одно из них случайно обнаружено под Алматы в местечке Жаналык, где в 1937–1938 гг. были тайно погребены тысячи невинных жертв тоталитаризма, в числе которых всемирно известные писатели и поэты М. Б. Джумабаев, С. Сейфуллин, И. Джансугуров, Б. Майлин, выдающиеся ученые А. Байтурсынов, С. Д. Асфендияров, крупные государственные и общественные деятели, руководители хозяйств, передовики производ-

ства. Их имена воспроизведены в данной книге* А сколько людей до сих пор находится в полном неведении относительно того, где захоронены их отцы, матери, близкие родственники, попавшие в жернова репрессий!

Конечно, беззаконие, произвол и несправедливость не могли твориться бесконечно. Ветры перемен, наметившиеся в середине 50-х годов, коснулись и этой стороны деятельности государства. Постепенно начался процесс пересмотра и отмены приговоров в отношении невинно осужденных. Лиц, находившихся в лагерях, стали выпускать на свободу, а уже расстрелянных и погибших посмертно реабилитировать. Начало гласности затронули сокровенные тайники тоталитаризма, благодаря чему общественность узнала о многих вопиющих фактах недалекого прошлого.

Поголовная реабилитация жертв политических репрессий - свидетельство полной несостоятельности проводившейся в 20-50-е годы репрессивной политики советского государства, необоснованности и незаконности его карательной практики. При объективно-беспристрастном рассмотрении каждое сфабрикованное дело стало на глазах рассыпаться и разваливаться, а бастионы искусственно воздвигавшихся тягчайших обвинений против невинных людей - рушиться сами собой. К настоящему времени подавляющее большинство вынесенных приговоров по политическим делам (за крайне редким исключением) признано неправосудными.

К сожалению, работа по очистке "авгиевых конюшен" тоталитаризма велась непоследовательно и периодически приостанавливалась, растянувшись на длительное время. До сих пор она не доведена до логического конца. Допускаются недостатки с выполнением Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 г. "О реабилитации жертв массовых политических репрессий". На наш взгляд, следует заимствовать опыт Российской Федерации по полному рассекречиванию нормативно-правовых актов и практических материалов о карательно-репрессивной деятельности государства и обеспечению беспрепятственного доступа к ним широкой общественности.

Хотя посттоталитарный Казахстан провозгласил свою приверженность международно-правовым актам о правах человека, однако им до сих пор не ратифицированы Всеобщая декларация

* Речь идет о "Книге Скорби". (Ред.)

прав человек (1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Конвенция против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (1985 г.), в которых закреплены жизненно важные права человека и гарантии их осуществления.

Чтобы не допускать повторения ужаса 1937 года, необходимо приумножить усилия по демократическому преобразованию политической системы, построению правового государства, устранению возможности концентрации власти в руках одного органа или должностного лица, обеспечению открытости в работе правоохранительных органов.

Читая эту книгу, еще раз приходишь к выводу о необходимости ограждения человека от произвола государства, об обеспечении реальных гарантий человеческой свободы, о бережном отношении к жизни, здоровью и благополучию людей. Государство призвано заботиться о своих гражданах, по крайней мере не причинять им зла. Иначе в чем его предназначение и смысл существования?

В соавторстве с д.и.н. М. Баймахановым,
к.и.н. К. Алдажумановым
Книга Скорби. Азалы Кітап.
Алматы, 1997, С. 3-10.

ЕЩЕ НЕ ВСЕ ИЗВЕСТНЫ ИМЕНА

Если совершить краткий экскурс в новейшую историю нашего народа, станет очевидным, что на всем ее протяжении немало трагических событий. Началом их можно считать геноцид царизма против участников национально-освободительного движения 1916 года и выступавших против колониализма представителей национальной интеллигенции.

Тысячи инакомыслящих преследовались и в ходе ожесточенных классовых и идеологических чисток государства диктатуры пролетариата по окончании гражданской войны. Многие из них тогда были брошены в лагеря, испытали на себе произвол. Печально памятен период насильственной коллективизации, сопровождавшейся голодом 1930–1933 годов.

Анализируя архивные документы, приходишь к выводу, что виной тому стали именно целенаправленные действия существующего режима, который не считался с подлинными интересами трудового народа и его исторически сложившимся жизненным укладом. Как известно, это привело к массовой гибели ни в чем не повинных людей, безвестно сгинувших на степных просторах.

Лишь в конце 80-х — начале 90-х годов появилась возможность воспроизвести подлинную историю народа, в том числе ее трагические страницы. Именно тогда спала пелена секретности и начали выявляться “белые пятна”. Появились первые публикации о жертвах политических репрессий, монографии и исследования ученых. Точки над “i” расставила комиссия Верховного Совета РК 12-го созыва, поведав общественности правду о насильственной коллективизации и голоде начала 30-х годов, унесших жизни половины казахского населения и свыше 200 тысяч представителей других национальностей.

Впервые в те годы был открыт доступ к засекреченным архивным документам партийных органов, КГБ и МВД. Тогда же были изучены следственные дела репрессированных в 20–30-е годы представителей движения “Алаш” и правительства Алаш-Орды, занесенных во враги народа видных государственных и общественных деятелей республики. Обстоятельный доклад комиссии был одобрен Президиумом Верховного Совета, а заключение его обнародовано в печати. Помнится, Институт истории и этнологии Академии наук организовал и провел по этой теме научно-теоретические конференции, положив начало научным исследованиям обстоятельств политических репрессий 20–50-х годов. Эта работа особенно активизировалась с созданием историко-просветительского общества “Адилет” (“Справедливость”).

Процесс реабилитации жертв политических репрессий затянулся на долгие годы. В период “хрущевской оттепели” он, едва начавшись, был благополучно свернут. Надо полагать руководите-

ли партии посчитали, что время для публичного покаяния не пришло. А между тем имена таких представителей национальной интеллигенции Казахстана, как Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Мирякуб Дулатов, Магжан Жумабаев, Жусупбек Аймаутов, Кошке Кеменгеров, Халил Габбасов, Жанша и Халил Досмухамедовы, Мухамеджан Тынышбаев, Телжан Шонанов, и многих других избегали произносить вслух. Хотя знали в верхах, что приговоры в отношении их были отменены за отсутствием состава преступления, но по идеологическим соображениям режима они оставались под запретом. Лишь в конце 80-х, уступив общественному мнению и выводам ученых, ЦК Компартии Казахстана был вынужден их реабилитировать.

Сегодня почти не осталось "белых пятен" в трагической истории Казахстана благодаря работе ученых Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова. При активной поддержке общества "Адилет" и КНБ РК получены списки жертв массовых политических репрессий сталинского периода, рассекречены и обнародованы документы, в том числе постановления ЦК ВКП(б), бывшего Крайкома и ЦК Компартии Казахстана, послужившие основанием для репрессированных мероприятий. Два года назад прошла научно-практическая конференция "Насильственная коллективизация и политические репрессии в Казахстане", по ее материалам, а также на основе воспоминаний издана книга "Народ не безмолствует". Только в течение прошлого года общество "Адилет" провело ряд "крутых столов", семинаров по истории политических репрессий. Запомнился всем вечер исторической памяти, посвященный Т. Рыскулову, С. Ходжанову, С. Сейфуллину, И. Джансугурову, Б. Майлину, на котором выступил Президент РК Н. А. Назарбаев.

Как теперь уже доподлинно известно, начиная с 20-х годов и кончая 50-ми, в Казахстане по политическим мотивам были осуждены 103 тысячи человек. Из числа репрессированных свыше 25 тысяч человек расстреляно по приговорам троек ОГПУ — НКВД и других внесудебных и судебных органов. И хотя реабилитация идет к завершению, следует сказать, что в последнее время темпы ее несколько замедлились. Остается надеяться, что с выходом известного президентского указа, этой работе будет дан новый импульс.

Несомненно, следует продолжить поиск массовых захоронений. С помощью общественности и сотрудников КНБ удалось уста-

новить места давних трагедий в Алматинской, Акмолинской, Актюбинской, Западно-Казахстанской, Кзыл-Ординской и Южно-Казахстанской областях. Об их масштабах можно судить по Алматы и Алматинской области, где к высшей мере наказания было приговорено свыше двух тысяч человек. На месте их последнего приюта между поселками Али и Жаналык установлен памятный знак, а вскоре там поднимется мемориальный комплекс. Кстати, эти имена открыли первую “Книгу скорби”. В нее попали люди, дела которых рассматривались выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР.

Как свидетельствуют документы, в ее списки попадали по ложно сфабрикованным делам и доносам руководящие, партийные, советские и хозяйственные работники. Жизнь людей тогда ничего не стоила. И мало кто из репрессированных понимал, чем он лично помешал режиму. Между тем в свое время ошибочно утверждалось, что репрессии главным образом были направлены против оппозиционеров и в основном представителей интеллигенции. Но так ли было на самом деле? Теперь уже не секрет, что из числа расстрелянных примерно одну треть составляли рабочие, пятую часть — крестьяне, девять процентов — спецпереселенцы и около половины — служащие.

Все репрессированные граждане были осуждены по различным пунктам весьма широко трактуемой статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР того времени. Достаточно было одного “сигнала”, что бы навесить на жертву доноса или наговора ярлык “врага народа” или вредителя. Анализ архивных материалов показывает, что по отдельным уголовным делам проходила так называемая “группа лиц”. Вероятно, при издании последующих томов “Книги скорби” следует учитывать это обстоятельство. К примеру, вслед за руководителями Карагандинской области Абдуллой Асылбековым и Нургали Нурсеитовым, осужденными осенью 1937 года, репрессировали свыше 200 человек. Десятки людей были брошены в лагеря по делу бывшего председателя Алматинского облисполкома Ураза Джандосова. Есть еще одна проблема: в списках репрессированных зачастую нет фамилий осужденных и расстрелянных за участие в крестьянских волнениях и восстаниях в период насильственной коллективизации и голода.

Надо заметить, что издание “Книги скорби” требует немалых затрат. Однако счет общества “Адилет” практически пуст, а

состоятельные бизнесмены на просьбы о финансовой поддержке не откликаются. Но, к счастью, не все проявляют равнодушие к памяти погибших. Своим выходом в свет первая книга обязана Алматинской городской администрации, Американскому агентству по международному развитию, фонду "XXI век", СП "Глотур" и Институту развития Казахстана. Неоценимую помощь в подготовке рукописи оказали сотрудники КНБ, Центрального госархива и архива Президента РК.

Обнародование известного указа главы государства стало закономерным итогом колоссальной работы по восстановлению исторической справедливости. В год согласия и памяти помимо издания книг, воспоминаний, съемок документальных фильмов предстоит провести общественный трибунал с осуждением тоталитарного режима, международную конференцию, "круглые столы" и вечера памяти жертв политических репрессий. Учитывая предложения общественности, необходимо воздвигнуть памятники погибшим от голода и сталинского террора, открыть мемориалы на территории бывшего Карлага и в с.Жаналык.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что хотя посттоталитарный Казахстан провозгласил свою приверженность международно-правовым актам, однако им до сих пор не ратифицированы Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (1985 г.).

Следует продолжить работу по совершенствованию существующего законодательства. Речь идет, в частности, о распространении действия Закона "О реабилитации жертв массовых политических репрессий" на лиц, понесших моральный и материальный вред в связи с репрессированием их родных и близких. Не лишним, думаю, будет сослаться на опыт Российской Федерации, где эти проблемы были разрешены еще два года назад. Мы, нынешние, не должны забывать о тех, кто безвинно пострадал от произвола и насилия.

"Казахстанская правда", 1997 г., 19 февраля

“КЛАССОВЫЙ” НАТИСК

Административно-террористический характер коллективизации с особой силой проявился в тех репрессированных мерах, которые разворачивались при ликвидации кулачества и байства как класса.

Следует подчеркнуть, что государство широко инициировало раскулачивание еще до “исторического” постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года. В Казахстане начало ему было положено кампанией по конфискации хозяйств крупных баев, отождествлявшейся с прямой по сути экспроприацией. Самоликвидация (по терминологии партийных документов — “самораскулачивание”) крестьянских хозяйств в массовых масштабах имела место и в ходе сильнейшего закручивания налогового пресса.

28 июня 1929 года ВЦИК и СНК приняли постановление “О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов”¹. В соответствии с ним сельским сходам разрешалось в порядке самообязательства по хлебозаготовительному плану производить раскладку задания между отдельными хозяйствами. При этом на отдельных хозяев, так называемых “твердозаданцев”, не подчинявшихся решениям схода и уклонявшихся от сдачи хлеба, в административном порядке налагались штрафы в пятикратном размере стоимости несданного хлеба, а имущество их могло подлежать продаже с торгов. Постановление предусматривало и уголовное преследование по статье 61 УК РСФСР (“лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества с высыланием из данной местности или без такового”). На основании постановления ЦИК и СНК СССР “О мерах борьбы с хищническим убоем скота”² в январе 1930 года в судебное производство была принята статья 79, направленная против лиц, обвиненных в убое скота и подстрекательстве “с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъема”. Данная статья предусматривала наказание в виде “лишения свободы сроком до двух лет с высылкой из данной местности или без таковой”³.

¹ СУ. 1929. N 60. с. 589.

² Собрание законов СССР. 1930, N 6, с. 66.

³ УК РСФСР. М., 1932, с. 37.

Тем не менее, режим, следуя заветам Ленина ("Миру не быть, кулака можно, и легко можно, помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом никогда")⁴, продолжал раскручивать адскую машину репрессий. Выступая в конце декабря 1929 года на конференции аграрников-марксистов, Сталин объявил о том, что курс на ликвидацию кулачества, как класса, обретает статус официальной партийно-государственной политики.

11 января 1930 года в передовой статье "Правды" констатировалось: "Вопрос ликвидации кулака, как класса, из области теоретических постановлений перенесен теперь в плоскость практической работы партии на данном этапе"⁵. 15 января решением Политбюро ЦК ВКП (б) была создана специальная комиссия из 21 человека (в нее вошел и Голощекин) во главе с Молотовым*. Комиссия разработала ряд конкретных мер по раскулачиванию, которые 30 января 1930 года получили директивное оформление в виде постановления Политбюро.

Согласно этому документу в районах сплошной коллективизации прекращалось действие закона об аренде и запрещалось применение наемного труда. У кулацких хозяйств должны были конфисковываться средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, продовольственные, фуражные и семенные запасы.

Чтобы придать задуманному социально-классовому геноциду большевистский "ordnung" и планомерность, обреченные на уничтожение жертвы делились на три категории. Первая категория (так называемый контрреволюционный актив, организаторы восстаний и терактов) означала заключение в концлагеря или расстрел. Вторая (наиболее богатые кулаки) — ссылку в отдаленные районы СССР. И, наконец, третья категория (остальная часть кулацких хозяйств) предусматривала расселение в границах района проживания, но за пределами колхозных массивов (поскольку колхозное "море разливанное" по мере форсирования коллективиза-

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т.37, с. 40.

⁵ Правда. 1930, 2 января.

* "...Коллективизацию мы неплохо провели. Я считаю успех коллективизации значительней победы в Великой Отечественной войне. Но если бы мы ее не провели, войну бы не выиграли... Я сам лично размечал районы выселения кулаков... Выселили 400 тысяч кулаков, моя комиссия работала..." — из книги Феликса Чуева "Сто сорок бесед с Молотовым". М., 1991, с.383. — Ред.

ции затапливало все большие территории, “запредельное по отношению к колхозным массивам” пространство, вскоре стало локализоваться в необжитых регионах страны, и третья категория практически сливалась со второй)⁶.

Количество подлежащих раскулачиванию крестьянских хозяйств определялось в пределах 3-5 процентов от их общего числа. Между тем по данным ЦСУ СССР на 1929 год, доля кулацких дворов была чуть больше двух процентов⁷. Следовательно, предусматривался люфт в три процента, который должны были “заполнить” 600-700 тысяч трудовых семейных хозяйств, т.е. примерно до пяти миллионов человек.

Ликвидаторские акции планировались настолько изощренно, что уже заранее устанавливались даже конкретные цифры крестьянских семей, должных попасть в ту или иную категорию. В терминах высшей партийной директивы это называлось разбивкой на “ограничительные контингенты”, хотя в гораздо большей степени последним подходило определение “расширительные”, ибо их санкционированная численность открывала простор для разветвления беспрецедентных до того репрессий.

В первую категорию предписывалось включить 150 тысяч семей, во вторую — 60 тысяч⁸. Согласно логике документа выходило, что “мозг партии” силою неведомого “немарксистам” ясновидящего транс уже знал, что предстоящие “отчетные годы в СССР окажется именно столько крестьянских антигероев контрреволюции, теракта и колхозного саботажа, а следовательно, столько же кандидатов на расстрел, концлагеря и суровые таежно-степные “*Terra inkognita*”. Однако это было далеко не абсурдом или плодом воспаленного воображения. Факты говорят о продуманной в деталях установке на искоренение массовой крестьянской оппозиции, которая оказалась между молотом и наковальней: коллективизацией и раскулачиванием.

Названным постановлением устанавливались директивные задания и для Казахстана. Для первой категории давалась разрядка 5-6 тысяч семей, для второй — 10-15 тысяч⁹. Приговоры по делам

⁶ Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969, с.107.

⁷ История КПСС. т.4, кн.2, с.54; Правда. 1988, 16 сентября.

⁸ Правда, 1930, 2 января.

⁹ Иеницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание..., с.64.

лиц первой категории выносились списочным порядком на внесудебных заседаниях так называемых троек, в состав которых входили первые руководители партийных органов, ОГПУ и прокуратуры. Вторая группа отдавалась на "откуп" общим колхозным собраниям с участием бедняков, но все списки утверждались местными органами. Акцию планировалось провести в течение февраля-мая 1930 года. Оперативное обеспечение "Кампании" осуществляло ОГПУ.

2 февраля ОГПУ разослало своим структурам директиву с требованием начать немедленные операции по изъятию и ликвидации "контрреволюционной агентуры", "активно-действующих кулацких элементов первой категории". Почти тут же в Казахстане было арестовано 3113 человек¹⁰. Вслед за этим начались массовые выселения. Уже к началу мая 1930 года на внутрикраевое расселение была выслана 1341 семья, или 7535 человек¹¹.

Во второй половине марта 1931 года Голощекин посылает телеграмму в Центр с просьбой разрешить выселить за пределы Казахстана 1500 хозяйств из пограничных и хлопковых районов. Но поскольку территория республики сама выступала местом "кулацкой ссылки" Крайкому и Полномочному представительству ОГПУ было рекомендовано найти "возможности переселения внутри края".

20 июля 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) констатировало, что массовая депортация кулацких хозяйств в основном закончена, и дальнейшее выселение рекомендовалось проводить в индивидуальном порядке. В действительности "порядок" этот измерялся десятками тысяч новых жертв.

Так, на этом же заседании Казахстану дали "добро" на выселение кулаков и баев. В этой связи ОГПУ вменялось установить количество, сроки и места высылки, что вскоре было сделано, и 30 августа Политбюро санкционировало внутрикраевые выселения 5000 хозяйств¹².

По данным Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа, за 1930-1931 годы депортациям только в пределах Казахстана были подвергнуты 6765 хозяйств¹³. В сводку вошли хозяйства лишь первой

¹⁰ Там же. с.103.

¹¹ Жумабеков Ж. Ленинской дорогой. Алма-Ата, 1973, с.155.

¹² Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание..., с.171.

¹³ Там же. с.181.

и второй категории, т.е. высылаемые на спецпоселения. Что касается хозяйств третьей группы, изгоняемых за границы “колхозных массивов”, то их статистику органы ОГПУ, по-видимому, особо даже и не вели (они путались и с первыми двумя категориями, давая очень противоречивые данные). Но нетрудно представить, что их численность была огромна.

Осуществлялось выселение и за пределы республики. По имеющимся данным (требующим уточнения), в 1931 году из Казахстана было вывезено 5500 семей¹⁴. Из этого можно предположить, что в 1930 и 1931 годах в Казахстане было раскулачено 12 265 хозяйств, т.е. на муки изгнания были обречены не менее 60-70 тысяч человек, в том числе стариков, детей и женщин. Для многих из них ссылка обернулась смертью.

К сожалению, в силу известной закрытости бывших центральных, да и местных, ведомственных архивов (прежде всего партийных и чекистских), приведенная выше статистика не может восприниматься как всеобъемлющая и достоверная. Так, скажем, из совокупности раскулаченных хозяйств пока нет возможности определить семьи, члены которых были расстреляны или заключены в концлагеря. Тем не менее, тайное становится явным, и рано или поздно истинное количество жертв будет установлено.

Что касается их “минимума”, то он выявлен уже самим постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года (разбивки на категории и их директивная количественная разрядка). Немыслимо даже сомневаться, что спущенные сверху “контрольные задания” были тут же выполнены. Вспомним еще раз сталинское “наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы”¹⁵. Тем более, что реализатором этих планов выступал Голощекин, отнюдь не случайно введенный в состав комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) и по коллективизации, и по раскулачиванию. Из этого следует, что никак не менее 6 тысяч хозяйств Казахстана было репрессировано по первой категории и 15 тысяч — по второй.

Знаем мы также, что “ограничительные контингенты” перекрывались. Это признавало само руководство. В постановлении ЦК ВКП (б) от 14 марта 1930 года “О борьбе с искривлениями партли-

¹⁴ Земсков В.Н. Социологические исследования. 1991, № 10.

¹⁵ История советского крестьянства. т.2; Сталин И. Соч. т.10, с.327.

нии в колхозном движении” констатировалось, что “в некоторых районах процент раскулаченных” доходит до 15, а процент лишенных избирательных прав — до 15-20”¹⁶ (напомним, что согласно директиве ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года раскулачиванию подлежало 3-5 процентов всех хозяйств). Например, в Красноармейском районе Петропавловского округа было “раскулачено” 7 процентов хозяйств (496 дворов) — втрое больше, чем было выявлено данными индивидуального налогообложения (в 1929 году под него попадали зажиточные нетрудовые хозяйства), а в одном из сел Боровского района Кустанайской округа определялись к выселению сразу 37 хозяйств, хотя поверить, что в этой деревне имелось около четырех десятков частных предпринимателей кулацкого типа, более чем абсурдно¹⁷. Известно и то, что раскулачивание продолжалось в 1932 году и далее — вплоть до “победы колхозного строя”, так как оно рассматривалось в качестве “органической” части коллективизации, стимула ее поступательного развития, как “жупел страха и предостережения”.

Подконвойные эшелоны, до отказа набитые несчастными жертвами классовой борьбы, нескончаемо двигались навстречу друг другу. Одни увозили из Казахстана крестьян, обреченных каторжно надрываться на приисках Колымы и лесоповалах Сибири, другие — разгружались среди казахских степей.

Наряду с районами Севера, Урала и Сибири территория Казахстана была определена местом “кулацкой ссылки” для многих десятков тысяч крестьян из других районов страны. Согласно приказу ОГПУ 2 февраля 1930 года первоначально в необжитые районы республики предполагалось выслать 5 тысяч хозяйств. Но вскоре выяснилось, что краевые органы не готовы расселить такое количество. ОГПУ разработало план по выселению более 50 тысяч семей в Северный край и на Урал¹⁸. Ознакомившись с ним, Сталин наложил резолюцию: “Казахстан и Сибирь как районы выселения отсутствуют. Надо их включать”¹⁹.

20 февраля 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) специально рассматривало вопрос о выселении раскулаченных. В этой связи ОГПУ была дана директива в течение полугода подготовить райо-

¹⁶ КПСС в резолюциях... т.5, с.101.

¹⁷ ЦГА РК. Ф.247, оп.1, д.439, л.15.

¹⁸ *Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание...*, с.123-124.

¹⁹ Там же.

ны “для устройства кулацких поселков на 200-300 тысяч семейств под управлением специально назначенных комендантов, имея в виду прежде всего районы Казахстана — южнее Караганды”²⁰. Цель понятна — обеспечение дешевой рабочей силой Карагандинского угольного бассейна.

11 марта 1931 года на заседании комиссии А. А. Андреева (специальный рабочий орган Политбюро по проведению кампании выселения и расселения) в повестку дня был поставлен вопрос о высылке в бывшие Акмолинский и Карагандинский округа 150 тысяч хозяйств. Но в силу “технической невозможности” проведения столь ширококомасштабной акции было решено выселить в край 56 тысяч семей²¹.

Если на 6 июля 1931 года в Казахстан было выслано 80 семей (281 человек) из Средней Азии, то уже на 1 сентября 1931 года на учете комендатур здесь стояла 46 091 семья, или 180 015 спецпоселенцев²². Это были крестьяне с Нижней и Средней Волги, Центрально-Черноземной и Московской областей, Закавказья и Средней Азии.

Огромными массами прибывали в край раскулаченные и в 1932 году после карательной командировки Кагановича на Северный Кавказ, в ходе хлебозаготовок 1932-1933 годов из районов Северного Кавказа в Казахстан было выслано 1992 хозяйства (9442 человека)²³. При этом выселялись целые станицы, занесенные на “черную доску” саботажников хлебозаготовок.

В начале 1933 года ОГПУ вошло с ходатайством в Политбюро с предложением расселить в Казахстане миллион человек, в их число предполагалось включить не только раскулаченных, но и горожан, нарушивших паспортный режим, крестьян, бежавших в города, и т. д. В этой записке Сталин писал: “Кроме всего прочего, надо связать это дело с разгрузкой тюрем”²⁴. К счастью, в силу финансовых и технических трудностей этот проект не удалось осуществить. В 1933 году в республику было выслано более 55 тысяч человек. Мало кому ведомый до того Казахстан обретал синоним слова “Сибирь”.

²⁰ Там же. с.168.

²¹ Там же. с.169-170.

²² *Земском В.Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД и МВЛ СССР). Социологические исследования. 1990, № 11, с. 4.

²³ *Иеницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание..., с.196.

²⁴ Там же, с.186.

В советской историографии восшествие крестьян на каторжную Голгофу спецпоселений лицемерно обозначалось как “трудовое воспитание”. В одной из многочисленных работ, дающих “отпор буржуазным фальсификаторам истории”, с немалым пафосом писалось буквально следующее: “...Шаг за шагом Советское государство в труде перевоспитывало бывших эксплуататоров-кулаков, превращая их в тружеников социалистического общества. Опыт нашей страны дал образец решения труднейшей социальной задачи — коренной переделки экономики, сознания, психологии, быта бывших эксплуататоров-кулаков, включения их в социалистическое строительство”²⁵.

По поводу “опыта” вряд ли можно спорить, ибо он стал действительно образцом для многих диктаторских режимов. Что касается “воспитательного” эффекта, то тут не лишне заметить: на “трудовое перевоспитание” в спецпоселения выдворялись наиболее предприимчивые, опытные и квалифицированные работники, построившие свое хозяйство изнурительным, продолжавшимся из года в год трудом, олицетворявшие собой что называется “крестьянскую косточку”.

В столь же идиллических тонах расцветивается в историографии²⁶ и быт раскулаченных. Так, из монографии “Ликвидация эксплуататорских классов в СССР” следует, что “бывшие кулаки и их семьи получили все необходимые условия для обеспеченной и культурной жизни”. И следом: Советское государство взяло на себя огромные расходы, связанные с трудоустройством и жизнеобеспечением переселенцев. Затраты на переселенцев значительно превосходили стоимость экспроприированного у них имущества”²⁷. В последнее верится с трудом, поскольку, во-первых, по неполным данным Наркомфина СССР, только к лету 1930 года стоимость конфискованного у раскулаченных имущества оценивалась по стране в размере 180 миллионов рублей²⁸, во-вторых, почти бесплатный труд спецпереселенцев многократно окупал все затраты и, наконец, в-третьих, даже если допустить, что это действи-

²⁵ Гуцин Н.Я., Жданов В.А. Критика буржуазных концепций истории советской деревни Сибири..., с.175.

²⁶ Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975, с.382.

²⁷ Там же.

²⁸ Вопросы истории. 1965, № 3, с.18.

тельно так, то “бюджетная проблема” была порождена самим государством с его приматом “классовых идеалов”.

Но нас интересует другое: в самом ли деле жизнь спецпереселенцев была не так уж трагична и протекала в общем-то вполне нормально? Достоверное представление по этому вопросу применительно к Казахстану можно получить благодаря исследованиям Д.Т.Чирова, глубоко и обстоятельно изучавшего историю карагандинских спецпереселенцев и получившего в результате кропотливого поиска огромный материал.

Из воспоминаний М. В. Копейкиной, записанных Чировым: “Родилась я в 1925 году в селе Родник Рассказовского района Тамбовской области... В деревне Родники жили бедно. Мой отец жил одной семьей со своим братом... Оба рослые, сильные. А родители отца и дяди умерли в голодном 1921 году. Отец с дядей сумели построить кузницу, а затем и мельницу и стали понемногу обжиться после стольких голодных лет. А что значит обжиться? Лишь бы с голоду не умереть, да голому-босому не ходить. Пахали, сеяли, молотили цепями...

В 1930 году началась коллективизация... Отца моего и дядю забрали в тюрьму. А меня пятилетнюю, и братишку, которому было три с половиной года, посадили в телегу и повезли на станцию Платоновка... Привезли нас на станцию, а там народу — тьма. Отцов наших отпустили на соединение с семьями, охрану не сняли, и все мы чувствовали себя под арестом...

Погрузили нас в телячьи вагоны, двери закрыли снаружи на засов, так что не убежишь. В вагоне параша, одна на всех — и на мужчин и на женщин. Словом везли нас как преступников-заключенных. Везли нас долго, а привезли в голую степь, выгрузиться приказали на том месте, где нынче поселок Компанейский. Было это в сентябре 1931 года, и степь, где мы выгрузились, уже пожелтела. Стали сооружать самодельные палатки: выкапывали ямы глубиной примерно в полметра, укрепляли над ними жердочки и набрасывали рядна-половики или одеяла, которые шили сами. А вместо кровати мы использовали деревянную борону, которую почему-то привезли с собой.

А поблизости даже воды не было, так за ней людям приходилось ходить чуть ли не за 20 километров. Чем нас кормили? Первые дни вообще ничего не давали, а потом стали привозить

муку и выдавать по кружке на человека. А людей навезли много, шалашей и землянов настроили огромное множество. И люди стали от голода и болезней умирать. Болели дизентерией и тифом. Мне было тогда восемь лет, но я помню, как обессиленные взрослые, голодные и больные, не в силах были своих родственников похоронить, и умерших подбирали похоронщики и свозили их в общую яму. Очень много тогда народу поумирало, особенно малых детей и стариков. Помню, как строили дома-бараки из дерна. А вселили нас в эти дома уже в начале зимы. И понатерпелись мы в ту первую зиму и от голода, и от холода... А летом открыли детплощадку, и мы с братишкой ходили туда обедать, давали нам по кусочку хлеба и по тарелке красного свекольного супа, который есть было невозможно, хотя были мы очень голодными. Помню, идем с братишкой с этой самой детплощадки, а он плачет, есть просит, а где ему взять-то поесть? А братишка плачет, и я вместе с ним плачу...”

Приведем еще несколько свидетельств карагандинских спецпереселенцев²⁹. Прасковья Михайловна Горбунова: “Летом 1931 года у меня умерла дочка, прожив всего годик, тогда же погибли от дизентерии почти все дети до пяти-шестилетнего возраста”.

Прасковья Михайловна Украинская: “У меня умерли мама и десятилетний братик. Мне было тогда семь лет. Поселили нас в Осакаровке, в бараки без крыш, в каждой по 70-80 человек. К весне 1932 года выжило по пять-шесть человек из барака”.

Василий Михайлович Судейкин: “Когда нас в декабре 1932 года привезли с Кубани в Девятый поселок, в нашей семье было шесть человек. К концу лета 1933 года в живых остался я один”.

Петр Петрович Крылов, земляк Судейкина: “В Девятом поселке в 1933 году умирали семьями”.

Мария Ивановна Лисина: “В Девятый поселок летом 1931 года привезли 17 тысяч человек, а к весне 1932 года в живых осталось тысяч семь, не больше. На моих глазах вымерла почти вся семья Ломовицких, было 13 человек, выжило трое. Тех, кто выжил в Девятом, осенью 1932 года переселили в Пятый, опять в недостроенные бараки”.

Свидетельства, которыми мы располагаем по другим регионам республики, также убеждают: трагедия высланных была без-

²⁹ Чиров Д. Откуда родом спецпоселенцы? // Индустриальная Караганда. 1989, 29 апреля.

мерна. Их грузили в эшелоны, дав на сборы подчас не то что сутки — часы. Что в этой спешке можно было взять, кроме самого необходимого? Все остальное нажитое долгой жизнью добро, оставалось активистам.

В инструкции ОГПУ говорилось, каждой выселяемой семье разрешается взять с собой до 30 пудов имущества. В каждый вагон сажается 40 человек, в одном эшелоне — 1700 — 1800 человек. В каждом товарном вагоне должны были быть: печь — 1, рамы оконные — 2, ведра — 3 (2 под кипятик, 1 — для естественных надобностей). Двери вагона закрыты и только во время движения эшелона открываются на 5-6 вершков для притока воздуха. При подходе к станции двери наглухо затворяются. В случае побега охрана обязана была стрелять без предупреждения³⁰.

Эшелоны шли неделями, а то и месяцами. Кормили в пути соленой рыбой, а воду давали лишь на станциях. Люди умирали. Однако трупы взрослых и детей выносились только на редких остановках. От их разложения и испарений в вагонах стоял невыносимый смрад. Многие теряли рассудок или седали. На станциях, где предполагались остановки, поезда загоняли в тупики (подальше от постороннего взгляда), а их невольные пассажиры строились в колонну. Затем всех заставляли встать с заложенными за голову руками, коленями на снег. В таком виде колонна застывала на несколько часов. За малейшие разговоры или движения — удар прикладом и натравливание собак. Понятно, что после такой экзекуции многие уже не поднимались.

Все эти страдания запечатлены в одной из песен карагандинских спецпереселенцев:

Мы жили крестьянским хозяйством,
Трудясь от зари до зари,
Умели мы многое делать,
Орловцы, мордва, волгари.
Лишили нас прав и свободы.
Родных нас лишили полей.
Повыгнали всех нас из домов,
И жен, стариков и детей.
Но год наступил тридцать первый,
Нас стали по тюрьмам сажать,

³⁰ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание..., с.126.

А жен и детей-малолеток
Семьей кулака обзывать.
Привезли нас к железной дороге.
В вагоны набили битком,
Закрыли все наглухо двери.
И — в путь. А что было потом!
Мы смрадом параша дышали,
Нас мучила жажда в пути,
И дети от жажды стонали:
“Водички! Водички! Воды”³¹.

По прибытии на место спецпереселенцы оказались в столь же невыносимых условиях. Выше мы об этом уже писали. Отметим только, что для них отводились районы преимущественно с экстремальными природно-климатическими условиями: на пустынных и полупустынных землях, а также в местах развертывания промышленного и железнодорожного строительства. Так, в протоколе “тройки” при Казкрайкоме ВКП(б) 23 января 1930 года давалась следующая директива: Расселение выселяемых кулацких хозяйств вместе с семьями производить компактными массами в районах пустынных участков”³². В качестве таковых отводились, например, земли побережья Каспия (от Джилай косы до Мертвого Култуха), Адаевский район, южная часть Тургая (Аккумуляционные пески), западный берег Балхаша, где земельный фонд даже еще не был обследован.

По данным ОГПУ, только в 1932 и 1933 годах в казахстанских спецпоселениях скончалось 55 441 человек. В 1933 году в ссылке в Северном Казахстане умерло в 19 раз больше, чем родилось, а в Южном — в 13 раз³³. В этом и была правда раскулачивания.

**В соавторстве с Ж. Абылгожиным
ДЕПОРТИРОВАННЫЕ НАРОДЫ В КАЗАХСТАН:
СУДЬБЫ И РЕАЛЬНОСТЬ.
Алматы. 1998.**

³¹ Чиров Д. Карагандинские спецпереселенцы: как это было // История Казахстана: белые пятна. Алма-Ата, 1991.

³² АП РК. Ф.141, оп.1, д.2969, л.4.

³³ Земсков В.Н. “Кулацкая ссылка” // Социологические исследования. 1991, № 10, с.11.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ

Проблема депортации народов является сложной и многовекторной. Прежде всего, она имеет политический аспект и в этом ключе является частью истории многонационального бывшего Советского Союза, истории казарменного социализма. Надо сказать, что этот аспект изучен наиболее основательно.

По существу мало исследован правовой аспект. В двухтомной "Истории государства и права Советского Казахстана", изданной в 60-х годах Институтом философии и права АН КазССР данный аспект совершенно не затрагивается. Правоведы пока воюют, главным образом, с Вышинским. Только в последние годы академик М.Т.Баймаханов стал пристально изучать юридические аспекты политики геноцида народов.

История депортации стала изучаться фронтально со второй половины, вернее, с конца 80-х годов. Положила начало изучению проблемы публикация документов "Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений..." Л.Берия — И.Сталину¹. В подборке, как отмечается в этой публикации, представлены связанные с депортацией народов документы из коллекции ЦГАОР СССР², хранящиеся в так называемой "Особой папке Сталина", где руководство канцелярии НКВД во главе с С.Мамуловым (Мамуляном) собирало копии исходящих делопроизводительных материалов специально для "вождя народов".

В подборке содержатся докладные и запросы Берии в ГКО и лично Сталину и Молотову, приказы Берии руководителям местных управлений НКВД. Здесь имеются также отчеты заместителей Берии, лиц, возглавлявших местные органы НКВД о результатах проведенных операций, сведения о количестве переселенцев, их новом месте жительства, правовом статусе и т.д. Именно на рубеже конца 80-х — начала 90-х годов появились первые серьезные научные публикации в Москве, Минске, Элисте³.

¹ См.: История СССР, М., 1991, № 1, с.143-160.

² Ныне Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

³ См.: Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-х — 40-х гг. // История СССР. М., 1989, N 6, с.135-144; его же. За что переселяли народы? // Агитатор. М., 1989, N 11; его же. Правда о депортации чеченского и ингушского народа. // Вопросы истории. М., 1990, N 7; его же. Депортация. // Политический собеседник. Минск, 1990, N 6; его же. О депортации калмыцкого народа. // Теегин гере (Свет в степи) Элиста, 1990, N 3, и др.

Заслуживают высокой оценки публикации д.и.н., ведущего научного сотрудника Института истории РАН Николая Федоровича Бугая. В статье "20-40-е годы: депортация населения с территории Европейской России" он дал общую картину насильственной депортации народов. По его мнению, она началась с 1920 года с выселения трех казачьих станиц Терской области⁴. Наибольшее число разработок имеется по депортации немцев и корейцев. Основательную публикацию по депортации чеченского и ингушского народов сделал проф. Н.Ф. Бугай в журнале "Вопросы истории"⁵. В первом издании "Истории Казахстана" для X класса впервые освещается история депортации народов в Казахстан, а в "Хрестоматии по истории Казахстана" опубликована большая серия документов, повествующих о трагических событиях этих народов⁶.

Однако, изучение проблемы, на наш взгляд, в последующем приняло несколько однобокий характер. Все меньше становилось обобщающих работ, исследователи как бы разбрелись по национальным квартирам. Между тем, нам нужны труды как бы обобщающего порядка, так и по истории депортированных народов в отдельности. Нужен единый документальный сборник, который позволил бы нам, исследователям, рассмотреть единый исторический процесс в динамике, увидеть его общие закономерности и особенности, обозреть с высоты конца века разыгравшуюся трагедию планетарного масштаба.

Проблема имеет и экономический аспект. Во-первых, необходимо выяснить, как шел процесс экономического выживания этносов, материально-бытовая, этнографическая сторона истории этноса на новом месте, историко-географическое их размещение на территории Казахстана. С другой стороны, депортированные народы были активными участниками лагерной экономики. Впервые данная проблема прозвучала во время съезда трудармейцев в докладе М.Козыбаева⁷. Кроме этого, в монографии М.Козыбаева и Н.Едыгенова "Труд во имя победы" имеется раздел "Принудительный труд при тоталитарном режиме"⁸. В перспективе история

⁴ См.: Отечественная история. М., 1992, N 4, с.37-39.

⁵ См.: Вопросы истории. М., 1990, N 7.

⁶ Козыбаев М., Козыбаев И. История Казахстана (учебник для 10 класса рус.школ). Изд.3-е, дополн. Алматы, 1992, с.209-215; История Казахстана. Хрестоматия. Составители: Козыбаев М., Козыбаев И. Алматы, 1994.

⁷ См.: Приложение к газ. "Deutsche allgemeine Zeitung", 1945, № 216, апрель; Феникс. Алматы, 1996, № 13, с.235-255.

⁸ Козыбаев М., Едыгенов Н. Труд во имя победы. Алматы, 1995, с.105.

использования в социалистической экономике лагерного труда ждет своих исследователей.

В последние годы бурно развивается историческая демография. Следует иметь в виду, что в 30—40—50-е годы были годами демографической катастрофы малых народов, прежде всего депортированных. Как известно, их демографическая трагедия началась еще в пути и в первые месяцы и годы жизни в Казахстане. Нужно поднять материалы КГБ СССР, КГБ Казахской ССР, Наркомата здравоохранения Казахской ССР, директивных органов того времени. Нужны специальные исследования, создание банка данных, работа с домовыми книгами, материалами аульных и сельских советов, паспортных столов, нотариусов, с актами рождения и смерти, то есть с первичными документами. Работа эта нудная, но нужная.

Настало время более основательно изучать документы статистических органов, материалы переписи, обработать их современными методами и рассмотреть демографические процессы в динамике, необходимо при этом, применяя сравнительный метод, раскрыть тайну демографической катастрофы депортированных народов. Пора нам отказаться от эмоциональных выступлений, нужна конкретика, нужны труды, доказывающие преступления режима на фактах истории. Историко-демографический аспект проблемы на сегодня является наиболее слабо изученным.

Совершенно не изучен вопрос адаптации депортированных, отношение властей к ним, местного населения, в целом вопрос выживания этносов, взаимовлияние и взаимосвязь культур народов.

Изучение проблемы получило новый импульс в период независимости Казахстана. Особую активность в этом проявляют культурно-национальные центры, особенно Немецкий дом, Совет немцев Казахстана. По их инициативе впервые состоялся первый съезд трудармейцев, готовится международная конференция по истории немцев Центральной Азии; значительную работу по воссозданию истории корейцев в Казахстане провел корейский культурный центр. По этой проблеме защищена докторская диссертация, опубликованы ряд монографических работ. Заслуживают внимания по расширению фронта исследований по указанной проблеме усилия общества “Эдилет”. Обществом издан ряд работ, опубликовано большое число газетных и журнальных публикаций.

На страницах печати, преимущественно периодической, появляются воспоминания участников событий полувековой давности. Между тем, нам надо торопиться с сбором воспоминаний, ибо тем, кому тогда было по 20 лет, уже 75 лет. Желательно в ближайшие годы формировать единый сборник воспоминаний с тем, чтобы исследователи могли сравнительно изучить процесс в масштабе страны.

Совершенно не изучен комендантский режим, карательная политика власти по отношению к депортированным в Казахстан.

Как видно из краткого обзора историографии, фронтальное изучение темы началось. Необходимо теперь его направить в русло системности и придать ему целенаправленный, планомерный и масштабный характер, объединить усилия исследователей под единым началом. Для этой цели необходимо обязательные экземпляры книг и других публикаций сосредоточить в Центральной научной библиотеке АН РК.

Проблема имеет и организационные аспекты. Настало время поставить перед главами стран СНГ вопрос о принятии совместного политического Заявления о невиновности депортированных народов перед Отечеством. В документе должно быть указано, что при депортации целых народов Система руководствовалась военно-политическими мотивами, опасалась, что малые народы, так много пережившие обид от колониальных властей царизма, массовые репрессии при Советах, могут переметнуться на сторону врага. Такова была логика вождей Системы, ибо они знали степень ими содеянного в предвоенные годы. Ждет изучения проблема казахской диаспоры в странах ближнего зарубежья. С одной стороны, в годы репрессий казахи бежали в соседние республики, с другой — система карала везде и всюду. История казахов тех лет мало чем отличается от депортированных народов. Кроме того, значительное число казахов было насильственно сослано, то есть депортировано в 1920—30 гг. Только в 1931—1933 гг. в Сибири оказались свыше 22-х тысяч казахских крестьян — участников движения Сопротивления против насильственной коллективизации. К числу депортированных народов следует отнести также 360 тысяч сосланных в Казахстан кулаков, дворян, офицеров-казахов из России и Украины. Необходимо создавать единый банк данных по репрессиям в целом.

Объем работы по изучению проблемы поистине велик, и ее невозможно поднять только силами энтузиастов на общественных началах. На государственную поддержку надеяться не приходится. Видимо, целесообразно создать фонд, предназначенный для финансирования работ по истории репрессий и депортированных народов. Полагаю, что здесь решающее слово принадлежит культурным центрам.

Таковы некоторые проблемы историографии и дальнейшей организации научного исследования вопросов истории депортированных народов.

Депортация народов и проблема прав человека
(Материалы семинара 12.06.1997г. Общество "Адилет").
Алматы, 1998 г.

И БОЛЬ, И СКОРЬБЬ НАРОДА

ВСТРЕЧА ЗА "КРУГЛЫМ СТОЛОМ"

31 мая впервые в Казахстане отмечается День поминовения погибших вследствие голода 1931—1933 годов. Как известно, для изучения обстоятельств насильственной коллективизации, обернувшейся трагедией для миллионов крестьян, в ноябре 1991 года была создана комиссия Верховного Совета Республики Казахстан. В нее вошли руководители ряда ведомств, в том числе КГБ и МВД республики, ученые-историки, правоведы, работники архивных учреждений.

Сегодня за "круглым столом" встречаются и излагают свою точку зрения председатель комиссии, директор Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова Академии наук республики народный депутат Республики Казахстан академик Манаш Кабашевич КОЗЫБАЕВ, члены комиссии - ведущий научный сотрудник этого же института, доктор исторических наук Жулдузбек Бекмухамедович АБЫЛХОЖИН, заместитель директора института, кандидат ис-

торических наук Юрий Иванович РОМАНОВ, заведующий отделом, кандидат исторических наук Кайдар Сейсенбаевич АЛДАЖУМАНОВ, профессор КазПУ имени Абая, доктор исторических наук Владислав Константинович ГРИГОРЬЕВ.

В беседе участвует редактор отдела общественно-политической жизни редакции Вадим МАХИН.

— Манаш Кабашевич, как председатель комиссии Верховного Совета расскажите, в чем заключалась ее работа, к каким выводам она пришла?

М. К. КОЗЫБАЕВ. Насильственная коллективизация, разрушившая традиционно сложившиеся структуры крестьянских хозяйств в 30-е годы, обернулась невосполнимой потерей для миллионов крестьян бывшего СССР. Крайне трагические последствия имела она в Казахстане, где от жестокого административно-командного террора и последовавшего за ним массового голода погибла почти половина коренного населения республики, а сотни тысяч беженцев были вынуждены скитаться, покинуть родную землю. Долгие годы данная тема оставалась запретной. Если она и затрагивалась в исторических трудах, то непременно обстоятельства трагедии преподносились в виде рецидивов революционной ломки “патриархально-феодального” уклада жизни коренного населения. При этом истинные причины и масштабы трагедии тщательно скрывались. Были придуманы и готовые ответы как “перегибы” и “искривления линии партии в колхозном движении”, прочно закрепившиеся в учебниках истории со времен “Краткого курса истории ВКП(б)”.

— Но в последние годы Вы немало сделали, чтобы привлечь внимание общественности к этой теме?

— Проблема “силовой коллективизации и великого голода” для нас была не новой. Еще в 1989 году мы, группа исследователей (М. Козыбаев, Ж. Абылхожин и М. Татимов), опубликовали в журнале “Вопросы истории” статью “Казахстанская трагедия”. Она вызвала огромный резонанс и за рубежом. В книге “История Казахстана. Белые пятна” вновь вернулись к этой проблеме. Попытались мы создать и политический портрет Ф. И. Голощекина (Ш. Ицкович), главного исполнителя воли Сталина и системы в Степи и виновника всех бедствий.

В прошлом учебном году в учебнике для 10-го класса средней школы мы дали главу о силовой коллективизации в новой концепции, выпустили в серии для учителей брошюру "Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства", из печати вышел сборник о голоде в казахской Степи, где были опубликованы письма группы Г.Мусрепова, Исаева, Рыскулова и других Сталину. При моей научной консультации снят документальный фильм "Голод", который будет идти на экранах телевидения в эти дни.

Теперь о комиссии Верховного Совета по данной проблеме, где я являюсь председателем. Она проделала значительную поисковую работу. Впервые мы получили доступ к материалам, хранящимся в архивах КГБ и МВД Республики Казахстан. Особенно интересный материал выявлен по 372 выступлениям крестьян против силовой коллективизации, сопротивлению обнищавших, озлобленных масс системе насилия.

Огромный интерес представляют впервые изученные документы по конфискации у баев и полуфеодалов (к их разряду была отнесена значительная масса бедняков и середняков). Выявленный материал по раскулачиванию, вернее, по раскрестьяниванию, свидетельствует о масштабности нарушений прав человека.

— **Каковы, на Ваш взгляд, истоки трагедии?**

— **Ж.Б.АБЫЛХОЖИН.** В новом теоретико-методологическом контексте более адекватной признается концептуальная версия, утверждающая несостоятельность оправдательных потуг, выводящих причины казахстанской трагедии исключительно на факт "деформации ленинских идеалов социализма Сталиным, вероломно узурпировавшим власть в партии и государстве". Смей думать, что катастрофа разразилась бы не будь даже и Сталина, ибо последний лишь персонифицировал тоталитарную систему. Будучи "великой социальной утопией", социалистическая парадигма развития, хотя и предполагает изначально позитивные цели, но схожа с теми благими пожеланиями, коими была усыпана дорожка в ад.

В самом деле, не является ли социализм дорогой в рабство, если здесь предполагается единая Организация, единый План, который в свою очередь, определяет иерархию обязательных для всех и вся приоритетов и целей? Именно и только в соответствии с ними санкционируется, что лучше, а что хуже, что нужно, а что нет, кто полезен, а кто бесполезен. Нравственным признается все то, что

может служить достижению поставленных целей, независимо от того, к каким средствам и методам приходится для этого прибегать.

Все, что не вписывается в установленные приоритеты и цели и, следовательно, не отвечает единому плану, будь то индивид или община, система хозяйства или образ жизни, идеология, менталитет или культура, подлежит преследованию, вплоть до уничтожения под внешне благовидным пропагандистским прикрытием.

Именно в русле данной установки распоряжались и судьбами казахского народа, выбранного системой в качестве “доказательства научности” марксистско-ленинской догмы” о возможности перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм”, эксперимента, завершившегося уничтожением почти половины казахского этноса.

В связи с вышеизложенной констатацией представляется абсолютно неправомерным считать, что казахстанская трагедия есть следствие только коллективизации. Ее предпосылки стали складываться с самого начала существования режима.

— И в чем они заключались?

— Как известно, в основе функционирования традиционной структуры Казахстана лежал специфический механизм со сложным комплексом воспроизводственных и институционных связей. Образно говоря, ее можно представить как своеобразную экономическую экосистему, где все элементы - общинные и внеобщинные образования, хозяйства крупных, средних и мелких баев, рядовых общинников и пауперов - занимали отведенную им нишу, т.е. были функционально значимы и выполняли свою роль в воспроизводстве всей структуры. Устранение или блокирование любого из этих элементов было сопряжено с разрывом воспроизводственных взаимосвязей и, как следствие, порождало хаотические процессы, разрушавшие целостность традиционной структуры.

Большевики же, верные принципам классовой борьбы, с самого начала делали ставку на вытеснение, а затем и ликвидацию “эксплуататорских”, т. е. богатых и зажиточных хозяйств. В результате экономическая экосистема утрачивала свои функциональные звенья, что приводило к разрушению всего воспроизводственного механизма традиционной структуры.

— Выходит, богатые и зажиточные хозяйства были спасением для беднейших слоев?

— Например, когда случался джунт, та или иная община уже не могла воспользоваться конскими косяками байского хозяйства для разрыхления заледеневшего снежного наста, ибо “эксплуататора” уже раскулачили. После “выдергивания” из экономической структуры (экосистемы) зажиточных и баев стало некуда обращаться и по поводу сельхозинвентаря, семян или рабочего скота. Апеллировать же в аул или сельсовет было бесполезно, поскольку там, кроме печати и пропагандистской литературы, ничего не было. Поэтому вскоре общины, лишившиеся воспроизводственных связей (пусть подчас и кабальных, но единственно реальных), начинали нищать, распадаться и пополнять собой пауперско-люмпенскую среду. Одним словом, первые разрушительные удары по традиционной структуре, исподволь подготавливавшие грядущую катастрофу, были нанесены режимом в ходе так называемых социально-экономических реформ 2-х годов.

Далее следовали разорительные хлебо- и скотозаготовки, несравнимые даже с продразверсткой периода гражданской войны. И, наконец, завершали разрушение уже умиравшей традиционной системы хозяйства преступные кампании по оседанию кочевых хозяйств и их силовой коллективизации.

— Насколько правомерны были решения партийных и советских органов Казахстана о коллективизации и оседании?

— **Ю. И. РОМАНОВ.** Длительное время эти решения трактовались в исторической науке как “основополагающие для социалистического переустройства” сельского хозяйства республики. К ним относятся постановления и директивы ЦК ВКП(б), Советского правительства, Казкрайкома ВКП(б), СНК и ЦИК Казахской АССР, принятые в 1928–1932 годах по вопросам форсированной коллективизации, конфискации байских хозяйств и раскулачивания, оседания кочевого населения. Эти решения, глубоко антигуманные по своей сущности, определяли пути, методы и формы коллективизации, исходя из порочных сталинских идей разжигания классовой борьбы, противопоставления рабочего класса — крестьянству, села и аула — городу, применения насилия и репрессий к наиболее многочисленному трудовому классу страны — крестьянству. Реализация этих решений фактически опиралась не столько на творчество народных масс и осознанную экономическую целесообразность, сколько на директивно санкционирован-

ное принуждение с системой противоправных мер и приемов, характерных для эпохи военного коммунизма.

Возьмем хотя бы решения, принятые Казкрайкомом ВКП(б) по оседанию кочевых и полукочевых хозяйств. По своей сути с самого начала это были волонтаристские решения, игнорировавшие объективные условия системы жизнеобеспечения казахского хозяйства, извращение в целом прогрессивной идеи оседания кочевых и полукочевых хозяйств. Вместо подготовительных работ, разъяснительной работы, использования принципа добровольности Казкрайком в постановлении от 6 ноября 1929 года требовал от местных партийных и советских органов форсированными темпами создать “гнезда казахского показательного оседлого хозяйства”, не учитывая при этом ни объективные возможности, ни степень подготовленности кочевого аула к оседанию. На основе данного постановления были намечены сверхурочные темпы оседания, произвольно закрепленные в пятилетнем плане развития сельского хозяйства Казахстана. Постановление содержало положение о насильственном коренном изменении жизни и быта казахского населения, игнорируя сложившиеся веками традиционные общественные структуры, самобытные национальные традиции. “Этот быт, — отмечалось в нем, — ... с социалистическим строем совмещен быть не может”.

В развернувшейся очередной ударной кампании оседания аула немалое значение имело и последующее постановление бюро Казкрайкома “Об оседании кочевого и полукочевого казахского населения”, принятое 19 января 1930 года. В нем отмечалась “недостаточность” проводимых мероприятий по оседанию кочевых и полукочевых хозяйств и указывалось на необходимость усилить эту работу на основе форсированных темпов коллективизации. В основе этого и последующих постановлений Казкрайкома и правительства по вопросам оседания лежала позиция Голощекина на безудержное форсирование коллективизации, полное игнорирование интересов крестьянства, его системы хозяйства, быта, традиций, неподготовленность на местах к переводу на оседлость сотен тысяч кочевых хозяйств, прямое насилие над личностью крестьянина. Трагические результаты этой кампании известны.

Таким образом, решения партийных и советских органов о коллективизации, оседании, раскулачивании с самого начала иг-

норировали всякую законность, носили неправовой характер, проводились путем произвола и насилия, привели к разрушению производительных сил, голоду, массовой гибели казахского крестьянства. Они должны быть осуждены, признаны антигуманными и отменены.

– Предлагались ли тогда альтернативные варианты?

– **К. С. АЛДАЖУМАНОВ.** В вопросах оседания кочевого и полукочевого населения предлагались и разумные планы. А. Букейханов, А. Байтурсунов и другие высказывались о постепенном переводе кочевников на оседлость, предлагали, в первую очередь, определить конкретные районы их обитания, провести тщательные землеустроительные работы, а затем путем постепенных реформ и с учетом национальных особенностей осуществлять преобразования хозяйства. Русские ученые-экономисты и аграрники Швецов, Сириус и другие произвели научно обоснованные расчеты землепользования с учетом особенностей хозяйственной структуры Казахстана.

Новая волна интеллигенции, входившей в правительственный круг республики в лице С. Садвакасова, Т. Рыскулова, С. Ходжанова, Н. Нурмакова и других, пытались противостоять силовой альтернативе, пренебрежению национальными особенностями республики. Однако все они были обвинены во всех тяжких грехах, как “буржуазные националисты”, “великодержавные шовинисты от науки”, “национал-уклонисты” и “организаторы группировочной борьбы” в партийной организации республики. С приходом Ф. Голощекина в руководстве партийной организацией республики все деятели “Алаш-Орды” были репрессированы, “инакомыслящие” и “непокорные” изгнаны из правительственного и партийного аппарата республики. Впоследствии в 1937 году все это послужило основой для обвинения их и репрессии как врагов народа.

– **В. К. ГРИГОРЬЕВ.** Ф. И. Голощекин (1876–1941) вполне устраивал Сталина. Это соответствовало его стремлению укрепить свое положение в этом важном в политическом отношении регионе и тем самым форсировать в Казахстане осуществление таких социально-экономических мероприятий, которые бы существенно упростили социально-политическую структуру края, и провести нивелировку казахского общества, экономически, политически, культурно сблизив республику с Россией. Голощекин непри-

язненно относился к ленинской идее гражданского мира, заложенной в концепции НЭПа.

— **Кстати, об идее гражданского мира. В чем ее суть?**

— Она в корне меняла суть социализма, раскрывала возможности его адаптации в мировом сообществе, позволяла казахскому обществу трансформироваться в современное без разжигания классового противостояния. Именно в условиях НЭПа казахское общество в полной мере раскрыло возможность кочевого и полукочевого хозяйства, когда поголовье скота в республике достигло самого высокого в истории края уровня — более 40 млн. голов скота. И Голощекин, выступив против гражданского мира, сразу поставил под сомнение возможности экономического развития Казахстана.

— **Избрание его на пост первого секретаря Казкрайкома ВКП(б) было проведено методом кооптации?**

— Да, при этом игнорировались воля и желание местных работников. Политическая линия Голощекина определилась в установках V Всеказахстанской партийной конференции (1-7 декабря 1925 г.), которая состоялась спустя три месяца после его приезда в Казахстан. Ключевым направлением стратегии конференция избрала обострение классовой борьбы в ауле, главным лозунгом момента “Советизацию аула”. Тем самым создавалась идейно-политическая основа для проведения “новой революции” — “Малого Октября” в республике.

С приходом Ф. Голощекина была искусственно обострена классовая борьба в ауле. Согласно постановлению ЦИК и СНК КазССР от 27 августа 1928 года, были конфискованы хозяйства около 700 крупных баев. Обострению классовой борьбы и продовольственному кризису способствовали и непомерные масштабы хлебо- и скотозаготовок. Сверхиндустриализация, проводившаяся за счет разорения крестьянских хозяйств, подталкивала власти к искушению найти продовольственные ресурсы почти за бесценок в таком регионе, как Казахстан. А затем разоренные крестьянские хозяйства были вовлечены в молох сплошной коллективизации.

— **Было ли оказано сопротивление со стороны крестьянства?**

— **К. С. АЛДАЖУМАНОВ.** Реакция на силовое давление и грубый произвол выразилась не только в резком упадке сельскохозяйственного производства. Как и по всей стране, в Казахстане

проявилось открытое недовольство политикой, проводимой в ауле и деревне. Причем это коснулось не только казахской части населения, но и русской переселенческой. Часть недовольных встала на путь сопротивления, который квалифицировался как “бандитизм”. Республика по-существу находилась в состоянии гражданской войны. Начиная с осени 1929 до 1932 года в Казахстане произошло около 380 восстаний, крестьянских волнений.

Непосредственным поводом к выступлениям послужила политика заготовок, а также искусственное обострение классовой борьбы на основе постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года о ликвидации кулачества и байства как класса. Террор, имевший место в отношении крестьянства в ходе заготовок и сплошной коллективизации, когда ставился вопрос в такой плоскости: “Кто против колхозов?”, а не “Кто хочет вступить в колхоз?”, не мог не вызвать ответную реакцию. Все волнения и восстания были жестоко подавлены.

По предварительным данным восстания 30-х годов охватили около 80 тысяч населения. Не считая погибших в ходе подавления восстаний и репрессированных за сопротивление активистам и уполномоченным по различным кампаниям, только за участие в крупных восстаниях было осуждено решением тройки ОГПУ 5551 человек, из них 883 расстреляно.

— Можно ли сейчас определить численность погибших от голода?

— **К. С. АЛДАЖУМАНОВ.** В процессе работы члены комиссии основательно изучили многие материалы, причем самых различных ведомств и структур. Вся сложность работы состоит в том, что в официальных документах того времени, начиная от районного звена и до республиканского аппарата, подобные и объективные данные о численности погибших трудно найти, так же как и упоминания о голоде. Все материалы, которые шли с мест о голоде, в том числе и известные письма Т. Рыскулова, Г. Мусрепова и других, попадали под гриф “Совершенно секретно” и изымались из делопроизводства. Ответа, как правило, на эти письма и обращения не было.

Должностные лица, в том числе Ф. Голощекин и председатель Совнаркома республики У. Исаев, не говоря уж об остальных, долгое время тщательно скрывали истинное положение дел. В

документах конца 1931 и первой половины 1932 года, если и говорится о голоде, так только в виде намеков и туманных выражений “о продзатруднениях” в том или ином районе. Только в мае 1932 года забил тревогу У. Исаев, а затем и Ф. Голощекин. Но это было запоздалой мерой. В каком положении оказалось население, говорят следующие цифры: к концу 1932 года по неполным данным население республики сократилось на 1 831 441 человек. Это официальная статистика тех лет.

— **В. К. ГРИГОРЬЕВ.** Засуха 1931 года, широкое применение репрессивных мер, сбор хлеба и мясозаготовок в 1932 году, массовые откочевки, эпидемии и голод привели к высокой смертности. Глубинные районы оказались ловушкой для голодающих, люди не смогли выбраться оттуда. Только в 1932 году погибло или откочевало более 769 тысяч человек.

— **Корректна ли формулировка “погибло или откочевало”?** Ведь речь идет о людях, о населении, которое вело кочевой образ жизни?

— Более точными данными мы пока не располагаем. Ясно, что линия, избранная Ф. Голощекиным, отражала идеологию и практику времен гражданской войны. Из 6,2 миллиона жителей республики в 1931-1933 годах погибло от голода более трети - около 2,1 миллиона. Из них 1 миллион 750 тысяч - казахи, 0,4 миллиона - русские и украинцы. Такова была цена эксперимента по оседанию на базе коллективизации.

— **Как же можно охарактеризовать эту трагедию?**

— **М. К. КОЗЫБАЕВ.** В ужасающем реестре трагедий, потрясших XX век, наряду с такими преступлениями против человечества, как большевистские антикрестьянские репрессии, “Холокауст” (так называют катастрофу еврейского народа, потерявшего в годы нацизма около 6 миллионов человек), сталинские депортации народов, маоистская “культурная революция”, полпотовщина, всегда будет помниться и геноцид в отношении многострадального казахского народа.

Пройдут годы, сменятся поколения, но историческая память будет вновь и вновь возвращать к той страшной драме, когда по воле преступного режима сотни и сотни тысяч жизней наших соотечественников утратили смысл и цену.

И каждое поколение с болью в сердце будет задаваться вопросом: как и почему могло такое произойти? Ответ на это ищем сегодня и мы.

— **Комиссия Верховного Совета завершила свою работу?**

— Нет. Во-первых, репрессиям подверглись по далеко не полным данным свыше 150 тысяч человек. Во-вторых, мы еще не смогли изучить документы, отложенные в архивах Москвы, Новосибирска, Саратова, Ташкента, Бишкека, Нукуса. Не изучены архивы лагерей. Как известно, Карлаг возник в 1931 году. Нет окончательного ответа о численности жертв голода, сводных данных о раскулаченных и высланных за пределы и внутри республики. Очень мало мы знаем о лидерах крестьянского сопротивления против силовой коллективизации. Одним словом, чем мы больше изучаем проблему, все больше возникает масса вопросов. Такова диалектика любого поиска.

Тем не менее комиссия намерена в ближайшее время подвести первые итоги, сделать ряд неоспоримых выводов и практических предложений. Не подлежит сомнению, что осуществление экстренных, чрезвычайных, экономических акций против крестьян направлено для сбора дани от крестьянства в фонд накопления срочной индустриализации страны. Во-вторых, коллективизация, как и предшествовавшие ей экономические акции советского правительства, была осуществлена по модели Сталина и его наместника в Казахстане Голощекина силовыми методами.

В-третьих, административные органы, армия выполняли карательную функцию, превратились в орудие политики геноцида. Советское государство, подобно царизму в 1916 году, направило карательную экспедицию в Степь, ославило национальную политику, покрыло ее позором. В-четвертых, не подлежит сомнению, что миллионы крестьян, главным образом казахов-шаруа, постигла участь периода “великого бедствия” джунгарского нашествия. Казахский народ в своем развитии оказался отброшенным назад на несколько столетий.

Наконец, члены комиссии единодушны в том, что пострадавшие в результате беззакония, осужденные и высланные крестьяне, а также миллион с лишним тысяч беженцев и их потомки, оказавшиеся за рубежом, должны быть восстановлены во всех правах. Они заслужили того, чтобы наше гуманное, демократическое общество проявляло о них заботу.

Таковы первые итоги работы комиссии Верховного Совета Республики Казахстан по данной весьма актуальной проблеме.

Полагаю, что работа комиссии по историко-правовой оценке конфискации баев-полуфеодалов, ликвидации кулачества как класса, голода 1931-1933 годов является началом поистине государственной исследовательской программы большого коллектива исследователей.

Советы Казахстана. 1992, 30 мая № 105 (256), С. 2-3.

ФИЛИАЛ ГУЛАГА – КАЗАХСТАН

Указом Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева 1997 год объявлен Годом памяти жертв политических репрессий и общенационального согласия.

В постсоветском пространстве Казахстан, — пожалуй, единственная республика, которой удалось избежать кровавых межэтнических конфликтов, хотя на ее территории проживают представители свыше 100 народов. Оберегая это весомое и в то же время хрупкое достояние, осознавая, что именно межнациональное согласие стало гарантом политической стабилизации страны, казахстанцы не забывают и о недавнем прошлом, когда их земля была превращена в тюрьму для депортированных народов, в гигантский концентрационный лагерь — место казней, мучительной гибели миллионов инакомыслящих и безвинных жертв тоталитарной системы.

Аресты, суды, расстрелы, лагеря... Вместо Жер уйыка — Земли обетованной, о которой казахи мечтали с незапамятных времен, — они, как и другие народы Российской империи, получили в результате революции казарменный социализм. Режим, превративший Казахстан в один из плацдармов ГУЛАГовской системы. Горькие итоги преступлений сталинско-бериевской эпохи подводит республиканское историко-просветительное общество “Әділет” — “Справедливость”.

Слово его председателю, академику **Манашу Козыбаеву:**

— Репрессии велись в три этапа — 1920-36, 1937-38 и 1941-53

годы. Однако, когда говорят, что репрессивная кампания была запланирована, это неверно. Революция свершилась, но страна к созданию нового общества не была подготовлена. Разрушенная экономика заставила обратиться к распределительному принципу: всем поровну. Народное хозяйство поставили в ружье, партия уподобилась Ордену меченосцев, а Советы превратились в игрушку в руках партийных вождей. Уже в 1921-22 гг. в Казахстане голодало более 2 млн. 300 тыс. из проживавших на территории края 3 млн. 796 тыс. человек. Из них около 670 тыс. погибли, а свыше 700 тыс. покинули родину.

Вместо самоуправления, народы получили, по выражению Ахмета Байтурсынова, “кукольные республики”. Ставка делалась на бедных и люмпенов, думающая же элита оказалась за бортом. Интеллигенция встала в оппозицию — и пошло: Сейфуллин — значит “сейфуллинщина”, Рыскулов — “рыскуловщина”, Мендешев — “мендешевщина”! Присланный в Казахстан Голощекин разогнал перво-наперво бунтарей, выпроводив их за пределы республики. Начались расстрелы, потом гонения на крестьянство, печально известная конфискация имущества баев, раскулачивание, и наконец — голод, эпидемия брюшного тифа, унесшие 1 млн. 750 тыс. жизней, или 42% казахов. Существенно снизилась и численность других этносов. А 1 млн. 100 тыс. человек ушли в Китай, Турцию, Афганистан, из них свыше 600 тыс. впоследствии рассеялись по свету.

— В чем причины этой трагедии?

— Бездумное требование, чтобы неприспособленные к оседлости казахи немедленно объединились в колхозы и занялись земледелием. Причем кампанию коллективизации проводили методом насилия. Репрессиям подверглись свыше 100 тыс. человек. В районе Шу, например, согнали живущих в радиусе 400 км казахов и решили создать аул по городскому типу. Выстроили из юрт улицы, обобществили все что можно и решили — колхоз создан. Но куда там! Людям есть нечего, кормов для скота взять неоткуда. К весне скот пал, жители аула разбежались кто куда, многие подались за границу. И такой экономический авантюризм, насильственное принуждение, бытовавшие повсюду, привели к трагедии, с которой могут сравниться разве что последствия джунгарского нашествия 1723 г.

– Спешка в проведении кампании была чем-то оправдана?

– XVI съезд партии установил завершающий срок коллективизации – 1932 год. Но, вспомните, мы же всегда все выполняли досрочно! Вот и торопились доложить об очередном “достижении”. Народное же сопротивление подавлялось карательными мерами.

– К ним привлекали пришлых? – И своих хватало! Исполнители воли начальников – шабарманы, лжеактивисты-бельсенде из кожи вон лезли, чтобы доказать свою преданность Советам. Только с 1929 по 1933 гг. около 3,5 тыс. сельчан были расстреляны и более 13 тыс. заключены в тюрьмы и лагеря. В целом же республика вышла на второе – после Калмыкии – место в Союзе по уничтожению людей в этот период.

– Но это были не только интеллигенция и крестьянство?

– Конечно. Среди пострадавших – священнослужители, рабочие и служащие, партийные и советские работники. А после убийства С. М. Кирова страну охватил массовый террор. Пик его пришелся на 1937–1938 гг., когда было репрессировано 103 тыс. казахстанцев и четверть из них расстреляна. Лишь по приговору тройки под началом диввоенюриста Горячева казнено за 3 месяца около 100 человек! Причем первыми были расстреляны работники правоохранительных органов – Сулейменов, Ескараев, многие другие. А в общей могиле под Жаналыком близ Алматы захоронен цвет казахской интеллигенции: Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин, Ильяс Джансугуров, Ахмет Байтурсынов, Санджар Асфендияров и другие.

– Помимо них, были ведь и неказахстанцы?

– С 1931 года республика стала филиалом ГУЛАГа, включающим более 20 лагерей политзаключенных, которые обеспечивали продовольствием другие лагеря Союза, потом их стало 70. Здесь сидели осужденные со всех республик. Один Карлаг вмещал около 60 тыс. заключенных. В “Степлаге” в районе Жезказгана содержалось 17-18 тыс. человек, в “Песчаном” – 18-20 тыс., а в годы, когда увеличился поток военнопленных, цифры эти возросли в несколько раз. В спецлагерях режим был особо жестким – все заключенные носили номера, работали без выходных и, хотя могли якобы дважды в год писать и получать письма, на самом деле были абсолютно изолированы. Существовали также отдельные

производственные точки; к концу 50-х их насчитывалось 294, а к 60-м — в четыре раза больше.

— Словом, репрессии разнообразились?

— Мы не коснулись еще спецпереселенцев и депортированных народов. В 1931 г. в Казахстан было выслано более 150 тыс. кулаков. Список же депортированных народов открыли корейцы, переселенные сюда в 1935–38 гг. с Дальнего Востока. В Казахстан их прибыло около 100 тыс. человек. С началом войны трагический перечень пополнили поляки (104 тыс.), немцы (444 тыс.), крымские татары (около 5 тыс.), народы Северного Кавказа (более 530 тыс.) и другие. По нашим данным, в годы войны на территории республики отмечались в комендатуре 1 млн. 200 тыс. режимных интернированных. Репрессии обрушились и на иностранных подданных. Только в Казахстане были заведены уголовные дела на 731 иностранца. Среди осужденных были иранцы, румыны, греки, болгары, японцы, англичане, французы и другие. Пострадали, естественно, и представители всех национальностей, издавна живущих у нас в Казахстане.

— Вышедшая недавно “Книга скорби” включает в себя лишь имена расстрелянных в Алматы и Алматинской области.

— Но это только первый том. Уже практически готов второй том издания — по Карлагу. Далее пойдут Мангыстау, Восточный Казахстан, Семипалатинск, Петропавловск и Кокшетау. Работа — на несколько лет. Мы делаем все что можем для увековечения памяти погибших.

DIDAR-KAZAKSTAN, 1997, № 3.

ЗОЛОТОЙ ФОНД ПАРТИИ”... НА КОСТРЕ ПО ВОЛЕ ПАРТИИ.

Президентская премия мира и духовного согласия 1997 г. Указом главы нашего государства от 24 октября 1997г. присуждена трем ученым, профессорам: А. Н. Гаркавицу — главному редактору газеты

“Украински новины” (Казахстан), доктору филологических наук; М. К. Козыбаеву - директору Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, доктору исторических наук; А. Фишлеру — профессору университета города Фонтенбло (Франция). С одним из лауреатов — академиком М. К. Козыбаевым - беседует наш корреспондент Николай Ситько.

— Манаш Кабашевич! От имени редакции и наших читателей горячо поздравляю Вас с присуждением столь почетной и вполне заслуженной премии. Дальнейших успехов Вам в научной и общественной деятельности, активного творческого долголетия! В одном из интервью, связанным с этим событием, Вы сказали, что тираж Вашей книги “Золотой фонд партии” был сожжен сразу же после выхода. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

— Спасибо за поздравления и пожелания. А факт, о котором Вы просите рассказать, действительно имел место. В начале 60-х начале 70-х годов впервые в истории СССР был принят ряд постановлений, направленных против коррумпированности, клановости в кадровой политике. У многих создавалось впечатление, что “оттепель” продолжается, что нам еще многое дозволено. Я в то время работал заведующим сектором партийного строительства Казфилиала ИМЛ при ЦК КП Каз. Мы с коллегой — историком З. А. Голиковой решили ретроспективно рассмотреть кадровую политику КПСС, не ретушируя, не замазывая ее прорехи и недостатки.

В первые годы Советской власти, при В. И. Ленине, на руководящих должностях людей держали лишь несколько месяцев, затем передвигали вверх или вниз. Я. М. Свердлов обосновывал такую практику тем, что длительное пребывание на одной должности приводит к злоупотреблению властью, коррумпированности, клановости.

В период культа личности движение кадров было практически односторонне- только сверху (из Центра) — вниз (в провинции). Так, из 323-х секретарей ЦК КП К только 2 были казахами. На эту должность присылались в основном ставленники центра. Первые секретари обкомов в 40-х — 60-х годах держались в своих “креслах” 15-20 и более лет. Эти должности становились чуть ли наследственными. Аналогичная картина была и с чиновничьей верхушкой — министрами, председателями облисполкомов и др. Обо всем этом мы и написали, дав волю обобщениям и выводам.

Книга “Золотой фонд партии” с подзаголовком “Из истории кадровой политики КПСС” вышла в 1973 г. Вернее, не вышла, а была напечатана. Ее не спешили отдавать в книготорговые организации. Она оказалась “замороженной”. Чувствуя, что над ней нависла угроза, я послал один экземпляр книги в Москву, в ИМЛ при ЦК КПСС. Там видные историки, изучив ее, дали положительный отзыв. Были звонки из Москвы в ЦК КП Казахстана, выражавшие недоумение по поводу поднятого вокруг издания шума. Авторы издания обвинили в искажении истории, традиционно — притуплении политической бдительности, в серьезных погрешностях. Не помогла и поддержка московских ученых. Книгу сожгли.

— Кто дал указание уничтожить тираж?

— Тогдашний секретарь ЦК КП Каз С.Н.Имашев по согласованию, конечно, с другими руководителями ЦК.

— Было постановление Бюро или Секретариата ЦК КП Каз?

— Нет, постановления не было. Я думаю, в судьбе книги немалую роль сыграло и то, что мы тепло отозвались о Байкене Ашимове, незадолго до этого назначенном Председателем Совета Министров КазССР. Мы писали, что у него за плечами большая жизненная школа, годы войны. Его появление на политической арене на одном из ключевых постов в руководстве республики мы охарактеризовали как новое и вполне позитивное веяние в кадровой политике.

В то время было такое негласное правило — в трудах по истории партии можно было из здравствовавших руководителей хвалить лишь одного — первого секретаря ЦК. Мы это правило не соблюли. С. Н. Имашев доложил Д. А. Кунаеву, что авторы книги поют гимны Б. А. Ашимову и что вообще это издание “с душком”...

Словом тираж уничтожили. А чтобы оправдать это деяние, в Отчетный доклад ЦК КП Казахстана XVI съезду республиканской Компартии включили в качестве отрицательного примера издание нашей “ошибочной и вредной” книги.

После соответствующей “встряски” и выговора я ушел из Казфилиала ИМЛ на преподавательскую работу.

— В других Ваших трудах было что-либо, привлекавшее пристальное внимание “бдительного ока” ЦК партии, Главлита?

— Сколько угодно. Например, по моим подсчетам, в годы войны в Казахстане на нужды фронта было мобилизовано (в действующую и трудовую армии) 25% населения. В Германии в период так называемой “тотальной мобилизации” было приговорено 12%. В оккупированных Украине и Белоруссии — 16-17 %. У нас, как и в Сибири, этот показатель был наиболее высоким. Такова, по моему мнению, участь наиболее отсталых, аграрных районов. Я пытался высказать свою точку зрения на одной из конференций. Мне сказали: “Цыц!”

— **И все же эта мысль где либо прозвучала в Ваших трудах?**

— Я ее протащил, вложив в уста Д. А. Кунаева. Мне пришлось участвовать в подготовке одного из его докладов, кажется, к 25-летию Победы. Туда я ее потихоньку и “вмонтировал”. Помощники не разобрались. А “первый” озвучил. Потом я уже ссылаясь на Д. А. Кунаева. Или другой факт. В Казахстане, в отличие от других регионов, в первые годы войны не проводилось бронирование специалистов. В результате подчистую ставили под ружье высококвалифицированные кадры творческой интеллигенции, шахтеров, металлургов, железнодорожников, сельских механизаторов. Оголялись предприятия, целые отрасли. В конце 1942 г. новое руководство Балхашского горно-металлургического комбината вынуждено было дать телеграмму И. В. Сталину. В ней говорилось, что работать практически некому: горняки, металлурги, инженеры почти все на фронте. Только после этого начали бронирование специалистов.

Удивительные вещи происходили в то время. Из Донбасса в Казахстан были эвакуированы 3200 горняков. Они здесь проработали до конца войны. Наши же, казахстанские шахтеры, почти поголовно ушли на фронт.

— **Я понимаю, Ваши основные научные интересы - история Великой Отечественной войны. Однако присуждение Президентской премии связано, конечно, и с Вашими исследованиями по истории современного суверенного Казахстана, с Вашей общественной деятельностью?**

— С момента получения суверенитета мы по-новому начали изучать нашу историю. Раньше Казахстан был частью огромной империи. И его история была тоже частью истории этой страны. Теперь республика стала самостоятельным субъектом истории.

Задача ученых-историков сегодня — ликвидация белых пятен, исследование кровавых следов и черных дыр в истории нашего государства, которые раньше замалчивались, игнорировались, фальсифицировались. Таких пятен, следов, дыр оказалось очень много. Особенно в истории советского периода. Кто раньше знал, что только против коллективизации в нашей республике было свыше 370 народных выступлений, восстаний?

По-новому переосмысливаются события прошлого, в том числе процесс присоединения Казахстана к России. В результате удалось создать Концепцию воспитания исторического сознания нашего народа, казахстанского патриотизма; подготовить и издать школьные и вузовские учебники, учебные пособия, хрестоматии. Мы приступили к изданию пятитомной истории Казахстана. Первый том уже вышел. Второй — на подходе. Подготовлены рукописи третьего — четвертого томов. Работаем над пятым.

Считаю, что в наше время ученый, особенно обществовед, историк, просто не может не заниматься общественной деятельностью. За годы суверенитета мне довелось быть народным депутатом, членом комиссий при Президенте страны по государственной политике, по правам человека. Возглавляю республиканское научно-просветительское общество “Адилет”...

— Это общество занимается в основном проблемами репрессированных?

Да, репрессированных, депортированных, погибших в годы войны. Словом, теми вопросами, которые решало известное общество “Мемориал”. К нам обращаются граждане не только нашей страны, но и ближнего зарубежья. Ведь только через Карлаг прошло более миллиона человек со всех концов бывшего СССР и даже из-за рубежа. Наши активисты упорно разыскивают места расстрелов, захоронений, выясняют имена погибших, устанавливают памятники.

Получить Президентскую премию, конечно, очень, почетно. Но это ко многому и обязывает. Так что впереди еще дел не впропорот...

**Наука Казахстана.
1997. 1-15 ноября (№ 21).**

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ КАЗАХСТАНА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Изучение, обобщение исторического опыта советского народа, Коммунистической партии по обеспечению победы в Великой Отечественной войне стало ведущим направлением историографии¹. Его истоки берут начало с тех грозных лет, когда шло единоборство между Советским Союзом и гитлеровской Германией. В те годы советская историческая наука была призвана обосновать объективную необходимость краха фашизма и непобедимости советского народа, несокрушимости советского общественного строя, марксистско-ленинской идеологии, помочь в воспитании миллионов советских патриотов в духе исторических традиций нашего героического прошлого. Характеру военного времени соответствовали формы и жанры исторических работ — исторические очерки, историко-публицистические статьи, очерки боевого пути прославленных соединений, исторические биографии великих полководцев, небольшие документальные публикации.

Для этого этапа развития историографии была характерна мобильность, оперативность, публицистичность. Нельзя не отметить также широту диапазонов публикаций, стремление авторов сомкнуть воедино тыл и фронт, политику и экономику. Все, почти без исключения, публикации тех лет написаны в ключе идеологического противоборства социализма с национал-фашизмом.

В конце 1941 и начале 1942 гг. создаются первые научные организации по сбору материалов по истории Отечественной войны². В Казахской ССР с этой целью была создана республикан-

¹ Жилин П.А. Актуальные проблемы исследования Великой Отечественной войны//Историография Великой Отечественной войны: Сб. статей. М., 1980. С.16; Митрофанова А.В. Об основных этапах советской историографии Великой Отечественной войны//Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. Сб. статей. М., 1976. С.11-14; Балакаев Т.Б., Алдажуманов К.С. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны//Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. Алма-Ата, 1980. С.117-118; Тулепбаев Б.А., Козыбаев М.К., Дахшлейгер Г.Ф. Некоторые итоги и актуальные проблемы изучения истории Казахстана//Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата, 1983 и др.

² Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. С.16.

ская комиссия. Большую работу в комиссии вела группа ученых Института истории СССР Академии наук³. В Институте истории партии при ЦК Компартии Казахстана на течение всей войны работала группа по составлению хроники⁴. Оперативно издавались на казахском языке труды В. И. Ленина, посвященные вопросам защиты социалистического Отечества, войны и мира, революции. В те годы, по уточненным данным, на материалах Казахской ССР по военной проблематике было опубликовано около 150 книг, документальных сборников, брошюр, научных статей. Среди авторов этих публикаций мы встречаем имена видных советских ученых (Д. А. Баевский, К. В. Островитянов, А. М. Панкратова, А. Е. Пробст, А. П. Кучкин, К. И. Сатпаев, Н. Обручев), писателей, журналистов (Б. Полевой, В. Ставский, А. Кривицкий, А. Макеев, С. Муқанов, А. Абишев, Д. Снегин, Г. Сланов, О. Чечеткина, П. Кузнецов, Г. Мустафин). Следует особо подчеркнуть увеличение подобных публикаций на страницах союзных изданий. Среди них достаточное место занимают статьи, в которых была сделана попытка раскрыть, что дала Великая Октябрьская революция казахскому народу, какие завоевания социализма он защищает⁵. Некоторые статьи раскрывали облик воина-казаха, патриота, интернационалиста, труженика и защитника социалистической отчизны⁶.

В те годы создавалась литература, которая, в соответствии с утвердившимися в науке представлениями, прослеживала исторические вехи развития Казахстана за годы Советской власти, анализировала роль республики в военно-экономическом по-

³ В годы войны. М., 1985. С.25-30.

⁴ Чумак И. Собрать и хранить документы Великой Отечественной войны// Большевик Казахстана. 1943. № 6; Копылев В. Документальная база истории Казахской ССР// Большевик Казахстана. 1944. № 5.

⁵ Шаяхметов Ж. Казахский народ - активный участник Великой Отечественной войны//Большевик Казахстана. 1941, № 10. С.8-10; Что дала Советская власть казахскому народу и за что она борется с гитлеровской Германией//Большевик Казахстана. 1942. № 19-20. С.32-38; Брушевич В., Дьяков А. Народы Востока против фашизма. Ташкент, 1973; Якунин А. Что дала Октябрьская революция казахскому народу//Большевик Казахстана. 1944. № 12-13. С.23-29; Казакпаев А. Что дала Советская власть казахскому народу?//Большевик Казахстана. 1945. № 71. С.22-29.

⁶ Полевой Б. Рождение эпоса. Алма-Ата, 1943; Ритман М. Идеино-моральный облик воина-казаха//Большевик Казахстана. 1944. № 3-4. С.36-40.

тенциале воюющей страны⁷. Значительная часть публикаций военных лет посвящалась мобилизации усилий и раскрытию вклада рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, молодежи и женщин в деле оказания всемерной помощи фронту⁸.

В ходе войны обобщался опыт партийно-политической, организаторской работы, партийного руководства народным хозяйством, общественными, женскими, оборонно-массовыми организациями. Как отражение особенностей сложнейшего периода представляет также интерес вышедшая тогда массово-политическая литература по вопросам экономики⁹.

И в популярной литературе, и в научных исследованиях ученые-экономисты основное внимание уделяли проблемам научной организации труда, максимальному использованию трудовых резервов, подготовке кадров для народного хозяйства¹⁰. Непосредст-

⁷ Кучкин А. Индустриализация Советского Союза - основа оборонной мощи страны// Большевик Казахстана. 1942. № 6. С.22-27; Казахстан в дни Великой Отечественной войны// Исторический журнал. М., 1942. Кн. 9. С.3-16; Лившиц Р.К. К вопросу создания черной металлургии в Казахстане// Большевик Казахстана. 1942. № 13. С.36-40; Михайлов И.Н. Республика-арсенал. Алма-Ата, 1942. С.35; Скворцов Н.В. Дни Отечественной войны. Алма-Ата, 1942; Дитман Н. Советский Казахстан в дни Отечественной войны// Пропаганда и агитация. 1943. № 11; Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. Алма-Ата, 1943; Неклюдов А. Большевики Балхаша в борьбе за медь// Большевик Казахстана. 1943. № 11-12. С.32-35; Обручев В.А. Ископаемые богатства Казахстана// Природа. 1944. № 3; Островитянов К.В. Колхозы Казахстана в борьбе за укрепление обороноспособности СССР. Алма-Ата, 1943; Карнаухова Е. Казахская база свеклосахарной промышленности. М.; Л., 1944.

⁸ Бузурбаев Г. Интеллигенция Казахстана в дни Отечественной войны// Большевик Казахстана. 1942. № 24. С.8-13; Губа Т., Кузнецова О. Женщины Казахстана до конца выполняют долг перед родиной. Алма-Ата, 1942; Губа Т. Интеллигенция Казахстана в дни Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1955. № 1-2. С.36-42; Спиридонов И. Комсомол в дни Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1945; Жангирова Р. Женщины-казашки в социалистическом строительстве Казахстана// Большевик Казахстана. 1945. № 11. С.51-57 и др.

⁹ Творческая инициатива железнодорожников Карагандинской области. Акмолинск, 1942; Турксибшпицер Отан соғысы кундерінде. Алматы, 1942; Ким Ман Сам. Мой опыт получения высокого урожая риса. Алма-Ата, 1943; Яновский Н.Х., Максимов Н.М. Опыт стахановцев-горняков Лениногорска. Алма-Ата, 1943; Геллер Ю. Опыт организации отгонного животноводства в колхозах Бельгагачского и Ново-Шульбинского районов// Большевик Казахстана. 1944. № 8-9. С.14-20; Боровский В., Рахимов Т. Опыт работы бригады Орумбасара Шаймерденова. Алма-Ата, 1944 и др.

¹⁰ Арутюнян А. Великий почин и его традиции в дни Отечественной войны// Большевик Казахстана. 1942. № 11. С.13-18; Атлас З. Мобилизовать все источники накопления социалистического хозяйства для обороны страны// Большевик Казахстана. 1942. № 8. С.5-11; Бровер И. Внутренние трудовые резервы промышленности Казахстана// Большевик Казахстана. 1942. № 6. С.14-21; Быстрее готовить квалифицированных рабочих промышленности// Большевик Казахстана. 1942. № 17-18. С.8-12 и др.

венным выражением того времени являлись пафос и героизм публикаций, посвященных жизни воинов-казахстанцев. В них отражалось участие посланцев республики в разгроме фашистских войск под Москвой, Сталинградом, в обороне Ленинграда, рассказывалось о военно-патриотических традициях казахского народа и их развитии в дни Великой Отечественной войны¹¹.

В условиях суровой и продолжительной войны советские ученые раскрывали истоки великой победы. Они видели их в судьбе народов Советского Востока, морально-политическом единстве советского народа, мобилизации трудовых, природных ресурсов на нужды обороны¹².

Именно в это время были сделаны первые шаги по сбору, систематизации и публикации документов и материалов о боевых действиях Советской Армии, буднях и трудностях фронтовой жизни, о чем свидетельствуют сборники "Письма с фронта", "Герои Советского Союза — казахстанцы"¹³. Ныне ставшие библиографической редкостью эти издания имели в тех условиях громадную научную и воспитательную ценность и не утратили ее по сей день. Совместными усилиями работников отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана, научных сотрудников Института экономики АН СССР, писателей и журналистов республики в 1943 г. был издан сборник очерков "Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков", вызвавший интерес общественности.

¹¹ Подвиг разведчиков. Алма-Ата, 1941; Абишев А. Толеген Тохтаров. Алма-Ата, 1942; Адильгереев Х. Казахстан в героической обороне Сталинграда//Большевик Казахстана. 1942. № 17-18; Боевые друзья. Алма-Ата, 1942; Братьям-ленинградцам. Алма-Ата, 1942; Муканов С. Мы победим. Алма-Ата, 1942; Письма семьи Панфиловых//Вестник связи. 1942. № 7-8; Советские гвардейцы: Славные дела и подвиги бойцов, командиров и политработников 8-й гв. стрелковой дважды орденоносной дивизии им. генерал-майора И.В.Панфилова. М., 1942. С.144; Казахи в битве за город Ленинград. Ленинградский фронт, 1943; Обращение казахского народа к защитникам Сталинграда. Алма-Ата, 1943; Орденоносный крейсер "Киров". Л., 1943; Скосырев П. Малик Габдуллин. М., 1943; Гвардейцы-казахи в боях за Советскую Родину//Блокнот агитатора Красной Армии. 1944. № 3.

¹² Ферсман А.В. Женищина Советского Востока//Красноармеец. 1942. № 23; Брушевич В., Дьяков А. Народы Востока против фашизма. Ташкент, 1943; Дитман Н. Советский Казахстан в дни Отечественной войны//Пропаганда и агитация. 1943. № 11; Шаяхметов Ж. Как Казахстан помогает фронту//Агитатор и пропагандист Красной Армии. 1943. № 23; Казахстан помогает фронту. Л., 1944.

¹³ Письма с фронта. Алма-Ата, 1944; Герои Советского Союза — казахстанцы. Сб. документов, материалов. Алма-Ата, 1945. Кн.1.

В 1943 г. коллектив научных сотрудников Института истории АН СССР и Института языка, литературы и истории Казахского филиала АН СССР, Казахского филиала ИМЛ при ЦК ВКП(б) закончил работу над “Историей Казахской ССР с древнейших времен до наших дней” (под редакцией М.Абдыкалыкова и А.Панкратовой). В сводном труде было показано и участие трудящихся республики в Великой Отечественной войне с июня 1941 г. по март 1943 г.¹⁴ Появление первого крупного сводного исследования по истории Казахстана, охватывающего весь путь исторического развития казахского народа, имело большое значение для историков республики.

Итоги исторического пути Советского Казахстана за годы Советской власти в традиционном представлении подвела монография “Казахская ССР за 25 лет”, изданная в год победы советского народа над фашизмом¹⁵.

Анализ вышедших в период войны изданий, посвященных исторической проблематике, свидетельствует, что над авторами довели идеологические стереотипы того времени. Но это не дает оснований для полного отрицания их историографической значимости, как документов, отражающих особенности определенного этапа развития науки.

В послевоенное десятилетие (1946–1955 гг.) исследователи поставили перед собой задачу — осмыслить события Отечественной войны, определить вклад советских народов, различных слоев советского общества, значение победы советских вооруженных сил для судеб человечества. Этого настоятельно требовала и международная обстановка. Источниковую базу составляли главным образом материалы периодической печати военных лет, где в обобщенной форме показано величие ратного и трудового подвига советского народа, закономерности развития советской военной экономики, проблемы советского тыла, политическая и организаторская деятельность партии по мобилизации сил и средств страны на разгром врага, на достижение победы.

За девять лет было опубликовано около 1200 книг, брошюр и статей¹⁶. Весьма важную роль в утверждении советской историко-

¹⁴ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943.

¹⁵ Казахская ССР за 25 лет. Алма-Ата, 1945.

¹⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1965. Т.6. С.406.

графии Отечественной войны в эти годы сыграла работа одного из видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства Н. А. Вознесенского¹⁷. В эти годы вышли и первые обобщающие труды по историко-партийным проблемам военных лет¹⁸.

Задачу определения роли и места Казахстана в военной экономике страны в дни минувшей войны впервые выдвинул в качестве самостоятельного объекта исследования А. Н. Нусупбеков¹⁹. В его статье были опубликованы некоторые сводные данные по ведущим отраслям народного хозяйства Казахстана за весь период войны²⁰.

В 1949 г. вышло второе, исправленное и дополненное издание "Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней" в двух томах под редакцией И. О. Омарова и А. М. Панкратовой. В этом издании А. Н. Нусупбековым на базе не только материалов периодической печати, но и скудных архивных документов значительно шире раскрыто участие Казахстана в войне²¹. Однако в ней не были четко определены хронологические рамки перестройки народного хозяйства республики, не показано участие многих казахстанских частей в крупнейших военных операциях, борьба партии и народа за дальнейшее расширение топливно-энергетической базы и увеличение производства металлов, работа транспорта.

В 1950 г. увидела свет монография Г. Абишева "Работа партии большевиков по воспитанию чувства советского патриотизма у воинов-казахов в годы Великой Отечественной войны" (1941–1945 гг.)²².

¹⁵ Казахская ССР за 25 лет. Алма-Ата, 1945.

¹⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1965. Т. 6. С. 406.

¹⁷ Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

¹⁸ См. более подробно: Митрофанова А. В. Об основных этапах советской историографии Великой Отечественной войны // Историография Советского тыла периода Великой Отечественной войны. С. 21–30.

¹⁹ Нусупбеков А. О сборе и подготовке к публикации документов и материалов об участии трудящихся Казахстана в Великой Отечественной войне // Известия АН КазССР. Сер. историческая. 1950. Вып. 5.

²⁰ Нусупбеков А. Могучий арсенал Великой Отечественной войны // Известия АН КазССР. Сер. историческая. 1947. Вып. 3.

²¹ История Казахской ССР. Т. 2. Алма-Ата, 1949. С. 287–349.

²² Абишев Г. Работа партии большевиков по воспитанию чувств советского патриотизма у воинов-казахов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Алма-Ата, 1950. С. 185.

Автор впервые включил в научный оборот материалы фронтовой казахской печати. В книге раскрыта многогранная работа партии по воспитанию у воинов-казахов чувства советского патриотизма, пролетарского интернационализма. Г.Абишев показал в динамике рост духовного мира воинов и боевого мастерства и попытался определить степень участия казахстанцев в освобождении оккупированных врагом земель братских республик.

В этой работе не нашли отражения военно-организаторская деятельность республиканской партийной организации, количественный и качественный состав мобилизованных на фронт казахстанцев, создание партийных, комсомольских организаций в казахстанских воинских частях.

Деятельности партии по укреплению тыла в годы войны посвятил свою работу А. Шошенко²³. Работа носит обзорный характер²⁴. В книге А. Шошенко, как справедливо отмечали авторы 6-го тома "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза", "все выводы сводятся к нескольким декларативным утверждениям"²⁵.

Проблематика исследований постепенно расширялась, были подведены итоги научной деятельности Казахского филиала АН СССР за период военного времени²⁶. Исследователи вновь и вновь возвращались к истории участия казахстанцев в защите социалистического Отечества²⁷. По-прежнему привлекали внимание ученых подвиги тружеников тыла, роль экономики Казахстана в укреплении оборонной мощи страны²⁸.

²³ Шошенко А. Борьба партии большевиков за укрепление тыла в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1951. С.170.

²⁴ Васильева А.Ф. Обеспечение партий экономических предпосылок для победы Советского Союза в Отечественной войне (к историографии вопроса)//Вопросы истории КПСС. 1967. С.91.

²⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т.6. С. 445.

²⁶ Сатпаев К. Состояние и основные задачи развития науки в Казахстане//Труды первой сессии АН КазССР. Алма-Ата, 1946.

²⁷ Адильгереев Х. Казахстан в героической обороне Сталинграда//Большевик Казахстана. 1948. № 2. С.33-49; Малыбаев М. Дружба, испытанная в боях за Родину. Алма-Ата, 1955. С. 58; Ишмуратов Ж. Казахстанцы в обороне Ленинграда. Алма-Ата, 1954. С. 44.

²⁸ Спиридонов И. Комсомол Казахстана в дни Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1948. С. 72; Чуланов Г. Промышленность Казахстана в годы Великой Отечественной войны//Изв. АН КазССР. Сер. экономическая. 1950. Вып. 2.

В эти годы был защищен ряд кандидатских диссертаций²⁹. В более поздних историографических публикациях дана оценка этих работ. «Недопустимые широкому кругу читателей, публичной критике, — читаем мы в статье Т. Б. Балакаева, К. С. Алдажуманова «Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны», — работы этого жанра как бы по инерции сохраняли типичные для большинства из них недостатки: описательность, констатацию факта, замалчивание серьезных трудностей, сложившихся в народном хозяйстве в период войны»³⁰. Утвердилось мнение, что для диссертационных работ этого периода характерна узость исторической базы. Вряд ли правомерно считать это всеобщим правилом. В отдельных кандидатских диссертациях (А. Байшин, Л. Е. Файн, Ж. Буранбаев) был впервые введен в научный оборот значительный круг источников.

В те годы в печати появились и первые мемуарные произведения. Были опубликованы воспоминания соратников И. В. Панфилова — Б. Момыш-улы, М. Габдуллина, ветеранов социалистического строительства П. Н. Ангелиной, В. Шибаева, С. Макарова, Б. Нурмагамбетова, Ф. Сергазина³¹. Мемуарный жанр дополняла и литература о героике военного времени³². Продолжалась работа по расширению источниковой базы исследований³³.

²⁹ Шошенко А.В. Борьба большевиков за обеспечение прочного тыла в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.): На материалах КазССР. Алма-Ата, 1948; Абишев Г. Забота партии большевиков по воспитанию чувства советского патриотизма у воинов-казахов в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1950; Файн А.Е. Алма-Атинская областная партийная организация КП(б) Казахстана в период Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1951; Мурзабекова Т. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. М., 1954; Байшин А.А. КПСС - вдохновитель и организатор трудовых подвигов рабочего класса в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945 гг.): На материалах КазССР. Алма-Ата, 1954; Вишневский В.М. Комсомол Казахстана в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). М., 1954; Исакова Б. Казахстан в первый период Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.). Алма-Ата, 1955; Кукетаев А. Борьба Карагандинской парторганизации за политический и трудовой подъем горняков Караганды в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1955; Байгужин К.Б. Партийная организация Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). На материалах Талды-Курганской области. Алма-Ата, 1955.

³⁰ Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. Алма-Ата, 1980. С.128.

³¹ Габдуллин М. Мои фронтовые друзья. Алма-Ата, 1949; Момыш-улы Б. История одной ночи (записки офицера). Калинин, 1954; Молодость Караганды: Рассказы шахтеров Карагандинского угольного бассейна. М., 1949.

³² Ярыкин В.Я. Дважды Герой Советского Союза Л.Беда. М., 1952; Капаев В.А., Шуканов В. Дважды Герой Советского Союза И.Ф.Павлов. М., 1953 и др.

³³ Важнейшие решения по сельскому вопросу. Алма-Ата, 1947.

Таким образом, в послевоенное десятилетие историография Отечественной войны достигла некоторых успехов: опубликованы первые сводные труды, монографии и брошюры по этой проблематике, формировались научные силы, способные вести за собой новых исследователей, создавались условия для углубленного изучения истории Отечественной войны.

Вместе с тем для историографии послевоенного десятилетия были характерны схематизм, ограниченность видения проблем, лакировка трудностей времени вообще, первого периода в особенности, преобладание описаний событий, комментирование, цитатничество: ограниченность аналитического материала, весьма общий характер теоретических обобщений.

В центре и на местах шло славословие Верховного Главнокомандующего. В публикациях тех лет не раскрыты драматизм и трагичность сложного предвоенного и начального этапа Великой Отечественной войны. Многие исторические явления, в том числе национальная политика партии, подвергавшаяся деформации, изображались упрощенно. В основу единой концепции проблем истории фронта и тыла, внешней и внутренней политики партии и государства, предыстории, хода, итогов, последствий и уроков Великой Отечественной войны легли оценки, содержащиеся в приказах и докладах Председателя ГКО и Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина, в которых всемерно оправдывались теория и практика культа личности, снижавшая оборонную мощь страны, ее Вооруженных Сил, поставившая страну в предвоенные годы перед катастрофой.

В мае-июле 1944 г. ЦК ВКП(б) провел совещание историков. Оно было связано с обращением к секретарям ЦК ВКП(б) члена-корреспондента АН СССР А.М.Панкратовой. В связи с отрицательной рецензией члена-корреспондента АН СССР А. И. Яковлева на книгу "История Казахской ССР", представленной в историческую секцию Комитета по Сталинским премиям, А. М. Панкратова писала, что "среди работников идеологического фронта появились тенденции, с которыми никак нельзя согласиться, ибо в основе их лежат полный отказ от марксизма-ленинизма и протаскивание под флагом патриотизма самых реакционных и отсталых теорий, уступок всякого рода кадетским и еще более устарелым и реакционным представлениям и оценкам в области ис-

тории, отказ от классового подхода к вопросам истории". Она просила помочь разобраться в вопросе, "поскольку война требует ясности, принципиальности и твердости не только в политике, но и в пропаганде, а в последней — история в условиях войны занимает важное место"³⁴.

На совещании был затронут широкий спектр сложных вопросов. Группа историков выступила с реабилитацией колониальной и внешней политики царизма. Авторы "теории колонизации" доказали, что всякое завоевание или присоединение малого народа к большому — факт объективно-прогрессивный, и нельзя признать за малыми и угнетенными народами права ни на своих героев, ни на свои героические боевые традиции борьбы за независимость и свободу. В ходе дискуссии А.И.Яковлев, как это отмечала А.М.Панкратова, заявил: "Что касается вопросов о злополучном Казахстане, то я, как русский патриот, не могу согласиться с тем, что Амангельды Иманова изображают героем, хотя он поднимал восстание против русского народа, как нож в спину, в тот опасный момент, когда Брусилов совершал свой героический брусиловский прорыв и спасал нашу родину, стоявшую на волосок от гибели! Может быть, Амангельды хороши с точки зрения Алаш-Орды, как ее герой, но не с русской точки зрения". Реплику: "Но, Амангельды — большевик, а не алашордынец. Алашордынцы убили его!" — Яковлев проигнорировал³⁵.

Более основательной критике подверг "Историю Казахской ССР" С. П. Толстов. "История Казахской ССР", — говорил он, — представляет более солидный вклад в науку, но в ней тот же основной недостаток: замкнутость, отрыв от всемирной истории, элементы идеализации, так как на все события авторы смотрят сквозь "казахские очки". Нет характеристики отсталости казахского хозяйства и быта, отрыва от русской и мировой экономики. Процесс вхождения в состав России рисуется как процесс сплошного завоевания. Между тем история Казахстана связана еще с Древней Русью. Дешт-и Кипчак — это кочевые племена, связанные с южнорусскими племенами. После XIII в. — это восточная окраина Золотой Орды, которая постепенно вошла в состав России. Политическое тяготение казахов особенно усилилось в XVI–XVII вв. Абульхайыр — дальню-

³⁴ Вопросы истории. 1988, № 11. С.55.

³⁵ Там же. С.68

видный и умный политик — сделал в этом направлении необходимые шаги, а он изображен в книге отрицательно. Перед Казахстаном и тогда и позднее было только два пути — войти в состав России или расчлениться на мелкие части, что и случилось”³⁶.

Отвечая оппонентам, А. М. Панкратова отмечала, что “авторы книги, дважды обсудив рецензию Яковлева и изложенные в ней установки, не считает возможным принять их как не соответствующие основам марксизма-ленинизма вопросам национально-колониальной политики, а политические тенденции великодержавного шовинизма, способную лишь вызвать реакцию местного шовинизма, а не бороться с ним”³⁷.

Критические высказывания участников совещания в адрес А. М. Панкратовой были использованы в рецензии М. Морозова “Об истории Казахской ССР”, опубликованной в журнале “Большевик” (1945, N 6) и постановления ЦК КП(б) Казахстана от 14 августа 1945 г. “О подготовке второго издания “Истории Казахской ССР””³⁸.

Совещание поставило на повестку дня актуальные проблемы, в том числе касающиеся истории присоединения народов к России, но не пришло к позитивным результатам. Предстояли в будущем новые схватки, научные дискуссии, развивавшиеся, к сожалению, в русле теории и практики культа личности Сталина.

Послевоенное десятилетие явилось периодом утверждения историографии Великой Отечественной войны. Была создана сеть научных подразделений, воспитывалась целая плеяда исследователей, сделаны шаги вперед в обобщении уроков и опыта истории второй мировой войны. Наряду с этим данный период свидетельствует, что историческая мысль в условиях нарушения принципов историзма, особенно научной объективности, недостаточности документальной основы, господства субъективизма в оценке событий и явлений, не в состоянии создать труды, охватывающие во всей полноте исторический опыт прошлого.

**Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.):
Очерки становления и развития,
Алма-Ата, 1990.**

³⁶ Вопросы истории. 1988, № 11. С.74.

³⁷ Там же, С.77.

³⁸ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1949. Т.1. С.37-38.

**КАЗАХСТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ:
ИТОГИ И НЕРЕШЕННЫЕ ЗАДАЧИ
(Научно-аналитический обзор)**

Историческая наука может и должна стать мощным инструментом познания реалий прошлого и настоящего и компасом в деле созидания будущего. Переоценка ранее сделанного в области исторической науки, ныне ведется по всем отраслям и направлениям исследований. При этом выявилась и нездоровая тенденция полного очернительства всего советского периода истории. В переоценке ранее сделанного историками нужен ответственный, взвешенный подход: нельзя не видеть недостатков и ошибок в трудах коллег предыдущих десятилетий, но и полное отрицание всего положительного в них тоже не обосновано. К 50-летию Победы в СССР было издано свыше 30 тыс. книг, брошюр и журнальных статей по истории Великой Отечественной войны, т. е. больше, чем по любому другому периоду истории страны.

Историографических исследований по проблемам Великой Отечественной войны наиболее ценными, на наш взгляд, являются соответствующие разделы 6-томника Истории войны, работы П. А. Жилина, И. З. Захарова, Г. А. Куманева, А. В. Митрофановой и другие вышедшие в последние 30-35 лет¹.

Во многих трудах по истории войны 1941–1945 гг. вследствие прямых запретов и под влиянием “самоцензуры” авторов долгое время освещались лишь ее эффектные стороны, победы и успехи. Негативные моменты, поражения и неудачи замалчивались или давались скороговоркой, без попыток анализа их масштаба, причин и последствий. В угоду верховным руководителям одни события и лица расписывались с излишней детализацией и пре-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. В 6-ти томах. - М., 1965 Т.6. С.403-450; Жилин П.А. Советская военно-историческая литература // Развитие советской исторической науки: 1970-1974. - М., 1975. С.101-122; Куманев Г.А. Великая Отечественная война в советской историографии // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. - М., 1982. С.171 -190; Историография истории СССР. Эпоха социализма. - КПСС - вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (Историографический очерк). - М., 1973. 262с. Очерки советской военной историографии - М.. 1974. С.224-361.

увеличением их воздействий на ход борьбы, другие, наоборот, — преуменьшались, хотя имели больший размах и последствия.

Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны являлась составной частью общесоюзной, и потому ее проблемы как часть целого рассматривались в названных выше историографических трудах. Имеются и специальные работы, посвященные анализу литературы по истории республики военных лет².

Процесс совершенствования науки и любого ее раздела, степень их зрелости напрямую отражаются в периодизации историографии Великой Отечественной войны участвовали многие специалисты, но особенно заметный вклад внесли В. Т. Анисков, Э. И. Гракина, М. Н. Евланова, П. А. Жилин, А. В. Карасев, Г. А. Куманев, А. В. Митрофанова. При некоторых нюансах их взгляды совпали в главном: по -началу 80-х годов исследование войны 1941—1945 гг., по их мнению, прошло четыре периода: первый охватывает годы войны, второй от ее окончания до XX съезда КПСС, третий от XX съезда партии до октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС и, наконец, четвертый — с 1965 г. до начала 80-х годов. Таковой позиции придерживался и один из авторов данной работы, изложив ее в очерке, подводившем итоги обсуждения³.

Сейчас такая периодизация нуждается в пересмотре. Этого требует более последовательное применение критериев разграничения периодов развития исторической науки в сочетании с самокритичностью в оценке сделанного. С этих позиций историография Великой Отечественной войны (и ее казахстанский раздел) к настоящему времени прошли всего два крупных периода своего развития. Первый из них охватывает работы, изданные с начала войны до XX съезда КПСС, второй — от XX съезда партии до 1991 г. После провозглашения суверенитета Казахстана начал-

² Балакаев Т.Б., Алдажуманов К.С. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны //Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. - Алма-Ата, 1980.С.113-141; Бисенбаев А.К. Содружество ученых Казахстана и братских республик в годы Великой Отечественной войны (Проблемы историографии)//Братское сотрудничество, взаимопомощь народов СССР (Историография, источники): _Целиноград, 1992.-С.90-106 ; КозыбаевМ.К.Некоторые вопросы освещения истории Казахстана периода Великой Отечественной войны //Вопросы истории Компартии Казахстана. -Алма-Ата, 1966. Вып.4. С.239-269; Нусупбеков А.Н. Казахстан// Развитие советской исторической науки: 1970-1974.-М., 1975. С.380-384 и др.

³ Козыбаев М.К. К вопросу о периодизации историографии Великой Отечественной войны// Вопросы историографии Казахстана. -Алма-Ата, 1983, С.143-147.

ся третий период — период очищения истории всенародного подвига в угоду “гениальному полководцу всех времен и народов”, затем члену Военного совета 1-го Украинского фронта и, наконец, начальнику политотдела 18-й армии. Вместе с тем это будет период глубокого проникновения историков в суть всех явлений и сторон войны, воссоздания во всем объеме и величии решающей роли главного творца Победы — советского многонационального народа.

Как отмечалось, казахстанская историография Великой Отечественной войны возникла на двух этапах и развивалась как составная часть советской исторической науки. Ей присущи достоинства и недостатки общесоюзной историографии с той разницей, что суженным оказался не только пространственный диапазон исследований ученых нашей республики (что в какой-то мере естественно), но и тематическая широта (что уже мало объяснимо), а зачастую и глубина проникновения в суть изучаемых явлений (что уже не имеет веских оправданий). Объяснение этому видится не в ограниченности интересов и уровне подготовки историков Казахстана, а в неписаном запрете “вторгаться” в тематику “союзной юрисдикции”, который доходил до того, что, к примеру, внешнеполитические аспекты истории войны могли изучать фактически только работники дипломатического ведомства СССР, а вопросы организации и применения вооруженных сил кадровые офицеры армии и флота. Исключения бывали редко и бывали именно как исключения.

В годы войны историческая наука выполняла социальный заказ раскрыть причины возникновения и характер войны, звериный облик фашизма и неизбежность его краха, показать преимущества социалистического строя, его государство, его экономической и военной организации, марксистско-ленинской идеологии, морально-политических устоев общества. Выполнять такой заказ историкам предстояло оперативно и в условиях чрезвычайной узости источников: война еще шла, документы и материалы не только не утратили своей секретности, но находились в служебном пользовании. В результате основным жанром исторических работ стали брошюры, публицистические статьи и в начале небольшие по объему и посвященные сравнительно узкому вопросу подборки, позже сборники документов и материалов.

В начале 1942 г. при Институте истории АН СССР приступила к работе специальная комиссия по истории Великой Отечественной войны. Вскоре в Алма-Ате была создана аналогичная комиссия Казахской ССР, в работе которой участвовали местные историки, а также научные сотрудники АН СССР, находившиеся здесь в эвакуации. В Институте истории партии при ЦК КП(б) Казахстана велась хроника войны, в которой день за днем вписывались важнейшие события в жизни республики боевой деятельности казахстанцев на фронтах войны⁴.

Казгосиздат, редакции журналов “Большевик Казахстана”, “Қазақстан коммунисті” и газет с начала войны приступили к публикации работ В.И.Ленина по вопросам защиты социалистического Отечества, войны и мира, важнейших решений партии и правительства, докладов и речей руководителей страны и республики по вопросам ведения войны и задачам населения, государственных и партийных органов, а также книг, брошюр и статей о характере войны и вкладе в войну с немецко-фашистскими захватчиками трудящихся, воинов армии и флота, подборок и первых сборников документов о всенародной борьбе с оккупантами. По нашим подсчетам, за годы войны в республике вышло около 150 книг, брошюр и журнальных статей⁵.

Большое внимание уделялось разъяснению задач и обобщению опыта работы Компартии Казахстана и ее местных организаций вообще и по важнейшим направлениям, формам и методам их многогранной деятельности. Из публикации на эти темы следует назвать статьи бывших секретарей ЦК КП(б) Казахстана Н.А.Скворцова, М.Абдыкалыкова и других партийных и советских работников того времени⁶. В этих работах много внимания и места отведено указаниям вождя и учителя всех народов”, господствуют его

⁴ См.: В годы войны. - М, 1981. С.25-30; Копылев В. Документальная база Казахской ССР// Большевик Казахстана. 1944, № 5. С.24.

⁵ Подсчитано по материалам “Книжной летописи”, “Летописи журнальных статей” и библиографическим указателям. Их перечень см. в кн.: Казахстан в Великой Отечественной войне. Библиогр. указатель. Алма-Ата, 1990.

⁶ Скворцов Н.О. задачах партийных организаций в дни Отечественной войны // Большевик Казахстана. 1941. №13. С.12-19. Он же. Подчинить всю работу комсомола задачам разгрома и уничтожения немецко-фашистских захватчиков// Там же. 1942. №1. С.6-12; Абдыкалыков М. Наш опыт в проведении политической агитации и пропаганды// Там же. 1943. №16. С.14-19; Баявский Д. Коммунисты - передовые бойцы Отечественной войны// Там же. 1942. №3. С.32-36 и др.

оценки и выводы о ходе войны, его подходы к решению насущных задач. Но характерно и желание авторов проникнуть в суть общественно-политических процессов реальной жизни, сделать анализ и дать действительные рекомендации по совершенствованию форм и методов работы, без чего невыполнимой становилась сама задача мобилизации сил и средств республики на дело Родины.

Тогда же ответственными работниками ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметовым, Н. Дитманом и политработником Ленинградского фронта Ф. Файзуллиным были сделаны первые попытки обобщения материалов о вкладе Казахстана в борьбы с германским фашизмом⁷. Эта линия была продолжена и усилена в связи с 25-летием Советского Казахстана и его Компартии, отмечавшимся в 1945 г. Итоги исторического развития за четверть века, в том числе и за годы войны были подведены в книге "Казахская ССР за 25 лет" и серии статей партийных, советских работников, деятелей науки, литературы и искусства республики⁸.

В первое послевоенное десятилетие историография Великой Отечественной войны пополнялась и расширялась в явно замедленном темпе и по суженной тематике. По всей стране за 1946-1955 гг. вышло около 1200 книг, брошюр и статей⁹. Сыграли свою роль те обстоятельства, что основные усилия народу и его интеллигенции пришлось сосредоточить на возрождении из пепла разрушенных городов и сел, экономики и культуры районов, по которым прошла война, и явная недооценка значимости исторического материала для духовной жизни общества, но самое негативное влияние оказал культ личности Сталина, достигший своего апогея.

С точки зрения вождя и его ближайшего окружения, история войны была полно и правдиво изложена в докладах, речах и

⁷ Булабаев З. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне // Большевик Казахстана. 1944. № 10-11. С.17-23%; Дитман Н. Советский Казахстан в дни Отечественной войны//Пропаганда и агитация. г. Москва. 1943. №11. С.23-26; Шаяхметов Ж. Как Казахстан помогает фронту// Агитатор и пропагандист Красной Армии. (г. Москва) 1943. №23. С.41-43; Файзуллин Ф.Казахстан помогает фронту. - Л., 1944.

⁸ Казахская ССР за 25 лет. -Алма-Ата.1945; Сатпаев К.И. Казахский филиал Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны// Вестн. АН СССР. 1945. №1-2-. С.87-93; Сембаев А. Народное образование в Казахской ССР за 25 лет// Большевик Казахстана. 1945.№11.С.37-43; Толыбеков С.Е. Искусство Казахстана в годы Великой Отечественной войны// Музыкальное искусство Казахстана Алма-Ата, 1944. С.3-9. др.

⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. -М., 1965. Т. 6. С. 406.

приказах Верховного Главнокомандующего, историкам же надлежало только развивать глубь и ширь его оценки и выводы, как можно более популярно в одних случаях и научнообразно в других комментировать эти оценки и выводы, находить все новые и новые обоснования им.

Тем не менее, развитие науки, хотя и замедленное, продолжалось. В историческую науку входили вчерашние солдаты, активнее включались в работу и те, кто свою профессию получил еще до войны. Так, бывший политработник 8-й гвардейской стрелковой дивизии А.Н.Нусупбеков, позже долгие годы руководивший Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, в 1947 г. опубликовал свою первую научную статью о вкладе республики в разгром фашизма¹⁰, а через год - специальную главу для второго тома комплексного труда по истории республики¹¹. Он впервые наряду с печатными источниками использовал, хотя и ограниченном объеме, архивные документы и материалы, что позволило дать более емкую и яркую картину участия казахстанцев в защите Отечества. Однако в этих работах не четко определены хронологические рамки и отраслевая специфика перестройки народного хозяйства республики на военный лад, слабо показаны расширение топливно-энергетической базы, увеличение добычи руд и выплавки цветных металлов, улучшение работы транспорта, не освещены и боевые дела ряда сформированных в республике соединений.

Многие из названных недостатков характерны и для работ И. Спиридонова, А. Байшина и Б. Искаковой по истории казахстанского комсомола в военные годы¹². Однако новизна привлеченного материала, логичность построения и яркость изложения трудовых и боевых будней юношества республики сделали их полезными пособиями в воспитании послевоенного поколения молодежи.

К этому десятилетию относится и выход первых монографий по важнейшим вопросам деятельности республиканской парторга-

¹⁰ См.: Нусупбеков А.Н. Могучий арсенал Великой Отечественной войны // Изв. АН КазССР. Сер. истор. 1947. Вып. 3. С.73 -84.

¹¹ См.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. 2-е изд., испр. и доп. -Алма-Ата, 1949, Т.2. С.287-349. В дополненном и переработанном варианте работа вошла в кн.: Нусупбеков А.Н. Вопросы истории Казахстана (Избранные труды). -Алма-Ата, 1989. - С.96-197.

¹² См.: Спиридонов И. Комсомол Казахстана в дни Великой Отечественной войны. -Алма-Ата, 1948; Байшин А.А., Искакова Б. На фронте и в тылу //Этапы большого пути. -Алма-Ата, 1958. С.80-98.

низации в военные годы. Работа коммунистов Казахстана по укреплению дружбы народов раскрывается в книге О.Малыбаева, деятельности парторганизации республики по использованию его людского потенциала и экономики во имя победы посвящена книга А.В. Шошенко, политической работе среди воинов-казахов на фронтах — книга бывшего военного журналиста Г. А. Абишева¹³. В них даны в целом верные картины предвоенного состояния партийных организаций, морально-политический облик тружеников и защитников Отечества, общее направление и масштабы деятельности Компартии республики в соответствующих областях. Однако им присущи и существенные недостатки, характерные для обществоведческих трудов того времени: отсутствуют обобщенные данные по затронутым вопросам, мало внимания уделено теоретическим обобщениям и выводам по исследованным сюжетам.

Аналогичные недочеты в различной степени имелись и первых диссертациях на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенных в те годы. Отметим лишь явное увлечение диссертантов историко-партийной тематикой (из 9 работ 6 по истории КПСС), что было результатом неоправданного приоритета этого раздела исторической науки перед всеми остальными. Это не означает, однако, что названные работы не имеют научной ценности. Работы Г. А. Абишева, А. А. Байшина, А. Е. Файна выделяются солидностью источниковой базы, аргументированностью суждений и обобщений, прочностью “стыков” со смежными общественными науками¹⁴.

¹³ См.: Малыбаева О. Дружба, испытанная временем в боях за Родину. - Алма-Ата, 1955; Борьба партии большевиков за укрепление тыла в годы Великой Отечественной войны (По материалам Казахской ССР). - Алма-Ата, 1951; Абишев Г. Работа партии большевиков по воспитанию чувства советского патриотизма у бойцов - казахов в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1950.

¹⁴ Перечень их (кроме названных работ Г.А.Абишева и А.В.Шошенко) даем в хронологической последовательности: Файн А.Е. Алма-Атинская областная партийная организация КП(б) Казахстана в период Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1951; Мурзабекова Т. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. - М., 1954; Байшин А.А. КПСС - вдохновитель и организатор трудовых подвигов рабочего класса в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945). На материалах КазССР. - Алма-Ата, 1954; Вишневский В.М. Комсомол Казахстана в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). - М., 1954; Исакова Б. Казахстан в первый период Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.) Алма-Ата, 1955; Кукетаев А. Борьба Карагандинской парторганизации за политический и трудовой подъем горняков Караганды в год Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1955; Байгужин К.Б. Партийная организация Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) На материалах Талды-Курганской области. - Алма-Ата, 1955.

Первое послевоенное десятилетие породило жанр мемуаров героев тыла, описывающих весь свой жизненный путь или годы великих испытаний¹⁵.

Среди фронтовиков первыми за перо взялись соратники прославленного героя войны генерал-майора И.В.Панфилова: Герой Советского Союза М.Габдуллин, Д.Ф.Снегин (Поцелуев), Б.Момыш-улы¹⁶, вступивший в войну старшим лейтенантом и командиром стрелковой дивизии. Советский человек, ставший воином — главная тема этих воспоминаний. Внутренний мир защитников Отечества, патриотов и интернационалистов, показан в них не только декларацией, а в конкретных мыслях, чувствах и делах.

Следует также выделить очерки о казахстанцах, дважды удостоенных медали “Золотая Звезда”, о летчиках-штурмовиках Л.И.Беде и И.Ф.Павлове¹⁷.

Историография Великой Отечественной войны до XX съезда КПСС имела ярко выраженную политизацию: исторические разработки использовались не только в качестве одного из средств идеологического обеспечения победы над врагом, но и являлись обоснованием возникновения и расцвета культа личности Сталина и государственно-тоталитарной системы. Все это проявилось в концепции войны, в трактовке ее важнейших и даже частных вопросов. Отсюда вытекали и такие пороки, как схематизм мышления, лакировка действительности, комментаторство и цитатничество, уход от обобщения даже там, где оно было возможно на той скудной базе источников, какая являлась результатом закрытости многих фондов и документов. Но частные успехи и ограниченные достижения исторической науки о Великой Отечественной войне, достигнутые к середине 50-х годов, позволили ей сохраниться как науке. Более того, была продолжена внешне малоэффективная работа по накоплению фактического материала, без чего немалая деятельность историка вообще.

XX съезд КПСС положил начало второму периоду в развитии историографии Великой Отечественной войны, продолжав-

¹⁵ Молодость Караганды. Рассказы шахтеров Карагандинского угольного бассейна. - М., 1949; Ангелина П.Н. Люди колхозных полей. - М., 1954.

¹⁶ См.: Габдуллин М. Мои фронтовые друзья (из походной тетради). - Алма-Ата, 1949; Снегин Д. На дальних подступах. - М., 1951; Момыш-улы Б. История одной ночи (записки офицера). - Калинин, 1954.

¹⁷ См.: Ярынкин В.Я. Дважды Герой Советского Союза Л.Беда. - М., 1953; Шуканов Б. Дважды Герой Советского Союза И.Ф.Павлов. - М., 1953 и др.

шемуся до разрушения СССР и характеризующемуся началом освобождения от оков сталинизма, некоторым расширением возможностей использования архивных документов, а также тематики исследований. Это обусловило создание таких капитальных трудов, как десяти томные издания “Истории СССР” и “Всеобщей истории”, пяти томной “Истории Коммунистической партии Советского Союза”, шеститомной “Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.”, двенадцатитомной “Истории Второй мировой войны 1939–1945 гг.”. Вышли в свет сотни научных и научно-популярных работ, освещающих причины, характер и дипломатическую историю Второй мировой и Великой Отечественной войн, историю важнейших битв и сражений, развитие стратегии, оперативного искусства и тактики Советской Армии в их ходе, боевой путь отдельных видов Вооруженных Сил и родов войск, партизанской борьбы в тылу оккупантов и героических усилий тружеников тыла вообще и отдельных отраслей экономики и регионов страны, о дружбе народов и единстве фронта и тыла, о формах и методах работы государственных органов власти, партии и других общественных организаций по мобилизации сил народа, производственных мощностей и природных ресурсов на обеспечение победы и по другим темам и вопросам.

В Казахстане в 1965 г. в связи с 20-летием Победы вышло 8 книг, 24 брошюры и свыше 200 научных статей в журналах и республиканских газетах, отражающих вклад республики в разгром врага¹⁸.

Первым из крупных исследований по истории Казахской ССР в годы борьбы с германским фашизмом, опубликованных после XX съезда партии, явилась монография Г.Абишева “Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945”¹⁹, написанная на основе докторской диссертации (защищена в 1959 г.), которая подвела итоги многолетних исследований автора по комплексной теме. Ему удалось создать широкую и убедительную картину самоотверженного труда рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, женщин и молодежи в тылу, героических подвигов казахстанцев на фронтах, деятельности Компартии Казахстана по организационному и идеологическому обеспечению победы. Моногра-

¹⁸ Подсчитано по каталогам и подшивкам газет и журналов библиотеках г. Алматы.

¹⁹ Издана в 1958 г. в Алма-Ате.

фия получила высокую оценку научной общественности, но вместе с тем отмечались и недочеты. Рецензенты говорили об описательности книги, отрицании или сглаживании в конечном счете значения героизма масс, уровня их политической, трудовой или боевой активности²⁰.

В это период появились и сводные работы. Три издания (в 1959, 1963, 1967 гг.) вышла "История Казахской ССР. Эпоха социализма", увидели свет "Очерки истории Коммунистической партии Казахстана" и третий том "Очерков истории народного хозяйства Казахстана", посвященный периоду Великой Отечественной войны. Накануне 20-летия Победы была опубликована монография М. К. Козыбаева "Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны". В ней комплексно изучено создание и развитие военной экономики республики, прослежены основные направления деятельности масс на решение народно-хозяйственных задач военного времени.

Однако в названных работах имеются существенные пробы, ошибочные оценки и выводы. К примеру, авторы очерков по истории народного хозяйства республики неверно определили хронологические рамки и содержание перестройки экономики Казахстана на военный лад. Такую особенность капитального строительства, как концентрация капиталовложений, стройматериалов и оборудования на особо важных объектах, характерную для всей страны, приписывают одной Казахской ССР. Необоснованно заявляют и о том, что "в Караганде в военные годы несколько сократилось текучесть кадров", хотя статистические данные говорят о прямо противоположном положении²¹.

²⁰ См.: Уч. зап. КазГУ. - Алма-Ата, 1961. Т. XI-XIII. Сер. ист. Вып. 7. С. 199; Очерки по историографии советского общества. - М., 1965. С. 389.

²¹ См.: Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР. Т. III. С. 17, 53, 79. О текучести кадров на предприятиях Караганды свидетельствуют две цифры: за 1942-1945 гг. для работы в бассейне было мобилизовано более 55 тыс. рабочих. А к 1 декабря 1945г. из них трудилось всего 25 тыс. (Караганд. облгосархив. Ф. 341. Оп. 14. Д. 78, Л. 52; Д. 79. Л. 116; Д. 92. Л. 100; Д. 93. Л. 9, 186).

²² Ахметов А., Кузьмин-Закс М., Рахимов А. Профсоюзы Советского Казахстана. - М., 1961; Ахметов А.Р., Байшин А.А., Рахимов А.С. Славный путь рабочего класса Казахстана. - Алма-Ата, 1960; Басин В.Я. Тяжелая промышленность Казахстана в Великой Отечественной войне: (исторический очерк об опыте борьбы Компартии за развитие тяжелой промышленности республики). - Алма-Ата, 1965; Файн Л.Е. Некоторые вопросы развития нефтяной промышленности Казахстана в период Великой Отечественной войны// Обществ. науки. - Алма-Ата, 1965. Вып. VII. С. 152-165 и др.

К этому периоду относится зарождение специальных углубленных исследований по истории важнейших отраслей промышленности, отрядов трудящихся и регионов республики²². В каждой из них имеются ценные материалы обобщения и выводы. Свежестью постановочных вопросов, разнообразием и глубиной анализа выявленного и, как правило впервые вводимого в науку архивного материала, умелым сочетанием общесоюзных сведений и аспектов с республиканскими и региональными, показом общеклассовых и профессиональных черт, индивидуальных биографий и морально-психологических факторов жизни и деятельности людей выделяются работы А. А. Байшина и С. Н. Покровского, Н. Е. Едыгенова, Л. А. Пинегиной и С. А. Федюкина, Д. А. Косых²³.

Как отмечалось обновление рабочих кадров продолжалось все годы войны, и это, естественно, отражалось на динамике развития производительности труда. Сказывались, конечно, и различия в технической оснащенности отраслей производства и отдельных предприятий, уровне технологии и в степени организованности коллективов, способностях инженерно-технических работников и активности общественных организаций. В целом же борьба за увеличение выпуска продукции с одновременным снижением затрат труда, материалов и энергии стала эффективной со второй половины 1942 г., чему в немалой степени содействовало развитие социалистического соревнования.

Развитие соревнования среди рабочих и инженерно-технических работников в той или иной связи с различной степенью основательности освещается во все работах по истории тыла. И делается это чаще всего в комплексе с вопросами организационной и политико-воспитательной деятельности партийных организаций, профсоюзов, комсомола. Наиболее существенным недочетом в этих трудах является на наш взгляд недостаточная проработанность специфических особенностей соревнования на каждом этапе войны.

²³ Байшин А.А., Покровский С.Н. Трудовые подвиги рабочих, колхозников и интеллигенции Казахстана в годы войны//Изв. АН КазССР. Сер. обществ. Наук. 1965. Вып.4. С.30-34; Едыгенов Н. Подвиги трудящихся Алма-Аты в годы Великой Отечественной войны//Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. - Алма-Ата, 1960. Т.9. С.127-153; Пинегина Л.А. Медный гигант (Исторический очерк). - Алма-Ата, 1963; Пинегина Л.А., Федюкин С.А. Джезказган - город меди. Исторический очерк. - Алма-Ата, 1965; Косых Д.А. Грозный молибден. М., 1970; 2-е изд. Алма-Ата, 1972.

Подтвердить такое утверждение можно на примере книги, получившей высокую оценку специалистов. Речь идет об исследовании В. Я. Басина по истории тяжелой промышленности нашей республики в годы войны. "В социалистическом соревновании разворачивавшемся на том или ином этапе, — писал он, — всегда было что-то новое. Оно состояло в повышении чувства ответственности за выполнение данного слова, в стремлении сделать соревнование по всей своей силе и действительности подлинно фронтовым"²⁴. В чем это новое проявлялось, какова специфика соревнования на конкретных этапах войны — ни здесь, ни во всей работе не раскрыто. Между тем, материалы книги и других публикаций позволяли показать развитие соревнования вширь и вглубь, в сферу все более сложных вопросов организации труда и технологии производства. В первый период войны в соревновании преобладающим было соперничество по профессиям внутри трудовых коллективов, а также между родственными предприятиями индустриальных центров. Формами индивидуального соревнования тогда были движения многостаночников, "двух-трехсотников", а потом и "тысячников" (т. е. людей, выполнявших от 2-3 до 10 норм в смену), а группового — за право создания "фронтовых" бригад, члены которых брали обязательство работать с таким напряжением, с каким защитники Родины сражаются на поле боя. Во второй период войны соревнование трудовых коллективов превратилось во всесоюзное, чему в немалой степени содействовало учреждение переходящих Красных знамен и соответствующих премий ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Обороны, союзных отраслевых наркоматов и профсоюзов. В индивидуальном и групповом соревновании широкое распространение получили движения за совмещение профессий и создание "твардейских" бригад. На заключительном этапе войны широко развернулась борьба за создание и пополнение особого фонда Верховного Главнокомандования²⁵.

Решению проблемы рабочих кадров посвящены книги и статьи Ф. К. Михайлова, К. Ю. Оразова и Г. Шибанова, определив-

²⁴ Басин В. Я. Тяжелая промышленность Казахстана в Великой Отечественной войне: Исторический очерк об опыте Коммунистической партии за развитие тяжелой промышленности республики. - Алма-Ата, 1965.

²⁵ Подробнее см.: Козыбаев М. К. Социалистическое соревнование в годы Великой Отечественной войны в советской исторической литературе// Историография Великой Отечественной Войны. - М., 1980. С.205 -215.

ший количественный и качественный состав рабочего класса республики в 1941–1945 гг., многообразие и эффективность форм подготовки рабочих кадров²⁶. Но и в этих вопросах допущена одно-сторонность в походе к их изучению и освещению. Еще не раскрыта динамика изменения состава рабочего класса, не показана особенность его формирования и пополнения в нашей республике.

Среди таких особенностей на первое место стоит поставить отставание Казахской ССР от общесоюзного уровня в применении женского труда. На второе – сохранение высокого удельного веса служащих в общем числе занятых в народном хозяйстве. В частности, по данным статистики на многих предприятиях индустрии рабочие составляли не более 60–65% их промышленно-производственного персонала²⁷.

Продолжалась разработка и проблем истории колхозного крестьянства и сельскохозяйственного сектора экономики Казахстана. Общая оценка публикаций по этой тематике., на наш взгляд, объективная, дана В.Т.Анисковым в его историографическом очерке²⁸. К сказанному им следует добавить следующие соображения. Долгие годы, вплоть до окончания второго послевоенного десятилетия, в казахской историографии Отечественной войны сельскому хозяйству и труженикам сел и аулов уделялось гораздо меньше внимания, чем индустрии и рабочему классу. За рассматриваемые годы не вышло ни одной книги, посвященной исследованию данной проблемы, да и количество других видов публикаций невелико. Большинство вышедших тогда работ посвящено общей картине состояния и развития сельского хозяйства республики, а остальные какой-нибудь области, группе областей или направлению в деятельности партии. Неизученными остались многие регионы, отрасли и стороны жизни сельских тружеников, вопросы организации производства и эффективность деятельности системы управления.

²⁶ См.: Михайлов Ф.К. Профессионально -техническое образование в Казахстане. - М., 1962; Оразов К.Ю., Шибанов Г. Работа Коммунистической партии Казахстана по обеспечению промышленности и транспорта кадрами рабочих в условиях Великой Отечественной войны// Некоторые вопросы истории Советского Казахстана. -Алма-Ата, 1960. С.109-115.

²⁷ ЦГА Каз ССР. Ф.1728. Оп.1. Д.10. Л.45-46.

²⁸ См.: Анисков В.Т. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне: Историографический очерк. - М., 1979. С.78-84.

Во многих работах того времени состояние сельского хозяйства освещено на основе догм и стереотипов, утвердившихся в науке и идеологической сфере в годы расцвета культа личности. Характерно для этих работ замазывание недостатков и ошибок, поверхностный анализ использованных источников и статистических данных, иллюстративный метод изложения материала.

Благотворное влияние на активизацию исследований в области истории вообще, истории всенародного подвига в борьбе с германским фашизмом, в том числе и истории тыла, оказало осуждение культа личности Сталина. Решение XX съезда и постановление ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий" при всей своей выяснившейся позже непоследовательности положили начало той "весне", которая стала рубиконом в жизни науки. По неполным данным, только к 1970 г. в Казахстане было опубликовано около 900 книг, брошюр, журнальных и газетных статей по истории республики в годы Отечественной войны, о героях фронта и тыла.

Первой среди работ этого периода следует назвать документальный сборник "Казахстан в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг." в двух томах. Проблемам развития важнейших отраслей промышленности Казахстана посвящены работы С. Утешева, Е. И. Тайбакова, Д. Шаймуханова, К. Доскалиева, А. В. Соловьева, В. С. Городецкой, Ж. С. Сергазина и др.²⁹. Отдельные регионы республики, отрасли индустрии или крупнейшие предприятия исследуются в работах Н. Е. Едыгенова, С. Б. Нурмухамедова, А. В. Потапова, Л. С. Полнера, П. Осипова и А. Холодкова, коллектива авторов под руководством

²⁹ Казахстан в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. /Редкол.: Покровский С.Н. (пред.) и др. Т.1-2. - Алма-Ата, 1964, 1968. См.: Утешев С. Прием и размещение перебазируемых промышленных предприятий в Казахстане в первый период Великой Отечественной войны// Обществ. Науки. -Алма-Ата, 1963. Вып.3. С.229-238; Тайбеков И.Е. Трудовой подвиг рабочих цветной металлургии Казахстана в годы Великой Отечественной войны(1941-1945гг.). Автореф. Дис. ...канд ист. Наук. - Алма-Ата, 1965; Шаймузанов Д. Черная металлургия: (Исторический очерк о становлении и развитии черной металлургии Казахстана). Алма-Ата, 1966; Доскалиев К. Коммунисты в борьбе за увеличение добычи Эмбинской нефти в годы Великой Отечественной войны// Обществ. Науки. -Алма-Ата, 1970. Вып.15. С.76-85; Соловьев А.В. Цветная металлургия Казахстана. - Алма-Ата, 1974; Городецкая В.С. Самоотверженный труд работников легкой промышленности Казахстана в годы Великой Отечественной войны: Автореф. Дис. ...канд.ист.наук.. - Алма-Ата, 1975.

А. Жумасултанова и М. Т. Михайлова, В. В. Чернышова и др.³⁰. Это углубило разработку истории рабочего класса Казахстана, значительно расширило круг активных творцов Победы. А труды К. Ю. Оразова, Н. Е. Едыгенова, Ж. Лукпановой, Г. В. Нурбекова, Т. С. Кульбаева и др. по вопросам пополнения рабочего класса и повышения его квалификации, возрастанию роли женщин и молодежи в народном хозяйстве, а также в деятельности Советов депутатов трудящихся и профессиональных союзов, дополняют и углубляют картину жизни того времени³¹. Одна ее сторона – продовольственное обеспечение, жилищные и материально-бытовые условия жизни общества, в первую очередь жителей города и рабочих поселков, долго не затрагива-

³⁰ См.: Едыгенов Н. Алма-Ата в годы Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1970 (на каз. яз.); Меликова Р. Коммунисты Балхаша во главе социалистического соревнования в годы Великой Отечественной войны//Вопросы истории Компартии Казахстана. - Алма-Ата, 1976. Вып. 12.. С.273-286; Нурмухамедов С. Трудовой подвиг коллектива АЗТМ в годы Великой Отечественной войны//Изв. АН КазССР. Сер.ист.1960. №3. С.17-26; Потапов А.В., Полнер Л.С. Коммунисты Восточного Казахстана в борьбе за металл в годы Великой Отечественной войны//Общество науки. Сб. статей аспирантов и соискателей. - Алма-Ата, 1967. Вып.10. С.62-71; Соболин Н.В. Иртышский комбинат в годы Великой Отечественной войны//История. - Алма-Ата, 1970. Вып.4. С.28-37; Осипов П., Холодков А. Петропавловское локомотивное депо. - Алма-Ата, 1980; Рожденный в огненные годы (очерк истории ордена "Знак Почета" Петропавловского завода малолитражных двигателей имени 60-летия СССР)/Кол авторов под рук. А.Жумасултанова и Н.Т.Михайлова. - Алма-Ата, 1990; Чернышов В.В. Лениногорский полиметаллический комбинат. - Алма-Ата, 1988; Косых Д.А. Грозный молибден. - Алма-Ата, 1973.

³¹ Оразов К.Ю. Рабочий класс Казахстана в Великой Отечественной войне - Алма-Ата, 1975; Едыгенов Н.Е. Вклад рабочего класса Казахстана в победу //История рабочего класса Советского Казахстана. В 3 т. Гл. Редакция издания: А.Н.Нусупбеков (гл. Ред.) и др. - Алма-Ата, 1988, С.162-230; Лукпанова Ж. Трудовые подвиги женщин Казахстана в годы Великой Отечественной войны//Уч. зап. Каз.гос. жен. ПИ. - Алма-Ата, 1960. Вып.3. С.87-108; Нурбекова Г.Д. Коммунистическая партия - организатор трудовых подвигов женщин ав промышленности Казахстана в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941г. - ноябрь 1942г.) //Общественные науки. Сб. статей аспирантов и соискателей. Вып. III. - Алма-Ата, 1963. С.16-27; Она же. Женщины Казахстана - фронту (Трудовые подвиги женщин в промышленности Казахстана в Великой Отечественной войне. Изд.2-е, перераб. и доп. - Алма-Ата, 1988; Исакова Б., Байшин А. Патриотизм комсомола и молодежи Казахстана в годы Великой Отечественной войны//Уч.зап. Казах. гос. жен. ПИ. - Алма-Ата, 1960. Вып.3. С.26-46; Сарабаханов Т. Школа мужества. - Алма-Ата, 1969 (на каз. яз.); Козыбаев М.К., Рахматуллин Б. Равнение на коммунистов. Комсомол Казахстана в годы Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1977; Нигметов Г.Н. Ударная комсомольская стройка - магистраль Акмолинск -Карталы // Вопросы социалистического строительства в Казахстане. - Алма-Ата, 1979. С.97-107; Каймолин С. Советы Казахстана в годы Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1969; Ахметов А.Р., Кузьмин-Закс М.И., Рахимов А.С.. Профсоюзы Советского Казахстана. - М., 1961.

лась историками. Первым за их освещение на тщательно собранном и выверенном материале взялся В. М. Савченко, создавший серию научных статей и очерков³².

Не менее активно после XX съезда партии разрабатывались и проблемы состояния и развития сельского хозяйства. Хотя и здесь не обошлось без шагов на месте и некоторого отставания от требований жизни. В качестве иллюстрации можно назвать два солидных по объему, но с явным схематизмом суждений и узостью источниковой базы, очерка Ж. Буранбаева о партийном руководстве развитием сельского хозяйственного производства в республике³³.

Но процесс углубления научного поиска продолжался и по этой проблематике³⁴.

В 1971 г. вышла книга Т. Б. Балакаева "Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг."³⁵. На богатом статистическом, отчетно-информационном и пропагандистском материале тех лет, а также на воспоминаниях передовиков сельскохозяйственного производства он создал широкое и объективное полотно жизни, мыслей, чувств и труда тружеников аулов и сел в тяжелейшие годы войны, проследил различные формы взаимоотношений города и деревни, рабочих и колхозни-

³² Савченко В.М. К проблеме снабжения населения Казахстана продовольствием в годы Великой Отечественной войны// История. Вып.2. Алма-Ата 1967. С.45-53; Он же. Рабочее снабжения и общественное питание в Казахстане в годы Великой Отечественной войны// История. Сб. статей аспирантов и соискателей. Вып. III. - Алма-Ата, 1969. С.52-63; Он же Деятельность партийных организаций Казахстана по изысканию и дальнейшему развитию децентрализованных источников продовольствия и товаров широкого потребления в годы Великой Отечественной войны// Общ. науки. Сб.статей аспирантов и соискателей. Вып.XII. - Алма-Ата, 1968. С.83-91.

³³ См.: Буранбаев Ж. Роль политотделов МТС в перестройке партийно-организационной и массово- политической работы колхозных партийных организаций в первые годы Великой Отечественной войны//Уч. зап. Алма-Атинского пед. ин-та Сер. обществ.- политическая. -Алма-Ата, 1957. Т.14(2).С.118-136; Он же. Парийные организации Казахстана в борьбе за подъем колхозного производства в первый год Великой Отечественной войны//Там же. 1958. Т.15 (3). Вып 1. С.70- 81.

³⁴ См.: Букаткин П.Р. Прием и размещение эвакуированного скота в западном Казахстане и его резвакуация в годы Великой Отечественной войны//Сб. статей аспирантов и соискателей. -Алма-Ата, 1965. Вып.1965. Вып.8 (ч. II) С. 45 - 62; Джантурин Г. Коммунистическая партия Казахстана во главе трудового и политического подъема животноводов в годы Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1968; Бурлаков Ю.М. Сельское хозяйство в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)// Преображенная степь (Сельское хозяйство Казахстана за 50 лет Советской власти). -Алма-Ата, 1967. С.179- 196.

³⁵ Издана в Алма-Ате.

ков. В центре внимания автора — экономические отношения между двумя отраслями хозяйства, дружественными классами и их представителями, на конкретных цифрах показывает состояние государственной, кооперативной и рыночной торговли, их удельный вес и уровень цен в разные годы войны. В книге сделан обзор развития сети партийных организаций, совершенствования форм и методов массово-политической работы. Недостатки, как субъективные так и объективные, так же нашли свое отражение в исследовании Т. Б. Балакаева, разумеется, в пределах доступности негативных материалов во время работы над книгой.

Появились работы и по истории взаимоотношений рабочего класса и крестьянства в период войны³⁶.

Углубленный и конкретизированный анализ развития всех отраслей экономики с четким определением их производственно-технологических связей с другими регионами страны, показом действительного вклада Казахстана в процентах, натуральном и денежном исчислении в общесоюзный баланс, освещение сотрудничества и взаимопомощи республик на всех стадиях деятельности единого народнохозяйственного комплекса страны как материальной основы дружбы народов и нерушимости их союза в те годы и в настоящее время — вторая не менее почетная миссия историков. Изучающих экономическое противоборство сторон в ходе Великой Отечественной войны.

Очень желательно продолжить разработку истории крупнейших гигантов индустрии Казахстана в военные годы. Есть необходимость и возможность создать серию книг, посвященных вкладу в Победу тех трудовых коллективов, которые за подвиги военного времени удостоены государственных наград.

Общая картина развития историографии трудового подъема в промышленности и сельском хозяйстве характерна и для сферы нематериальной жизни общества. Ее освещение начнем со здраво-

³⁶ См.: Ивашкин С.С. Помощь советского рабочего класса сельскому хозяйству Казахстана в годы Великой Отечественной войны// Общ. науки. Сб. статей аспирантов и соискателей. - Алма-Ата, 1969. Вып. 1. С.51-57.; Козыбаев М. Союз рабочего класса и колхозного крестьянства - могучий источник победы в Великой Отечественной войне// Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1984. ;4. С.9-17; Жанпейсова Ж.А. Трудовое сотрудничество рабочего класса и колхозного крестьянства Казахстана на ударных стройках в годы Великой Отечественной войны(1941-1945 гг.)// Изв. АН.КазССР. Сер. обществ. наук, 1988. №2. С.22-26.

охранения, которое, как известно, справилось со своей главной задачей, не допустило массовых эпидемий и обеспечило максимально возможное возвращение в строй раненых и заболевших войнов. По этой тематике вышли пока только три крупные работы. Две из них рассматривают этапы развития системы здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службы за все годы советской власти³⁷ и только третья — книга М.А. Жакуповой — посвящена работе эвакуогоспиталей на территории Казахстана в военные годы³⁸.

К 60-м годам относится начало специальных исследований по истории науки, культуры, литературы и искусства в военные годы, а также вклада интеллигенции республики в общенародную борьбу за Победу. М. Козыбаев выступил со статьей о совместной работе эвакуированных из прифронтовой полосы и местных ученых по мобилизации сырьевых ресурсов и производственных мощностей Казахстана на оборонные нужды государства³⁹. Затем А. Калшабеков рассказал о деятельности научных учреждений республики в первый период войны⁴⁰, Н. Е. Едыгенов и Ш. Е. Есенов — об основных итогах работы казахстанских ученых за 1941—1945 гг.⁴¹. А. К. Бисенбаев исследовал становление и развитие академической науки и высших учебных заведений⁴². Настала пора объединить эти публикации в монографию, дополнив источниковую базу материалами из архивов АН СССР и КазССР и личных архивов ученых.

³⁷ Самарин Р.И. Очерки истории здравоохранения Казахстана. - Алма-Ата, 1958; Чокин А.Р. Очерки развития санэпидслужбы в Казахстане. - Алма-Ата, 1975.

³⁸ Жакупова М.А. Эвакуогоспитали Казахстана в годы Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1985.

³⁹ См.: Козыбаев М. Из истории деятельности "Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны" // Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1962. Вып.1 (18). С.62-69.

⁴⁰ См.: Калшабеков А. Наука Казахстана в первые годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)//Обществ. науки. Сб. статей аспирантов и соискателей. - Алма-Ата, 1963. Вып.3. С.239-245.

⁴¹ См.: Едыгенов Н. Вклад ученых республики в мобилизацию ресурсов Казахстана на разгром фашисткой Германии//Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1965. Вып.4. С.64-73; Есенов Ш.Е. Горизонты науки Казахстана//Октябрь и наука Казахстана. - Алма-Ата, 1967. С.5-28.

⁴² См.: Бисенбаев А.К. Деятельность Компартии Казахстана по привлечению работников научных учреждений и вузов к идеологической работе. 1941-1945 гг. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1983. №3. С.35-39; Балакаев Т.Б., Бисенбаев А.К. Деятельность Казахстанского филиала Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны// Вестн. АН КазССР. 1983. №5. С.51-56.

Отсутствие такого труда заметно сказывается в слабости освещения логической связи развития отдельных отраслей науки в республике с положением дел в этих науках в целом по СССР в бедности сведений о людях научного поиска, их пути в науку, патриотических мотивах трудовой и общественно-политической деятельности.

Учебная, воспитательная и трудовая деятельность школ республики в военные годы описана в книгах А. Шарипова, А. И. Сембаева и Н. М. Итбаева⁴³. По истории высшей школы и системы среднего специального образования Казахстана, кроме сводных работ К. Ж. Жаманбаева⁴⁴ и других авторов, имеются и специальные труды. Их пока не много, посвящены они отдельным проблемам развития высшего и среднего образования или направлениям в деятельности этих систем⁴⁵.

Солидный список составляют и труды по истории культуры республики в период Великой Отечественной войны. В него входят статьи, очерки и книги по проблемам развития культуры в целом и отдельных ее отраслей за все годы Советской власти, или посвященных только военному периоду⁴⁶.

В многочисленных работах изучены и освещены вопросы истории духовной жизни и развития культуры в эпохальные четыре года войны. Большинство авторов правильно оценили значение, суть

⁴³ См. : Шарипов А. Народное образование Казахстана за 40 лет. -Алма-Ата, 1960; Сембаев А.И. История развития советской школы в Казахстане. - Алма-Ата, 1962; Итбаев Н.М. Вопросы всеобщего в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)//Обществ. науки. Педагогика и психология. - Алма-Ата, 1967. Вып.5. С.14-24.

⁴⁴ См.: Амантаев Ж. Развитие высшего образования и науки в Казахстане. -Алма-Ата, 1957 (на каз.яз.); Бержанов К. С братской помощью: (Из истории народного просвещения в республике). - Алма-Ата, 1976 (на каз. яз.); Жаманбаев К. Участие студентов и преподавателей вузов Казахстана в Великой Отечественной войне//Обществ. науки. - Алма-Ата, 1969. Вып. 1. С.68-76; Он же. Высшая школа в Казахстане. - Алма-Ата, 1972.

⁴⁵ См. : Козыбаев М., Итбаев Н. Коммунистическое воспитание учащихся и студенческой молодежи Казахстана в период Великой Отечественной войны// Вопросы истории Компартии Казахстана. -Алма-Ата, 1969. Вып.6. С. 232-272.

⁴⁶ См. : Бисенов Х.И., Сулейменов Р.Б. От средневековой отсталости к вершинам социалистической культуры//Развитие социалистической культуры в союзных республиках. Сб. статей. - М., 1962; Едыгенов Н.Е., Судейменов Р.Б. Культура и наука Казахстана в военные годы // Казахстана в Великой Отечественной войне. Очерки. - Алма-Ата, 1968. Вып.1. С.231-254; Казахстанская советская культура. - Алма-Ата, 1957 (на каз. яз.); Базарбаев М., Нарымбетов А. Литература грозных дней(1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1968 (на каз. яз.); Глаудинов Б. Архитектура Советского Казахстана. - М., 1974; Львов Н. Казахстанский театр Очерки истории. - М., 1961; Очерки по истории казахской советской музыки. - Алма-Ата, 1962; Рыбакова И. Изобразительное искусство Казахстана за годы Советской власти. - Алма-Ата, 1963 (на каз. яз.); Сиранов К. Киноискусство Советского Казахстана. - Алма-Ата, 1966.

перестройки вызванной войной в тематике, жанровом сочетании, отчасти в формах и методах деятельности представителей искусства, а также в работе культурно-просветительных учреждений различного профиля. Отмечается повсеместное усиление общественно-политической направленности творчества, гражданственности позиций деятелей культуры. Обобщены разные по характеру, содержательные и яркие документы, подтверждающие расширение связей творческой интеллигенции со всеми другими социальными, возрастными и национальными группами общества. Подчеркнуто взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур, это было результатом не только усилившихся контактов из-за эвакуации в Казахстан десятков научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений, театров и музеев, сотен ученых, писателей, артистов, но не в меньшей, если не большей степени потому, что народы, в том числе интеллигенция, свои мысли, чувства и дела сосредоточивали на первоочередной, общей для всех задаче — отстоять Родину, разгромить и уничтожить ненавистного врага, поставившего под угрозу всю мировую цивилизацию.

Но и в работах по истории культуры имелись существенные недостатки. Прежде всего, это переоценка итогов довоенных преобразований в социально-экономической, общественно-политической и культурной областях общества. В частности, в степени распространения и утверждения марксистско-ленинской идеологии и даже общеобразовательной грамотности и владения русским языком как средством межнационального общения.

А чего стоит полное замалчивание или преуменьшение размеров сталинских репрессий, погубивших тысячи людей, в том числе среди наиболее подготовленных и активных партийцев, инженерно-технических работников, деятелей науки и культуры.

В самостоятельный раздел историографии минувшей войны выделяется литература о патриотизме и интернационализме советских народов, в том числе и казахстанцев. Открывают его общие работы, издававшиеся, как правило, к юбилейным датам образования СССР и Казахской или Победы над фашистской Германией⁴⁷. Далее следуют произведения о дружбе и взаимопод-

⁴⁷ Плоды великого содружества. - Алма-Ата, 1969; Белан П.С., Едыгенов Н.Е. Боевое содружество в годы Великой Отечественной войны//Казахстан в нерушимом союзе братских республик. - Алма-Ата, 1972. С.205-247; Козыбаев М.К., Куманев Г.А. В едином строю братских народов. - Алма-Ата, 1980; Шкляр Г.Г. Коммунистическая партия - организатор братской взаимопомощи в годы Великой Отечественной войны: (на материалах республик Средней Азии и Казахстана). - Зап. Моск. Гос. ПИ. 1968. № 291. С.149-194.

держке народов конкретных регионов, о патриотических видах помощи населения Казахской ССР освобожденным от временной оккупации районам страны⁴⁸. В 1985 г. вышла монография Т. Б. Балакаева и К. С. Алдажуманова, которая вобрала в себя весь круг накопленных материалов, а также опыт исследователей, занимавшихся этими вопросами⁴⁹. В этой книге впервые в особую главу выделены вопросы об обмене фронта и тыла письмами, радиопередачами и специальными делегациями.

О морально-политическом состоянии казахского тыла в 1941–1945 гг., к сожалению, имеются лишь сборники воспоминаний о работе чекистов. Наиболее содержательным оказался сборник “Страницы боевого пути”, подготовленный Н.И.Миловановым (составитель) и Ш.Джансыбаевым (спец. редактор) и изданный в Алма-Ате в 1987 г.

Имеются труды и книги по истории отдельных регионов, областей, городов, а также местных партийных организаций⁵⁰. История восточных, западных, и северных районов республики в период войны представлена в научных трудах А. В. Потапова, А. Э. Гройсмана, М. А. Ахинжанова, С. Т. Тлепова, Л. Ромашко, П. Сергеева, А. Горохова и др.⁵¹

Значение таких работ очевидно. Во-первых, ничто целостное, в том числе история, не будет изучено полностью без исследований составных элементов. Во-вторых, лишь при глубокой проработке составляющих величин можно обнаружить, исследовать и

⁴⁸ См.: Жумасултанов А. Братская помощь трудящихся Казахстана Ленинграду и Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны // Изв. Ан КазССР. Сер. обществ. 1963. Вып. 2. С.80-91.

⁴⁹ Балакаев Т., Алдажуманов К. Трудящиеся Казахстана фронту (1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1985 (на каз. яз.)

⁵⁰ Семипалатинск. - Алма-Ата, 1984. С.149-172; Петропавловск. -Алма-Ата, 1985. С.131-152; Караганда. - Алма-Ата, 1989. С.63-92; Едыгенов Н.Е. Алма-Ата в годы Великой Отечественной войны // Алма-Ата - столица Казахской ССР. - Алма-Ата, 1960. С.161-193.

⁵¹ См.: Потапов А.В. Ратные и трудовые подвиги трудящихся Восточно-Казахстанской области в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.) : Автореф. дис. ...канд. ист. наук.- Алма-Ата, 1965; Гройсман А.Э. Деятельность семипалатинской областной партийной организации по мобилизации трудящихся области на трудовые подвиги в годы Великой Отечественной войны(1941-1945 гг.). Автореферат. дис. ...канд. ист. наук. - Л., 1963; Ахинжанов М.А. Трудовой подвиг колхозного крестьянства Западного Казахстана в годы Великой Отечественной войны(1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1973; Букаткин П.Р. Западный Казахстан в годы Великой Отечественной войны(1941-1945 гг.).- Алма-Ата, 1967; Белан П.С. Северный Казахстан в годы Великой Отечественной войны(1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1962; Сергеев С.И. Павлодарская партийная организация в годы Великой Отечественной войны(1941-1945 гг.).- Алма-Ата, 1973; Тлепов С.Т. Страницы

описать многообразие и специфику этих составляющих. Наконец, в-третьих, только при сочетании общего с особенным и даже частным (историей трудовых или воинских коллективов) можно показать народ как творца истории, не безликого, а состоящего из конкретных людей.

Многие работы по истории отдельных областей и их парторганизаций, к сожалению, отличаются тематической узостью. Они ограничивались описанием трудовых подвигов, оценивая последние как итог вдохновляющей и организующей работы партийных организаций, особое внимание уделяя внедрению в жизнь все новых и новых начинаний и обращений нередко оказавшихся надуманными или закамуфлированными под народную инициативу проявлениями командно-бюрократической системы управления. В основе такого подхода часто лежало сверхпочтительное отношение авторов к решениям партийных и государственных органов власти на всех уровнях. Упускалось из виду, что и эти документы — порождение определенного времени и конкретного круга людей, в мыслях и делах которых полностью отражались эпоха, система, стиль жизни, устоявшиеся ценности и традиции. Причем, не только те, которыми мы дорожим и сейчас, но и те, от которых стремимся избавиться как от ошибочных.

Для некоторых исследований характерны и недостаточно высокий теоретический и методологический уровень. В частности, не всегда вводимые в научное обращение цифры и факты из одних источников сопоставлялись с подобными сведениями из других источников, выводы иногда не вытекали из обоснований или не совпадали с ними по объему. Часто авторы декларировали какие-то истины, в лучшем случае подкрепляя их одним-двумя примерами.

Как отмечалось, по многим вопросам истории республики военных лет исследования велись в плане партийной истории. В дополнение к краткому обзору такой литературы в разрезе отраслей народного хозяйства или регионов республики, сделанному

Алма-Ата, 1967; Белан П.С. Северный Казахстан в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1962; Сергеев С.И. Павлодарская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1973; Тлепов С.Т. Страницы истории Мангышлака. - Алма-Ата, 1980. С.32-38; Л.Ромашко, соискатель. - Алма-Ата. 1963. Вып.2. С.40-48; Басин В.Я. Партийно-политическая работа на предприятиях тяжелой промышленности Казахстана в период Великой Отечественной войны// Уч. зап. КазГУ. Сер. истор.. - Алма-Ата, 1962. Т.53. Вып.9. С.20-43; Сункарбеков Б.С. Идеино-политическая работа партийных организаций Казахстана в первый период Великой Отечественной войны// Обществ. науки. - Алма-Ата, 1968. Вып. XII. С.92-101.

выше, постараемся, в силу необходимости столь же кратко рассмотреть труды по идеологической и организационной работе Компартии Казахстана в те уже далекие годы.

Перестройка этих направлений деятельности коммунистов республики в числе первых посвятил свою статью С. Е. Дейнекин. Важнейшие вопросы политико-воспитательной работы партии в массах рассматриваются в произведениях В. Я. Басина, Б. С. Сункарбекова⁵². Работа последнего посвящена формам и методам деятельности средств массовой информации. В разработку этой темы вскоре включились С. К. Козыбаев, К. Абдильдаев и др.⁵³.

Обобщением исследований военного периода в жизни Компартии Казахстана и всей республики явились монографии М. К. Козыбаева по истории республиканской парторганизации, написанные им же главы о 1941–1945 гг. для “Очерков истории Компартии Казахстана”⁵⁴, а также три главы (2, 3 и 4) из заключительного 5-го тома “Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней”, созданные коллективными усилиями А. Н. Нусупбекова, Т. Б. Балакаева, П. С. Белана, Х. И. Бисенова и Н. Е. Едыгенова⁵⁵. В них использованы итоги работы всего казахстанского отряда историков Великой Отечественной войны. В названных сводных трудах воплотились, к сожалению, и многие догмы и стереотипы сталинизма и застоя.

Не простым оказался и путь развития той части казахстанской историографии, предметом исследований которой стали боевые дела казахстанцев на фронтах Великой Отечественной войны. Начало ей заложили сами герои вооруженной борьбы. В письмах

⁵² Дейнекин С.Е. Перестройка организационной и массово-политической работы КП(б) Казахстана в годы Великой Отечественной войны// Обществ. науки. Сб. статей аспирантов и соискателей. -Алма-Ата. 1963. Вып.2. С.40-48; Басин В.Я. Партийно-политическая работа на предприятиях тяжелой промышленности Казахстана в период Великой Отечественной войны// Уч. зап. КазГУ. Сер. истор.. -Алма-Ата, 1962. Т.53. Вып.9. С.20-43; Сункарбеков Б.С. Идеино-политическая работа партийных организаций Казахстана в первый период Великой Отечественной войны// Обществ. науки. - Алма-Ата, 1968. Вып XII.С.92-101.

⁵³ Козыбаев С.К. Слово, ковавшее победу: (Радио Казахстана в годы Великой Отечественной войны). - Алма-Ата, 1979; Абдильдаев К., Партийно-советская печать Казахстана в первые годы Великой Отечественной войны// Вопросы истории Компартии Казахстана. -Алма-Ата, 1971. Вып.8. С.171-186.

⁵⁴ Козыбаев М. Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1964; Он же Казахстан - арсенал фронта. -Алма-Ата, 1970.

⁵⁵ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. - Алма-Ата, 1981. Т.5. С.59-201.

родным и товарищам по довоенной работе бойцы и командиры описывали фронтовые будни, чувства, мысли и дела однополчан. Тогда же журналисты и писатели, одевшие солдатские шинели, рассказывали о героях боев, о важнейших этапах боевого пути сформированных в Казахстане частей и соединений Советской Армии⁵⁶, о подвигах наших земляков в битвах под Москвой и Ленинградом⁵⁷. Были сделаны и первые попытки обобщить сведения о фронтовиках-казахстанцах⁵⁸. Наиболее полными, по условиям военного времени, оказались два сводных труда, подготовленных работниками отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана, научными сотрудниками, писателями и изданных в 1943 г. Первый специально посвящался участию Казахской ССР в войне⁵⁹ и в нем наряду с вопросами перестройки на военный лад экономики и всех сторон жизни республики нашли отражение и боевые дела казахстанцев в рядах действующей армии, особенно подвиги гвардейцев – панфиловцев в битве под Москвой. Во втором труде – по истории республики с древнейших времен – периоду Великой Отечественной войны была посвящена заключительная глава (с.600-641), а ее первый раздел (с.605-619) повествует о ратных подвигах сынов Казахстана в борьбе против немецко-фашистских захватчиков⁶⁰.

⁵⁶ См.: Абишев Т. Толеген Тохтаров. - Алма-Ата, 1942; Кузнецов П. От Алма-Аты до Берлина: (Записки военного корреспондента). М., 1945; Полевой Б.Н. Рождение эпоса. Очерк о боевых подвигах Героя Советского Союза гвардии майора Малика Габдуллина. - Алма-Ата, 1943; Скосырев П.Г. Малик Габдуллин. - М., 1954; Раков Н. За Родину. - Алма-Ата, 1943; Муканов С. Мы победим. - Алма-Ата, 1942; Мусрепов Г. Белокрылые. - Алма-Ата, 1941; Мустафин Г. Жаппархан. - Алма-Ата. - 1945; Подвиг разведчиков. - Алма-Ата, 1941; Советские гвардейцы. Славные дела и подвиги бойцов, командиров и политработников 8-й гвардейской стрелковой дважды орденоносной дивизии им. генерал-майора И.В.Панфилова. - М., 1942; Восьмая гвардейская Краснознаменная им. генерал-майора И.В.Панфилова стрелковая дивизия. - Алма-Ата, 1942; Сталинградская гвардейская стрелковая дивизия//Большевик Казахстана. 1943. № 15. С.15-20; Шафиро Ш.Я. Боевой путь гвардейской Сталинградской //Большевик Казахстана. 1944. № 11-12. С.29-36.

⁵⁷ См.: Габдуллин М. Гвардейцы-казахи в боях за Советскую Родину//Блокнот агитатора Красной Армии. 1944. № 8. С. 13-17; Казахи в битве за город Ленина. - Л., 1943; Герои Ленинграда. - Л., 1945.

⁵⁸ См.: Письма с фронта (Алма-Ата. 1944), Герои Советского Союза - казахстанцы. Сб. документов и материалов. Книга первая. - Алма-Ата, 1945, а также статьи: Кучкин А. Сыны казахского народа на фронтах Отечественной войны//Большевик Казахстана, 1943. №9. С.16-20; Мартехов И. Казахстанцы в боях за Родину//Большевик Казахстана. 1942. №17-18. С.17-24.

⁵⁹ Казахстан в первый год Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. - Алма-Ата, 1943.

⁶⁰ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. - Алма-Ата, 1943.

Первые публикации о боевых делах казахстанцев были созданы на ограниченной источниковой базе — докладах и приказах Верховного Главнокомандования, директивных указаниях и решениях партии и правительства СССР и Казахской ССР, на сообщениях Совинформбюро, газетных очерках, письмах, отчетах делегатов фронта и тыла, устных рассказах. Поэтому, а также в силу засекреченности, естественной для военного времени, они ограничивались и в перечне исследований тем и вопросов. Однако отрицать значение этих работ нет оснований: они широко и достаточно квалифицированно пропагандировали истоки патриотизма и интернационализма советских людей, массовость их героизма на фронте и в тылу. Можно утверждать, что историки военных лет справились с задачами момента. Они приняли активное участие в политико-воспитательной работе, сделали первые шаги по собиранию, обобщению и введению в научный оборот документальной базы по истории войны.

Второй этап в развитии исследований, посвященных участию казахстанцев в войне, характеризуется расширением источниковой базы, жанрового разнообразия и постепенным повышением научно-теоретического уровня работ. Это стало результатом “потепления” во всех сферах жизни нашего общества, наступившего с разоблачением культа личности Сталина и притоком новых сил в науку. Однако не все ученые и уж во всяком случае не сразу освободились от догм и стереотипов сталинизма и его методологии, что сдерживало развитие науки.

В таких условиях, ускоряющих и одновременно тормозящих процессы углубления и совершенствования исторического анализа, по-новому освещались стороны и события войны, выдвигались новые, которые были в “закрытой” для ученых зоне или обходились ими из-за отсутствия документов.

Анализ работ этого периода следует начать с литературы о Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы⁶¹, родившихся в Казахстане или уходящих на войну из Казахстана. Раздавались голоса о такой литературе как ненаучной, ибо в центре ее внимания стоят не классы, социальные группы или коллективы, а отдельные личности. Но ведь речь идет о выдающихся воинах, дававших остальным защитникам Отечества образцы так-

⁶¹ Перечень литературы см. в библиографических указателях.

тических приемов и моральной стойкости в борьбе с врагом. Важно и другое — не изучив проблемы морально-боевого становления отдельного воина, наука не может считать достоверными свои выводы о группах и массах.

Непреходящее значение научно-популярной литературы о героях еще и в том, что она, как и художественная литература, своим более глубоким эмоциональным влиянием на людей и “конкретизирует” воздействие на читателей строго документальной научной литературы.

В 1968 г. Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР совместно с Институтом истории партии при ЦК КП Казахстана, Главным архивным управлением при Совете Министров КазССР, журналистами и писателями издали двухтомник “Герои Советского Союза — казахстанцы”⁶². В нем впервые собраны материалы об известных тогда 447 казахстанцах, удостоенных ордена Ленина и медали Золотая Звезда (в издании 1945 г. описаны подвиги всего 57 из них). Следует отметить возросший уровень объективности и полностью использованных сведений, четкости и ясности описания боевых дел. Принципы построения книги и материалов об отдельных воинах были использованы и развиты в подобных изданиях других республик.

Однако полностью избежать ошибок и неточностей не удалось: с одной стороны, издательство проявляло излишнюю поспешность на всех стадиях подготовки и осуществления публикации, а с другой — авторы и составители еще не располагали исчерпывающими сведениями о многих героях. Последнее произошло в основном из-за несовершенства делопроизводства военных лет в частях и соединениях Вооруженных Сил. Например, в наградном листе в большинстве случаев не было строки о месте рождения представленного к поощрению. Строка о месте призыва заполнялась часто неверно: вместо названия военкомата, который призвал человека, делался прочерк или отмечалось: “кадр”, “кадровый” или “доброволец”. Отсутствовали и строки о месте довоенной работы или учебы награждаемого, о должности, которую он занимал до призыва. Даже строка о домашнем адресе иногда заполнялась ошибочно — вместо адреса семьи указывали место службы награждаемого.

⁶² Герои Советского Союза - казахстанцы. Сб. очерков. - Алма-Ата, 1968, Т.1 - 2.

Работа по уточнению списков Героев Советского Союза велась повсеместно усилиями работников местных музеев, любителей-краеведов. Ее могло ускорить издание общесоюзного справочника, но это дело на долгие десятилетия затянули Главное политуправление Советской Армии и Военно-Морского Флота и Институт военной истории Министерства обороны СССР. А когда, наконец, книга вышла, в ней оказалось очень много неточностей и даже пропусков⁶³.

Историки и краеведы до выхода общесоюзного биографического справочника издали несколько очерков и книг о героях Советского Союза — казахстанцах⁶⁴.

Повышение активности в изучении вклада республики в разгром врага на фронте и в тылу оккупантов наиболее плодотворно сказалось на издании литературы об участии казахстанцев в различных операциях, о боевом пути сформированных в Казахстане частей и соединений.

В 60-е годы в исследование вопросов истории участия казахстанцев в боях против немецко-фашистских захватчиков включился академик АН КазССР С. П. Покровский, известный специалист по истории гражданской войны. Он написал книгу и военно-исторический очерк о боевых действиях казахстанских формирований на Курской дуге и при форсировании Днепра⁶⁵.

Серьезным достижением явилось издание двух монографий Г. А. Абишева. Первая — “Под знаменем Родины” — значительно расширила соответствующие разделы предыдущей его книги (“Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”), а вторая — “Казахстан в защите Отечества” — впервые объединила историю участия трудящихся Казахской ССР, прежде всего казахов, в борьбе против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов в 1918–1920 гг. и в разгроме германских фашистов и их со-

⁶³ Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. В 2-х т. - М., 1987-1988.

⁶⁴ См.: Белан П.С. Герои Советского Союза - казахстанцы //Вестн. АГ КазССР. 1960. №5. С.53-58; Он же Казахстанцы - кавалеры Золотой Звезды. - Алма-Ата, 1982; Он же. Слава тебя найдет. - Алма-Ата. 1982; Белан П., Потапов А., Честнов С. Доблесть солдатская. - Алма-Ата, 1974.

⁶⁵ Покровский С.П. Участие казахстанских соединений в битве за Днепр//Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. - Алма-Ата, 1968. Вып. 2. С.77-107; Он же. Казахстанские соединения в битве на Курской дуге. - Алма-Ата, 1973.

юзников в 1941–1945 гг.⁶⁶. Автор использовал не только публикации разных лет, но и документы из партийных, государственных и ведомственных архивов, описал боевые дела частей и соединений, сформированных в республике, конкретно и ярко показал формы, подвиги бойцов и командиров, роль коммунистов и комсомольцев в больших и малых успехах и укреплении Вооруженных Сил.

К этому периоду относится и начало специального исследования отдельных проблем истории участия казахстанцев в боевых действиях минувшей войны. В частности. В научных статьях бывшего военкома республики Н. Байкенова, в объемной и хорошо документированной монографии З. Ш. Кашкенбаева и в коллективном труде об истории казахстанского Осоавиахима⁶⁷ прослеживаются основные вопросы подготовки и проведения в республике мобилизации в армию, налаживания всеобщего военного обучения, деятельности кружков и учебных подразделений Осоавиахима, спортивных коллективов, Общества Красного Креста и Красного Полумесяца, а также комсомола и профсоюзов по подготовке резервов для действующей армии. Частично освещены и усилия по созданию воинских частей и соединений Советской армии, подробнее — о формировании казахских национальных стрелковых бригад и кавалерийских дивизии. Эти вопросы, а также работа коммунистов республики по укреплению связей тыла с фронтом нашли свое отражение в своем труде М. К. Козыбаева по истории Компартии Казахстана в военные годы, в коллективном исследовании юристов по истории Казахского советского государства и права, а также в работах С. Каймолдина и др.⁶⁸

Методы и итоги работы военкоматов, добровольных спортивных обществ, оборонно-массовых организаций и комсомола республики по подготовке резервов для фронта, по физической закалке и военному обучению населения, в первую очередь молодежи, освещены в упоминавшихся сводных трудах по истории ре-

⁶⁶ Абишев Г. Под знаменем Родины. -М., 1967; Он же. Казахстан в защите социалистического Отечества. -Алма-Ата, 1969.

⁶⁷ Байкенов Н. Великое испытание//Партийная жизнь Казахстана, 1967. №11. С.35-40; Кашкенбаева З.Ш. Военно-организаторская работа компартий республик Средней Азии и Казахстана в годы Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1970; В труде и в бою. Очерки/ Под общей ред. Б.Б.Байтасова. - Алма-Ата, 1979.

⁶⁸ Козыбаев М. Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Алма-Ата, 1964; История государства и права Советского Казахстана. Т. III (1938- 1958). -Алма-Ата, 1965. С.62-166; Каймолдин С. Советы Казахстана в годы Великой Отечественной войны. - Алма-Ата, 1969; С.39-47.

спублики и ее партийной организации, а также в диссертациях и статьях Н. М. Костюка, М. Я. Бороздина, в книгах по истории ДОСААФ и ЛКСМ Казахстана⁶⁹. Положительные моменты, присущие им – все более углубленное изучение предмета исследования, возрастание достоверности сведений, а также степени обобщения материалов, но встречается и замалчивание негативных явлений, особенно в организации военного обучения.

Наибольшее количество научных и научно-популярных публикаций об участии казахстанцев в боях 1941–1945 гг., вышедших в свет после XX съезда КПСС, посвящено отдельным сражениям минувшей войны или этапам в истории воинских формирований, созданных в республике.

Разнообразные и интересные материалы о наших земляках-защитниках Бреста собрал Н. А. Шахов. Он встречался с участниками обороны крепости-героя, записывал их воспоминания, изучал личные документы и создал целую серию статей и очерков о героях первых боев. Газеты и журналы, опубликовавшие первые выступления Н. А. Шахова, помогли ему установить контакты с новыми “брестцами” и из семьями, что облегчило написание автором двух книг, встреченных с большим интересом и одобрением общественности в республике и за ее пределами⁷⁰. Эти книги не утратили своего значения, хотя со временем в них вскрылись отдельные неточности: автор с запозданием понял необходимость сопоставления фактов и деталей из рассказов участников событий с документами из архивов и научными публикациями. Самая крупная неточность допущена в определении количества казахстанцев, принявших участие в обороне крепости. В своей первой публикации Н. А. Шахов утверждал, что их было около 3 тыс. человек, 16 лет спустя он сократил эту цифру до 2 тыс. Эта цифра исходит из численности казахстанцев, направленных после призыва для прохождения срочной службы в Брест с осени 1939 г. до начала войны. Важно было уточнить, сколько из них было зачислено в части,

⁶⁹ Костюк Н.М. К вопросу о подготовке людских резервов для Красной Армии в годы Великой Отечественной войны.//изв. АН КазССР. Сер. обществ., 1968. № 4. С.10-15; Бороздин М.Я. Партийное руководство деятельностью военных комиссариатов Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. - Алма-Ата, 1979; В труде и в бою: Очерки истории ДОСААФ КазССР.- Алма-Ата, 1979. С.69-112.

⁷⁰ Шахов Н.А. Казахстанцы- защитники Брестской крепости. -Алма-Ата, 1964; Он же На берегах Буга: (Казахстанцы - защитники Брестской крепости). - Алма-Ата, 1967.

дислоцировавшиеся непосредственно в крепости и учесть то обстоятельство, что даже из 9 частей ее гарнизона не весь личный состав находился там в ночь на 22 июня 1941г. В большинстве своем он в то время размещался в лагерях за пределами крепости, поэтому в ее обороне участвовало не более 3,5 тыс. человек из самых разных частей и подразделений⁷¹.

Участие казахстанцев в битве под Москвой изучено в работах А. Н. Нусупбекова и А. М. Мухамеджанова⁷². Из-за ограниченности объема их трудов описание боевых действий казахстанских соединений в период контрнаступления советских войск у А. М. Мухамеджанова дано очень скупо, а у А. Н. Нусупбекова обойдено вообще.

О боевых делах под Сталинградом воинов из нашей республики рассказали в своих очерках историки из Гурьева (ныне Атырау) К. Доскалиев и Б. Далабаев⁷³. В центре внимания – имена и подвиги отдельных воинов отдельных воинов-казахстанцев. Что же касается казахстанских формирований, то названы только два из шести – 29 и 38-я (после битвы соответственно 72 и 73-я гвардейские) стрелковые дивизии, которые действовали там с начала до конца сражения. Подробно изложены трудовые свершения населения западных районов Казахстан, оказавших большую и многообразную помощь армии. В 1966 г. диссертацию по теме “Казахстанцы в боях за освобождение Украины” защитил К. Е. Стамбеков, на материалах которой он опубликовал несколько содержательных статей и очерков⁷⁴. Прямым продолжением работы К. Е. Стамбекова стала диссертация А. С. Алданазарова о вкладе сынов Казахстана в изгнание немецко-фашистских захватчиков с территории Польши⁷⁵.

⁷¹ См.: Героическая оборона. Сб. воспоминаний об обороне Брестской крепости в июне-июле 1941 г. - Минск, 1966. С.17, 593; Советская Военная Энциклопедия. -М., 1976. Т.1. С.590.

⁷² Нусупбеков А.Н. Казахстанцы в битве под Москвой//Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. - Алма-Ата, 1968. С.5-32; Мухамеджанов А.М. Казахстанцы в битве под Москвой. - Алма-Ата, 1968.

⁷³ Доскалиев К. Город-герой и Казахстан: (Участие казахстанцев в битве на Волге). -Алма-Ата, 1973 (на каз.яз.); Далабаев Б. Казахстанцы у стен Сталинграда. -Алма-Ата, 1977 (на каз.яз.).

⁷⁴ Стамбеков К.Е. 387-я Перекопская стрелковая дивизия в боях за освобождение Крыма// История. Сб. статей аспирантов и соискателей. -Алма-Ата, 1966. С.42-53; Он же. Героизм воинов 72-й и 73-й гвардейских стрелковых дивизий в боях за Днепр//Общество. науки. (Сб. работ аспирантов и соискателей). -Алма-Ата, 1965. Вып. 7. С.189-202.

⁷⁵ Алданазаров А. Участие казахстанцев в боях за освобождение Польши (1941-1945 гг.)// Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. - Алма-Ата, 1974. Вып.2. С.155-171.

Он первым из историков республики использовал документы и материалы из Архива Войска Польского, что позволило ему полнее и убедительнее осветить деятельность казахстанцев, служившими инструкторами и командирами подразделений и частей созданной в годы войны армии соседней страны. К сожалению, автор не касается боевых действий на польской земле 118-й стрелковой дивизии. Сформированной в прифронтовой полосе на базе казахстанской 152-й стрелковой бригады.

И. А. Куртовым создана галерея воинов, удостоенных государственных наград Польши, Чехословакии, Болгарии и Корейской Народно-Демократической Республики⁷⁶. К сожалению, ему не удалось собрать многие документы о службе и подвигах своих героев, воинов-интернационалистов, отложившиеся в архивах. Главная причина — недоступность зарубежных архивов и излишняя засекреченность многих архивных фондов в нашей стране. К этому же периоду развития историографии относятся и работы, посвященные солдатам, сержантам и офицерам из различных регионов республики. Из авторов таких работ следует выделить имя А. В. Потапова, бывшего разведчика, кавалера ордена Славы III и II ст. и других наград⁷⁷.

К. Р. Аманжолов умело проанализировал и обобщил материалы о создании национальных соединений, в том числе и казахстанских, Советских Вооруженных Сил, деятельности их командования, политорганов, партийных и комсомольских организаций по боевой подготовке подразделений и частей, по патриотическому и интернациональному воспитанию личного состава⁷⁸. Но вопрос о боевых действиях казахских 100-й и 101-й национальных стрелковых бригад заслуживал большего внимания и освещения.

В этот период резко возрос интерес исследователей к изучению боевого пути соединений и частей Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Так, А. И. Кузнецов бывший начальник отдела штаба панфиловской дивизии, на основе личных воспоминаний, бесед с однополчанами, многочисленных публикаций, сведений из Музея боевой славы соединений и Цент-

⁷⁶См.: Куртов И.А. Дорогами освобождения. Очерки. -Алма-Ата, 1983.

⁷⁷ См.: Потапов А.В. Гвардейцы фронта и тыла: (Рудный Алтай в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1974 и др.

⁷⁸ Аманжолов К.Р. Святой долг. -Алма-Ата, 1975; Он же. Дорогами мужества. - Алма-Ата, 1977; Он же. Дружба, овеянная славой. - Алма-Ата, 1985; Он же. Братство, скрепленное кровью. - Алма-Ата, 1987 (Все - на каз. яз.) др.

рального архива Министерства обороны СССР написал серию работ по истории славного соединения⁷⁹.

История казахстанской 30-й гвардейской стрелковой Рижской Краснознаменной дивизии стала предметом исследований в очерке С. И. Портнова и в книге А. В. Потапова и П. Т. Гладышева⁸⁰. К сожалению, ограниченный объем работ сузил возможности авторов, и потому боевые дела 238-й стрелковой (позже 30-й гвардейской) дивизии раскрыты фрагментарно, а некоторые вообще не освещены. К минимуму сведен и круг солдат и офицеров, чьи свершения составили гордость всего личного состава. Но в целом авторы создали впечатляющую картину роста воинского мастерства бойцов и командиров значимости их коллективного вклада в разгром врага.

Историей 8-й стрелковой дивизии занимался В. П. Лупшев, участник войны, автор нескольких научных статей, книги и брошюры, написанных по документам архивов, публикаций разных лет и воспоминаний ветеранов⁸¹.

Имеются работы о боевых делах казахстанской 29-й (после Сталинградской битвы 72-й гвардейской) стрелковой дивизии, из которых выделяется работа А. Ф. Дубицкого⁸².

Ветераны формировавшейся в Петропавловске казахстанской 314-й Кингисеппской ордена Кутузова дивизии И. Ф. Король и П. А. Егшин в книге "От Свири до Эльбы" собрали и обобщили многочисленные и разноплановые сведения о наиболее трудных и значительных боях соединения и его частей на берегах Свири и Волхова, ораниебаумском плацдарме и р. Нарра, при прорыве восстановленной финнами линии Маннергейма и взятии

⁷⁹ Кузнецов А.И. Герои не умирают. -Алма-Ата, 1963; Он же Снежный поход. - Алма-Ата, 1981; Он же. Прорыв //По путям - дорогам фронтовым. Сб. - Алма-Ата, 1965, С.57-73; Он же Героический рейд // в Боях за Родину. Сб. - Алма-Ата, 1966, С.140-185; Он же. Панфиловцы в боях за Ригу// Всегда начеку. Сб.- Алма-Ата, 1971. СМ.120-128.

⁸⁰ Портнов С.И. 30-я гвардейская стрелковая Рижская Краснознаменная//Рижские гвардейские: Сб. военно-исторических очерков. -Рига, 1972. С.43-67; Потапов А.В., Гладышев П.Т. Огненный путь. - Алма-Ата, 1980.

⁸¹ Лупшев В.П. В боях за свободу Чехословакии (Из истории Казахстанской 8-й стрелковой Ямпольской Краснознаменной ордена Суворова дивизии)// Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1969. №5. С.92-99; Он же. От Воронежа до Чехословакии// Всегда начеку (сб.). - Алма-Ата, 1971. С.137-145; Он же. 8-я стрелковая дивизия. - Алма-Ата, 1975; Он же. ... И до Чехословакии. - Алма-Ата, 1989.

⁸² Дубицкий А.Ф. На грозном ветру: Военно-исторический очерк о 72-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии. -Алма-Ата, 1970.

Выборга, при освобождении Польши и Чехословакии. Однако авторы уходят от показа негативных моментов, в частности, от освещения ошибок в решениях командования 314-й дивизии и недостатков в боевой подготовке, выявившихся в первых схватках с врагом осенью 1941 г. (С. 24-31)⁸³.

Две работы, брошюра редактора дивизионной газеты "За победу" К. Королева, изданная ее редакцией в первые месяцы после окончания войны в качестве памятной книжки ветеранам перед расформированием соединения, а также научная статья К. Е. Стамбекова, увидевшая свет двадцать лет спустя, повествуют об основных этапах истории созданной в Акмолинске 387-й стрелковой дивизии⁸⁴. Кратко, но емко о боевых действиях сформированных в Уральске 152-й стрелковой бригады и в Актюбинске 129-го минометного полка рассказал в своих статьях участник войны П. Р. Букаткин⁸⁵.

П. С. Беланом написана серия статей и очерков, отражающих боевой путь некоторых формирований⁸⁶. Однако до сих пор нет комплексных исследований о легендарной 8-й, 27-й, 73-й гвардейских, 88, 102, 118, 310-й стрелковых дивизиях, 74, 209, 219-м стрелковых полках. Очерки о 30-й гвардейской, 312, 314, 387, 391-

⁸³ Король И.Ф., Егосин П.А. От Свири до Эльбы/ Лит. Запись Дышловского Н.А. - Алма-Ата, 1978.

⁸⁴ Королев К. Перекопцы // Изд. Газеты "За победу". 1945; Стамбеков К.Е. 387-я Перекопская стрелковая дивизия в боях за освобождение Крыма// История: Сб. статей аспирантов и соискателей. - Алма-Ата, 1966. Вып. 1. С.42-53.

⁸⁵ Букаткин П.Р. В приволжских степях: (152-я стрелковая бригада в Сталинградской битве// Партийная жизнь Казахстана. 1967. №3. С.72-74; Он же Сталинград- Маньчжурия: (Боевой путь 129-го минометного Молодечненского полка)//История. -Алма-Ата, 1967. Вып.2. С.66-74.

⁸⁶ Белан П.С. Из истории боевых действий казахстанских авиационных частей на фронтах Великой Отечественной войны// Изв. АН КазССР. Сер. б-ств. 1967. №3. С.3-13; Он же 100-я казахская национальная стрелковая бригада в боях за Родину// Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1972. №5. С.65-68; Белан П.С., Тимошенко А.Д., Барков Н.С. Фронтные дороги. -Алма-Ата, 1978; Белан П.С. Колыванов И.А., Смолин И.И. Перекопская стрелковая (Боевой путь 387-й стрелковой Перекопской дивизии). -Алма-Ата, 1989; Белан П.С. Казахстанцы в Сталинградском сражении// Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. - Алма-Ата, 1968 Вып.1. С.33-76; Он же Казахстанцы в боях за Ленинград. -Алма-Ата, 1973; Он же Казахстанцы в Берлинской операции// Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. -Алма-Ата, 1974. Вып.2. С.172- 215; Он же. Участие казахстанцев в завершающих сражениях Великой Отечественной войны (январь - май 1945 г.). - Алма-Ата, 1979; Он же. Казахстанцы в боях за свободу Украины и Молдавии. 1941-1945 гг. - Алма-Ата, 1984; Он же Казахстанцы в боях за освобождение Белоруссии и Советской Прибалтики (1941-1945 гг.). - Алма-Ата. 1988 и др.

й стрелковых дивизиях слишком кратки и дают лишь самое общее представление о наиболее важных этапах их истории.

Слабо изучена история авиационных, артиллерийских полков, инженерных частей и подразделений, сформированных в нашей республике. Из 50 полков и отдельных батальонов этих родов войск кратко освещен боевой путь только одного минометного полка в статье П. Р. Букаткина, да трех авиаполков ночных бомбардировщиков в двух очерках П. С. Белана, названных выше. Произошло это потому, что долгие десятилетия такая тематика считалась сферой военного ведомства и строевых офицеров. Неписанный монополизм усиливался "разъяснениями" Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР о том, что история дивизии и даже корпуса не дает права на ее защиту в качестве кандидатской диссертации. Это отрицало возможность привлечения к разработке таких тем историков из "гражданских" научных учреждений и учебных заведений, особенно из числа начинающих специалистов. Сказалась и необоснованно заниженная заработная плата научных работников гуманитарного профиля, а так же падение престижа исторической науки, начавшихся во времена культа личности и застоя.

Главный недостаток публикаций о войне и об участии в ней казахстанцев состоит в том, что даже в новых работах присутствуют стереотипы мышления, каноны и приемы исследования, утвердившиеся ранее.

В военно-исторических трудах наиболее пагубными оказались уход от негативных и показ только позитивных явлений и сторон, желание угодить высшему руководству страны, схематизм построения книг, брошюр и статей.

Серьезным изъяном произведений многих авторов является невысокий профессиональный уровень освещения военной тематики. Боевые действия соединений нередко даются на уровне подразделений, не увязываются с действиями соседей, а также приданных на усиление и поддерживающих сил и средств. В них редко содержатся анализ документов, планировавших бой. А также решений, принимавшихся в его ходе при изменении обстановки.

Вопросы политического обеспечения боевых действий освещены лучше, но глубокого проникновения в их суть, в специфику этой работы на разных этапах войны, при подготовке и проведе-

ния различных видов боя, многие авторы не постигли. Поэтому целостной картины партийно-политической работы как единого и постоянно совершенствовавшегося процесса, с присущими ему особенностями в отдельные периоды войны, со своими слабыми и сильными сторонами, с первооткрывателями новых, более совершенных форм и методов работы и их антиподами, догматиками и бюрократами в погонах — пока нет.

Не исчерпаны, в частности, и многие аспекты такой темы, как становление солдата из вчерашнего мирного труженика особенно из казахов, уйгуров, дунган, сынов других восточных национальностей, до революции не привлекавшихся к воинской службе.

Одна из причин слабой изученности этого процесса в том, историки до сих пор очень слабо или вообще не используют в своих трудах исследования специалистов по специальной и национальной психологии. Отчасти по этой же причине недостаточно глубоко исследована деятельность командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций среди бойцов и сержантов нерусских национальностей и проблема укрепления дружбы народов в горниле войны освещена поверхностно. В некоторых трудах она фактически сведена к примерам (часто одним и тем же) подвигов воинов разных национальностей, констатации многонациональности личного состава подразделений и частей, укреплению дружбы между воинами на индивидуальном и групповом уровнях. Редко дается динамика процесса выравнивания национального состава воинских формирований.

Начавшийся после провозглашения государственного суверенитета Республики Казахстан третий период историографии Великой Отечественной войны дал пока немного произведений. Некоторые из них написаны в старом “ключе”, по содержанию много новых сведений по исследуемым вопросам. В них числе монографии С. Т. Кульбаева о деятельности Алма-Атинской городской парторганизации в военные годы и по истории профсоюзов Казахстана в Средней Азии в те же годы⁸⁷. Попытки переосмыслить искажавшееся содержание и оценки событий истории, в том числе и периода грозных испытаний, осветить ранее замалчивавшиеся сюжеты были предприняты в первые же годы самостоятельности Казахста-

⁸⁷ Алма-Атинская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1991; Он же. Труд во имя Победы: Деятельность профессиональных союзов республик Средней Азии и Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). - Алма-Ата, 1992.

на. Наиболее эффективными из таких попыток, на наш взгляд, явились сборник статей о “белых пятнах” в истории республики, учебное пособие и очерк по истории Казахстана, изданные Институтом истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова АН РК в 1991–1993 гг.⁸⁸

Активизации научных поисков и апробации полученных результатов в исторической, как и в других, содействуют ставшие доброй традицией “круглые столы”, состоявшийся 10 января 1996 г. “Депортация народов – преступление тоталитарного режима”, семинара 18 апреля 1996 г. “Сопротивление тоталитарному режиму и политические репрессии в Казахстане”⁸⁹, 12 июня 1997 г. “Депортация народов и проблема прав человека”, а также международная научная конференция по истории немцев Центральной Азии⁹⁰. Они позволили признать всем известные, но замалчивавшиеся факты и цифры репрессий по отношению к целым народам и их последствия на моральное состояние тыла, увеличение многонациональности населения Казахстана и начало вызревания тех условий, которые со всей силой проявились в массовой миграции уже в наши дни.

Фундаментальные разработки по истории Казахстан военной поры только начинаются. Они представлены монографиями М. К. Козыбаева и Н. Е. Едыгенова “Труд во имя Победы”, посвященной героическим усилиям рабочего класса республики по ее превращению в один из арсеналов Страны Советов и П. С. Белана “На всех фронтах”, о ратных подвигах наших земляков в борьбе с германским фашизмом и его союзниками и сателлитами⁹¹.

⁸⁸ История Казахстана: белые пятна. Сб. статей / Сост. Ж.Б. Абылхожин. - Алма-Ата, 1991; Учебное пособие по истории Казахстана с древнейших времен и до наших дней. Авт. коллектив: Козыбаев М.К. (рук.) и др. - Алма-Ата, 1992; История Казахстана с древнейших времен до наших дней (Очерк) / Ред. колл.: А.К. Акишев, М.Х. Асылбеков, К.М. Байпаков и др. - Алма-Ата, 1993.

⁸⁹ Материалы “Круглых столов” и семинаров / Отв. ред. А. Жовтис. - Алма-Ата, 1996 (Казахстан историко-просветительское общество “Адилет” (“Справедливость”), Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова НАН РК. - С. 39-49, 107-127.

⁹⁰ Депортация народов и проблема прав человека : материалы семинара. Алматы. 12 июня 1997г. - Алма-Ата, 1998. [Историко-просветительское общество “Адилет” (“Справедливость”) РК, Ин-т Истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Фонд им. Фридриха Эберта]; История немцев Азии: Материалы международной научной конференции. Алматы, 9-10 октября 1997г. - Алматы. 1998 [МН-АН РК, Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Геттингенский исследовательский центр, Совет немцев Республики Казахстан].

⁹¹ Козыбаев М.К., Н.Е. Едыгенов Труд во имя Победы. - Алматы, 1995; Белан П.С. На всех фронтах: Казахстан в сражениях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. - Алматы, 1995.

Таким образом, по сведениям библиографов, по истории Казахстана периода Великой Отечественной войны опубликованы сотни книг, брошюр и журнальных статей. В них использован значительный круг источников из государственных, ведомственных и партийных архивов, периодической печати и мемуаров, экспозиционных и научных фондов музеев, а также комнат боевой славы, личных коллекций документов и материалов. Поставлены и решены многие вопросы истории республики ее профсоюзов, партийной, комсомольской и других общественных объединений населения, отдельных областей, трудовых коллективов. Освещены также основные вопросы истории участия казахстанцев в боях против немецко-фашистских захватчиков.

Однако казахстанским историкам необходимо включиться в разработку таких тем истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, которые раньше считались монополией работников Министерства иностранных дел СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и исторических институтов Академии наук СССР. В частности, это борьба Советского Союза за создание системы коллективной безопасности в предвоенные годы; проблемы социалистических, народно-демократических и национально-освободительных революций в период Второй мировой войны; социально-политический характер Великой Отечественной войны; национальная политика воюющих государств в динамике ее развития в ходе войны (в том числе и национальная политика СССР в 1941–1945 гг. на материалах Казахстана); масштабы, корни и последствия коллаборационизма на временно оккупированных советских землях; провал планов фашистских правителей и их националистических прислужников организовать межнациональные конфликты и гражданскую войну в СССР.

По проблеме “Тыл в годы войны” в более глубокой и всесторонней проработке нуждаются также темы как прием и размещение в Казахстане людей, производственных мощностей и народного достояния из прифронтовой полосы; создание и деятельность оборонной индустрии; транспорт на военной вахте; рыбная промышленность и рыбаки Казахстана в годы войны; медицинские работники на службе охраны здоровья народа; жилищные условия, снабжение населения продовольствием и промтоварами, меры государства, ведомств, коллективов и усилия населения по их улуч-

шению; общественно-политическая жизнь, состояние морали и нравственности, правоохранительные органы и общественность в борьбе с преступностью.

По истории участия казахстанцев в вооруженной борьбе предстоит основательнее раскрыть ход и итоги мобилизации в армию; формирования воинских частей и соединений, подготовку резервов, а также ранее фактически не исследовавшиеся вопросы подготовки офицерских кадров в республике⁹². На более расширенной источниковой базе предстоит проследить боевой путь каждого из воинских формирований, созданных на казахской земле. Показать и боевые дела наших земляков в рядах советских партизан и борцов Сопротивления европейских государств. Настало время подготовки нового издания сборника очерков о казахстанцах — Героях Советского Союза, а так же переиздание аналогичной книги о кавалерах ордена Славы трех степеней.

Не менее объемны и ответственны задачи переоценки написанного и создания новых произведений по истории Коммунистической партии Казахстана, профсоюзов, комсомола и других общественных организаций.

По-новому, более мотивированно и реалистично необходимо подойти и к итогам войны, а также итогам экономического развития республики, демографических и социальных изменений в те годы. А самое важное (что раньше выпадало из поля зрения историков и других обществоведов) — изменения в области общественного сознания жителей Казахстана, рост национального самосознания и патриотизма граждан.

**Опубликовано в соавторстве с д.и.н. Беланом П.С.
Информационным изданием
АН КазССР, Серия "Общественные науки",
Алма-Ата, "Гылым", 1991.
(Дополненный и переработанный вариант).**

⁹² К настоящему времени вышли лишь очерки по истории Алматинского высшего пограничного командного (Алма-Ата, 1967.) и общевойскового командного (1995.) училищ из почти трех десятков военных учебных заведений, действовавших в Казахстане в 1941-1945 гг.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Память, по В. Далю, — способность помнить, не забывать прошлое; свойство души хранить, помнить о былом. По мнению знатока русского слова, память разделяется на внешнюю и внутреннюю. Память внешняя — безотчетное знание наизусть затверженного: память слов, имен и событий; память внутренняя — разумное понимание научной связи, прочное усвоение духовных и нравственных истин.

Полагаю, что нам, несмотря на то, что мы, исследователи, ныне разбрелись по национальным квартирам, выборность и дробность изучения истории при исследовании дискуссионных проблем войны, говоря словами В. Даля, необходимо “усвоение себе навсегда духовных и нравственных истин”. В этом ключе у нас в отличии от разоблачителей, ренегатов разных мастей есть немало спорных научно-теоретических проблем для совместного обсуждения.

Прежде всего, отказ от догматического марксизма-ленинизма не означает, что мы отвергаем принципы научного объективизма, историзма, диалектики. Отказываясь от классовости и идеологических установок большевизма, мы не собираемся отступать от гуманизма и прогресса, переходить на позиции национал-фашизма. Обрушивая проклятия в адрес тоталитарного социализма, мы не можем поступиться идеалами справедливости и добра, ставить под сомнение искренность и веру в высшие цели целых поколений только на том основании, что людям довелось родиться, созидать и сражаться не в лучшие для них времена. Иначе говоря, мы, исследователи, обязаны иметь четкие методологические позиции. Только в таких условиях мы сможем сделать анализ этой великой трагедии народов, назвав все своими именами: героическое — героическим, трагическое — трагическим.

Прежде всего, какое общество мы имели накануне войны, во имя чего сражались с заклятым врагом? Накануне войны вместо единой, неделимой Державы-империи возвысился Единый и нерушимый Союз. Вместо православия утвердилась всепобеждающая идеология марксизма-ленинизма. Вместо монархии господствовала диктатура партии большевиков.

Победил казарменный социализм. В области политической он означал сращивание партии с государством; в области экономической — господство методов внеэкономического принуждения, командно-бюрократического подхода к решению назревших проблем прогресса; в области государственной — создании видимости национальной государственности в лице кукольных союзных республик, демократической формы власти в лице номенклатурных Советов, максимальная ее централизация под эгидой правящей партии большевиков; в области социальной — отторжение рабочих и крестьян от собственности, превращение их в наемных пролетариев, укоренение примитивного распределения благ, обещания улучшить жизнь, постоянно отодвигаемые на необозримое будущее; в нравственной — коллективистские взгляды, которые, несмотря на многие положительные аспекты, поглотили личность как таковую; в духовной сфере — господство штампов, клише и мифов; в области национальной — осуществление политики этноцида, преследование целых народов, уничтожение интеллектуальной элиты, подавление национального самосознания народов, духа свободолобия, господство великодержавной идеологии и практики.

Вместе с тем была и другая сторона медали. Социализм — общество, выстраданное народами, успел за два десятилетия дать им немало: в области политической — был уничтожен классовый, национальный гнет. Отечество наше освободилось от засилия, диктата иностранного капитала; в области экономической — ликвидирована безработица; в области социальной — осуществлено бесплатное всеобщее образование, здравоохранение, социальное обеспечение; в области духовной — достигнуто приобщение к высотам мировой культуры, претворены в жизнь идеи национального согласия и всеобщего равенства, коллективизма; в области национальной — собраны воедино земли, принадлежащие националам до колонизации, восстановлена их государственность.

Годы минувшей войны свидетельствовали, что гигантская многонациональная страна представляла собой единое экономическое пространство, ее экономика была централизована и функционировала как единый организм. Война, как в фокусе, отразила состояние советского общества: готовность самого государства противостоять военной экономике, по существу, всей Западной Европы, готовность народов к жертвам во имя спасения Отечества, способность их творить во имя достижения цели общенацио-

нального масштаба, массовому героизму, отодвинуть на задний план свои личные нужды и интересы, позабыть на время горе, лишения и обиды на власть Советов, которые лавиной обрушились на их головы. Война еще более сблизила народы, сплотила их ряды.

Одним словом, советскому народу было за что сражаться. Это прежде всего необходимость защиты независимости Социалистического Отечества, защиты народов от нависшей опасности порабощения фашизмом, от колонизации немецких баронов, фашистских молодчиков. Это необходимость защиты идеалов гуманизма, справедливости и добра, социальных, политических, экономических, культурных завоеваний социализма. Это защита коренных интересов мировой цивилизации. Вместе с тем, спора нет, что героическое начало в нем приняло трагический оттенок.

В оценке характера минувшей войны ныне имеют место, мягко говоря, разночтения. Одни открыто отрицают отечественный характер войны, другие стремятся придать ей узконациональный — русский, в лучшем случае, российский характер. Третьи, наиболее отпетые, подвергают сомнению вообще справедливый характер войны. По их мнению, не надо было защищать советский строй, так как в случае победы гитлеризма мы давно бы жили в цивилизованном обществе. Четвертые, в том числе и некоторые мои соотечественники, утверждают, что народы окраин сражались на фронтах не Отечественной, а второй мировой войны. Так, например, член-корреспондент РАН Ю.Поляков в статье “Откровенно, без дипломатии” утверждает, что “война та была не так уж отечественной”, “не такая уж великая, разве что по гигантским потерям”¹. В статье, опубликованной в русскоязычном мюнхенском журнале “Страна и мир”, читаем: “... лучше бы фашистская Германия в 1945 победила СССР. А еще лучше б — в 1941-м!” Один недоносок бросил в лицо ветерану Великой Отечественной: “Если бы не вы, пили бы мы сейчас баварское пиво”².

В январе 1995 г. в канун 50-летия Победы в Малом театре состоялась премьера спектакля “Пир победителей” по пьесе Александра Солженицына. Вот как передает смысл и содержание этого “творения” писателя газета “Известия”. “Пьеса Солженицына “Пир

¹ См.: Красная звезда, 1988, 25 декабря; Политическое самообразование, 1988. № 17. С.45; Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. М., 1985; Ана тілі, 1993, 2 декабря.

² См.: Правда, 1995. 20 апреля.

победителей”, написанная им в конце 50-х гг., в то время ассоциировалась с классикой — “Пир во время чумы”. Поставленная сегодня в Малом театре, в год пятидесятилетия Победы, она опять заставляет искать новый смысл — уже в слове “победители”.

В день католического Рождества под сводами старого замка, где-то в Восточной Пруссии, отмечают именины своего замполита офицеры советской разведчасти. Чем ближе развязка, чем очевиднее финал, тем яснее для них бессмысленность, роковая ошибочность своего здесь пребывания. Там, на Востоке осталась добровольно отдавшаяся в руки своим палачам Россия. Здесь, на Западе, выжженным пепелищем лежит победоносно пройденная, по чужой воле поработченная Европа. И нет победного ликования. И стыдно за народ, позволивший грязным политикам превратить себя в раба и поработителя. Армия как орудие — вновь поток ассоциаций, актуальность, от которой некуда деться.

Одно из главных действующих лиц спектакля — зеркало. В нем, может быть впервые за долгие годы войны, люди увидели собственные лица, осознали свою единственность и свою ответственность. Перед зеркалом совести, настаивает автор, даже победители отводят глаза”. От таких слов и действий веют духом неофашизма.

В сущности, в том великом противоборстве Советского Союза с фашистской Германией весь наш народ поднялся на борьбу с агрессором, стал воюющим народом. За годы войны в Вооруженные силы было привлечено около 35 млн. человек³. Воины русской национальности составляли ядро Советской Армии. Вместе с ними плечом к плечу сражались 4,4 млн. украинцев, свыше 1 млн. сыновей и дочерей Белоруссии, свыше 3 млн. — Казахстана и республик Средней Азии, в том числе 1 млн. 366 тыс. казахстанцев, т.е. более 70% всего мужского населения от 18 до 50 лет. Около 700 тыс. трудящихся республики были мобилизованы в трудовые колонны — промышленность оборонного значения. Таким образом, 26% населения Казахстана влилось в ряды действующей и трудовой армий. В мировой истории не было подобного прецедента. Даже у немцев при тотальной мобилизации было призвано всего 12%.

За первые 10 месяцев войны в рядах Красной Армии было более 600 тыс. грузин, азербайджанцев и армян, более 500 тыс. узбеков, казахов, киргизов, башкир, эстонцев, чеченцев⁴.

³ См.: Красная Звезда. 1993. 22 июня.

⁴ См.: Мурадян В.А. Боевое братство. М., 1978. С. 73-74.

Шовинистическим патриотизмом болеют и наши соотечественники. Все громче слышатся их голоса о том, что казахи защищали русскую страну, что это была не наша война. Иные с высоких трибун предъявляют счет русскому народу, что их отцы погибли, защищая русскую землю. Иные полагают, что малые народы СССР, в т. ч. казахи сражались на фронтах не Отечественной, а второй мировой войны⁵.

Такие перекосы в оценке характера войны и вклада в Победу всего советского народа, ее растаскивание по национальным квартирам имеют место в результате искажения сути понятия Отечества, ограничения его территориальными границами, национальными перегородками. “Родина”, — по определению В.Даля, — родимая земля, чье-либо место рождения. В обширном значении — земля, государство, где кто родился”. По определению Д.Ушакова: “Отечество, страна, в которой человек родился, гражданином которой он состоит”.

Казахи имели в лице России свое Отечество. Оно не всегда было ласково с инородцами, но защищало их от иных агрессоров. Единое духовное пространство способствовало приобщению нашего народа к достижениям мировой цивилизации. И казахи, как и другие народы, сражались, защищая свою Отчизну, не вступая с ней в торг.

Сложилось цельное направление, которое отрицает героизм народа в Отечественной войне. Наиболее цинично суть этой концепции отразил писатель В.Астафьев. Ему принадлежат слова: “Мы просто не умели воевать, мы и закончили войну не умея воевать. Мы залили своей кровью, завалили врагов своими трупами”⁶.

Изучение архивных документов показывает, что жертв в этой войне могло быть и меньше, если бы страна обладала вооруженными силами, хорошо обученными и оснащенными техникой, если бы мы не истребили офицерский корпус, генералитет накануне войны, если бы сохранили традиции отечественной науки⁷. Прав был К.Симонов, когда говорил: “Не будь 1937 года, не было бы и лета 1941, и в этом корень вопроса”. Все это бесспорно. Но бес-

⁵ Ана тілі, 1985. Желтоқсанның 2. - С.1.

⁶ Литературная газета, 1988. 18 мая.

⁷ В канун войны были полностью “обновлены” все командующие военными округами, 90% их заместителей, 80% руководителей корпусного и дивизионного звена, 80% командиров полка. См.: Правда, 1990. 28 апреля.

спорно и другое. Победа над гитлеризмом была достигнута в результате сплава всенародного героизма тружеников тыла, подвига советских людей, одетых в солдатские шинели, всенародного движения сопротивления советских людей в тылу врага.

Изучение духовного опыта народа, каждый день войны подтверждал вывод о том, что советские народы только в союзе, только общими силами смогли отстоять свою свободу и независимость. Жить в мире и согласии, сообща переживать горе и радости с народами России — это тоже достояние нашей истории.

На XVIII съезде ВКП(б) отмечалось, что советское общество “представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм”. И, далее: “Это значит между прочим, что в случае войны тыл и фронт нашей армии, ввиду их однородности и внутреннего единства — будут крепче, чем в любой другой стране...”⁸. На долгие годы эти сталинские положения легли в основу концепции о действующих факторах победы. Как же было на самом деле? Каковы движущие силы нашей Великой Победы? Накануне и в годы войны не было и не могло быть морально-политического единства в сталинском понимании. Тяжелый след в жизни миллионов советских людей оставила тотальная репрессия 30-х годов. Сотни тысяч казахских крестьян оказались на чужбине. Был нарушен вековой образ жизни, гонимые голодом, нищетой, тысячи казахов из аула нашли приют и работу в промышленных центрах Урала, Сибири и Средней Азии. Источником пополнения рабочего класса в первой половине 30-х годов, таким образом, оказалось далеко не трудовое согласие, гармония интересов рабочих и крестьян. Глубоко задевало интересы тружеников деревни и аула форсированная политика индустриализации страны. Рабочий класс и крестьянство были лишены собственности, по существу, они стали пролетариями города и деревни. Значительный урон обороноспособности Отечества нанес геноцид в отношении малых народов.

В результате силовой коллективизации жертвами голода и его тяжелого последствия — эпидемии брюшного тифа — в респуб-

⁸ XVIII съезд Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. М., 1939. С.26.

лике в 1932–1933 гг. насчитывалось 1 млн. 750 тыс. человек или 42% всей численности казахского населения.

Нет сомнений в том, что последствия демографической катастрофы сказались на морально-политическом состоянии казахского народа, был нанесен ощутимый удар по идеалам революции, обороноспособности страны.

В условиях военного времени карательная политика существовавшей системы набирала новые обороты. Курс на уничтожение малых этнических групп и народностей продолжался. По методике и тактике проведения карательные операции напоминали технологию ликвидации кулачества, как известно, тогда в Казахстане возникли 113 спецпоселений со 184 тыс. сосланных.

В Казахстане в 1937–1944 гг. нашли вторую родину более 1 млн. 210 тыс. депортированных, а вместе с эвакуированными – около 1 млн. 740 тыс. человек. По существу, в Казахстане каждый пятый человек был спецпереселенцем, республика напоминала гигантский ГУЛАГ СССР. По данным на 1 декабря 1946 г., в Казахстане находилось 890 698 сосланных⁹.

Не менее унижительной страницей нашей отечественной истории остается наличие лагерной экономики. К сожалению, мы не располагаем данными о масштабах принудительного труда в СССР. По данным на январь 1949 г. министра внутренних дел СССР С. Круглова, по отраслям народного хозяйства трудился 1 483 089 высленцев и спецпоселенцев¹⁰.

К началу войны общее число заключенных в СССР составляло примерно 2,3 млн. человек. Из них досрочно было освобождено и направлено в армию более 1 млн. Кроме того, осужденные привлекались к строительству оборонных сооружений, работали на важнейших оборонных стройках. Свыше 39 тыс. из них делали боеприпасы и вооружение, 20 тыс. строили танки, 40 тыс. были заняты в угольной и нефтяной промышленности¹¹.

Управление исправительно-трудовых лагерей НКВД Казахской ССР на 1 февраля 1942 г. организовало для обслуживания предприятий и строек 17 контрагентских колоний с общей численностью заключенных 9 458 человек¹². В последующем их количество на оборонных стройках значительно возросло.

⁹ Итоги Второй мировой войны. Перевод с немецкого. М., 1957. С.512.

¹⁰ История СССР. 1991. № 1. С.158.

¹¹ Правда, 1990. 9 мая.

¹² Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 6/2. Д. 190. Л.56.

Специальные исправительно-трудовые лагеря обслуживали Казахстраннефтестрой, Актюбинский ферросплавный завод (на 1945 г. — 2600 чел.)¹³, предприятия Караганды (на 1 сентября 1943 г. — 7 340 чел., в т. ч. 4 405 трудмобилизованных), Джезказганский медеплавильный комбинат¹⁴. Более 700 тыс. трудящихся Казахстана, главным образом переселенцев, в том числе свыше 200 тыс. казахов, были призваны в трудовые колонны, которые работали на строительстве объектов оборонного значения Урала и Сибири¹⁵.

Особый статус был установлен для немцев-трудармейцев (на 1.10.1946 г. была мобилизована 121 459 немцев). В Положении “О порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев” сказано: “Все мобилизуемые немцы призывных возрастов направляются для работы при лагерях НКВД СССР и организуются в рабочие колонны при исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР”¹⁶. В другом документе, адресованном “Начальнику 2-го отделения СУР № 4 НКВД”, отмечается, что “в соответствии с инструкцией НКВД СССР “О порядке охраны спецконтингента (мобилизованных немцев)”, в целях организации охраны колонн и усиления контроля за спецконтингентом, предлагаю:

1. Всех немцев, проживающих вне колонн, немедленно водворить в колонны.

2. Приступить немедленно к оборудованию и устройству зон колонн. Оборудованность зон произвести по типу устройства зон для содержания заключенных”¹⁷. В положении подчеркнуто, что “вокруг бараков (дворов) устанавливается ограждение — зона, которая охраняется военизированной охраной Гулага. Выход из зоны с момента утренней и вечерней проверки разрешается по пропускам или в строю. Внутри зоны и бараках хождение свободное”.

Рабочие колонны, укомплектованные из немцев-переселенцев, пригодных к физическому труду, формировались в течение всех военных лет. IIIа мобилизация также женщин-немок в воз-

¹³ Актюбинский облгосархив. Ф. 1500. Оп. 4. Д.47. Л.34.

¹⁴ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 06/2. Д. 9. Л. 50; Карагандинский госархив. Ф. 108. Оп. 1. Д. 10. Л. 50-51.

¹⁵ Козыбаев М. Казахстан - арсенал фронта. Алма-Ата, 1970. С.58.

¹⁶ Госархив Кокчетавской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 158. Л. 190.

¹⁷ Там же. Л. 189.

расте от 16 до 45 лет включительно¹⁸. От мобилизации освобождались все женщины-немки, имевшие русских мужей. Не подлежали мобилизации женщины-русские, мужья которых и дети были немцами¹⁹.

География трудармейских лагерей широкая, отмечает исследователь А.Дитц, от Коми АССР до бухты Ванино на Дальнем Востоке. Я насчитал свыше 100 лагерей и лагпунктов, но их гораздо больше: Соликамск, Котлас, Воркута, Якутия, Архангельская область, Ивдель, Челябинск, Гурьев, Нижний Тагил, Уфа, Караганда, Тула, Копейск, Кемерово, Краснотурьинск, Орск, Киров, Иркутск, Куйбышев, Новосибирск... В этих и других местах советские немцы — мужчины и женщины — валили лес, строили заводы и шахты, буровые вышки и железные дороги, мосты, добывали уголь, руду²⁰. Разница между спецпереселенцами и рабочими-колонистами из республик Средней Азии и Казахстана состояла в том, что первые находились за колючей проволокой со всеми лагерными атрибутами, а последние — на казарменном режиме с каторжными условиями труда.

Мобилизация трудящихся республик Средней Азии и Казахстана в трудовые колонны во многом напоминает 1916 г., когда в связи с царским указом восточные народы реквизировались на тыловые работы. История мобилизованных в трудовую армию рабочих пока остается "белым пятном" в истории рабочего класса страны.

Все это верно. Что же объединяло советских людей, каковы тогда цементирующие факторы народов Страны Советов? Объединяла советских людей общность их исторических судеб — это, во-первых. Объединяла народы обрушившаяся на страну агрессия, угроза потери ее независимости — это, во-вторых. Объединяла их всенародная борьба с врагом на фронтах, в тылу и труд во имя победы в глубоком тылу — это, в-третьих. Объединяла советских людей принадлежность к своему Отечеству, чувство дедовского патриотизма. Советские люди все еще верили в идеалы Октябрьской революции 1917 г. Нельзя сбрасывать со счетов первые достижения Советской власти, провозглашение ликвидации классового и национального гнета, успехи в области эмансипации женщин, на-

¹⁸ Госархив Кокчетавской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 158. Л. 189.

¹⁹ Казахстанская правда. 1992. 28 марта.

²⁰ См.: Фройндшафт, 1988. 22 октября; Нойес Лебен, 1988. 16 октября.

родного образования. Перед войной были приведены в действие механизмы по патриотическому воспитанию молодого поколения. Серьезные достижения наблюдались в области укрепления оборонной мощи страны. Образование СССР, объединение земель в исторических и этнических границах, создание союзных и автономных республик сыграли важную роль в консолидации народов под советское начало, несмотря на то, что государственность приобрела форму кукольных республик. Так или иначе, советские люди имели основания верить и считать, что все трудности созидания нового социалистического мира позади, что их ожидает светлое будущее. Немаловажное значение имели традиции совместной борьбы наших народов на баррикадах в годы революции, на фронтах гражданской войны, на стройках пятилеток.

Таким образом, импульс Великого Октября, заряд социалистического созидания, патриотические традиции народа, приумноженные идейно-политическим воспитанием трудящихся за годы Советской власти, дружба народов и интернационализм, вера в идеалы революции, ненависть к фашизму, — все вместе взятое оказалось сильнее наследия сталинизма.

Мы, исследователи, все эти годы в качестве одного из решающих факторов победы выдвигали советский патриотизм. Думается, что трактовка патриотизма была усеченной, неполной. На деле он был шире по масштабу и глубже по смыслу, чем советский патриотизм. На деле он вобрал в себя патриотизм дедов и дух предков.

В условиях начавшейся войны происходило патриотическое единение народа. И. Сталин воспользовался возросшим национальным самосознанием соотечественников. Он понимал, что под лозунгом марксизма-ленинизма не собрать всю рать и был вынужден узаконить стихийно разбушевавшийся народный патриотизм в самом начале войны. 3 июля 1944 г. И. Сталин тронул струны народной души, когда он обратился к своим соотечественникам: "Братья и сестры..." Вся страна подхватила слова песни В. Лебедева-Кумача "Идет война народная с проклятою ордой". И. Сталин обратился не только к идеям марксизма-ленинизма, но и к боевым традициям русских полководцев, флотоводцев, а в Казахстане Ж. Шаяхметов — к традициям народных батыров, хана Кене и других лидеров национально-освободительного движения. Учреждение орденов Суворова, Кутузова, Нахимова, Ушакова, погоны

офицерские и генеральские звания, негласный отказ от лозунга “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” в военной прессе, введение вместо него лозунга “Смерть немецким оккупантам!” — все это явилось известным отступлением от идеологии казарменного социализма, приспособлением его к воле воюющего народа. Таким образом, И. Сталин, режим опирались на патриотизм народа.

Наша трактовка действующих факторов Победы была бы неполной, если бы мы не определили свое отношение к ключевому вопросу — о роли Коммунистической партии и советского правительства в Отечественной войне.

Как известно, партия Ленина была создана для работы в экстремальных ситуациях. Она накопила богатейший опыт работы в условиях подполья. Советское государство, образовавшееся на развалинах империи, в период революции и гражданского противостояния, функционировало как сложный военизированный организм.

В годы социалистического строительства диктатура партии набирала новые обороты. Вся ее внутренняя жизнь была направлена на осуществление идеалов казарменного социализма при руководящей роли или, по-другому, под диктатом правящей партии. В дни войны она стала сражающейся партией, взяла на себя всю историческую ответственность за судьбу страны. Тотальная мобилизация людей на фронт, тотальная эвакуация промышленности, материальных и людских ресурсов на восток, перевод в кратчайший срок всей экономики на военный лад, создание единой слаженной военной экономики, второй линии обороны на востоке, формирование гигантской армии на фронтах, армии труда в тылу и т.д. - все это было под силу только милитаризованному государству и Коммунистической партии. Если в мирное время силовое государственное начало было встречено советскими людьми в штыки, то в годы войны такое начало было одобрено значительным большинством общества. Именно здесь Коммунистической партии удалось достичь известной гармонии интересов народа и советского государства.

Потеряв в 1941 г. 67% стрелкового оружия, 91% танков и АСУ, 90% боевых самолетов, 90% орудий и минометов, уже в 1943-1944 гг. Советский Союз сумел создать и полностью оснастить всем необходимым шесть таковых армий, 10 артиллерийских корпусов, 44 артиллерийские дивизии подрыва, 14 воздушных армий...! За

пять месяцев в самом начале войны Советскому Союзу удалось сформировать 291 дивизию, 94 бригады. Разве все это не граничит с фантастикой!

Организаторская и руководящая роль во всем этом принадлежала партии коммунистов и отрицать это уже граничило бы с фальсификацией истории. Отмечая положительно главенствующую роль партии и государства в обеспечении победы, мы в то же время сознаем, что здесь наиболее ярко проявлялись милитаризованная природа партии, тоталитарная сущность диктатуры пролетариата, мобильность идеологической машины и большевистское искусство управления страной в условиях чрезвычайности.

Когда мы говорим о роли партии, советского правительства, видимо, надо высказать свое отношение и к лидеру страны того времени И. В. Сталину.

Если смотреть на 20—40-е годы с высоты XX в., мы обнаружим, что к началу войны Страна Советов просуществовала всего четверть века, из них до октября 1928 г., т.е. до начала первой пятилетки, развивалась в условиях гражданской войны и НЭПа. К тому времени она вышла к рубежам 1913 г. В последующем страна сошла с эволюционного пути и начались бурные годы пятилеток. Были созданы основы единого народнохозяйственного комплекса, единого духовно-нравственного пространства, а на востоке — вторая линия обороны.

На XX съезде партии говорилось о культе личности. Действительно, была личность вселенского масштаба: И. Сталин — теоретик-прогнозист, титан-созидатель, тиран-разрушитель, вместе взятые. Как теоретик он обосновал пути и методы превращения отсталой страны в мировую державу, способную отстоять свою независимость в условиях капиталистического окружения. Как титан-созидатель он и возглавляемая им партия большевиков за короткий исторический, я бы сказал фантастический, срок вывели страну на финишную прямую, создали мобилизационную модель развития. По существу, в те годы была заложена экономическая основа победы в Великой Отечественной войне. Деятель с железной логикой, жесткий в осуществлении проводимой линии, твердой волей, подобно Петру I, он шел к достижению цели кратчайшим путем. При этом его жесткость порою переходила в жестокость, твердая воля — в фанатизм.

И. Сталин в годы войны создал самую выдающуюся команду, однако он относился к ее членам не более как к винтикам сложной государственной машины. Люди, отдавшие без остатка себя служению Отечеству, становились нередко жертвой его произвола. Не здесь ли именно лежат истоки тиранизма И. Сталина?

Исторический опыт — свидетель, что все три лидера союзников оказались проницательнее Гитлера. Как справедливо отмечает исследователь проф. А. А. Шарков, “Черчилль покровительствовал радару, Рузвельт — атомному проекту, а Сталин обеспечивал комплексное, тактическое и стратегическое превосходство на поле боя”! Прав был Бауржан Момыш-улы, когда он ставил И. Сталина рядом с А. Македонским, Б. Наполеоном — выдающимися полководцами всех времен.

Ясно одно, к изучению личности И. Сталина нельзя подходить с одной меркой. Трагедия исследователей состоит, на наш взгляд, в том, что они, приспосабливаясь к политике, конъюнктуре выпячивают одну из сторон этой многоликой, сложной личности.

Несколько слов о потерях Казахстана в войне. Всего с 1938 г. по 1945 г. было мобилизовано 1366 тыс. человек, что составило 21,2% всего населения республики. С начала 1941 г. число убитых в боях, умерших от ран, болезни и в плену, а также пропавших без вести по Казахстану достигло 601 011 человек, или 11,2%. Сюда не включены данные по Махамбетскому району Атырауской области, шести районам и городам Жамбылской.

В годы войны рождаемость снизилась на 592 тыс., а общие потери составили около 1 202 000 человек. Эта цифра уступает только потерям тех бывших союзных республик и областей России, несмотря на то, что в этих регионах прошла война.

Бесконечно многое вместили в себя военные годы. Здесь и опыт социалистического созидания, и деформация социалистического строя, и суровое воспитание войной, и боль потерь, и счастье, и обиды, и отвага ожесточенных сражений, и скромное величие трудовых будней. Война проверила огнем и мечом все завоевания революции и выявила ее потери.

Восточная мудрость гласит: “Если сорок родов породнятся, им врагов не бояться”. Советский народ встал на защиту своего Отечества, проявляя верность принципам социалистического интернационализма на всех этапах войны. “Среди ужасов войны са-

мым светлым для нас была дружба солдатская, человеческая, дружба людей разных национальностей”, — так сказал Олесь Гончар, выражая чувства братства, единения народов.

Казахи, как и другие народы Центральной Азии, впервые сражались в совместной войне на равных правах. Воин-казах — освободитель народов Европы от ига фашизма — участвовал в штурме рейхстага, водрузил над ним победное знамя воинской части, сформированной на территории Казахстана.

Народ почувствовал себя участником событий мирового значения и проникся чувством национальной гордости. Победа оказала животворное влияние не только на весь мир, но и геноцид нашего народа.

Гордый народ — наследник Абылая и Бухар-жирау, Богенбая и Кабанбая, Каныша и Мухтара, Бауржана Момыш-улы и Талгата Бегельдинова — еще яснее понял, что он достоин более светлой доли.

Вот почему народы независимого Казахстана вместе с народом суверенных государств, образованных в пределах бывшего Союза, отмечают 50-летие Победы над фашизмом как светлый праздник, ибо это наша Победа, Победа советских людей, отдавших войне столько жизней, которым безразлично будущее их детей. Праздник — не очередная кампания, а явление, в котором отражены необратимые процессы социально-психологического пробуждения народов, духовного возрождения человека.

**Вестник НАН РК, 1995. № 5.
Доклад опубликован на международной
научной конференции,
“Уроки второй мировой войны и значение
победы над фашизмом”.
Москва, 18 апреля, 1995 года.**

ЧУЖАЯ ПОБЕДА? НЕТ! ОНА — НАШЕ ДОСТОЯНИЕ!

В мае будущего года мировая общественность отмечает 50-летие Победы советского народа над гитлеризмом. Болезненно переживая крушение Союза, мы, бывшие его граждане, ныне со всей остротой постигаем истину, смысл и значение этой Победы. Мы в муках ищем ответа на вопрос, как могло случиться, что страна, опрокинувшая фашистскую машину, опирающуюся на могущество по сути всей Западной Европы, спустя полвека, в условиях общечеловеческого прогресса развалилась; какое общество мы построили; что стало с нами теперь. Мы также учитываем фактор бурного роста национального самосознания в суверенных государствах бывшего Союза, которое, естественно, ищет ответа на многие современные вопросы в далекой истории своих народов. Обращение к корням таит в себе благотворные возможности возрождения и совершенствования духовности.

Не скрою, в переживаемое нами время, именуемое переходным, особенно достается нам, историкам, ибо мы по долгу своей профессии обязаны на основе документов, объективного анализа хода развития мировой истории переосмыслить наиболее ответственные периоды нашей отечественной истории.

Прежде всего, хотим мы этого или нет, Вторая мировая война произошла и стала историческим фактом. И, естественно, историческая наука должна дать анализ этой великой трагедии, назвав все своими именами: героическое — героическим, негативное — негативным.

И второе, мы обязаны помнить, что завоеванный с трудом мир нуждается в сохранении, мы должны знать, что исторический опыт войны учит многому, в том числе благоразумию перед опасностью ее повторения. Между тем, реальная опасность существует. Достаточно сказать, что люди, вооружившиеся идеями “Майн камф”, стали членами Государственной думы. В России издаются 157 профашистских изданий. И только ли в России?

Следует опасаться также выборочного подхода к изучению истории, из которой совсем недавно выпали многие героические и трагические страницы. Причин здесь много. Было время, когда господствующая методология уводила исследователей в сторону

от трагических событий. Долгие годы они оставались “запретной зоной”. Исследователи не имели доступа к тайникам архивных хранилищ. Не скрою, что над нами довлел догматизм мышления. В связи с этим вспоминается одна притча: умирал в средние века некий полководец. Перед смертью пришли к нему проститься историки. Учитывая, что полководец часто проигрывал сражения, они задали единственный вопрос: “Как нам, отец, поступить? Надо ли писать всю правду?”. Полководец, не долго думая, сказал: “Пишите, дети, правду, но не всю правду”. Действительно, в недалеком прошлом было именно так.

Поиск истины всегда связан с борьбой мнений. В процессе восстановления справедливости проявляется множество даже абсурдных точек зрения. Некоторые договариваются до того, что это была “не наша война”. Слушая такие речи, честные люди, я думаю, молчать не должны.

Судьба казахского народа сложилась таким образом, что Казахия расположилась между Российской империей на западе, Китаем — на востоке, азиатскими деспотиями — на юге. Данное тройное противостояние, сфокусированное на территории современного Казахстана, и создало полюса напряжения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Укрепление Казахского ханства в последней четверти XVIII в. явилось своего рода последней вспышкой кочевой цивилизации в целом, когда одни народы — кочевники — исчезали как этносы, а другие превращались в реликты, не способные к саморазвитию. Бурная эволюция земледельческих наций, капиталистическая стадия развития которых предопределяла поглощение “слаборазвитых” народов, поделила мир на колонии и метрополии. Уже не формально, а фактически попал в зону социально-экономических интересов России и Казахстан.

Почти двухвековое правление царской России в Казахстане можно разделить на несколько этапов: дипломатическое вторжение, военная колонизация, экономическая экспансия, тотальная колонизация, хозяйственное освоение края. С этого момента процесс консолидации казахской нации проходил в рамках национально-освободительной борьбы против колониализма. Все это верно.

Но верно и то, что была и другая Россия. Ее представляли перед миром великие поэты, писатели, исследователи, борцы за освобождение народов. Благодаря демократической России казахи

познали Запад, его цивилизацию. Ее лучшие сыны осуждали колониализм, поддерживали национально-освободительное движение, его лидеров. Так, Л. Толстой и Н. Карамзин клеймили позором атамана Ермака, стоявшего у истоков колониального разбоя в Сибири. Мы по праву гордимся дружбой Чокана Валиханова и Григория Потанина. В историю нашего народа против царизма вошел “русско-киргизский союз” как символ дружбы и братства русских и казахских рабочих. Сотни русских патриотов принимали участие на стороне восставшего народа в освободительном движении под предводительством Кенесары Касымова, в восстании 1916 года.

Казахи имели в лице России свое Отечество. Г. Н. Потанин в своей работе “Биографические сведения о Чокане Валиханове” писал о нем: “Он говорил, что прежде всего любит свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество; одна любовь заключена была у него в другую, как те кунгурские, один в другой вставленные сундуки, которыми знатные в Средней Азии любят одаривать друг друга”. И самому же Чокану принадлежат слова: “Когда русские бьют киргизов, я встаю против русских, когда французы бьют русских, сердце мое на стороне русских”.

Лучше Ч. Валиханова, видимо, не скажешь. Спустя почти 100 лет вслед за ним фронтовик Баубек Булкышев писал: “Земля знатной великой России! Мы любим тебя, за тебя готовы отдать свою жизнь. По твоим широким просторам веяли ветры дружбы и единства...”. Вот почему война против гитлеризма для всех народов Советского Союза была Великой Отечественной войной, ибо сыны и дочери разных народов, населяющих великую страну, защищали свое Отечество, свою Родину.

Наши оппоненты, выступая против отечественного характера войны, почему-то защищают тех, кто разрушает памятники погибшим воинам, празднуют юбилеи карательных отрядов, возводят в ранг героев Отечества предателей.

Нетрудно здесь заметить, что они ставят знак равенства между народом, Родиной и системой тоталитаризма.

Нельзя забывать и другое. Фашизм претендовал на мировое господство. В его обширных планах “нового порядка” не последнее место занимали народы Востока. “Большому Туркестану” (Казахстан, Средняя Азия, Татария, Башкирия, Азербайджан, Север-

ный Кавказ, Крым, Синцзян, Северная часть Афганистана) была уготована судьба немецкой колонии и постепенное вымирание народов во имя господства арийской расы во всем мире. Поэтому воины-казахи, как и узбеки, грузины, русские, защищали и свою землю от нашествия врага, защищали свое право на национальное развитие, национальную культуру.

Анализируя исход войны много лет спустя, мы отдаем себе отчет в том, что в нашей стране была допущена деформация социализма, особенно в области национальной политики, отрицательно сказавшейся на психологии наций и народностей. Вместе с тем остается в силе убеждение: народы, впервые испытавшие дух свободы, равенства, братства, победили. Находясь под влиянием революции, живя по ее законам. Ни для кого не секрет, что социализм, даже изуродованный, казарменный, ликвидировал эксплуатацию человека человеком, уравнил в правах народы метрополии и колониальных окраин, гарантировал права на труд, на образование; на социальную защиту. Огромное значение имело чувство братства с русским народом, сложившееся в течение ряда веков.

Отрицание подвига предков, отдавших жизнь во имя Родины, — худшее из святотатств. Недаром казахи говорят: “Не благословенные мертвыми живые не найдут благоденствия”. Изучение духовного опыта народа свидетельствует, что каждый день войны подтверждал вывод о том, что советские народы только в союзе, общими силами смогли отстоять свою свободу и независимость. Жить в мире и согласии, сообща разделять горе и радости с народами России — это тоже достояние нашей истории.

Победа досталась нам дорогой ценой. Велик вклад в победу и Казахстана. Его экономика, богатства его гор и степей мощно подпирала фронт. 1 миллион 200 тысяч сыновей и дочерей республики встали в ряды сражающегося народа, 700 тысяч были мобилизованы в оборонные отрасли индустрии. Таким образом, был мобилизован в интересах защиты Отечества каждый четвертый казахстанец. Пал в боях и пропал без вести каждый второй. Не вернулись домой многие из тех, кто валил лес в Сибири, сооружал домны Магнитки, строил оборонные заводы, восстанавливал разрушенный войной Сталинград.

Бесконечно много вместили в себя военные годы: опыт социалистического созидания, деформацию социалистического строя,

суровые испытания войны, боль потерь, счастье победы, скромное величие трудовых будней.

В то время практику межнациональных отношений омрачили такие преступные акции режима, как насильственное переселение целых народов, создание трудовых колонн с элементами принудительности. Накануне войны в Казахстан было депортировано 102 тысячи поляков. В административном порядке были переселены в Казахстан более 360 тысяч немцев Поволжья. Автономная немецкая область перестала существовать. Вышел приказ об отчислении немцев из действующей армии. Эта же участь в годы войны постигла калмыков, карачаевцев, ингушей, чеченцев, балкар, крымских татар, турков-месхетинцев. На территории Казахской ССР были размещены 890 698 человек (данные на 1 октября 1946 г.).

Казахи, как и другие народы Центральной Азии, впервые принимали участие в современной войне на правах равноправных граждан. Воин-казах участвовал в войне как освободитель народов Европы от ига фашизма. Он участвовал в штурме рейхстага, водрузил над ним победное знамя воинской части, сформированной на территории Казахстана. Народ почувствовал себя участником событий мирового значения и проникся чувством национальной гордости.

Победа оказала животворное влияние не только на весь мир, но и генотип нашего народа. Народ — наследник Абылая и Бухаржырау, Богенбая и Кабанбая, Каныша и Мухтара, Бауржана Момышулы и Талгата Бегельдинова еще яснее понял, что он достоин более светлой доли.

Вот почему народы независимого Казахстана вместе с народом суверенных государств, образованных в пределах бывшего Советского Союза, отмечают 50-летие Победы над фашизмом как светлый общенародный праздник, ибо это наша Победа, Победа советских людей, отдавших войне столько жизней и которым безразлично будущее их детей. Праздник — не очередная кампания, а явление, в котором отражены необратимые процессы социально-психологического пробуждения народов, духовного возрождения человека.

В заключение хочу сказать, что мне больно слышать, когда творцы перехода от социализма к капитализму часто ссылаются на опыт цивилизованных стран, давая тем самым понять, что наши

народы далеко не цивилизованны и если не дикари, то варвары. Нам, казахам, не чужды такие высокие понятия, как “нация”, “национальное достоинство”, “цивилизация”, “гуманизм”, “дружба”, “верность”. Мы горды тем, что наравне с другими народами мирового сообщества, верные долгу, отстаиваем свое национальное достоинство, отстаиваем свое право участвовать в событиях мировой значимости. Мы не хотим оставаться в стороне от столбовой дорожки цивилизации. С этими светлыми чувствами мы - народы Казахстана — готовимся праздновать 50-летие Победы над фашизмом.

“Казахстанская правда”, 1994 г., 1 сентября

КАЗАХСТАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В Великой Отечественной войне Казахстан участвовал как часть единой страны — СССР. Накануне войны он располагал значительным кадровым потенциалом и огромными природными ресурсами стратегического значения. Несмотря на то, что за два предшествующих десятилетия не удалось осуществить планировавшийся скачок из царства патриархального феодализма в царство подлинного социализма, ликвидировать фактическое экономическое и культурное неравенство народов, сделано было немало.

Социализм, будучи даже деформированным, за короткий срок ликвидировал классовый, национальный и колониальный гнет, неграмотность и средневековую отсталость, осуществил на деле эмансипацию женщин, провозгласил и осуществил национальный мир и согласие. Важное значение в достижении всего этого имели патристические традиции народов. Казахский народ на протяжении многих веков успешно защищал от агрессоров рубежи своих необъятных степей. В годы борьбы с колониализмом, трех российских революций, на фронтах гражданской войны, на стройках пятилеток сложилась и окрепла дружба народов. Большое воздействие на людей оказывала антифашистская пропаганда предвоенных лет.

Но было и негативное в том бурном развитии. Голод, необоснованные репрессии, истребление значительной части и без того тонкого слоя интеллигенции, уменьшение численности казахского населения в результате насильственной коллективизации, начало превращения Великой степи в зону переселения репрессированных народов — все это ослабило народы Казахстана, деформировало их сознание, сдерживало развитие хозяйства и использование возможностей края для укрепления обороноспособности страны.

* * *

В годы Великой Отечественной войны Казахстан послал на фронт сотни тысяч воинов. Сформированные в республике воинские соединения участвовали во всех решающих битвах 1941-1945 годов. В боях под Москвой прославилась 316-я (8-я гвардейская) стрелковая дивизия под командованием генерала И. В. Панфилова. Свыше 60 тысяч казахстанцев награждены за боевые подвиги орденами и медалями, 512 — удостоены звания Героя, а летчики Т. Я. Бегельдинов, Л. И. Беда, С. Д. Луганский, И. Ф. Павлов — дважды Героя Советского Союза.

Остановимся более подробно на ключевой проблеме истории республики тех лет — проблеме работы тыла.

В военных условиях важное значение имел вопрос о кадровых ресурсах. По переписи 1939 года, население Казахстана составляло 6,2 млн. человек. В ряды сражающейся армии в годы войны влились 1196164 казахстанца, для работы в промышленности были мобилизованы еще 670 тысяч человек. Даже с учетом размещения в республике эвакуированных из прифронтовой полосы и репрессированных народов¹ процент мобилизации оказался очень высоким: на фронт и оборонную промышленность отправлялся каждый четвертый житель республики. Столь высокий процент мобилизации оказался возможным главным образом благодаря аграрному характеру экономики и высокому удельному весу крестьянства среди населения.

¹ В Казахстане было размещено 532,5 тыс. эвакуированных, 102,5 тыс. депортированных поляков, более 361 тыс. репрессированных жителей Северного Кавказа. Таким образом, в республике в годы войны нашли вторую малую родину около 1,5 млн. человек.

Успех мобилизации предопределили вера людей в идеалы социализма, ненависть к фашизму, сложившиеся узы дружбы народов, отечественный характер начавшейся войны. Патриотические чувства перевесили чувство обиды на Советскую власть и у большинства тех, кто пострадал в годы гражданской войны и коллективизации, сталинских репрессий.

Во время Сталинградского сражения Казахстан стал прифронтовым районом. 3 сентября 1942 года было объявлено военное положение на побережье Каспийского моря. Вражеская авиация много раз бомбила станции Сайхин, Джаныбек и Шунгай, через которые в город-герой на Волге шли пополнения и воинские грузы, а оттуда — эшелоны с ранеными и эвакуированными. В Уральске и Гурьеве были созданы Комитеты обороны. Опираясь на поддержку всего населения, они обеспечивали ремонт оружия и боевой техники, поставки продовольствия, лечение раненых.

На первом этапе войны (июнь 1941—1942) была осуществлена перестройка экономики Казахстана на военный лад. В короткий срок удалось переключить многие предприятия промышленности на выпуск оборонной продукции. Это потребовало перераспределить трудовые, материально-технические и финансовые ресурсы на нужды военной экономики, создать новые схемы кооперирования и специализации производства. В сельском хозяйстве была изменена структура посевных площадей, начато возделывание новых культур, пересмотрены формы организации труда. Во всех отраслях экономики и сферах жизни общества велась массовая подготовка и переподготовка рабочих и руководящих кадров; в основном из женщин и молодежи. Пришлось увеличить продолжительность рабочей недели, отсрочить отпуска, ограничить или запретить право перехода на другую работу. Резко ухудшилось государственное снабжение продовольствием и промтоварами, во много раз возросли цены на рынках.

Составной частью перестройки тыла стали прием и размещение эвакуированных предприятий. В Казахстан прибыли и были введены в строй действующих 220 заводов, фабрик, мастерских, артелей и промкомбинатов (в ходе войны 20 из них эвакуированы). Наибольшее количество предприятий приходилось на долю пищевой промышленности (54 завода и фабрики), легкой и текстильной промышленности (53). Размещались они, как правило, на

базе родственных предприятий. Строившийся Актюбинский ферросплавный завод получил оборудование Запорожского ферросплавного, в Караганде разместился завод горношахтного оборудования им. А. Я. Пархоменко. Комплекс медного Балхаша стал еще совершеннее, когда вступил в строй Кольчугинский завод цветного проката.

Многие эвакуированные предприятия начинали работу в наспех приспособленных помещениях и даже под навесами. Нередко на новые места прибывали едва десятая часть коллектива рабочих и инженерно-технического персонала. В таких условиях налаживалось производство не только старых видов продукции, но и ряда новых образцов вооружения и боеприпасов. Ведущая роль в этом принадлежала примерно 20 заводам машиностроения и металлообработки, прибывшим из западных районов. На их основе в нашей республике возникли машиностроение, станкостроение, черная металлургия, оборонная промышленность.

На базе разведанных месторождений марганца, цветных и редких металлов развернулось строительство новых горнодобывающих предприятий. В июне 1942 года вступил в строй Восточно-Коунрадский молибденовый рудник, который вскоре стал давать 60 тонн молибдена из каждых 100 тонн, добывающихся тогда в стране. За 38 дней был создан Джездинский марганцевый рудник. Всего за 1941–1945 годы было построено 25 рудников, шахт и карьеров, 11 обогатительных фабрик. Казахстан стал давать 85% свинца, 30% меди, 65% металлического висмута, 70% полиметаллических руд, производившихся в Союзе.

Героические страницы в историю военной экономики вписали шахтеры Караганды. Добыча угля выросла на 70%, а коксующегося — почти в два раза. Нефтепромыслы Эмбы и “Актюбнефти” дали в 1943 году максимальную добычу за все время своего существования. В Гурьеве вступили в строй вторая очередь машиностроительного завода им. Г. И. Петровского, морской порт, нефтеперерабатывающий завод. Были построены и введены в эксплуатацию нефтепровод Гурьев-Омск, промысел Комсомольский, установки с отбором бензина и дизельного топлива на промыслах Кульсары и Искине. Завершение строительства Урало-Эмбинского нефтяного комплекса явилось еще одним подвигом тружеников республики увеличившим добычу ценного стратегичес-

кого сырья — высокооктановой нефти, столь необходимой для победы над врагом.

Напряженно работал железнодорожный транспорт. Вступили в строй магистрали Акмолинск — Карталы, Гурьев — Кандагач — Орск, Джамбул — Чулактау и Талды-Курган — Текели. В годы войны перевозки каменного угля выросли в два раза, а руд и нефтяных грузов — в 4 раза.

Всего в 1941—1945 годах было построено 460 заводов, рудников, шахт и отдельных производств. В это количество вошли и эвакуированные предприятия, в том числе металлообрабатывающие и машиностроительные заводы, выпускавшие мины и снаряды, торпеды и бомбы, огнеметы, радиостанции и другие виды оружия и военной техники. Освоение производства, а потом и совершенствование образцов вооружения было в центре внимания конструкторов, инженеров и передовых рабочих предприятий И. Аристова, Г. Барикова, Н. Пышкина, П. Резчика, Л. Селеменовой, Я. Фефера, Н. Шмарина и др.

Доля металлообработки и машиностроения валовой продукции индустрии Казахстана увеличилась с 16% в 1940 до 35% в 1945 году. В целом же промышленное производство республики выросло за военные годы на 37%, что на 2% выше прироста продукции за четыре предвоенных года.

Эти результаты были достигнуты ценой напряженного труда, лишений и невзгод. Люди не жалели ни сил, ни средств во имя выполнения требований фронта. Особо следует отметить заслуги рабочих, техников, инженеров Ж. Абдрахманова, Б. Аймуханова, Д. Косых, Ж. Мукановой, Р. Искариева, Б. Утеулина, М. Лукьяновой, А. Сафина, А. Сиразутдинова, Г. Хайдина, их учеников и последователей.

* * *

Велик вклад в победу и крестьянства Казахстана.

Труженики полей республики осенью 1941 года сдали государству более 100 млн. пудов хлеба (на одного трудоспособного колхозника — 79,5 пуда). В 1942 году посевные площади в Казахстане возросли за счет освоения новых земель на 842 тыс. га, что составило 30% прироста посевных площадей в СССР. В историю

республики навсегда вписаны имена прославленных животноводов, растениеводов и механизаторов — П. Антелиной, Ч. Берсиева, В. Бондаревой, И. Жахаева, А. Дацковой, М. Демченко, Ш. Шугаипова и др.

Сохранить собственное поголовье и эвакуированный скот, а к концу войны даже превзойти довоенные показатели по крупному рогатому скоту, овцам и козам, ослабить трудовое перенапряжение колхозников помог своевременный переход к отгонному способу содержания части скота на удаленных малоснежных участках, по преимуществу в зоне сухой степи и полупустыни. В первую военную зиму на таких участках содержались 2,1 млн. голов скота (24% его количества), а в последнюю — 4,4 млн. голов (46%).

Важным источником пополнения общественного поголовья скота в дни войны стала насильственная контрактация личного скота членов сельхозартелей. Так, только в тяжелом 1942 году у крестьян было закуплено для комплектования колхозных ферм свыше 600 тыс. голов молодняка. Поголовье скота в личных хозяйствах с 1940 по 1943 год уменьшилось в два с половиной раза.

Сельские труженики Казахстана выполнили свой патриотический и трудовой долг: за 1941-1945 годы они дали фронту и стране 5829 тыс. тонн хлеба, 734 тыс. тонн мяса, много других продуктов питания и большое количество сырья для промышленности.

* * *

Плодотворно трудились в грозные годы войны и казахстанская интеллигенция.

В качестве примера можно назвать деятельность Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана., разработавшей долгосрочную программу развития производительных сил Центрального Казахстана, Урало-Эмбинского района и расширения рудной базы цветной металлургии республики. В работе Комиссии деятельное участие приняли работники 13 эвакуированных научных учреждений, институтов Казахского филиала АН СССР.

В период войны в составе Казахского филиала были созданы 14 новых научно-исследовательских институтов. В ноябре 1944 года правительство приняло решение о его реорганизации в республи-

канскую академию, которая была открыта в июне 1946 года. Первым президентом ее стал известный геолог, академик К.И. Сатпаев, исследовавший недра Дзезказгана и создавший науку о прогнозировании поисков полезных ископаемых.

Значительную роль в развитии науки сыграло сотрудничество республик. Рядом с учеными Казахстана работали коллективы более 20 научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева и других городов страны, такие всемирно известные ученые, как академики В. И. Вернадский, В. А. Обручев, А. М. Панкратова, А. А. Скочинский и др.

В суровых условиях войны была сохранена и даже развита сеть учреждений здравоохранения, народного образования, культуры и науки. Врачи и медсестры не только обеспечивали высокий процент возвращений в строй раненых и больных госпиталей, но и предотвратили перерастание вспышек сыпного и брюшного тифа и других болезней в эпидемии, в прошлые войны уносившие жертв больше, чем погибало на полях сражений.

Сеть школ почти всех типов практически осталась неизменной, но число учащихся, сократилось: государственные пособия семьям воинов и помощь общественности не могли обеспечить всех детей, нуждающихся в одежде и обуви. Из 118 техникумов сохранилось 92, но контингент обучающихся в них уменьшился всего на 389 человек. К 20 вузам довоенного времени добавилось четыре новых, а число студентов увеличилось с 10,4 тыс. до 14 тыс. человек.

В меньшей мере удалось сохранить учреждения культуры. Примерно четвертая часть дворцов культуры и клубов была передана под производственные помещения и госпитали. Более чем вдвое сократилось количество массовых библиотек, и на треть уменьшился их книжный фонд.

Число театров в республике осталось прежним, а в их работе, благодаря сотрудничеству местных творческих сил с деятелями искусства России и Украины, находившимися в эвакуации, произошел серьезный качественный рост. С прибытием Московской и Ленинградской киностудий Алма-Атинскую студию документальных фильмов реорганизовали в студию "Казахфильм", выпускавшую работы различного жанра. Мощным духовным оружием служила многонациональная литература народов Казахстана.

Патриотизм народа в военное время проявился не только в труде, но и во многих других делах. В их числе — добровольные взносы денежных средств на вооружение, сбор и изготовление теплой одежды и обуви для фронтовиков, забота о раненых, инвалидах и семьях воинов, помощь населению освобожденных от фашистской оккупации районов.

Война, как в фокусе, отразила состояние казахстанского и всего советского общества: готовность народов к массовому героизму, жертвам ради спасения Отечества, их способность во имя достижения цели общенационального масштаба отодвигать на задний план свои собственные человеческие нужды, терпеливо выносить горе и лишения, которые лавиной обрушились на их головы. Война еще более сблизила народы, сплотила их ряды.

И сейчас, в связи с 50-летием Победы, как не вспомнить слова передовой статьи газеты “Правда” за 6 февраля 1943 года: “Хорошо бьются казахи на фронте, хорошо работают для фронта их отцы, матери, жены в тылу. Казахстан могуче подпирает фронт всеми богатствами своей земли, всеми сокровищами своих гор”.

* * *

В заключение не могу умолчать о некоторых проблемах, возникших в условиях распада единого Союза.

Ныне раздаются голоса, что в той войне казахи, да и не только они, защищали чужую землю, участвовали не в Отечественной, а во второй мировой войне. Что можно на это ответить? Казахи в лице России имели Отечество. Другое дело, что оно не всегда ласкало нас. Казахи испытали все “прелести” колониализма — захват территории, военную колонизацию, христианизацию, русификацию. Но Россия защищала казахский народ от иных агрессоров. Единое с Россией духовное пространство способствовало приобщению нашего народа к достижениям мировой цивилизации.

Восточная мудрость гласит: “Если сорок родов породнятся, им врагов не бояться”. Многонациональный советский народ встал на защиту своего общего Отечества, проявляя верность принципам интернационализма. “Среди ужасов войны самым светлым для нас была дружба солдатская, человеческая, дружба людей разных национальностей”, — говорил о тех годах Олесь Гончар, выражая чувства братства, единения народов.

В историографии Великой Отечественной войны все еще остается слабо изученной проблема духовной жизни народа. Между тем годы войны внесли существенные перемены в духовно-нравственную атмосферу общества. С одной стороны, все народы обратились к своим национальным истокам. С другой — война воспринималась как своеобразный поединок славянских и западноевропейских народов, как противоборство двух цивилизаций. В этой схватке искали свою “нишу” и народы окраин России. На первый план в народном сознании выдвинулись история национально-освободительных войн, народное творчество, воспеваящее мотивы защиты Отечества, борьбы против колониализма, в том числе против Российской империи. В период острого единоборства с фашизмом такое обращение к духу предков, к образам героев освободительных войн по необходимости осуществлялось в русле официального идеологического курса.

В литературе принято в качестве одного из решающих факторов Победы в Великой Отечественной войне называть советский патриотизм. Думается, что такая трактовка патриотизма является усеченной, неполной. На деле он был шире по масштабу и глубже по смыслу, чем только советский патриотизм. Он вобрал в себя и патриотизм дедов, и дух предков. И. Сталин понимал, что под одними лозунгами марксизма-ленинизма не поднять на борьбу с врагом весь народ, и обратился к боевым традициям русских полководцев, флотоводцев. А в Казахстане руководитель коммунистов Ж.Шаяхметов обратился к традициям народных батыров, хана Кене и других лидеров национально-освободительного движения.

Однако вскоре ситуация изменилась — исход борьбы с фашизмом был решен в пользу СССР, антигитлеровской коалиции. Существующие трактовки истории национально-освободительных войн приходили в противоречие с имперскими амбициями Кремля. Тоталитарный режим, олицетворявший самые отрицательные черты имперской идеологии, не мог допустить возрождение духа свободолюбия, вольнодумства, ностальгии по национальной государственности.

ЦК ВКП(б) оценил духовно-нравственную обстановку в стране как тревожную и принял целую серию известных постановлений по идеологическим вопросам (в том числе “О журналах “Звезда” и “Ленинград”, а еще в условиях военного времени — “О со-

стоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации”). Это положило начало новому этапу эскалации преследований национальной интеллигенции. Объектом для нападок стала, в частности, “История Казахстана с древнейших времен до наших дней”, изданная в 1943 году.

Долгие годы у нас в ходу было сталинское положение о морально-политическом единстве советского общества в условиях победившего социализма. Думается, это требует корректировки. Накануне и в годы войны не было и не могло быть морально-политического единства в сталинском понимании. Тяжелый след в жизни миллионов советских людей оставили тотальные репрессии 30-х годов. Сотни тысяч казахских крестьян оказались на чужбине. Был нарушен их многовековой образ жизни; гонимые нищетой, голодом, тысячи казахов, покинув свои аулы, нашли приют и работу в промышленных центрах Урала, Сибири и Средней Азии. Глубоко задевала интересы тружеников деревни и аула форсированная политика индустриализации страны. Рабочий класс и крестьянство фактически были лишены собственности, они стали, по существу, пролетариями города и деревни.

Что же, на наш взгляд, объединяло советских людей, цементировало единство народов страны в годы Великой Отечественной войны?

Да, у наших людей было достаточно оснований для недовольства политикой Коммунистической партии и Советского государства. Основным методом созидания нового строя в СССР стало насилие. Но советские люди оказались великодушными, перед лицом грозной опасности они отодвинули на второй план свои обиды на власть. Их объединяла общность трагических судеб, обрушившаяся на страну агрессия, угроза потери ее независимости. Их объединяла всенародная борьба с фашистами на фронтах, в тылу врага и труд во имя победы в глубоком тылу. Их объединяли чувство принадлежности к своему общему Отечеству, чувство народного патриотизма.

Вот почему народы независимого Казахстана вместе с народами других суверенных государств, образованных в пределах бывшего Союза, отмечают 50-летие Великой Победы над фашизмом как светлый праздник. Это наша общая Победа, Победа всех

народов, отдавших войне столько жизней, отстаивавших свободное будущее своих детей. Этот праздник — не очередная кампания, а явление, в котором отражены необратимые процессы социально-психологического пробуждения народов, духовного возрождения человека.

ЕВРАЗИЯ. 1995, № 1 (3)

НА АЛТАРЬ ПОБЕДЫ

В тылу врага шла напряженная работа по мобилизации усилий трудящихся на помощь фронту. Военные комиссариаты, советы на местах несли ответственность за организацию и проведение массово-политической работы среди военнообязанных, призванных в Красную Армию. В последующем они укрепили связь с воинскими частями, организовали шефство республики и областей над ними. Огромное значение в укреплении единства тыла и фронта имело открытие на страницах печати рубрик: “На фронтах войны”, “Вести с фронтов Великой Отечественной”, “По родной стране”, “Переписка патриотов”, “Военное содружество для фронта и тыла”, “Письма с фронта”, “Письма на фронт”, “Все для фронта, все для победы”. При республиканских и областных газетах издавались листовки “Последние известия” с материалами Совинформбюро.

Специальные программы передач “Слушай фронт” вели республиканские радиовещания. Кроме того, проводились тематические радиопередачи защитниками Москвы, Сталинграда, тематические радиомитинги. В январе 1941 г. в Ташкенте был проведен митинг представителей народов Средней Азии и Казахстана. Во многих дивизиях работали специальные корреспонденты республиканских газет. Собкорами стали многие командиры, политработниками, красноармейцы. Только в первый год войны редакция “Социалистік Қазақстан” получила 9433 письма фронтови-

ков, 2127 из них были опубликованы. Часть тиража республиканских газет отправлялась по адресам полевых почт.

Большую работу по усилению связи тыла с фронтом вели агитаторы среди воинов нерусской национальности, политработники и командиры, фронтовая печать вообще, фронтовая печать на языках народов СССР в частности. Только среди воинов узбеков, казахов на родном языке вели воспитательную работу 28 фронтовых, десятки дивизионных газет.

Война требовала увеличения расходов на военные цели. Расходы госбюджета за годы войны выросли в 1,7 раза против расходов первой и второй пятилеток, взятых вместе. Мобилизация столь значительных средств госбюджета сопровождалась большими трудностями. В доходах бюджета за годы войны большое место заняли взносы от населения. За годы войны непосредственно от населения поступило в госбюджет СССР 270 млрд. руб, или более 1/4 всей суммы бюджетных доходов, из них добровольные взносы трудящихся 118 млрд. руб, или на 9,6 млрд. больше, чем израсходовано из государственного бюджета на военные нужды в 1942 году.

Советское правительство, как имевшее опыт мобилизации путем диктата, директив сверху, вновь и вновь обращалось к теме стандартных форм изыскивания средств, которые были апробированы в период индустриализации и силовой коллективизации. В отличие от тех времен в годы войны народные массы были кровно заинтересованы в победе над фашизмом и, подчиняясь призывам власти, помогали фронту. В этом смысле идея создания фонда обороны директивных органов стала, по существу всенародной. Вместе с тем, нетрудно заметить наличие в годы войны починомании, рапортомании. Трудно отказать в изобретательности местным партийным, советским органом в изыскивании средств на помощь фронту. Зачастую инициатива новых починов исходила из директивных органов, но искусство руководства состояло в том, что она подбрасывалась тем или иным передовым коллективам. Создавалось впечатление, что инициатива тех или иных починов исходила из низов. Учет патриотического порыва народных масс значительно облегчал директивным органам задачу мобилизации усилий трудящихся на помощь фронту.

В первые же дни получили право на жизнь такие формы создания фонда победы, как выдача сверхплановой продукции,

ежемесячное отчисление одно-двухдневных заработков до полной победы над врагом, организация и проведение воскресников, внесение трудящимися трудовых сбережений, ценных вещей, драгоценностей, облигаций госзаймов, отчисление от пенсии. Колхозное крестьянство вносило в фонд обороны тысячи тонн зерна, мяса, масла и других продуктов сельского хозяйства.

В фонд обороны советские патриоты вносили свои трудовые сбережения, ценные вещи, фамильные драгоценности, облигации госзаймов, отчисляли от заработной платы, трудовой. Только отчисления от заработной платы в фонд обороны трудящихся Лениногорского района к концу 1941 года составили более 1 млн. руб. Тысячи женщин-казашек сдавали в фонд свои украшения - блезик, серьги, алка, шолпы, сделанные из позолоченного серебра. За 3 месяца в фонд обороны только трудящиеся Восточно-Казахстанской области сдали 65 кг серебром и 2255 кг золота.

В создании фонда обороны активное участие принимало многонациональное крестьянство Казахстана. Только за первый год войны, не считая денежных взносов и отчисления трудовой, сельские труженики внесли более 7905 т зерна, свыше 700 т овощей, около 20 000 ц мяса, свыше 10 000 ц молока и большое количество другой сельскохозяйственной продукции, необходимой для фронта.

В начале 1942 г. одновременно во всех регионах страны, в том числе и в Казахстане, засеивались так называемые "гектары обороны". Весной того же года колхозы республики в фонд обороны засеяли более 50 га земли.

Директивные органы страны в июле 1942 г. одобрили почин тружеников села о создании урожая 1942 г. хлебного фонда для Красной Армии. Казахстанцы сдали в этот фонд 1 574 820 пудов хлеба, 128 203 пуда риса, свыше 66 тыс. пудов других сельскохозяйственных продуктов.

Одним из источников создания в масштабе страны фонда обороны стали воскресники. 29 июля 1941 года вышли на воскресник строители "Алтайстрой", "Балхашстрой", коллективы комбината "Алтайполиметалл", Лениногорского рудоуправления, металлурги Балхашского медеплавильного комбината, железнодорожники Турксиба.

3 августа 1941 года, в традиционный день железнодорожников, организовали массовый воскресник труженики стальных ма-

гистралей. Только по Турксибу в воскреснике приняло участие 28 000 человек. Заработанные деньги в размере 203 000 руб. зачислены в фонд обороны. Трудящиеся Казахстана 17 августа 1941 года провели республиканский воскресник в честь советской авиации. Его участники заработали и внесли в фонд обороны около 2,5 млн. руб. и стоимость около 160 тысяч трудодней, собрали 1 179 тыс. т. лома черного и цветного металла. В сентябре около 690 тысяч трудящихся республики вышли на воскресник, посвященный международному юношескому дню. Ими было заработано и внесено фонд обороны свыше 2 млн. руб., стоимость 216 тысячи трудодней, собрано 1 700 т металлолома.

Начиная с осени 1942 г. средства от проведенных воскресников поступали в фонд строительства боевой техники, для организации подарков воинам-фронтовикам, оказания помощи семьям военнослужащим и инвалидам Отечественной войны, создания фонда восстановления Сталинграда, Донбасса, Киева и других освобожденных городов.

Динамика поступления средств от трудящихся Казахской ССР приведены в таблице 1 (нарастающим итогом).

Таблица 1.

**Взносы, поступившие от трудящихся в фонд обороны
(1941-1945 гг.)**

Дата	Поступило в фонд обороны			
	деньгами, тыс. руб.	облигациями, тыс. руб.	зерном, т.	мясом, т.
На 01.10.41	18	31 395	854	100
На 10.10.41.	489	73 740	2 434	-
На 01.01.42.	Около 6 000	108 000	5 215	1 300
На 21.01.42.	64 670	111 158	5 317	1 340
На 11.11.42.	110 820	114 007	7 005	2 000
На 05.10.43.	185 500	193 600	-	-
На 10.01.45.	177 100	218 900	-	-

В январе 1945 г. в фонд обороны денежных средств поступило даже меньше, чем по данным на октябрь 1943 г., что, по-видимому, требует дополнительного анализа и уточнения. На наш взгляд, ближе к истине утверждение, Н. Д. Ундасынова, который в своей

речи на сессии Верховного Совета Казахской ССР 18 июля 1945 г. заявил, что трудящиеся Казахстана из личных трудовых сбережений сдали в фонд обороны за один год около 1 млрд. руб. деньгами и ценностями (в фонд обороны за один год поступило 108 300 т различных продуктов).

Не менее важным источником изыскания средств на оборону стала подписка на государственные займы. Она производилась ежегодно по разнарядке.

Денежные взносы были обременительными, особенно для колхозников. Тем не менее в нарастающей подписке на заем был отражен патриотический настрой народа.

В апреле 1942 г. с целью привлечения дополнительных средств на финансирование мероприятий, связанных с борьбой против немецко-фашистских захватчиков, Советское правительство выпустило первый военный заем. Сумма займа была определена в 10 млрд. руб. сроком на 20 лет. Этот шаг был поддержан народом. Население Казахской ССР, например, на 22 апреля 1942 г. подписалось на военный заем 1942 г. на 484 млн. 17 тыс. руб. Первыми подписались рабочие коллективы, которые приобрели облигации почти на 267 млн. руб.

О том, что патриотическое движение народа нарастало по мере развития военных действий, говорят данные о подписке на государственные займы, размещенные в Казахстане (табл. 2.).

Таблица 2.

**Поступления от распространения государственных займов в Казахской ССР
(в сравнении с 1940 г.)**

Годы	Общая сумма поступлений		По подписке, тыс. руб.			Наименование займа
	тыс. руб.	% к 1940г.	Рабочие, служащие	Крестьяне	Колхозы и сельские промартели	
1942	466 896	218	266 685	137 786	62 425	1-й военный заем
1943	765 539	360	338 627	335 004	71 908	2-й военный заем
1944	952 054	446	480 444	376 427	95 183	3-й военный заем
1945	7745 905	350	436 935	248 591	60 379	4-й военный заем
1941-1945	3181 395	-	1 724 901	1 117 808	289 895	

В годы войны трудящиеся Казахстана приобрели облигаций государственного займа на сумму, в 15 раз превышающую сумму довоенного 1940 г. Кроме того, они купили билеты денежно-вещевой лотереи (без 1945 г.) на 538 млн. руб. Таким образом, общая сумма реализации облигаций военных займов и билетов денежно-вещевой лотереи составила 3 719 млн. руб. Более 53 процентов этой суммы внесли коллективы заводов, фабрик и воинских частей. Массовая подписка на заем фактически стала весомым вкладом в государственный бюджет, отражая в то же время патриотический настрой народа.

Наиболее популярной формой сбора средств от трудящихся в дни войны стали взносы на боевую технику.

В дни тяжелых боев под Москвой молодые рабочие Чимкентского железнодорожного узла обратились с призывом начать сбор средств на танковую колонну имени Комсомола Казахстана. Инициатива была поддержана повсеместно. 23 ноября 1941 года юноши и девушки республики встали на трудовую вахту и заработанные средства внесли в фонд строительства танковой колонны имени ВЛКСМ.

Так было положено начало целевому сбору средств, ставшему одним из важных источников финансирования оборонной промышленности страны. С июня 1941 года по ноябрь 1942 года в стране на средства трудящихся строилось около 150 танковых колонн, эскадрильи боевых самолетов, большое количество бронепоездов, торпедных катеров, артиллерийских батарей и много другого вооружения и снаряжения. Наибольшую активность в этот период проявила молодежь, построившая на свои средства более 80 танковых колонн и эскадрилий боевых самолетов.

В ноябре 1942 года колхозники сельхозартели имени Буденного Новороссийского района Актюбинской области обратились с призывом ко всем колхозникам и колхозницам республики начать сбор средств на строительство танковой колонны "Колхозник Казахстана". Одновременно шел сбор средств на строительство танковых колонн "Шахтер Караганды", "Нефтяник Казахстана", "Рабочий совхоза", "Строитель Казахстана", "Турксибовец", "Промкооперация Казахстана", "Медработник Казахстана". В начале 1943 года началось движение за постройку авиасоединения "Советский Казахстан". Отдельные коллективы проводили сбор на строитель-

ство авиаэскадрилий таких, как “Лениногорский рабочий”, “Усть-Каменогорец”, “Иртыш—Гэстроевец”. На трудовые сбережения людей были построены не только мощные танковые колонны и авиаэскадрильи “Советский Казахстан”, но и торпедные катера “Комсомолец Казахстана”, “Пионер Казахстана”. В конце 1943 года Герой Советского Союза С. Д. Луганский обратился с письмом в ЦК ЛСКС Казахстана: “На своем самолете я произвел 375 боевых вылетов, провел 115 воздушных боев. На нем сотни пулевых пробоя. Два раза я на нем горел, садился на живот...” В конце письма летчик обратился с просьбой — купить ему новый самолет. За три дня молодежь Алматы внесла наличными 400 тыс. руб., и к новому году делегация молодежи в составе Перминовой и Сактыбаевой вручила герою новый самолет. Молодежь Семипалатинска собрала средства на приобретение самолета для земляков Н. Добровольского, Р. Бекетова. Вслед за ними были построены именные самолеты Героям Советского Союза И. Павлову, эскадрилья истребителей им. Героя Советского Союза М. Маметовой, А. Молдагуловой. Боевую славу заслужили экипажи подводных лодок им. Героя Советского Союза Ж. Нурсейтова, К. Сатпаева, самолетов им. Амангельды Иманова, им. Кожамукана Мунайтпасова, танка им. Героя Советского Союза В. Саввы, других именных боевых машин, созданных на сбережения трудящихся Казахстана. Казахстанцы принимали участие также и в создании танковых колонн “За Родзянску Украину”, “Советская Молдавия”, “Мститель Хатыни”.

Вступили в бой с фашистами танковые колонны “За передовую науку”, “Советский студент”, созданные на средства работников науки, высших учебных заведений, студенчества. Ученики Алма-Атинской школы ФЗО № 62 приобрели на свои средства четыре станковых пулемета системы “Максим”, на щите каждого пулемета было написано “Герою Советского Союза В. Е. Бреусову — от комсомольцев школы ФЗО № 62”. Бреусовские пулеметы участвовали в боях у берегов Дуная. Танковая колонна “Комсомолец Казахстана” участвовала в штурме Берлина.

В первые дни наступления советских войск под Сталинградом инициаторами сбора средств на постройку танковых колонн выступили труженики колхоза “Красный доброволец” Избердеевского района Тамбовской области. “Мы решили, — говорилось в обращении избердеевцев, — положить начало большому и важ-

ному делу — организовать сбор средств на строительство танков для родной и любимой Красной Армии, защищающей нашу честь и свободу...

Товарищи! Братья и сестры! Люди колхозной деревни! Поддержите наш почин, организуйте сбор средств на строительство танков. Дадим Красной Армии могучую колонну движущихся крепостей и назовем ее “Тамбовский колхозник”. 9 декабря 1942 года “Правда” сообщила, что колхозники Тамбовской области в течение двух недель собрали и внесли на строительство танковой колонны “Тамбовский колхозник” 40 млн. руб. наличными деньгами. Значение почина тамбовских колхозников заключается, на наш взгляд, в том, что сбор средств стал ведущим направлением помощи фронту, в которую включились рабочие всех профессий, интеллигенция и колхозники, студенты и учащиеся.

Следуя примеру саратовского колхозника Ферапонта Головатого, внесшего в Госбанк 100 тыс. руб на строительство самолета, многие патриоты колхозной деревни, аула, аила, кишлака внесли крупные суммы на строительство танков и самолетов.

От 100 до 300 тыс. руб внесли в фонд строительства танковой колонны “Колхозник Казахстана” жители Республики К. Искаков, А. Юсупов, К. Козыбаев, И. Верещагин, О. Букенбаев, А. Изтлеуов, У. Примов, А. Жеребцов, Г. Гранин и другие. Их примеру последовали Ш. Сейфуллин, К. Мунайтпасов, Ким Ман Сан, Я. Хан, К. Умербаев. Отец троих сыновей-воинов 63-летний ветеран колхозного движения, знатный просовод Ч. Берсиев внес во всенародный фонд строительства танковой колонны 50 тыс. руб, 352 пуда хлеба — на строительство танковой колонны и в хлебный фонд Красной Армии.

В начале 1943 года газеты все чаще сообщали об итогах поступления с мест средств на постройку танковых колонн, эскадрилий самолетов. В публикациях тех дней говорилось, что трудящиеся Казахской ССР внесли в ноябре — декабре 1942 года 270,6 млн. руб, а в январе — феврале 1943 года дополнительно еще 130 млн. руб.

Всего в годы войны трудящиеся Казахстана внесли на строительство танков, самолетов, подводных лодок, катеров и другой боевой техники 480, 3 млн. руб.

Массовая мобилизация советских людей на фронт, приближение суровой зимы 1941—1942 года выдвинули государственного

значения задачу обеспечения доблестных защитников теплой одеждой. Это период, когда значительная часть промышленных предприятий, в том числе и легкой промышленности, эвакуировались с Запада на Восток. Перестройка народного хозяйства на военный лад привела к временному сокращению всех видов промышленной продукции. В этих условиях советские люди начали сбор теплой одежды.

ЦК ВКП(б) 5 сентября 1941 года одобрил инициативу и обязал местные партийные организации возглавить новое патриотическое движение. Была создана Центральная комиссия по осуществлению тыла с фронтом во главе с секретарем и членом Политбюро ЦК ВКП(б) А. Андреевым.

Широкое развитие движения по сбору теплых вещей для воинов Красной Армии получило и в Казахстане. Во всех районах, городах республики из партийного, комсомольского и профсоюзного актива создавались комиссии по приему теплых вещей от населения. Были организованы приемные пункты, в которых трудились тысячи общественных работников. В Алма-Ате, Караганде, Петропавловске, Актюбинске, Кзыл-Орде, на ст. Туркестан, ст. Челкар были созданы мастерские, где в своем большинстве на общественных началах выполнялись заказы фронта (пошив теплой одежды для бойцов-фронтовиков). Уличные комитеты в городах, женщины-активисты в аулах и селах, организовали домохозяйки в бригады для вязания перчаток, варежек, носков, для пошива полушубков, ватных костюмов, теплого белья. В сентябре 1941 года жены железнодорожников ст. Туркестан отправили большую партию вещей бойцам Западного фронта. С 5 октября 1941 года еженедельно на страницах республиканских газет публиковались сведения о сборе теплых вещей по Казахстану и областям.

Газеты на первых полосах под рубриками "Теплые вещи - защитникам Родины", "Теплая одежда - фронтовикам", "Праздничные подарки" регулярно печатали материалы. В цехах, на участках, в бригадах выпускались боевые листки и листки-молнии, в областях - агитационные плакаты и лозунги. Так, в республике только во второй половине 1942 года было издано 8 агитационных плакатов и лозунгов общим тиражом 1300 тыс. экземпляров. За два года (с сентября 1941 по сентябрь 1943 года) по Казахской ССР было собрано 2 476 047 единиц теплых вещей. Кроме того, на

приобретение теплой одежды трудящиеся внесли около 4 млн. руб. наличными.

Таким образом, было собрано и отправлено на фронт 2,5 млн. теплых вещей, иначе говоря в этом патриотическом движении принимал участие каждый взрослый человек республики.

Одной из наиболее действенных форм всенародного патриотического движения трудящихся по оказанию помощи фронту стал сбор и отправка индивидуальных и коллективных посылок в качестве подарков. Еще 9 июля 1941 г. председатель женсовета “Иртышгэстрой” Н.Бойко на общем собрании предложила за счет добровольных взносов закупить продовольственных товаров и отправить их на фронт как дар строителей. Коллектив строителей единодушно поддержал это предложение: в тот же вечер было собрано несколько тысяч рублей. В июле на фронт отправили 120 посылок железнодорожники ст. Агадырь. В августе почтовые отделения получили посылки на фронт от работниц ст. Саксаульская, г. Иргиз, треста “Ленгеруголь”, Семипалатинского кожкомбината. К почину присоединялись все новые коллективы. 14 декабря 1941 г. было опубликовано письмо коллектива шахты № 1 ко всем трудящимся Казахстана с призывом отправить на фронт посылку с новогодними подарками бойцам действующей армии. Сами шахтеры отправили на фронт к Новому году 2 961 посылку общим весом 41 200 кг.

Многие города и промышленные районы выделяли средства на покупку подарков для отправки посылок на фронт. Так, трудящиеся Лениногорска сдали в городскую комиссию около 80 000 руб. Комиссия приобрела в Алма-Ате вагон фруктов, вин и других продуктов и отправила на фронт в адрес 8-ой гвардейской дивизии им. Панфилова. Железнодорожники Турксиба на поступившую сумму приобрели 3 вагона новогодних подарков, в том числе 3,5 т. алма-атинского апорта, около 1 т. колбасных изделий, 4 тыс. пачек первосортных папирос и т.д. Лениногорцы послали воинам – фронтовикам специальный вагон подарков, который сопровождал знатный металлург старший мастер электролитного завода С. Булюков.

Накануне 1942 года трудящиеся Казахстана отправили фронтовикам 264 вагона новогодних подарков и десятки тысяч индивидуальных посылок. Ко дню Советской Армии было послано еще 187 вагонов с подарками, а к майским праздникам – 168 вагонов.

Трудящиеся Казахстана принимали участие в месячнике (5 мая — 5 июня 1942 г.) по сбору продовольственных подарков воинам Ленинградского фронта и жителям осажденного города. “Трудящиеся Казахской ССР, — говорилось в обращении Президиума Верховного Совета республики, — могут и должны оказать помощь героическим защитникам Ленинграда и этим еще раз продемонстрировать кровную связь фронта и тыла нашей Родины, нерушимость дружбы народов Советского Союза”. Люди горячо откликнулись на этот призыв. Всего за 20 дней было собрано и отправлено в Ленинград 139 вагонов с подарками. В их числе более 200 т продовольственных продуктов — дар карагинцев, 1 800 пудов зерна — от актюбинских просоводов, 380 ц молока — подарок восточно-казахстанских животноводов, 300 ц сахара — вклад в общий фонд жамбулских свекловодов, 300 ц риса — от рисоводов Сыр-Дарьинской долины. Рыбаки Каспия и Урала послали ленинградцам 82 т рыбы, 1000 кг икры 100 тыс. банок консервов. Хлеборобы Кустанайской, Северо-Казахстанской, Акмолинской и Павлодарской областей выделили в качестве подарка защитникам города Ленина 700 пудов первосортной муки. В письме казахстанцев своим дорогим братьям — ленинградцам говорилось: “Пусть эти подарки напомнят вам, что все наши мысли, наши лучшие чувства с вами. Примите наши подарки, как братскую руку помощи, как выражение нашего с вами единства, как неукротимое желание сделать все, чтобы ускорить победу над врагом. Братья и сестры — ленинградцы! С вами весь советский народ!”.

Сбор подарков воинам — фронтовикам не прекращался ни на один день до конца войны. Всего за годы войны фронтовики получили от казахстанцев более 1 600 вагонов подарков.

Ценные подарки воинам Калининского фронта преподнесли железнодорожники республики, построив на свои средства банно-прачечный поезд из 14 вагонов. Все оборудование, необходимые материалы были изысканы на месте путем использования внутренних ресурсов дороги. В эти дни вышел на фронт поезд-баня, построенный коллективом Карагинской дороги. Поезд строился скоростным методом, а стоимость поезда-бани в сумме 150 тыс. руб. была покрыта добровольными пожертвованиями железнодорожников магистрали. Железнодорожники Джамбульского депо подарили воинам Красной Армии образцово оборудованный вагон-столовую.

“Полушубки, валенки, телогрейки, теплое белье, — писал Г. К. Жуков в книге “Воспоминания и размышления”, — все это тоже оружие. Наша страна одевала и согревала своих солдат”. С этим мнением великого полководца трудно не согласиться.

В республике была оказана всенародная помощь семьям фронтовиков, раненым красноармейцам, инвалидам Отечественной войны.

Для организации усиленного питания колхозники создавали из своих личных запасов “фонд восстановления здоровья бойца”. Колхозы Панфиловского, Илийского районов Алма-Атинской области принимали на поправку раненых и больных красноармейцев.

В госпиталях было организовано обучение выздоравливающих различным специальностям. Действовали курсы мотористов, связистов, счетоводов, бригадиров полеводческих бригад, председателей колхозов, учителей начальной школы.

Было создано Республиканское Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, а также его отделы при исполкомах местных Советов депутатов трудящихся. Тысячи семей фронтовиков получали от государства пенсии и пособия. Если за первый год войны было выплачено пособий и пенсий более 14 млн. руб, то за 1944 год — свыше 21 млн. руб. Дети красноармейцев устраивались в дошкольные учреждения. Только в 1943 году свыше 100 тыс. детей фронтовиков были охвачены оздоровительными мероприятиями. Семьи фронтовиков обеспечивались квартирами, топливом, продовольствием, создавались бригады по ремонту квартир, по заготовке и подвозу топлива, открывали пошивочные мастерские, столовые. В 1943 году действовали 329 мастерских по ремонту обуви и одежды для военнослужащих.

При активном участии трудовых коллективов заводов и фабрик, шахт и промыслов, рудников, рабочих транспорта и строителей проводились месячники помощи семьям бойцов и командиров Красной Армии. Только в 1943-1944 годах в ходе проведенных пяти месячников по оказанию помощи семьям военнослужащих от трудящихся республики поступило 44,5 единиц одежды и белья, 903 тыс. пар обуви.

Большие льготы предоставлялись Советским государством, семьям военнослужащих, проживающих в сельской местности. Только в 1944 году от поставок животноводческих продуктов осво-

бождались 226 470 семей военнослужащих. В порядке предоставления льгот было снято 109 705 ц мяса, 245 749 л молока. За год устроено в ясли и детские сады 151 946 детей фронтовиков, трудоустроено 142 905 военнослужащих. На одну семью фронтовика и инвалида Великой Отечественной войны в среднем в 1944 году было выдано деньгами : пенсии — 1 591 руб, пособий 1 115, единовременной помощи из средств населения — 615 руб, продуктов питания — 123 кг, промтоваров — на 188 руб.

Воины с фронта направляли партийным организациям республики тысячи писем, где выражали горячую признательность за проявленную заботу и помощь их семьям, инвалидам Отечественной войны, Красной Армии. “Нас вдохновляет на бой безграничная любовь и забота родного народа, - писали панфиловцы в своем письме трудящимся Казахстана. - Каждый день, каждый час чувствуем мы вашу любовь, заботу и помощь Красной Армии”.

Одной из действенных форм помощи освобожденным районам стало шефство, которое было распространено повсеместно. Казахстан шефствовал над 13 городами, 35 районами Орловской области, 12 районами Ленинградской, над некоторыми районами Сталинградской области. Рабочие республики имели тесный контакт с рабочими Донбасса, предприятий черной металлургии Харькова, а железнодорожники Турксиба - с коллегами Южной железной дороги. Создавались фонды помощи путем организации трудовых вахт, так, например, в честь освобождения города Харькова, Таганрога, Полтавы, Донбасса и других городов.

Помощь приходила оперативно, сразу вслед за освобождением того или иного района. Так, казахстанцы откликнулись на такие события в жизни страны, как освобождение Подмосковья, Курской области, Северного Кавказа, Белоруссии, Молдавии, Прибалтийских республик. К сожалению, этот вид помощи (по сути единовременная помощь) пока не учтен исследователями.

В ходе контрнаступления Красной Армии под Москвой началось народное движение по оказанию помощи освобожденным районам.

В январские дни 1942 г. члены сельхозартели “Пролетарий” Мендыгаринского района Кустанайской области обратились с письмом ко всем колхозникам - кустанайцам с призывом создать фонд помощи населению районов, пострадавших от фашистской оккупации.

Вскоре между трудящимися Казахской ССР и освобожденными районами Московской области установилась тесная связь.

Посланцы Подмосковья стали желанными гостями трудящихся Алма-Атинской, Южно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Семипалатинской областей.

Колхозники Казахстана за короткий срок сумели отправить в фонд помощи трудящимся из Подмосковья, Смоленщины и других западных районов более 5 тыс. голов скота, около 23 ц семян, смогли засеять сверх плана свыше 52 тыс. га, урожай с которых также был послан освобожденным областям в качестве дара.

11 августа 1942 г. труженики сельхозартели имени Фрунзе Зеленовского района Западно-Казахстанской области вместе с трудящимися Приуралья взяли шефство над Маловишерским, Волховским, Дрегольским, Тихвинским, Мгнимским, Лычковским, Новгородским районами Ленинградской области.

Новый этап всенародного движения по оказанию помощи в поднятии народного хозяйства районов, пострадавших от немецко-фашистской оккупации, начался в 1943 году. Трудящиеся республики развернули широкое движение по созданию фонда восстановления Сталинграда, Донбасса, Харькова и других городов.

Замечательную инициативу проявила молодежь горняцкой Караганды и нефтяной Эмбы. Тысячи юных патриотов в нерабочее время добывали нефть и уголь, отправляя сверхплановую продукцию в качестве дара столице родины Москве, городам — героям на Волге и Неве. Молодежью Караганды в подарок Ленинграду за короткий срок было добыто и отправлено более 20 000 т угля.

Первый эшелон нефти — подарок ленинградцам от тружеников Эмбы — был отправлен накануне 1 мая 1943 года. Его сопровождали знатные молодые нефтяники

Свыше 16 тыс. молодых железнодорожников Турксиба отремонтировали большое количество паровозов, вагонов, изготовили оборудование для стальных магистралей Сталинградской области

Рабочие коллективы объявили фронтовые месячники в честь освобождения Харькова, Таганрога, Полтавы, Донбасса. Сверхплановая продукция всех предприятий республики мощным потоком влилась во всенародный фонд восстановления народного хозяйства освобожденных районов страны.

За короткий срок трудящиеся Караганды отправили на Украину 79 элеваторов, 46 транспортеров, 7 лебедок для шахт, 2 бурильных и 10 металлорежущих станков, 16 трансформаторов, оборудование для электростанций. Ремесленные училища Караганды подготовили для Донецкого бассейна 900 молодых рабочих различной квалификации. Кроме того, было туда послано свыше 200 инженеров, 250 опытных шахтеров. Коллектив шахты им. Кирова взял шефство над крупнейшей шахтой № 10 им. Артема в Донбассе.

Огромную помощь украинским железнодорожникам оказал коллектив Турксиба. Для восстановления Северо-Донецкой железной дороги турксибовцы отправили несколько эшелонов с оборудованием и 140 паровозов.

В освобожденный Киев турксибовцы направили 850 человек командного и рядового состава, большую партию оборудования, необходимого для оперативной работы целого отделения дороги.

Большая помощь казахстанцами была оказана в восстановлении сельского хозяйства освобожденных районов. Весной 1943 года в освобожденные районы Украины направлены около 1000 трактористов, бригадиров и агрономов. Отправлено большое количество сельскохозяйственной техники. Трудящиеся республики возвратили ранее эвакуированный скот с учетом приплода.

Большая работа в Казахстане проведена по организации закупки скота у колхозов и колхозников для хозяйств освобожденных районов. Только в Кустанайской области для колхозов и совхозов Ворошиловградской и Сталинградской областей закуплено 10 570 голов рогатого скота, из них 10 260 голов маточного поголовья. Скот доставлен на Украину своим ходом, используя в пути подножные корма. Опытные животноводы, опираясь на вековой опыт ведения кочевого хозяйства казахским народом, преодолели более 3 000 км и через 7 месяцев были со скотом на месте. Колхозники совершили настоящий подвиг.

Государственный Комитет Обороны 14 апреля 1943 года принял решение "О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйств Сталинграда и области".

Повсеместно патриоты встали на Сталинградскую вахту труда. Только горняки Ленгеругля добыли во внеурочное время 350 т угля и отправили в Сталинград. Тысячи тонн угля сверх плана добыли и отправили волжанам шахтеры Караганды. Два эшелона

нефти получили они от нефтяников Эмбы. Молодежь Туркестанского района Южно-Казахстанской области засеяла в фонд восстановления Сталинграда 50 га посева. 4 апреля 1943 года состоялся грандиозный воскресник в фонд помощи городу – герою.

Юные патриоты передали в фонд помощи Сталинграду 2 млн. 322 тыс. руб, 3 000 голов скота, 4 300 шт. птицы.

Трудящиеся Кызыл-Ординской области отправили своим побратимам на Волге 4 вагона подарков с продовольствием, предметами первой необходимости. Пострадавшим трудящимся Сталинграда и области казахстанцы собрали около 15,5 тысячи пар обуви и одежды, около 3 000 предметов посуды, более 3,2 тыс. ед. различных инструментов, 71 т бумаги и т. д. Комсомолы Казахстана 30 апреля 1943 года взяли под шефство над восстановлением Сталинградского тракторного завода и завода “Красный Октябрь”.

Всего в 1943 году выехало из республики в город – герой 1439 юношей и девушек. Посланцы Семипалатинской области пополнили ряды тракторостроителей. Отлично работала бригада электриков Р. Шакировой из Усть-Каменогорска.

Авторитет и всеобщее уважение на заводе “Красный Октябрь” завоевали и другие посланцы Джамбульской области. Казашка Галя Резбаева приехала в Сталинград из Западного Казахстана и работала электросварщицей.

22 посланца Восточного Казахстана трудились на восстановлении ТЭЦ тракторного завода. В “Письме на родину” большая группа казахстанцев рапортовала, что они успешно осваивают профессию танкостроителей, работают по-сталинградски, по-фронтному.

“Казахстанская правда” (1943, 15 августа) посвятила военную полосу, где рассказала о ходе возрождения города Ленина, 2 февраля 1944 года газета рассказала о трудовом героизме посланцев из Актюбинска.

В январе 1944 года в столицу республики прибыла делегация г. Сталинграда. В ее составе был мастер – испытатель машин Сталинградского завода, участник обороны города-героя Н. И. Сосин, посланец Казахстана комсомолка Кульсара Нургазина, принимавшие участие в восстановлении города. Делегация привезла письма акыну Джамбулу от рабочих, ИТР Сталинградского тракторного завода.

Для восстановления Сталинграда направлены строительные отряды из Сибири, Урала, Казахстана и др. районов страны. Так, весной 1943 г. Казахская ССР мобилизовала 1 500 человек. В восстановлении Сталинграда участвовала большая группа казахов.

В ноябре 1943 года Казахстан установил шефство над Орловской областью. По данным шефской комиссии по сбору помощи трудящимся Орловской области, на 1 января 1944 г. по республике было собрано более 106 тысяч голов скота, рабочих волов 552, и крупного рогатого скота 12 052 головы. Было собрано 148 тракторов, 62 комбайна, 43 автомашины и большое количество сельхозинвентаря. Собрано и отправлено продовольствия около 88 тыс. пудов, всевозможной обуви более 28 тыс. пар, одежды и предметов домашнего обихода около 61 тыс. шт. Отправлены моторы, двигатели, станки — 340 шт., слесарного и монтажного инструмента более 91 тыс. шт., разные стройматериалы — 20 т.

Кроме того, организации и предприятия республики выделили орловцам оборудование для организации 70 детских домов, роддомов, бань, больниц, школ, магазинов и др. культурно-просветительных учреждений. Одновременно было отправлено большое количество медицинских инструментов, медикаментов, киноаппаратуры, книг, тетрадей и культтоваров, собрано трудящимися республики фонд помощи орловцам 3629 тыс. руб. Уже к новому 1944 г. большая часть этой помощи начала поступать в Орловскую область. Отправили из областных центров республики с участием Орловской области.

Весной и летом 1944 года в Орловской области побывали представители трудящихся Казахстана. Они привезли подарки пострадавшим районам Орловщины. Встреча с посланцами из далекого Казахстана на Орловской земле превратилась в подлинную демонстрацию братства народов нашей страны.

Выражая общее мнение трудящихся Орловщины, руководитель делегации орловских партизан Н. Алешин в те годы писал: «Пройдут годы, залечатся раны, нанесенные немецкими захватчиками Орловщине, но никогда мы не забудем помощи трудящихся Казахстана, являющейся ярким выражением нерушимой дружбы народов ССР. Орловцы не раз скажут горячее спасибо казахскому народу, который в трудную годину протянул братскую руку помощи».

По мере освобождения от фашистских захватчиков западных областей страны гурты эвакуированного скота в плановом порядке в 1943—1945 гг. возвращались из Казахстана. Животноводы вернули 5500 тыс. рогатого скота. При этом колхозы республики восстанавливали за счет собственного поголовья скота те потери, которые произошли в период эвакуации.

Большое количество скота было направлено трудящимися Казахстана в освобожденные районы в порядке помощи: свыше 100 тыс. голов скота — орловчанам, примерно столько же — воложанам, колхозам Калининской и Ленинградской областей. Закуплено и отправлено в освобожденные районы на льготных условиях свыше 280 тыс. голов скота. Кроме того, трудящиеся республики выделили в фонд помощи из своих личных хозяйств тысячи голов скота. Таким образом, Казахская ССР отправила освобожденным районам свыше одного миллиона голов овец, коз, лошадей, коров, свиней. Значительную часть их составляла маточное поголовье.

Постановление Государственного Комитета Обороны от 3 января 1942 г. “О восстановлении железных дорог” определило программу по восстановлению стальных магистралей страны на весь период войны. В ее осуществлении активное участие принимали железнодорожники Казахской ССР.

В ноябре 1943 г. Турксиб установил шефство над коллективом Южной дороги. Только в 1943 г. на западные дороги выехало свыше 2000 человек ведущих профессий. В 1942—1943 гг. на Турксибе в зимних условиях работали 135 паровозных бригад, заменивших железнодорожников, мобилизованных на восстановление дороги.

На восстановление железных дорог страны только от коллектива Туркестано-Сибирской дороги отправлено по путевкам партии 20 000 железнодорожников. Плечом к плечу с многонациональной партией транспортников казахстанцы восстанавливали разрушенные войной магистрали Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтийских республик. За героический труд многие из них удостоивались высоких правительственных наград.

Всенародная помощь фронту имела самые различные формы. Встречи трудящихся с делегациями из фронтов, освобожденных районов, поездки фронтовых концертных бригад, радиопереключки городов, республик. Шефство над воинскими частями,

освобожденными городами и многие другие формы работы служили важным фактором укрепления дружбы братских народов, единства фронта и тыла.

ЛИТЕРАТУРА:

Байсеркеев Л. Плечом подпирая фронт. Алма-Ата 1985; Балакаев Т., Алдажуманов К. Казакстан еңбекшілірі майдан кызметінде. Алматы, 1985; Братьям - ленинградцам, Алма-Ата, 1985; Казакстан в первый год Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. Алма-Ата, 1943; Козыбаев М. К. История и современность. Алма-Ата, 1992. С. 92-135; Рощин И. Народ — фронту. М. 1975; Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. М. 1975.

**Книга памяти Казахстана. Сводный том.
Алматы, 1995. С 462-464.**

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЙСКОВЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ (1941–1945 гг.)

В суровую военную осень 1941 г., когда над первым в мире социалистическим государством нависла смертельная опасность, народы одиннадцати союзных и четырех автономных республик нашей страны выступили с инициативой о создании национальных войсковых формирований. Это было выражением горячей любви советских людей к социалистической Родине, проявлением единства, дружбы советских народов, подтверждением правильности ленинской национальной политики. «Великая Отечественная война, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС о 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, — убе-

дительно продемонстрировала монолитное единство партии и народа, нерушимость союза рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции, дружбы и братства народов СССР”¹.

Коммунистическая партия с пониманием отнеслась к пожеланию трудящихся, к их стремлению по примеру старшего брата — великого русского народа самоотверженно защищать свою Советскую Родину. “Проявляя массовый героизм в боях и труде, — говорил М.С.Горбачев в докладе на торжественном собрании в г.Москве, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, — отстаивали и защищали свою социалистическую Родину советские люди разных национальностей. Их сплачивал и воодушевлял великий русский народ, мужество которого, выдержка и нестигаемый характер являли собой вдохновляющий пример несокрушимой воли к победе”².

Создавая национальные формирования, Коммунистическая партия руководствовалась ленинским учением о защите социалистического Отечества, указаниями В. И. Ленина в области национального военного строительства³.

Изучение опыта партии по национальному военному строительству в годы минувшей войны представляет собой определенный научный и практический интерес. В. И. Ленин считал, что “нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов”⁴. Нынешняя демографическая ситуация в нашей стране такова, что в войска для прохождения военной службы прибывают все больше представителей народов Закавказья, Средней Азии и Казахстана. Возникла необходимость активизации отбора юношей коренных национальностей этих регионов для военных училищ. При этих обстоятельствах опыт Коммунистической партии по подготовке командных кадров для национальных формирований, а также опыт организации в них партийно-политической работы с учетом национальных особенностей личного состава приобретает практическую значимость⁵. “Время ставит вопрос о

¹ См.: Коммунист. 1984, № 9, с.36.

² Горбачев М.С. Бессмертный подвиг советского народа // Избр. речи и статьи. М., 1985, с.45.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.38, с.378; т.50, с.297-298, 324, 330-331, 333, 336, 340, 342, 346-347; т.51, с.44, 73.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.44, с.205.

широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, — указывается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику”⁶.

Опыт партии по национальному военному строительству имеет научный и практический интерес не только для Советских Вооруженных Сил, но и для вооруженных сил братских социалистических государств, а также развивающихся стран, идущих по некапиталистическому пути развития. В материалах Всесоюзной научной конференции “Армия в современном обществе”, состоявшейся в феврале 1984 г. в г. Москве, отмечается, что вооруженные силы государств социалистической ориентации “не могут успешно функционировать и развиваться без опоры на опыт армий и поддержку стран социалистического содружества”⁷. Раскрывая специфику строительства Народных вооруженных сил Республики Афганистан, офицер афганской армии М. В. Сардар в своем выступлении отмечал, что “в настоящее время в афганской армии происходит серьезная организационная перестройка. В вооруженных силах создано Главное политическое управление, в войсках созданы партийные организации, направляющие все области деятельности армии, осуществляющие проведение в жизнь решений НДПА”⁸. Этот факт свидетельствует о том, что наши друзья широко используют советский опыт строительства армии.

Всестороннее научное раскрытие истории строительства национальных формирований Красной Армии будет способствовать разоблачению буржуазных фальсификаторов, которые пытаются извратить подлинные мотивы участия всех нерусских национальностей нашей страны в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

⁵ Исследователь проблемы “Влияние интернационализации социалистического образа жизни на обороноспособность страны” Е.Д.Богатырев утверждает, что “снижают возможности многонациональных воинских коллективов недостаточное внимание к национальности составляющих его воинов, игнорирование национальных особенностей в воспитании и обучении воинов, организации их быта, отдыха, в формировании воинских коллективов” // Армия в современном обществе. М., 1985, с.372.

⁶ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с.85.

⁷ Армия в современном обществе: Материалы Всесоюзной научной конференции. М., 1985, с.409.

⁸ Там же, с.414.

Опыт Коммунистической партии по созданию национальных формирований в нашей стране в годы гражданской войны стал предметом исследования советских историков⁹.

За прошедшее время проделана значительная работа по изучению места, роли и вклада национальных формирований в защиту социалистического Отечества и в годы Великой Отечественной войны¹⁰.

Положительно оценивая достижения историографии по периоду Великой Отечественной войны, лишь отметим, что среди исследователей нет единого мнения относительно того, какие части следует относить к национальным формированиям. Прежде всего в литературе до сих пор нет четко сформулированного определения понятия "национальные формирования Советской Армии", которое бы не позволило произвольно называть то или иное соединение национальным или общесоюзным. Следует отметить, что попытки дать определение были. Советский историк И. Дубинский еще в 1927 г. предлагал: "... войсковые части, которые создаются в наших Советских республиках и которые состоят из граждан одной нации, говорящей на своем национальном языке, мы можем

⁹ Дубинский И. Что такое национальные войска. М.-Л., 1927; Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927; Нусупбеков А.Н. Из истории формирования казахских частей Советской Армии в годы гражданской войны // Вестник АН КазССР. 1949, № 4, с.74-79; См.: Силин Н.Т. Об участии народов Советской Республики в организации Красной Армии в защите социалистического Отечества в 1918 г. // Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г. М., 1956; Нурпейсов К. Роль Советов Северо-Восточного Казахстана в формировании первых советских воинских подразделений в период Октябрьской революции // Изв. АН КазССР. Сер. Истории, археологии и этнографии. 1961, вып.2, с.31-41; Покровский С.Н. Борьба за укрепление советских вооруженных сил в Казахстане. Перестройка всей жизни края на военный лад. Разгром интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918-1920). Алма-Ата, 1967, с.163-203; Елагин А.С. Формирование частей Красной Армии в Казахстане. Алма-Ата, 1968; Лопаяев В.В. Военно-политический союз советских народов в первый год диктатуры пролетариата // Братское содружество советских республик в хозяйственном и культурном строительстве. М., 1971; Томан В.А. За свободную Россию, за свободную Латвию: Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти. М., 1975; Рафиков М.А. От Волги до Тянь-Шаня. Казань, 1976; Гиззатуллин И.Г. Защищая завоевания Октября: Центральная мусульманская военная коллегия (1918-1920). М., 1979; Елагин А.С. Формирование первых частей Красной Армии в Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1980, №2, с.16-25; Крушельницкий А.В., Молодцов М.А. Становление РККА как армии дружбы и братства народов // Боевое содружество советских республик (1919-1922). М., 1982, с.16-29.

¹⁰ Анализ этой литературы содержится в кн.: Кирсанов Н.А. В боевом строю народов-братьев. М., 1984, с.6-7, 247-249.

назвать национальными частями”¹¹. В. И. Савченко из Латвии полагает, что “национальными формированиями Советской Армии следует считать те части и соединения, которые комплектовались преимущественно из граждан какой-либо одной из республик Советского Союза, в силу чего боевая подготовка, политическая и культурно-массовая работа в них велась наряду с русским языком также на языке коренной национальности данной республики”¹². В пятом томе Советской военной энциклопедии мы читаем: “Национальные формирования в Вооруженных Силах СССР — соединения и части, создававшиеся по признакам национальной принадлежности личного состава”¹³. С Военной энциклопедией солидарна энциклопедия “Гражданская война и военная интервенция в СССР”¹⁴. “Национальные формирования в Вооруженных Силах СССР, соединения и части, создававшиеся в 1918—1938 и 1941—1945 гг. по признакам национальной принадлежности личного состава” — такое определение дано в военном энциклопедическом словаре¹⁵.

Исследователь Кирсанов Н. А. пишет: “В годы Великой Отечественной войны отдельные стрелковые и кавалерийские соединения Красной Армии создавались с учетом национального признака. В соответствии с этим они официально именовались национальными воинскими формированиями”¹⁶.

Таким образом, во всех формулировках основным критерием национального формирования является признак национальной принадлежности личного состава. На наш взгляд, этого недостаточно, даже если усилить его таким признаком, как национальный язык, на котором ведется боевая подготовка и политико-воспитательная работа. Если бы этих критериев было достаточно, то следовало бы считать казахскими 196-ю и 195-ю стрелковые дивизии, личный состав которых состоял соответственно на 80 и более 50% из казахов¹⁷.

Нам могут возразить, что 195-я и 196-я дивизии формировались не в Казахстане, а в Чкаловской области РСФСР. Это верно.

¹¹ Дубинский И. Что такое национальные войска, с.4.

¹² Савченко В.И. Латышские формирования Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Рига, 1975, с.12.

¹³ Советская военная энциклопедия: В 8-и т., М., 1978, т.5, с.552.

¹⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983, с.389.

¹⁵ Военный энциклопедический словарь. М., 1983, с.482.

¹⁶ Кирсанов Н.А. В боевом строю народов-братьев, с.6.

¹⁷ Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975, с.40, 41.

Но ведь национальные формирования республик Прибалтики (об их национальной принадлежности в литературе спора нет) также создавались в РСФСР, а 390-я армянская стрелковая дивизия формировалась в Крыму, а не в Армении.

Обратимся к документам. 7 мая 1918 г. Наркомат национальностей в своем постановлении указал, что национальные воинские части могут быть созданы на территории, где проживают отдельные нации (Украина, Башкирия, Армения и т. д.)¹⁸. В годы Великой Отечественной войны ГКО СССР в своем постановлении от 13 ноября 1941 г. предопределил их создание за счет людских и материальных ресурсов национальных республик сверх мобилизационного плана Наркомата Оборона СССР. При этом воинские формирования, в том числе национальные, как в годы гражданской войны, так и в годы Великой Отечественной создавались с ведома и разрешения директивных органов (Наркомнаца — в гражданскую, ГКО — в Великую Отечественную)¹⁹.

С учетом всего этого можно предположить следующее определение: *национальные формирования Советской Армии — это части и соединения, создававшиеся по признаку национальной принадлежности личного состава, главным образом за счет людских и материальных ресурсов национальных республик сверх мобилизационного плана Наркомата Оборона СССР.*

Неправильное определение сути национальных формирований породило многочисленные неточности в литературе, отдельные исследователи выдают общесоюзные формирования за национальные только потому, что они сформированы на территории этих республик. Так, например, узбекский историк Х.Ш.Иноятов 4-ю гвардейскую стрелковую бригаду считает киргизской²⁰, известные ученые Ю. И. Кораблев и Г. А. Куманев в совместной статье пишут: «В великой битве на Волге участвовали и специальные национальные формирования, среди которых особенно отличились 38-я казахская дивизия, получившая позднее наименование 73-й

¹⁸ Наркомнац в своем постановлении от 7 мая 1918 г. в порядке исключения допускал образование национальных отрядов из беженцев (так, например, латышские отряды в центральных районах страны) (См.: Боевое содружество советских республик. 1919-1922 гг. М., 1982, с.18).

¹⁹ Военно-энциклопедический словарь, с.482.

²⁰ Иноятов Х.Ш. Ленинская национальная политика в действии. Ташкент, 1973, с.60.

гвардейской дивизии...»²¹. Н. И. Матюшкин также называет казахскими 310-ю и 314-ю стрелковые дивизии²².

На наш взгляд, все эти соединения не национальные, а общесоюзные. 4-я гвардейская стрелковая бригада — это бывшая 38-я бригада, которая также, как 34, 35, 36, 37, 39 и 40-я отдельные курсантские бригады, была сформирована в Средней Азии согласно постановлению Государственного комитета обороны от 10 октября 1941 г.²³, а решение о формировании национальных частей и соединений в этом регионе, как известно, было принято ГКО 13 ноября 1941 г. Что же касается 38, 310 и 314-й стрелковых дивизий, то они были сформированы в Казахстане (310 и 314-я в июле-августе 1941 г., а 38-я в конце 1941 — начале 1942 г.) как общесоюзные в соответствии с планом Наркомата Оборона СССР²⁴.

Нет единства взглядов среди исследователей относительно этапов создания национальных формирований. Как известно, они функционировали в годы гражданской войны в СССР. В 1924 г. РВС СССР утвердил 5-летний план создания национальных формирований. Постановлением ЦК ВКП(б) от 7 марта 1938 г. национальные формирования были переформированы в общесоюзные.

Создание национальных формирований было возобновлено в 1941 г. К середине 50-х годов они были расформированы, а их личный состав вошел в ряды многонациональных формирований Советских Вооруженных Сил²⁵.

Однако вопреки общеизвестным фактам авторы словаря-справочника «Великая Отечественная война. 1941–1945» утверждают, что национальные формирования создавались с 1938 г. и с началом войны стали прибывать в действующую армию из республик Закавказья, Средней Азии, Казахстана, из Башкирии, Татарии, других АССР и национальных округов²⁶.

Нет единого мнения среди исследователей и о количестве национальных формирований, созданных в годы Великой Отечест-

²¹ Кораблев Ю.И., Куманев Г.А. Братский союз народов СССР в Великой Отечественной войне // СССР — великое содружество народов-братьев. М., 1972, с.209.

²² Матюшкин Н.И. Армия дружбы народов и пролетарского интернационализма. М., 1982, с.76.

²³ Краснознаменный Туркестанский. М., 1976, с.192.

²⁴ См.: Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.: Сб. документов и материалов: В 2-х т. Алма-Ата, 1964, т.1, с.134, 135, 577, 581.

²⁵ См.: Военный энциклопедический словарь, с.482.

²⁶ Великая Отечественная война. 1941-1945: Словарь-справочник. М., 1985, с.29.

венной войны. Так, Н.А.Кирсанов считает, что в республиках Средней Азии и Казахстане было создано 29 национальных соединений, в том числе 14 кавдивизий и 15 стрелковых бригад²⁷, в книге коллектива авторов под общей редакцией Е. Е. Мальцева отмечается, что создано 32 формирования, в том числе 15 кавдивизий, 17 стрелковых бригад²⁸ и т. д. О количестве национальных формирований республик Закавказья также разные данные. А. П. Артемьев пишет, что “трудящиеся Азербайджана, Армении, Грузии в 1941-1942 гг. создали свыше 10 национальных дивизий”²⁹. Х. М. Ибрагимбеили называет более точную цифру — 11³⁰, Н. А. Кирсанов полагает, что создано 14³¹, а К. В. Цкитишвили — 18³² стрелковых дивизий.

Опираясь на документы центральных и республиканских архивов, на материалы многочисленных опубликованных исследований историков Москвы и Ленинграда, республик Средней Азии и Казахстана, мы склонны считать, что в период с ноября 1941 по март 1942 г. были созданы и подготовлены для отправки на фронт следующие национальные формирования: в Узбекской ССР — 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96 и 97-я стрелковые бригады и 99, 100, 101, 102 и 103-я кавдивизии; в Казахской ССР — 100 и 101-я бригады и 96, 105 и 106-я кавдивизии; в Киргизской ССР — 107, 108 и 109-я кавдивизии; в Таджикской ССР — 98 и 99-я бригады и 104-я кавдивизия; в Туркменской ССР — 87 и 88-я бригады, 97 и 98-я кавдивизии.

Их формирование было обусловлено следующими обстоятельствами: во-первых, патриотическим стремлением народов региона дать решительный отпор агрессору, защищать свои классовые интересы, социалистическую Родину, выполнить свой интернациональный долг перед братскими народами, подвергшимися варварскому нападению фашистской Германии; во-вторых, тем, что Коммунистическая партия справедливо видела в создании национальных формирований один из путей дальнейшего укрепле-

²⁷ Кирсанов Н.А. В боевом строю народов-братьев, с.68.

²⁸ КПСС — организатор защиты социалистического Отечества. М., 1977, с.214.

²⁹ Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне, с.47.

³⁰ Ибрагимбеили Х.М. Крах “Эдельвейса” и Ближний Восток. М., 1977, с.13.

³¹ Кирсанов Н.А. В боевом строю народов-братьев, с.72.

³² Цкитишвили К.В. Закавказье в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Тбилиси, 1969, с.180.

ния братского союза и сотрудничества советских народов — важнейшего источника могущества Советского государства и непобедимости Красной Армии; в-третьих, в национальных формированиях боевая и политическая подготовка велась на родном языке личного состава с учетом национальных обычаев, традиций. Это позволило привлечь к воинской службе дополнительные людские ресурсы, сократить срок их подготовки к боевым действиям. И, наконец, в-четвертых, это был ответ трудящихся республик на попытки гитлеровцев, в целях разжигания межнациональной розни, противопоставить советские народы, создать националистические формирования “туркестанского легиона” и выдать их за выразителей интересов народов Средней Азии и Казахстана.

Весть о формировании национальных частей и соединений была встречена населением с большим удовлетворением. В адрес партийных и военных органов республик поступили тысячи заявлений от добровольцев о желании вступить в Красную Армию. Трудящиеся республик с целью обеспечения своевременного формирования национальных частей и соединений выступили с инициативой собрать необходимые средства путем проведения субботников, сверхпланового снижения себестоимости продукции, экономии административно-хозяйственных расходов предприятий и учреждений, сбора теплых вещей и т.д. “Человечество не знает другого такого примера, — сказал М. С. Горбачев, — когда была война, столь тесно сплотила все нации и народности страны для борьбы с агрессором”³³.

В отличие от подобных формирований из других регионов страны национальные формирования республик Советского Востока имели свои особенности. Национальные формирования республик Прибалтики из-за временной оккупации их территории врагом создавались на территории

РСФСР при материальной помощи со стороны русского народа. Национальные формирования республик Закавказья создавались на базе кадровых стрелковых дивизий и частично на базе бывших в довоенные годы национальных дивизий.

Национальные формирования республик Средней Азии и Казахстана создавались: во-первых, на территории своих республик; во-вторых, для их создания республики не имели никакой базы, достаточного количества национальных командных кадров, воен-

³³ Горбачев М.С. Избр. речи и статьи, с.48.

ных специалистов; в-третьих, большая часть их личного состава не владела или слабо владела русским языком, в армии не служила и, естественно, не имела боевого опыта; в-четвертых, материальное оснащение их (продовольствием, обмундированием, снаряжением, вооружением, обозом, конским составом, фуражом и т. д.) полностью осуществлялось за счет той республики, где они создавались; в-пятых, финансовые расходы на их формирование погашались за счет местного (республиканского) бюджета, а также за счет добровольных денежных взносов населения, колхозов, совхозов, предприятий республик; в-шестых, они были созданы в республиках, не подвергшихся непосредственному нападению агрессора, но чувство ненависти к вероломному захватчику, которое питал их личный состав, их желание защищать социалистическую Отчизну, было не меньшим, чем у воинов других частей и соединений; в-седьмых, национальные формирования республик Советского Востока состояли не из стрелковых бригад и кавдивизий; и, наконец, в-восьмых, не все национальные формирования убыли на фронт.

Создание кавалерийских дивизий и отдельных стрелковых бригад объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, принимая такое решение, ГКО, учитывал национальные традиции, обычаи народов этого региона. Население республик Средней Азии и Казахстана испокон веков занимались животноводством. Здесь имелось в достаточном количестве верховых, артиллерийских и обозных лошадей, снаряжения для них и всего остального, необходимого для формирования кавдивизий. Джигиты республик Советского Востока были хорошими наездниками, меткими стрелками, к тому же отлично владеющими холодным оружием. Во-вторых, в начале Великой Отечественной войны считалось, что для увеличения подвижности и маневренности войск, особенно при действиях в условиях бездорожья и пересеченной лесисто-болотистой местности, лучше всего подходят кавдивизии. В конце 1941 г. Красная Армия имела 82 кавдивизии³⁴. В-третьих, для формирования стрелковых бригад требуется значительно меньше времени, чем для формирования стрелковых дивизий. В трудном начальном периоде минувшей войны этот фактор имел огромное значение. В декабре 1941 г. в Красной Армии насчитыва-

³⁴ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с.270:

лось 159 стрелковых бригад³⁵. И наконец, в-четвертых, партийные, советские и военные органы республик Средней Азии и Казахстана получили определенный опыт создания национальных кавалерийских и стрелковых соединений в период гражданской войны. Этот опыт, как считал ГКО, будет способствовать быстрому созданию национальных формирований в новых условиях.

Несмотря на серьезные трудности в формировании, национальные соединения уже к весне 1942 г. были готовы к отправке на фронт. Однако в период лета 1942 — начала 1943 г. 14 кавдивизий и 10 стрелковых бригад были расформированы. Это было продиктовано тем, что, как показал опыт боевых действий в 1942 г., конница беззащитна перед танками, авиацией и артиллерией противника и несет большие потери. Здесь, на наш взгляд, выявилось известное отставание военно-теоретической мысли в области изучения истории национальных формирований применительно к войне в условиях научно-технического прогресса. Стало ясно, что в современной войне, войне моторов и техники, надежды, возлагавшиеся на конницу как на подвижные и маневренные войска, не оправдываются. Поэтому было принято решение сократить число кавдивизий, а на их базе создать новые стрелковые дивизии. Кроме того, боевые действия зимой 1942 г. вскрыли ограниченные возможности стрелковых бригад. Успешное решение современных боевых задач требовало создания крупных соединений — стрелковых дивизий и корпусов. Ко второй половине 1942 г. Красная Армия стала сильней, приобрела значительный боевой опыт. Этот опыт и рост производства оружия, боевой техники позволили Коммунистической партии и Советскому правительству провести ряд мероприятий по совершенствованию структуры Советских Вооруженных Сил, с тем, чтобы она соответствовала условиям, способам ведения боевых действий.

Пять национальных стрелковых бригад (87-я туркменская, 90 и 94-я узбекские, 100 и 101-я казахские) приняли активное участие в боевых действиях на различных участках советско-германского фронта. Этот факт полностью изобличает неприкрытую ложь гитлеровского выкорымыша Баймирзы Хаита, который из холуйских побуждений выслужиться перед новыми хозяевами, с целью дискредитации дружбы и братства советских народов, утверждал,

³⁵ Там же.

что якобы “ни одно национальное соединение среднеазиатских республик не было целиком послано на фронт. На фронте [туркестанцы] были распределены по 3-5 человек. Дискриминация и недостаточное снабжение продовольствием и обмундированием привели к деморализации. Кроме того, непрерывный русский мороз сломил волю”³⁶.

Впервые участвуя в жестоких боях с отборными гитлеровскими войсками, национальные формирования республик Средней Азии и Казахстана с честью и большим достоинством выполнили поставленные перед ними задачи по освобождению захваченных советских земель. За боевые успехи они удостоились благодарности Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР, а ратный подвиг их бойцов, командиров и политработников отмечен высокими правительственными наградами. И все же они были расформированы еще в ходе войны. Чем объяснить этот факт?

Во-первых, республики Средней Азии и Казахстана имели многонациональный состав. Коренная национальность каждой республики составляла в среднем около половины всего ее населения. Следовательно, мобилизационная возможность республик для пополнения национальных формирований была ограниченной.

Во-вторых, для формирования национальных частей и соединений республики мобилизовали значительное число людского контингента для общесоюзных соединений. Только за первый год войны в Казахстане и Средней Азии были сформированы и отправлены на фронт 35 войсковых соединений без учета национальных признаков³⁷. Естественно, что среди мобилизованных в общесоюзные соединения было много представителей местных национальностей. В-третьих, со второй половины 1942 г. в армию призывались молодые люди, родившиеся и получившие образование уже в годы советской власти. Они сносно владели русским языком, имели предварительную военную подготовку. В силу этого их призывали и распределяли не по национальному признаку, а, исходя из нужд фронта, направляли туда, где более всего нуждались в пополнении.

В-четвертых, чем дальше на запад уходила линия фронта, тем больше в действующую армию, а значит и в национальные

³⁶ Сухарь М.Я. От Ашхабада до Эльбы. Ашхабад. 1963, с.29.

³⁷ Козыбаев М.К. Народы Казахстана и республик Средней Азии – фронту // Великая Победа советского народа. М., 1976, с.463.

формирования, поступал людской контингент из освобожденных от оккупации районов страны.

В-пятых, из-за потерь в боях, а также по перечисленным причинам в национальных формированиях оставалось все меньше представителей той национальности, именем которой оно называлось. Они постепенно из национальных превращались в многонациональные. Таким образом, национальные стрелковые бригады были расформированы не потому, что они были национальными, а исходя из объективных обстоятельств, сложившихся в ходе Великой Отечественной войны.

Что же касается вопроса о возможности и необходимости создания национальных формирований на современном этапе советского военного строительства, то, во-первых, факторы, обусловившие их возникновение в годы Великой Отечественной войны, ныне не действуют; во-вторых, в современных условиях, когда **“национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен”**³⁸, когда **“советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей”**³⁹, когда повысился общеобразовательный уровень населения, расширилась социальная и национальная база комплектования армии, увеличилась военно-мобилизационная возможность страны, необходимости в национальных формированиях, на наш взгляд, нет; в-третьих, опыт послевоенного строительства Вооруженных Сил СССР показывает, что представители всех национальностей и народностей нашей страны успешно выполняют свой воинский долг в составе многонациональных подразделений и частей Советской Армии.

Опыт Коммунистической партии по созданию национальных формирований имеет большое политическое значение. Ленинская партия, Советское правительство продемонстрировали перед всем миром, что они не только провозглашают лозунги о свободе, равенстве и братстве народов, а конкретно, на деле осуществляют их. И как следствие этого, трудящиеся массы Средней Азии и Казахстана, вместе с другими народами Советского Союза, в могучем патриотическом порыве единодушно поднялись на за-

³⁸ Материалы XXVII съезда КПСС, с.156¹

³⁹ Там же, с.53.

щиту своей Родины. “Здесь мы имеем на практике доказательство того, — говорил В. И. Ленин, — что революционная война, когда она действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, когда она дает им сознание того, что они борются против эксплуататоров, что такая революционная война вызывает энергию и способность творить чудеса”⁴⁰.

Опыт создания национальных формирований Советской Армии имеет огромное международное значение. Наша партия в самом начале национального военного строительства предвидела, что советский опыт явится примером для колониальных стран и соответственно, с учетом перспективы, строили свою работу по созданию Красной Армии. “Было бы очень вредно для дела нашего Советского Союза, — говорил М. В. Фрунзе, — для укрепления нашей военной мощи, если бы в области военного дела мы не сумели так подойти к национальному вопросу, чтобы связать теснейшим образом... бывшие колониальные народы царской империи с нами, а через них связать судьбу колониальных народов других стран с судьбой Советского Союза. Мы сделали бы колоссальную ошибку, даже чисто военную, если бы не попытались вовлечь их в военную работу. Повторяю, здесь больше всего нам надо исходить не из интересов только сегодняшнего дня, а мы должны иметь перед собой дальнейшие перспективы”⁴¹.

Сегодня, спустя более 60 лет, когда была высказана эта мысль, мы можем со всей уверенностью сказать, что благодаря осуществлению ленинской национальной политики Коммунистической партии удалось “связать судьбу колониальных народов других стран с судьбой Советского Союза”. СССР оказывает им бескорыстную помощь в укреплении обороноспособности. Народы стран социализма, стран социалистической ориентации с благодарностью изучают и перенимают опыт советского военного строительства, в том числе создания национальных формирований.

**Опубликовано в соавторстве Р. Г. Каратаевым
Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1988 г., № 1.**

⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.39, с.320.

⁴¹ Фрунзе М.В. Итоги пленума Реввоенсовета СССР // Избр. произв. М., 1984, с.273.

МОСКВА В МОЕЙ СУДЬБЕ

Москва... Как много значит этот город для нас, казахов, особенно для моего поколения. Мы с огромным нетерпением ждали, что скажет столица о судьбоносных проблемах государства, населяющих его народов. С волнением мы слушали в тяжелые дни Великой Отечественной голос Левитана.

Впервые в Москву я, молодой педагог Кустанайского учительского института, приехал в командировку в 1956 году.

Город на меня произвел огромное впечатление. Меня поразило изобилие промышленных и продовольственных товаров, стремительный ритм жизни горожан, высокий тонус духовной жизни. Тогда же я посетил Ленинскую библиотеку, несколько дней листал книги и газеты, вышедшие в годы гражданской войны в Сибири и Казахстане. Возвратился я в свой город, казавшийся теперь деревней или аулом, словно человек, совершивший хадж в Мекку.

Летом 1969 года на заседании при ЦК КПСС я защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. Совет проходил в зале, где когда-то шли заседания Коминтерна. Ведущие историки страны решили “прощупать” провинциала и вскоре убедились, что перед ними довольно крепкий орешек. Больше всего их интересовали уроки Великой Отечественной войны. Я написал труд, где полемизировал с американским историком К. Кнором, автором книги “Военный потенциал государств”.

Члены Совета были поражены тем, что в Казахстане мобилизация людских ресурсов на нужды обороны составила 26% населения — в два с лишним раза больше, чем в Германии.

Известные историки страны приняли заинтересованное участие в экспертизе моего труда. Я не могу не вспомнить сегодня профессоров Д. Кукина, Л. Спирина, М. Искрова, Е. Степанову, Л. Слепова, Ф. Петрова, которые в ходе дискуссии дали мне урок нравственности, духовности.

Я возвратился домой, не только окрыленный творческой удачей, но вдохновленный дружеской поддержкой замечательных ученых Москвы. В последующем я подружился с профессором, заслуженным деятелем науки РСФСР Л. М. Спириным. В один из приездов я узнал, что Леонид-ага серьезно заболел. Позвонил его жене и, узнав, что он долечивается в санатории “Пушкино”, изъ-

явил желание навестить старого друга. На следующий день мы были у него. Леонид Петрович встретил нас словами: “Все же прав оказался я”. Любовь Петровна выразительно засмеялась и пояснила: “Манаш, извини меня. Когда Леонид заболел, я сказала: “Все, Леонид, ты отныне никому не нужен”. Он возразил: “Не говори так, я твердо знаю, что при всех случаях Манаш, Сара с нами”. Вот сегодня Леонид подвел черту нашему спору”.

Да, москвичи — друзья мои — высоко ценили дружбу, преданность. К сожалению, уже нет в живых Леонида Спирина, но я всегда с огромной теплотой вспоминаю этого необыкновенно одаренного человека щедрой души. В Москве живет мой друг — профессор В. Устинов, автор замечательных книг о Тураре Рыскулове. Мы, казахи, с любовью называем его Устенбаевым. Моя семья подружилась семьями профессоров Г. Куманева, А. Митрофановой.

В 1974 году в соавторстве с кандидатом исторических наук З. Голиковой я написал монографию “Золотой фонд партии. Из истории кадровой политики КПСС”. В нашей работе было много идей, критикующих устоявшиеся нормы кадровой политики периода застоя.

На съезде Компартии Казахстана книга была подвергнута суровой критике. Я оставил Институт истории партии и ушел на педагогическую работу с ярлыком “оппозиционера в сфере национальной политики КПСС”.

В феврале 1975 года в Москве состоялась Всесоюзная конференция по проблемам историографии, посвященная 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Мои коллеги А. Митрофанова, Г. Куманев, Г. Докучаев, П. Буцко и другие решительно выступили в нашу защиту. Собравшись на “малый курултай”, они сказали: “Держись, брат, мы тебя не дадим в обиду!” До сих пор помню, как друзья поддерживали меня, оберегали от возможных нападок, открыто высказывали свои взгляды. Я тогда еще раз почувствовал, что Москва — многоликая, что трудовая научная Москва живет полнокровной жизнью, объединяя вокруг себя здоровые силы многонациональной страны. Москва была опорой тем, кто искал защиту от всевластия временщиков.

Именно в годы опалы я был приглашен москвичами в состав авторского коллектива многих книг, издаваемых в Москве. Тогда же я участвовал в написании монографии “Во главе защиты Роди-

ны". Я всегда с теплотой вспоминаю, как мы работали над третьим томом истории рабочего класса СССР, историографией Великой Отечественной, многотомником "Тыл СССР в годы Великой Отечественной войны" и т.д. Наше научное сотрудничество переросло в семейную дружбу. Как много дает сотрудничество нам, историкам бывших советских республик, и как важно сохранить единое научное пространство, созданное на протяжении всей нашей жизни. В последние годы я все чаще обращаюсь к своим коллегам — новосибирцам, москвичам, узбекам, киргизам, таджикам, туркменам и другим с просьбой не только сохранить прежние узы научного сотрудничества, но и значительно расширить поле нашей совместной деятельности.

Москва всегда притягивала к себе внимание издателей мира. Будучи главным редактором Казахской Советской энциклопедии, я не раз участвовал в работе Международной книжной выставки. Мне нравилась продукция издательства "Педагогика", Лениздата, книги, выпускаемые для малых народов Китая. Участие в таких выставках было замечательной школой для издателей и большим праздником.

В 1970 году я был участником Международного конгресса историков. Впервые советская делегация была представлена в столь широком составе. Советская историческая школа, несмотря на идеологические шоры, оказалась зрелой и довольно сильной. Высокую активность проявили историки национальных республик. В секции "Вторая мировая война 1939—1945 гг." в дискуссии принимал участие и я. Американские историки считали, что в условиях господства частной собственности и рыночной экономики готовность граждан страны к защите Отечества невысока. Американский гражданин долго думал, заниматься ли ему бизнесом или надеть форму цвета хаки и идти на войну. В отличие от американцев перед нашим народом стояла необходимость защититься с оружием в руках независимость Родины, и война показала, что духовная зрелость советских людей была исключительно высокой.

А.Жилин, один из руководителей секции, во время перерыва подошел ко мне и сказал: "Я внимательно следил за вами, прочел вашу монографию "Казахстан — арсенал фронта". Арсенал — крепко сказано и хорошо сказано".

Вместе с тем конгресс показал и наши слабости. А. Жилин — докладчик от нашей страны — вместо 20 минут, утвержденных рег-

ламентом, говорил целый час. Председательствующий с французской стороны неоднократно прерывал его, категорически требовал соблюдать регламент и с горечью в конце сказал: "Как жаль, что под вашей трибуной нет ямы. Будь у меня пульт управления, я бы без сожаления отправил непослушного оратора в яму". Догматический склад мышления был характерной чертой научной школы Федосеева-Жилина и других. Старшее поколение оставалось консервативным, неповоротливым, негибким, неприспособленным к дискуссиям, альтернативным вариантам изложения проблемы. Марксистско-ленинское методологическое кредо, идеологические установки партии сдерживали развитие мысли в жестких рамках. И мы, молодые историки, явно почувствовали это на конгрессе. В апреле 1995 года я участвовал в работе Международной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне, уже в новом качестве, представляя свою страну. Не скрою, что российская школа Отечественной войны 1941–1945 гг. постарела, многих моих коллег старшего поколения уже нет в живых. Молодежь не идет в науку. В период суверенизации коллеги из бывших республик больше говорили о национальных проблемах, забывая, что в ту войну мы все защищали общую Родину. Одним словом, конференция показала, как в новых условиях суживается научное пространство, как много мы потеряли от духовной изоляции наших стран.

Московская конференция натолкнула меня на мысль о необходимости более тесного научного общения, если можно так выразиться, восстановления былого единого научного пространства.

Мои переговоры и директором Института российской истории РАН, членом-корреспондентом РАН А. Сахаровым при участии Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Казахстан в России Т. Мансурова увенчались успехом. Мы договорились, что должны сообща разрабатывать проблемы русско-казахских отношений, создавать совместные труды по истории наших народов, способствовать укреплению взаимопонимания и дружбы.

Москва за последние годы похорошела, я бы сказал, помолодела, стала еще краше. О Ю. Лужкове можно слагать песни и легенды, и смело его назвать Лужков-созидатель, Лужков-строитель. Он заслуживает такой похвалы. Я часто слышал, что мэр города очень многое делает для социальной защиты духовной элиты, учителей, врачей, ветеранов войны.

Новый мир должен иметь фундамент прочности — фундамент нравственности. Без духовного начала, без улучшения жизни людей новое общество обречено на гибель. Мы должны взять с собой в новый мир то лучшее, что создано нашими предками. Одним из таких достижений наших народов, созданных усилием многих поколений, является братство народов. Вот почему 850-летие Москвы — праздник не только россиян, но и наш праздник, праздник братства.

* * *

В годы Великой Отечественной войны братство казахского и русского народов было скреплено кровью.

Осенью 1941 года в грозные для Москвы дни советские люди еще теснее сплотились, удесятилив энергию во имя спасения своей столицы, своей Родины. Выражая волю всех трудящихся Казахстана, металлурги Джезказгана писали московским трудящимся: “Не бывать гитлеровским мерзавцам в нашей родной Москве. Мы готовы драться вместе с вами, чтобы отстоять Москву. Мы сделаем все, чтобы обеспечить вас медью, углем, сельскохозяйственными продуктами для уничтожения фашистских орд”.

На защиту столицы грудью встали представители всех народов нашей многонациональной страны.

В эти тяжелые дни на полях Подмоскovie родилась боевая слава казахстанцев. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования 316-я стрелковая дивизия под командованием генерала И. В. Панфилова в октябре 1941 года была переброшена на рубеж обороны — Волоколамское шоссе. Весь личный состав героически отражал бешеный натиск танковых частей противника. В донесении Военного совета фронта говорилось: “В период Волоколамской операции 316-я дивизия отважными и умелыми действиями в период с 20 по 27 октября 1941 года отбивала атаки трех пехотных и одной танковой дивизий. В ожесточенных боях дивизия уничтожила до 80 танков и несколько батальонов пехоты. Ни один боец не дрогнул перед атаками двух сотен фашистских танков... личный состав дивизии храбро дрался и, не имея танков, с бутылками в руках бросался в атаку на танки противника. Остановив

наступление противника, дивизия твердо удерживает занимаемый рубеж, продолжая наносить большие потери врагу”.

18 ноября бесстрашный генерал И. В. Панфилов, командир дивизии, чапаец, пал смертью храбрых. Воины свято хранили память о нем, с гордостью называли себя панфиловцами.. 14 воинов 8-й роты того 1075-го стрелкового полка во главе с политруком П. Б. Вихревым уничтожила 5 немецких танков и два взвода пехоты. Политрук, оставшись один, гранатами подбил еще 2 танка и застрелился. Посмертно П. Б. Вихреву было присвоено звание Героя Советского Союза. В битве за Москву исключительную стойкость и героизм проявили бойцы-панфиловцы стрелкового полка под командованием И. В. Карпова и батальона под командованием старшего лейтенанта Б. Момыш-улы. Дивизия вела ожесточенные бои с превосходящими в четыре раза силами противника. В течение месяца, ведя непрерывные бои на подступах к Москве, панфиловцы разгромили 2-ю танковую, 29-ю моторизованную, 11-ю и 110-ю пехотные дивизии гитлеровской армии. “Трудно выделить храбрых, — писал 8 декабря 1941 года в своем донесении бывший комиссар 1075-го (23-го) полка А. Л. Мухамедьяров, — когда каждый хочет быть храбрым”.

Легендарные подвиги в битве под Москвой Родина отметила преобразованием 316-й стрелковой дивизии в 8-ю гвардейскую и награждением орденом Красного Знамени. Вскоре по просьбе личного состава она получила имя своего славного командира. За смелые и умелые действия в “снежном походе” от Старой Русы до Холма (январь-февраль 1942 г.) дивизия была награждена орденом Ленина, за активное участие в изгнании врага из восточной и центральной Латвии — почетного наименования “Рижская”, а за содействие в освобождении Риги — орденом Суворова 2-й степени.

В сражении за Москву прославились и многие другие казак-станцы.

В боях за деревню Сутоки совершили подвиг 16 гвардейцев-панфиловцев во главе с политруком роты Р. Джангозиным. Неравный бой гвардейцев против сотен фашистов продолжался 6 часов. Враг открыл ураганный минометный огонь по сараю, где находились гвардейцы. Политрук прикрывал отходящих бойцов. Последним уже, будучи раненым, из горящего сарая вышел Джангозин.

В зимних боях 1942 года прославил советское оружие бывший рабочий Лениногорского свинцового завода автоматчик Т. Тохтаров. «Когда у него иссякли все патроны, — читаем мы в наградном листе, представленном командованием полка для присвоения звания Героя Советского Союза, — товарищ Тохтаров получил тяжелое ранение в живот. Герой, горя ненавистью к врагу, в порыве ярости, не обращал внимания на ранение, стремительно бросился на офицера, прицелившегося в него. Очевидцы рассказывают, что когда товарищ Тохтаров, держа свой ПППШ наперевес, бежал вперед, у него вывалились внутренности. Несмотря на это, он ударом приклада в голову уничтожил фашиста, но, сраженный пулей второго фашиста, товарищ Тохтаров пал смертью храбрых на поле брани, как истинный гвардеец-герой, не знавший и не ведавший ни опасности, ни страха...». Это был сорок девятый, сраженный в этом бою героем Тулегеном, фашист.

Группа автоматчиков под командованием политрука роты М.Габдуллина, подбив вражеские танки, вывела свои подразделения из окружения. За боевые подвиги в боях с немецкими фашистами М.Габдуллину было присвоено звание Героя Советского Союза.

На одном из участков фронта, в районе Алексина, оборону держал 843-й стрелковый полк 238-й стрелковой казахстанской дивизии. В одном из боев рядовой Р.Амангельдиев, сын легендарного национального героя Амангельды Иманова, «оказавшись в окружении группы немецких солдат, принял неравный бой. Беспощадно, со злобой стрелял он по презренным врагам из своего автомата. До последнего патрона отбивался герой от наседавших немцев. Озлобленные упорством советского автоматчика, фашисты метнули в него гранату. Амангельдиев погиб, но он дорого отдал свою жизнь. Тринадцать вражеских трупов валялись вокруг него». Казахская 238-я стрелковая дивизия, где служил Рамазан, за стойкость в обороне и решительность в наступлении, за дисциплину и организованность личного состава 3 мая 1942 года была награждена орденом Красного Знамени, а 24 мая того же года преобразована в 30-ю гвардейскую.

В районе Малоярославецкого участка Можайской линии обороны стальной преградой на пути продвижения врага стала 312-

я казахстанская дивизия. “На подступах к Малоярославцу, - писал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, – героически сражались воины 312-й стрелковой дивизии полковника А. Ф. Наумова”. 16 октября 1941 года северо-восточнее деревни Тяпино батарея В. Житникова вела упорные бои с фашистами. Советские артиллеристы до конца выполнили свой долг, они погибли, но не отступили. Пал в этом бою и отважный комсорг артиллерийского полка А. Рекубрацкий, до войны работавший вторым секретарем Актюбинского горкома комсомола.

Провал “блицкрига”, крушение мифа о непобедимости гитлеровской армии, захват Советской Армией стратегической инициативы свидетельствовали о начале коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны.

В Казахстане, как во всей стране, народное движение по оказанию помощи освобожденным районам началось еще в ходе контрнаступления Красной Армии под Москвой. Движимая братскими чувствами, республика сочла своим интернациональным долгом прийти на помощь населению только что освобожденных от фашистской неволи районов. Члены сельхозартелі “Пролетарий” Мендыгаринского района Кустанайской области в январские дни 1942 года обратились с письмом ко всем колхозникам Казахстана с предложением создать фонд помощи населению районов, освобожденных от фашистской оккупации. Кустанайский обком партии 17 января 1942 года одобрил этот ценный почин, который быстро распространился по всем областям. Следуя примеру мендыгаринцев, колхозники сельхозартелі “12-я годовщина Октября” Калининского района Акмолинской области направили жителям освобожденных от фашистского ига районов 60 голов скота и 100 центнеров семян. Члены колхоза “Заря коммуны” Приишимского района Северо-Казахстанской области выделили в фонд помощи освобожденным районам около 40 голов скота, засеяли 15 гектаров зерновых культур. Колхозники Мендыгаринского района в течение лишь одной недели передали в фонд помощи Подмоскovieю около 4 тыс. центнеров семян и свыше 100 голов скота.

Вскоре трудящиеся республики установили связь с освобожденными районами Московской области. Посланцы Подмоскovieя были желанными гостями трудящихся Алма-Атинской, Южно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Семипалатинской областей.

Первая встреча с москвичами состоялась на Чимкентском заводе им.Калинина. По-братски встретили металлурги дорогих гостей и единодушно решили помочь жителям освобожденных районов восстановить хозяйство, чтобы они смогли жить и работать так, как до войны.

Инициатива отдельных колхозов и предприятий переросла в массовое народное движение. За короткий срок только колхозники республики выделили в фонд помощи жителям Подмосковья, Смоленщины и других западных районов более 5 тыс. голов скота, около 23 тыс. центнеров семян, засеяли сверх плана свыше 52 тыс. га земли, урожай с которых был послан колхозникам освобожденных областей.

Так, казахстанцы с осени 1941 года создавали фонд восстановления народного хозяйства для районов, пострадавших от немецко-фашистской оккупации.

Скрепленное кровью на полях сражений за Москву, проявленным героизмом на трудовом фронте братство наших народов получило высшую закалку и проверку в годы Великой Отечественной войны, где мы смогли выстоять только благодаря совместным усилиям и добыть одну общую Победу сегодня, когда и Казахстан, и Россия находятся на непростом этапе реформирования всех сторон жизни общества, развития основ новой государственности, мне представляется, что неизбежные трудности нынешнего времени также преодолимы на пути дружбы, сотрудничества и всестороннего взаимопонимания.

КАЗАХСТАНЦЫ О МОСКВЕ

К 850-летию Москвы

Москва "Русский гаритет". 1997 г.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СССР: Трудармейцы Казахстана на защите Отечества

Во второй половине 30-х годов культ личности И. Сталина достиг своего апогея. Вместо единой, неделимой державы-империи возвысился единый и нерушимый Союз. Вместо православия утвердилась всепобеждающая идеология марксизма-ленинизма. Вместо монархии господствовала диктатура партии большевиков во главе с ее генеральным секретарем И. Сталиным. В этих условиях И. Сталин, партия большевиков были кровно заинтересованы в апологетике царизма, монархического режима, имперской идеологии, что было и сделано в письме И. Сталина "О работе Ф. Энгельса "Внешняя политика русского царизма".

Победил казарменный социализм. В области политической он означал сращивание партии с государством; в области экономической — господство методов внеэкономического принуждения, командно-бюрократического подхода к решению назревших проблем прогресса: в области государственной — создание видимости национальной государственности в лице кукольных союзных республик, демократической формы власти в лице номенклатурных Советов, максимальная ее централизация под эгидой правящей партии большевиков; в области социальной — отторжение рабочих и крестьян от собственности, превращение их в наемных пролетариев, укоренение примитивного распределения благ, обещания об улучшении жизни, неизменно отодвигаемые на необозримое будущее; в нравственной — коллективистские взгляды, которые, несмотря на многие положительные аспекты, поглотили личность как таковую; в духовной сфере — господство штампов, клише и мифов; в области национальной — осуществление политики этноцида, преследование целых народов, уничтожение интеллектуальной элиты, подавление национального самосознания народов, духа свободолобия, господство великодержавной идеологии и практики.

Было бы наивным полагать, что он не дал народу ничего. Был уничтожен национальный и классовый гнет; казахский народ собрал воедино земли, принадлежащие ему до колонизации империи, и создал национальную, хотя и в форме кукольной республики, свою государственность; серьезные успехи были достигнуты в области просвещения народа, эмансипации женщин, в том числе Вос-

тока. Декларирование прав на труд, образование, социальное обеспечение и т.д. сыграло позитивную роль в укреплении позиций социализма. Тотальное обобществление собственности, тотальная репрессия интеллигенции, мыслящей части рабочих и крестьян, депортация целых наций, глумление над собственным народом — обескровили народ и страну. С другой стороны, агрессия фашизма, нависшая угроза над страной потерять независимость порождали вместе с тем новые явления того времени: революционный энтузиазм, веру в идеалы, подвижничество, ненависть к фашизму — все это вместе взятое оказалось сильнее наследия сталинизма.

В годы войны происходили, как и раньше, процессы, в целом свойственные тоталитарному режиму. С одной стороны, в годы войны наблюдается специфический феномен усиления демократических тенденций, что, безусловно, нельзя рассматривать как “спускание вожжей”. Скорее всего, имел место тандем тоталитарного режима с возросшим национальным самосознанием и гражданским единением людей нашей страны. И. Сталин понимал, что под лозунгами марксизма-ленинизма не собрать всю рать и был вынужден узаконить стихийно разбушевавшийся народный патриотизм в самом начале войны. 3 июля 1941 г. И. Сталин тронул струны народной души, когда обратился к своим соотечественникам: “Братья и сестры...”. Вся страна подхватила слова песни В. Лебедева-Кумача “Идет война народная с проклятой ордой”. И. Сталин обратился не только к идеям марксизма-ленинизма, а к боевым традициям русских полководцев, флотоводцев, а в Казахстане Ж. Шаяхметов — к традициям народных батыров, хана Кене и других лидеров национально-освободительного движения. Учреждение орденов Суворова, Кутузова, Невского, Нахимова, Ушакова, погонов, офицерских и генеральских званий, негласный отказ от лозунга “Пролетарии всех стран соединяйтесь!” в военной прессе, введение вместо него лозунга “Смерть немецким оккупантам!” — все это явилось известным отступлением от идеологии казарменного социализма, приспособлением его к воле воюющего народа. Таким образом, И. Сталин, режим опирались на патриотизм народа, который вобрал в себя патриотизм дедов и дух предков.

Однако все это не означало, что казарменный социализм изменил свою сущность. Нет, наоборот, в условиях военного времени карательная политика Системы набирала новые обороты. Курс на

уничтожение малых этнических групп и народностей продолжался. По методике и тактике проведения карательные операции напоминали технологию ликвидации кулачества. Как известно, тогда в Казахстане возникло 113 спецпоселений, куда было сослано 184 тыс. человек. В республике было размещено 1121 хозяйство курдов, армян, турков, ассирийцев, высланных из Азербайджана и Армении. В ноябре 1938 г. в КазССР было переведено из тех районов 2 тыс. семей иранцев. В октябре-ноябре 1938 г. в республику было переселено с Дальнего Востока 18 526 семей (102 тыс.) корейцев. Накануне войны жителями республики стали 102 тыс. депортированных поляков. Осенью 1941 г. в КазССР было выслано свыше 361 тыс. немцев Поволжья¹. На 1 июля 1943 г. в республику было эвакуировано 532 506 человек из западных районов страны. В 1943–1944 гг. проводилось насильственное выселение в Казахстан 507 тыс. человек из Северного Кавказа и т.д.² В ноябре 1944 г. республики Средней Азии и Казахстана приняли свыше 110 тыс. человек из 220 населенных пунктов Месхети (Грузинская ССР)³. Советские немцы, как и крымские татары, калмыки, балкары, чеченцы, ингуши, карачаевцы и месхетинцы, росчерком пера “отца народов” лишались своей государственности и по подозрению в наличии “тысяч и десятков тысяч диверсантов и шпионов”⁴ высылались на чужбину, причем главной виной, как обосновывалось в указах Верховного Совета СССР, самим народом вменялось недоносительство о наличии этих мифических шпионов и диверсантов.

Таким образом, в Казахстане в 1937–1944 гг. нашли вторую родину более 1109 тыс. человек депортированного населения, а вместе с эвакуированными — около 1 млн. 640 тыс. человек. По существу в Казахстане каждый пятый был спецпереселенцем, республика напоминала гигантский Гулаг СССР. По данным на 1 декабря 1946 г., в Казахстане находилось 890 698 спецпереселенцев⁵.

¹ Козыбаев М.К. Казахстан — арсенал фронта. Алма-Ата, 1970, с.58.

² 9 февраля 1944 г. были погружены в 180 эшелонов 478479 чеченцев и ингушей. Казправда, 1995, 4 марта.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР “О ликвидации Карачаевской автономной области и об администрированном устройстве ее территории” был вынесен 12 октября 1943 г. Вслед за этим началась операция по выселению балкарцев, 16–20 мая 1944 г. — крымских татар, 31 июля 1944 г. началась депортация турков-месхетинцев из Грузии.

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР, № 38 (152), 8 сентября 1941 г.

⁵ Журнал “История СССР”, 1991, № 1, с.155.

Немцы являлись самой крупной национальной группой из всех перечисленных народов и их судьба с этого момента во многом разнится с участью других. Действие указа распространялось практически на всех лиц немецкой национальности: ссылались волжане, москвичи и ленинградцы, депортировались немцы с Украины и Кавказа, отзывались с фронтов офицеры и солдаты, лишались доверия беспартийные и коммунисты. Так, 16 октября 1941 г. ЦК КП(б) Казахстана принял постановление "О переселении немцев из областных центров республики". В нем говорилось, что "из данных НКВД КазССР видно, что антисоветский актив из числа немцев, проживающих в ряде областных городов республики, за последнее время значительно активизировал работу по линии распространения ложных слухов и пораженческой агитации среди населения.

В связи с этим ЦК КП(б) Казахстана считает невозможным в условиях военного времени проживание их в областных городах, в первую очередь в гор.Алма-Ата, а лишь в районах, МТС, совхозах и колхозах. И немцы (в том числе коммунисты и комсомольцы) не могут быть на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе"⁶.

Спустя некоторое время Семипалатинскому облвоенкому Мошкину заместитель начальника УНКВД области ст.лейтенант госбезопасности Латыпов докладывал: "На основании постановления ЦК КП(б) Казахстана, утвержденного СНК СССР, все проживающие в г.Семипалатинске лица немецкой национальности выселены из пределов Семипалатинска в районы области.

Выселению подлежат все немцы, прибывающие в Семипалатинск из других областей и республик, поэтому прописка немцев в паспортных столах запрещена"⁷.

Трагически интересен этот момент истории еще и потому, что он дает наглядное представление об извращении понятия классово-войны по догмам "Краткого курса истории ВКП(б)". Когда государство пытается строить безопасность и счастье одних народов за счет несчастья других, то законы исторического развития с фатальной неизбежностью обрушивают беды на всех и, в конечном счете, рано или поздно возвращают на круги своя вину, требующую искупления.

⁶ Архив Президента РК, ф.708, оп.1, д.3, л.116.

⁷ Госархив Семипалатинской области, ф.611, оп.1, д.52, с.103.

Отныне экстерриториальное национальное меньшинство, лишенное родительских очагов, но сохранившее имя и язык, под конвоем военных команд вывезено в Среднюю Азию, Казахстан и Сибирь⁸. В Казахстане, по данным на 1 декабря 1941 г., численность немцев-спецпереселенцев составляла 349 713 человек⁹, а общая численность возросла до 441 713 человек.

Если учесть подобное четырехкратное увеличение населения, то и без дополнительных данных можно представить весь ужас положения детей, стариков и женщин, лишенных крыши над головой и средств к существованию.

Материально-бытовое положение переселенцев-немцев на новом месте было крайне тяжелым. 15 ноября 1941 г. из Семипалатинска сообщили: проверкой установлено, что во многих колхозах Маканчинского, Аксуатского, Абралинского районов уже сейчас часть прибывших переселенцев-немцев буквально голодает, нищенствует...¹⁰. В Казахстан из Северного Кавказа первая партия спецпереселенцев-карачаевцев прибыла в октябре 1943 года (45 529 чел. — 11711 семей). СНК и ЦК КП(б) Казахстана 27 октября 1943 г. принял постановление “О расселении спецпереселенцев” согласно которому на территорию Джамбулской области было отправлено 5 тысяч семейств, в Южно-Казахстанскую — 6 тысяч семейств¹¹.

В начале февраля 1944 г. Л. Берия завершил разработку операции по депортации народов из Чечено-Ингушетии. В день Красной Армии, 23 февраля 478 479 человек были погружены в 180 эшелонов, из них в КазССР была размещена 89901 семья. По нормам железнодорожного транспорта, для перевозки высланных чеченов, ингушей, балкарцев директивными органами было определено выделить 272 состава с 15 207 вагонами. На самом же деле по инициативе ответственных работников НКВД за счет уплотнения пассажиров было “экономлено” 2 652 вагона (или 41 состав по 65 вагонов в каждом). Разумеется, такая “экономия” и привела к снижению скорости составов и значительному удлинению времени пре-

⁸ Было вывезено почти 1 млн. 400 тыс. чел. немецкой национальности. “Политическое самообразование”, 1988, № 5, с.31. По другим данным было выселено до 2 млн. сов. немцев, в т.ч. более 500 тыс. из автономной республики Поволжья // “Аргументы и факты”, 1989, № 5, с.6.

⁹ ЦГА КазССР, ф.698, оп.14, д.244, л.99

¹⁰ Архив Президента РК, ф.708, оп. 5/2, д.189, л.76 об.

¹¹ Там же, оп.1, д.6, л.232-236.

бывания выселяемых в пути. В общей сложности чеченцы, ингуши, балкарцы находились в пути с 23 февраля до 21 марта 1944 г.¹²

13 марта 1944 г., как сообщает Капальский РОНКВД, были приняты от прибывшего эшелона 1000 человек. Несмотря на то, что медики обнаружили симптомы сыпного тифа, переселенцы без проведения профилактических мер были размещены по хатам, бригадам. Во многих случаях они были расселены скученно, до 3-4 семей в одном помещении. Все это привело к распространению сыпного тифа во многих районах Казахстана. Архивные документы свидетельствуют о высокой смертности от тифа чеченов и ингушей. Положение чеченцев и ингушей в весну 1944 г. было крайне сложным. Начальник Капальского РОНКВД капитан госбезопасности Демьянов 25 мая 1944 г. в своем спецсообщении информировал, что "у чеченцев ничего нет, семьи их очень голодают"¹³.

Нет сомнений в том, что в те трагические годы численность депортированных народов резко снизилась. Они пережили демографическую катастрофу подобно казахам в годы насильственной коллективизации.

В том, что советские немцы, как и другие народы с искаленной судьбой, сумели не потерять своего "я", сохранить в лихую годину надежды на будущее, есть и доля соучастия казахов, деливших с ними не только пресную лепешку и воспитавших оставшихся сиротами детей, но и с душевной открытостью, без вражды принявших совместное проживание на земле своих предков. Процесс сближения двух народов шел на почве взаимной доброжелательности и понимания казахов, потерявших 42% численности своего населения, испытавших "прелести" коллективизации, и немцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, курдов, поголовно выселенных со своих обжитых земель. "Знакомство в трудный час перерастает в дружбу в добрый час", — гласит казахская пословица. По злой иронии судьбы Сталиным была использована в практике медленного уничтожения народов неосуществленная его противником Л. Троцким идея о трудармиях. Более 700 тыс. трудящихся Казахстана, состоящих из казахов и спецпереселенцев, были призваны в трудовые колонны, которые работали на строительстве объектов оборонного значения Урала и Сибири. Это и понятно. В годы войны

¹² Журнал "История СССР". 1991, № 1, с.144.

¹³ Госархив Талдыкурганской обл., ф.2332, оп.1, д.79, л.2.

центр тяжести по производству вооружения переместился в восточные районы и прежде всего на Урал. Объем капитальных вложений в народное хозяйство Урала составил 16,3 млрд. руб. Если в предвоенный период общая доля капитальных вложений в промышленное строительство Урала и Сибири составляла 20–25%, то во время войны она поднялась до 60%. В два раза по сравнению с 1940 г. возрос объем капитальных вложений в республиках Средней Азии и Казахстана¹⁴. За время войны капиталовложения в народное хозяйство Казахской ССР составили 3,6 млрд. руб.¹⁵ По темпам военного времени вступали в строй все новые и новые шахты и промыслы, заводы и фабрики, рудники и обогащательные предприятия, были построены железнодорожные линии Оренбург – Кандагач, Карталы – Акмолинск и т.д. На Урал были перебазированы строительные тресты южных и центральных районов: Азовстальстрой, Южтяжстрой, Запорожстрой, Стройгаз, Донбасстяжстрой, Закипромстрой. Еще более интенсивно развернули деятельность и уральские общестроительные территориальные тресты Наркомстроя СССР: Магнитострой, Тагилстрой, Североуралстрой, Ожуралстрой, Главуалстрой и другие.

Для обеспечения новостроек рабочей силой по решению ГКО, принятому 8 июля 1941 г., на базе действующих строительных и монтажных трестов были созданы особые строительно-монтажные части (ОСМЧ), высокая мобильность которых позволяла перебрасывать их с одной стройки на другую, в случае необходимости – переводить личный состав частей на казарменное положение¹⁶. В первые месяцы войны пополнение на стройки произошло за счет стройбатальонов, укомплектованных мужчинами призывного возраста. В октябре 1941 г. они были переименованы в строительные рабочие колонны и переданы в ведение наркоматов, проводивших строительство. Наркомстрой учредил при ОСМЧ штаб рабочих колонн. 13 февраля 1942 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР “О проведении мобилизации рабочей силы для решающих отраслей промышленности”. В соответствии с ним 4 мая 1942 г. СНК СССР разработал мероприятия по обеспечению рабо-

¹⁴ Строительство в СССР. 1917–1957 гг. М., 1958, с.74.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф.3922/4372, оп.4, д.890, л.113.

¹⁶ Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974, т.2, Трудовой подвиг народа, с.139–140; Липатов П.Л. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны. М., 1960, с.43.

чей силой угольной промышленности Урала, в результате чего туда было направлено 16000 рабочих, в том числе и из Казахстана¹⁷.

14 октября 1942 г. ГКО дал указание Наркомату обороны провести через военкоматы мобилизацию 10 тыс. трудящихся в возрасте от 19 до 50 лет для работы в угольной промышленности. В основном эту операцию должен был провести Среднеазиатский военный округ на обширной территории, включая и Казахскую ССР¹⁸. Мобилизованные объединялись в рабочие колонны по тысяче человек. САВО обязался отправить угольщикам в ноябре 1942 г. 53 колонны, а в январе 1943 г. — 47 колонн¹⁹. ГКО в июне 1942 г. для Карагандинского бассейна направил 1500 донбассовцев, 5000 человек из числа мобилизованных для угольной промышленности²⁰. Более 15 тыс. рабочих были мобилизованы на шахты Караганды в октябре-ноябре 1942 г.²¹ На стройках и промышленных предприятиях Урала, Сибири и Центральной России трудились свыше 200 тыс. казахстанцев, из них 13 тыс. на Магнитогорском комбинате, 16 тыс. — в Кузбассе, 20 тыс. — на заводах Урала. В Челябинской области рабочие республик Средней Азии и Казахстана составляли 18% всех занятых в промышленности. Сотни казахов, узбеков влились в семью рабочих заводов истроек г.Электросталь Московской области²². На предприятиях 17 городов и районов Свердловской области трудились свыше 32 тыс. рабочих, прибывших из республик Средней Азии и Казахстана. Казахские рабочие принимали участие в сооружении двух крупнейших доменных печей в Нижнем Тагиле, доменной печи на Чусовском металлургическом заводе, Чебаркульского ферросплавного, Челябинского металлургического, Южноуральского трубопрокатного, Богословского алюминиевого заводов. С их помощью были построены десятки новых мартеновских и электрических печей, прокатных станов, расширены мощности старых уральских заводов — Златоустского, Серовского, Ревдинского. Скоростными

¹⁷ ЦГАНХ, ф.8225, оп.1, д.1437, л.181.

¹⁸ Архив Президента РК, ф.708, оп.61, д.1184, л.31.

¹⁹ Архив Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию (Арх.ГКПТО), ф.35, оп.2, св.2. Арх.8, л.49; ГАКО, ф.456, оп.4, д.13, л.378-379.

²⁰ ЦГАНХ, ф.8225, оп.1, д.1438, л.56; ПАКАРО. Ф.1, оп.1, д.7386а, л.1-3.

²¹ Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 1962, т.1, с.195; ПАНО, ф.4, оп.64, д.189, л.61.

²² Великая победа советского народа. 1941-1945. М., 1976, с. 470.

темпами в составе ОСМЧ они сооружали мощные коксовые батареи в Челябинске, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Губахе.

Тысячи рабочих-казахов трудились на заводах Наркомата обороны, на строительстве Луковской ГЭС, Красногорской и Челябинской ТЭЦ, Егоршинской ГРЭС, около тысячи человек — на шахтах и разрезах Челябинского угольного бассейна²³, на лесоразработках, на Высокогорском, Богословском, Гороблагодатском рудниках.

Мобилизация в трудовую армию в годы Великой Отечественной войны во многом напоминает реквизицию джигитов Средней Азии и Казахстана на окопные работы в 1916 г. В рабочие колонны зачислялись для тяжелой подземной работы молодые призывники 1924 г. рождения — националы из тех же республик, нестроевые до 50 лет, а также отсеянные по морально-политическим соображениям.

Мобилизацию в трудовые колонны проводили и для нужд промышленности и строительства внутри республики. Мобилизованные, как правило, использовались в качестве чернорабочих. Так, например, 10 тыс. казахов зимой 1942 г. при 30–40 градусных морозах рыли котлован для шестой домны Магнитогорска. В одном из донесений из Ревдинского завода Урала отмечается: “казахи используются на самых тяжелых работах (погрузка, выгрузка, подножка труб, работа в качестве прессовщиков, молотобойцев и т.д.)”²⁴.

По разверстке ГКО в республике проводилась мобилизация военнообязанных в Зырянское, Березовское, Белоусовское, Лениногорское рудоуправления, Текелійский свинцово-цинковый комбинат, тресты “Майкаинзолото”, “Каззолото”, комбинаты Карагандауголь, Ленгеруголь, Карагандашахтострой, на предприятия местной и топливной промышленности республики, на Казахстанский металлургический завод, на предприятия Наркомата путей сообщения, Казахстаннефтекомбинат, на строительство шести оперативных аэродромов полевого типа на территории Западного Казахстана и т.д.²⁵. Эти мобилизованные трудовые ресурсы, как правило, были преимущественно молодого возраста²⁶.

²³ Агарышев П.Г. В забой, как в бой. Челябинск, 1972, л.46.

²⁴ Свердловский архив, ф.4, оп.38, д.128, л.47.

²⁵ На 17 июня 1943 г. общее количество мобилизованных в промышленность и на транспорт, включая наборы в ФЗО, РУ, составило 408 824 человека. См.: АПРК, ф.708, оп.71, д.156, л.49.

²⁶ Там же, ф.708, оп.61, д.1181, л.139.

Военный Совет Среднеазиатского Военного Округа 4 апреля 1942 г. известил ЦК КП Казахстана о том, что "большинство рабочих колонн продолжают находиться в чрезвычайно тяжелых условиях существования, личный состав колонн нередко продолжительное время находится без нормального питания, санитарного обслуживания, не обеспечен элементарными условиями размещения"²⁷.

Положение трудармейцев-казахов было крайне тяжелым. Голод, холод, инфекционные болезни косили людей. В конце 1942 г. в бараках одного из заводов г. Горького обнаружили несколько разложившихся трупов трудармейцев. Медэкспертиза подтвердила, что они скончались в результате систематического недоедания, истощения, голода, холода, психологического дискомфорта. Многие трудармейцы в Сибири и на Урале жили в заброшенных бараках, месяцами не ели горячую пищу. Только в середине 1943 г. после многочисленных тревожных сигналов с мест стали обращать внимание на нужды трудармейцев-националов. Так, бюро Свердловского городского комитета партии в январе, марте 1943 г. рассмотрело вопрос о материально-бытовом обеспечении рабочих, прибывших по мобилизации из республик Средней Азии и Казахстана. В мае 1943 г. Свердловский областной комитет партии обсудил данный вопрос. Было проведено по этому поводу фронтальное обследование. В июне и сентябре 1943 г. бюро Свердловского обкома ВКП(б) разработало меры, направленные на улучшение устройства быта рабочих, прибывших из братских республик на строительство Луковской ГЭС. 11 августа 1943 г. Свердловский областной комитет партии принял постановление "Об ознакомлении мобилизованных рабочих из Среднеазиатских республик с правилами техники безопасности на Новотагильском, Свердловском металлургическом и коксохимическом заводах Наркомчермета". 17 августа 1943 г. бюро областного комитета партии заслушало вопрос "О состоянии общественного питания мобилизованных" на предприятиях Трубстроя. В декабре областной комитет партии принял меры по улучшению материально-бытовых условий мобилизованных из Казахстана на предприятиях Нижнего Тагила²⁸.

В этих и других решениях Свердловского обкома партии предусматривались меры по строительству общежитий постоянного

²⁷ Архив Президента РК, ф. 708, оп. 6/2, д. 185, л. 22.

²⁸ Бывший партархив Свердловского обкома КПСС, ф. 4, оп. 38, д. 59, 61, 128.

типа, обеспечению рабочих теплой одеждой, обувью, по налаживанию учета и организации труда. На многих предприятиях были учреждены должности заместителя начальника строительства по быту и кадрам, заместителя председателя постройкома или завкома, также массовика для работы среди трудящихся братских республик. На Новотагильском металлургическом заводе в штат завкома была введена должность инструктора-воспитателя.

К сожалению, мы не знаем, какова численность возвратившихся казахов-трудармейцев после войны. Но не подлежит сомнению, что вернулись немногие, мало, кто дожил до наших дней. Еще более печальным было положение трудармейцев-немцев.

В Положении “О порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев” сказано: “Все мобилизованные немцы призывных возрастов направляются для работы при лагерях НКВД СССР и организуются в рабочие колонны при исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР”²⁹. В другом документе, адресованном “начальнику 2-го отделения СУР N 4 НКВД”, отмечается, что “в соответствии с инструкцией НКВД СССР “О порядке охраны спецконтингента (мобилиз. немцев)”, а также в целях организации охраны колонн и усиления контроля за спецконтингентом предлагаю:

1. Всех немцев, проживающих вне колонн, немедленно водворить в колонны.

2. Приступить немедленно к оборудованию и устройству зон для колонн. Оборудованность зон произвести по типу устройства зон для содержания заключенных”³⁰.

3. В Положении подчеркнуто, что “вокруг барakov (дворов) устанавливается ограждение-зона, которая охраняется военизированной охраной Гулага. Выход из зоны с момента утренней и вечерней проверки разрешается по пропускам или в строю. Внутри зоны и бараках хождение свободное”.

В колоннах устанавливался строгий воинский порядок. “За нарушение внутреннего распорядка, неисполнение поручений или распоряжений начсостава отряда, колонны и бригадиров, за невыполнение производственных норм и за порчу инструмента или лагерного имущества на мобилизованных немцев могут налагаться следующие взыскания:

²⁹ Госархив Карагандинской области (ГАКО), ф.108, оп.2, д.5, л.6.

³⁰ Там же, л.20.

- а) личный выговор и предупреждение;
- б) выговор перед строем;
- в) денежный штраф;
- г) назначение на самые тяжелые работы;
- д) арест в дисциплинарном порядке до 20 суток;
- е) строгий арест до 10 суток.

Стоимость содержания за время ареста удерживается из заработка подвергнувшегося наказанию;

- ж) предание суду”³¹.

Согласно этому Положению, подписанному зам.наркома внутренних дел СССР комиссаром госбезопасности Кругловым, устанавливался порядок содержания арестованных при строгом аресте:

“ — арестованный содержится в одиночной камере и на работы не выводится;

- должен спать на голых нарах;
- горячую пищу получает через день;
- в дни неполучения горячей пищи арестованному выдается хлеб, чай и вода;

— прогулки устанавливаются один раз в день продолжительностью 30 минут под наблюдением вооруженного выводного”³².

Рабочие колонны, укомплектованные из немцев-переселенцев, пригодных к физическому труду, формировались в течение всех военных лет. Шла мобилизация также женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет включительно³³. От мобилизации освобождались все женщины-немки, мужья которых являлись русскими. Не подлежали мобилизации жены русские, мужья которых и дети были немцами³⁴.

Формирование колонн велось быстрыми темпами. Так, Семипалатинский облвоенком 23 января 1942 г. дал райвоенкоматам телеграмму: “На основании постановления ГКО N 1123 приказываю сформировать штату 49/1 рабочую колонну 1870 дислокацией Жана-Семей; срок готовности колонны 28 января. На укомплектование колонны призвать мужчин из немцев-переселенцев и немцев местных жителей, отсеченных при мобпризывах в возрасте от 17 до 50 лет включительно, годных к физическому труду, незави-

³¹ ГАКО, ф.108, оп.2, д.5, л.7.

³² ГАКО, ф.108, оп.2, д.5, л.7.

³³ Госархив Кокчетавской области, ф.4, оп.1, д.158, л.190.

³⁴ Там же, л.189.

симо от того, состоят или нет на учете как военнообязанные. Вызов произвести персональными повестками при содействии органов НКВД, пропустив всех через медкомиссию.

Обязать призываемых явиться в исправной зимней одежде с запасом белья, постельной принадлежностью, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия, предупредить каждого, что никакой одежды на месте работы он не получит.

О проведении данных мероприятий доложить районному руководству и осуществить контроль за явкой и содержанием призванных на пункт. Дела на уклонившихся немедленно передавать органам НКВД для привлечения к ответственности.

О ходе призыва доносить ежедневно по форме: а) сколько подлежало; б) сколько явилось; в) сколько зачислено в колонну”.

Днем раньше батальонный комиссар Мошкин дал по серии “Г” другую телеграмму:

Москва Нач ВОСС КА, копия: Ташкент Нач. ВОСС САВО Алма-Ата 3 Турксиба, Сем. облуправление НКВД ЭКУ Ст.Семипалатинск:

Перевозки рабочих колонн постановлению ГКО 1123 прошу предоставить подвижной состав следующих станций дв тчк Первый эшелон колонна 1869 станция Аул Томской дороги 1000 человек колонна номер 1873 станции Бельгаач Томской 1000 человек. Готовность погрузке 26 января зпт.

Второй эшелон колонна номер 1870 станция Жана-Семей Турксиба 300 человек, готовность погрузке 28 января.

Станция Аягуз Турксиба 700 человек готовность погрузке 29 января зпт.

Третий эшелон колонна номер 1871 станция Чарская 300 человек и станция Жангиз-тобе 700 человек и колонна номер 1872 станция Жангиз-тобе 1000 человек, готовность погрузке 29 января тчк. Пункт назначения колонны: станция Бакал Южно-Уральской желдороги. Распоряжение начальника Бакалстрой НКВД Вашем распоряжении прошу телеграфировать кр 447.

Облвоенком Мошкин”³⁵.

Погрузка людей в эшелон производилась по счету количественно, переключку по спискам сделать было невозможно, т. к. грузи-

³⁵ Госархив Семипалатинской обл., ф.611, оп.1, д.52, л.39.

лись ночью и весьма скороспешно”, — писал в своей докладной записке от 31 марта 1942 г. нач. эшелона N 5040 мл. лейтенант Кармишин, сопровождавший эшелон призванных немцев в трудколонны 1871 и 1872, адресованный в Бакалстрой (2480 чел.)³⁶.

Как видно из акта и других документов, людей отправляли этапом, принимали как скот на мясокомбинатах на убой.

Мобилизованные немцы в строительные колонны доставлялись до лагерей. “Акт”, составленный 24 февраля 1942 г., гласит: “Начальник эшелонов N 5040 и 5042 мл. лейтенант госбезопасности т. Догмишин А. С. и приемная комиссия Соликамстрой НКВД в составе: председателя комиссии зам. начальника управления Соликамстрой НКВД лейтенанта госбезопасности т. Ерохина А. И., членов: начальника 2-го отдела тов. Олехнович, начальника санчасти т. Селютина, начальника ООС тов. Моховой составили настоящий акт о том, что сего числа принят этап трудармейцев в количестве четырех сот семидесяти человек из мобилизованных немцев из Урджарского, Аягузского Семипалатинской области, отправленных НКВД по Семипалатинской области, станции Аягуз.

Приемка произведена по фактическому наличию оказавшихся трудармейцев... У трудармейцев обнаружена значительная вшивость. Из справок сданных в пути в больницы, у 7 трудармейцев обнаружен сыпный тиф.”³⁷

Время от вручения повестки до прибытия в лагерь Байкалстрой заняло один месяц. При этом более трех недель мобилизованные находились в пути. В том акте, который я цитировал, отмечается, что в пути 7 человек были сданы в больницы, 20 человек отстали или бежали в пути. Нервы людей не выдерживали этот кошмарный ад. Масштабы принудительного лагерного труда поистине велики.

По существу без оплаты трудились миллионы колхозников. В 1944 г. голодало сельское население Актюбинской области, и не только этой. ГКО был вынужден принять по этому вопросу специальное постановление.

К началу войны общее число заключенных в СССР составляло примерно 2,3 млн. человек. Из них были досрочно освобождены и направлены в армию более одного миллиона осужденных.

³⁶ Госархив Семипалатинской обл., ф.611, оп.1, д.52, л.167.

³⁷ Там же, л.164.

Кроме того, заключенные привлекались к строительству оборонных сооружений, работали на важнейших оборонных стройках. Свыше 39 тыс. из них производили боеприпасы и вооружение, 20 тыс. строили танки, 40 тыс. работали в угольной и нефтяной промышленности³⁸.

Управление исправительно-трудовых лагерей НКВД Казахской ССР на 1 февраля 1942 г. организовало для обслуживания предприятий и строек 17 контрагентских колоний с общей численностью заключенных в 9458 человек³⁹. В последующем численность заключенных на оборонных стройках значительно возросла.

Специальные исправительно-трудовые лагеря обслуживали Казахстаннефтьестрой, Актюбинский ферросплавный завод (на 1945 г. 266 чел.)⁴⁰, предприятия Караганды (на 1 сентября 1943 г. — 7340 чел., в том числе 4405 чел. трудмобилизованных), Джезказганский медеплавильный комбинат⁴¹. “География трудармейских лагерей довольно широкая, — отмечает исследователь А. Дик, — от Коми АССР до бухты Ванино на Дальнем Востоке. Я насчитал свыше 100 лагерей и лагпунктов, но их гораздо больше: Соликамск, Котлас, Воркута, Якутия, Архангельская область, Ивдель, Челябинск, Гурьев, Нижний Тагил, Уфа, Караганда, Тула, Копейск, Кемерово, Краснотурьинск, Орск, Киров, Иркутск, Куйбышев, Новосибирск... В этих и других местах советские немцы — мужчины и женщины — валили лес, строили заводы и шахты, буровые вышки и железные дороги, мосты, добывали уголь, руду”⁴². Разница между спецпереселенцами и рабочими-колонистами из республик Средней Азии и Казахстана состояла в том, что первые находились за колючей проволокой со всеми лагерными атрибутами, а последние — на казарменном режиме — со всеми лишениями и каторжными условиями труда.

Сотни чеченцев и ингушей работали на промыслах Эмбы, рудниках Горного Алтая, на Коунрадском, Текелийском рудни-

³⁸ “Правда”, 1990, 9 мая.

³⁹ Архив Президента РК, ф.708, оп.6/2, д.190, л.56

⁴⁰ Актюбинский облгосархив, ф.1550, оп.4, д.47, л.34.

⁴¹ Архив Президента РК, ф.708, оп.06/2, д.9, л.50; Карагандинский госархив, ф.108, оп.1, д.1-, л.50-51.

⁴² “Казахстанская правда”, 1992, 28 марта.

ках. Об условиях труда “рабочих колонн” один из строителей Челябинского металлургстроя – ЧМС НКВД – впоследствии вспоминал: “9 февраля 1942 г. на стройплощадку будущего комбината прибыло более 25 тыс. трудмобилизованных советских немцев... Здесь мы выкопали в мерзлой земле землянки, в которых было чуть теплее, чем на улице, ночью одеяла примерзали к полу... Каждое утро по команде “подъем” и “бегом” отправлялись, кто мог, за баландой – мутной жидкостью, очень похожей на поmoi”⁴³.

Судьба мобилизованных в трудовую армию рабочих пока остается “белым пятном” в истории рабочего класса страны. Однако одно ясно, что существование лагерного труда было заложено в природу казарменного социализма.

Трудом миллионов людей в тылу за Уралом была создана могучая линия обороны страны. Ежегодный прирост объема промышленности на Урале достигал 50% вместо 16% в довоенные годы. Промышленное производство на Урале увеличилось в 4,5 раза. Только один из артиллерийских заводов выпустил к концу войны 100 тыс. пушек, из которых 95 тыс. были изготовлены за три с половиной года войны. Этот завод поставил Советской Армии в 10 раз больше пушек, чем их было на вооружении всей царской армии к началу первой мировой войны. Урал давал в годы войны до 40% всей продукции военной промышленности⁴⁴.

Могучим арсеналом фронта стал Казахстан. Если каждый третий снаряд, выпущенный по врагу, был сделан из магнитогорской стали, то 9 пуль из 10 были отлиты из казахстанского свинца. В победе советского народа над фашизмом велик вклад тружеников тыла. Свою весомую лепту в создание слаженной военной экономики внесли трудармейцы. Многие из них преодолели обиду на власть Советов, во имя спасения Отечества трудились на совесть. В объяснительной записке к годовому отчету по капитальному строительству Актюбинского комбината НКВД дана таблица по степени выполнения норм⁴⁵.

⁴³ “Фройндшафт”, 1988, 22 октября; “Нойес Лебен”, 1988, 16 октября.

⁴⁴ Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957, с.243.

⁴⁵ Актюбинский облгосархив, ф.1550, оп.8, д.7, л.4.

Выполнение норм на Актюбинском комбинате, в %

Контингент	Строительно-монтажные работы			Подсобно-вспомогательные работы		
	до 100	от 100 до 150	от 150 и выше	до 100	от 100 до 150	от 150 и выше
Заключенные	592	865	50	621	1016	2
Р/к немцев	13	184	—	32	94	—
Трудармейцы	62	36	—	48	98	—
Всего:	667	1085	50	701	1208	2

В архивах много документов, повествующих о героическом труде трудармейцев, в том числе немцев, о премировании, о выдаче им дополнительных продовольственных и хлебных талонов, костюмов индивидуального пошива, комплектов зимнего обмундирования, о ходатайстве перед вышестоящими инстанциями о досрочном освобождении и о снижении сроков наказания заключенным.

На всю Магнитку гремела слава о Рахметове, землекопе одной из строительных колонн треста “Магнитострой”. За счет уплотнения рабочего дня, правильной организации труда и применения наиболее рациональных сменных комплектов землекопного инструмента на работах Водоканалстроя при рытье траншей пожарно-питьевого водопровода этот рабочий 29 января 1942 г. выполнил дневное задание на 320%, 30 января — на 380, а 31 января — на 450%. За три дня он выбросил 22 кубометра мерзлого и талого грунта, выполнив задание на 413%⁴⁶. 3 февраля 1942 г. газета “Магнитострой” призвала распространить опыт работы стахановца Рахметова. Руководитель стройколонны Я.Янко выступил на ее страницах со статьей “Замечательный почин”. “Кто такой т.Рахметов?” — читаем мы в статье. В недавнем прошлом он колхозник Казалинского района, казах, беспартийный. На стройке всего один месяц. Но его труд является ярким свидетельством того, с какой силой живет в сердцах простых советских людей желание отдать все силы делу помощи фронту”⁴⁷. Рахметов был назначен инструктором стахановских методов труда по земляным работам при отделе охраны труда треста. Метод работы гвардейца тыла был взят на вооружение во всех звеньях стройколонны⁴⁸.

⁴⁶ “Магнитострой”, 1942, 3 февраля.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, 1942, 5 февраля.

Прославил себя трудовыми успехами звеньевой 7-го стройуправления А. Айтпаев. Этот передовой рабочий в январе 1943 г. был награжден орденом “Знак Почета”⁴⁹. В год победы Айтпаев дал рекордную выработку — 560%.⁵⁰ Войну закончил бригадиром-строителем одного из оборонных объектов Урала.

Героем “Магнитостроя” был бригадир бетонщиков Рахимов. В ноябре 1942 г. он установил рекорд — выполнил норму на 1000%.⁵¹ “И вот на строительстве часто бывало так, — писал парторг ЦК ВКП(б) А. А. Осмер, — Рахимов дает две нормы, Смертин перекрывает его показатели на десять-пятнадцать процентов. А через день-другой снова вперед вырывается Рахимов”.

Трудовая слава о самой лучшей бригаде землекопов 4-го стройуправления “Магнитостроя” Б. Карагулова гремела в дни войны на весь индустриальный Урал. Он работал на многих важнейших пусковых объектах стройки. Его труд был отмечен Орденом Трудового Красного Знамени⁵².

Самоотверженно трудился на Магнитке и завоевал в соревновании рабочих ведущих профессий звание “Лучшего рабочего треста “Магнитострой” К. Кинбаев, награжденный орденом “Знак Почета”⁵³. Орденами и медалями Родины были отмечены ковшевой мартеновского цеха N 1 Магнитогорского металлургического комбината М. Ташенов, бригадир каменщиков “Магнитостроя” И. Культаев, молотобоец копрового цеха Магнитогорского металлургического комбината Т. Мусабаев, грузчик железнодорожного транспорта Б. Балтабаев и многие другие. За гвардейский труд обувщик Н. Шамшиев (нормы в течение шести месяцев 1944 г. в среднем выполнял на 521%) был занесен в общепостроенную “Книгу почета”. Значком “Отличник социалистического соревнования Наркомчермета” были награждены слесарь стройуправления N 5 “Магнитостроя” Дж. Тасимов, старший бригадир этого же стройуправления Е. Тугульбаев и многие другие передовики производства⁵⁴.

⁴⁹ “Магнитогорский рабочий”, 1943, 19 января.

⁵⁰ “Магнитострой”, 1945, 20 ноября.

⁵¹ “Челябинский рабочий”, 1942, 8 декабря.

⁵² “Магнитострой”, 1945, 25 ноября.

⁵³ Там же, 1945, 25 мая.

⁵⁴ “Магнитострой”, 1942, 11 августа; 1945, 9 февраля; “Челябинский рабочий”, 1943, 20 января, 13 октября; “Магнитогорский рабочий”, 1943, 19 января.

Героически трудились казахские рабочие и на других заводах и новостройках Урала. Грузчики бригады Каршибаева на Богословском алюминиевом заводе возглавили движение двухсотников. Бригадир был награжден орденом “Знак Почета”⁵⁵. На алюминиевом заводе из 126 строителей 55 казахов были премированы, 18-ти — присвоено звание “Отличник социалистического соревнования”, 26 — награждены Почетной грамотой.

Всему Уралу были известны трудовые подвиги 222 посланцев Казахстана, ставших горняками Высокогорского рудника. В отчете в ЦК ВКП(б) о работе Свердловского обкома партии среди мобилизованных рабочих отмечалось, что “все они выполняют и перевыполняют производственную норму на 250-300% и выше”⁵⁶. На металлургическом заводе им.Куйбышева 40 рабочих-казахов были удостоены высших правительственных наград⁵⁷. На Новотажильском заводе возглавили героический труд казахстанцев канавный мартеновского цеха Турапов, кузнец мастерской доменного цеха Аязбаев, каменщики Бекешбаев, Байсатдинов. В Зырянском руднике (Алапаевск) все горняки-казахи выполняли нормы.

Труд посланцев республики был отмечен и на угольных шахтах Сибири⁵⁸. На строительстве треста Сталинскпромстрой трудились 15 гвардейских и 6 бригад-ударников, состоящих из 276 рабочих-казахов. Руководство треста в письме в адрес ЦК Компартии Казахстана писало: “Не выполняющих норм среди казахов нет: нормы выполняют не ниже, чем на 113%. Трудовая дисциплина среди них очень высокая, нет прогулов и опозданий”⁵⁹.

Лучшие из лучших посланцев Казахстана приняли участие в слете рабочих нерусской национальности, состоявшемся в феврале 1944 г. в г. Новосибирске⁶⁰. Самоотверженно работали тысячи немцев, представители народов Северного Кавказа, а также депортированные поляки, мобилизованные в трудовые армии из Казахстана. Так, на Северном Урале в труднейших условиях военного времени немцы-трудоармейцы в тайге возвели город Крас-

⁵⁵ Партархив Свердловского обкома КПСС, ф.4, оп.39, д.175, л.9.

⁵⁶ Там же, л.87.

⁵⁷ Там же, л.91.

⁵⁸ “Правда” (выездная редакция на шахте им.Калинина), 1943, 21 января.

⁵⁹ Партархив Казфилиала ИМЛ, ф.708, оп.7, д.1701, л.5.

⁶⁰ Урал — становой хребет обороны. Пермь, 1943, с.32.

нотуринск, выстроили промышленный гигант по производству глинозема и алюминия⁶¹.

Изучение духовного опыта народа свидетельствует, что советские народы только в союзе, общими силами смогли отстоять свою свободу и независимость. Жить в мире и согласии, сообща разделить горе и радость с народами России — это тоже достояние нашей истории.

В журнале “Дружба народов” было опубликовано письмо из Казахстана, адресованное Роберту Веберу, председателю Комиссии по советской немецкой литературе при СП СССР. В нем говорится: “У советских немцев к казахам любовь особая. Когда в 1941 г. немцы из Поволжья — сотни тысяч людей с узелками в руках — были сосланы в казахстанские степи, казахи помогли им выжить, приютили их. Думается, что тут взаимная любовь”⁶².

На XVIII съезде ВКП(б) отмечалось, что советское общество “представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм”. И далее: “Это значит, между прочим, что в случае войны тыл и фронт нашей армии, ввиду их однородности и внутреннего единства, будут крепче, чем в любой другой стране...”⁶³.

На долгие годы эти сталинские положения легли в основу концепции о действующих факторах победы. Как же было на самом деле? Каковы факторы, движущие силы нашей великой Победы?

Накануне и в годы войны не было и не могло быть морально-политического единства в сталинском понимании. Тяжелый след в жизни миллионов советских людей оставила тотальная репрессия 30-х годов. Те годы во многом напоминали годы великого бедствия в период опустошительного набега джунгар в 1723 г. Сотни тысяч казахских крестьян оказались на чужбине. Был нарушен вековой образ жизни; гонимые голодом, нищетой, тысячи казахов из аула нашли приют и работу в промышленных центрах Урала, Сибири и Средней Азии. Источником пополнения рабочего класса в первой половине 30-х годов, таким образом, оказалось далеко

⁶¹ Воспитание культуры межнациональных отношений. Алма-Ата, 1988, с.85.

⁶² Чего ждут “приволжские немцы”? “Дружба народов”, 1988, № 11, с.238.

⁶³ XVIII съезд Коммунистической партии (б). Стенограф. отчет. М., 1939, с.26.

не трудовое согласие, а гармония интересов рабочих и крестьян. Глубоко задевала интересы тружеников деревни и аула сформированная политика индустриализации страны. Рабочий класс и крестьянство были лишены собственности, по существу они стали пролетариями города и деревни.

Да, у советских людей было достаточно оснований для недовольства политикой Коммунистической партии и советского государства. Основным методом созидания нового строя стало насилие, но советские люди оказались великодушными, перед лицом грозной опасности они отодвинули свои обиды на власть Советов на второй план. Объединила советских людей общность их трагических судеб, это, во-первых. Объединяла народы страны обрушившаяся агрессия на страну, угроза потери ее независимости. Это, во-вторых. Объединяла их всенародная борьба с врагом на фронтах, в тылу врага и труд во имя победы в глубоком тылу. Это, в-третьих. Объединяла советских людей принадлежность к своему Отечеству, чувство дедовского патриотизма. Советские люди все еще верили в идеалы Октябрьской революции 1917 г. Нельзя сбрасывать со счетов первые успехи Советской власти. Составным элементом морально-духовного подъема народа на защиту Отечества являлась общность исторических судеб народов России. Находясь в составе империи, народы окраин, в том числе казахский народ, в лице России обрели Отечество. Оно не всегда ласкало туземцев, инородцев, но защищало его от иных агрессивных соседей. Единое духовное пространство способствовало приобщению отсталых народов к достижению мировой цивилизации.

Наша трактовка действующих факторов Победы была бы неполной, если бы мы не определили свое отношение к ключевому вопросу о роли Коммунистической партии и советского правительства в Великой Отечественной войне.

Как известно, партия Ленина была создана для работы в экстремальных ситуациях. Она накопила богатейший опыт работы в условиях подполья. Советское государство, созданное на развалинах империи, в период революции и гражданского противостояния функционировало, как сложный военизированный организм.

В годы социалистического строительства диктатура партии набирала новые обороты. Вся ее внутренняя жизнь была направлена на осуществление идеалов казарменного социализма при руководящей роли или по-другому — под диктатом правящей партии.

Партия стала сражающейся партией, она взяла на себя всю историческую ответственность за судьбу страны. Иначе говоря, Компартия была наиболее приспособлена к организации общества в условиях войны. Тотальная мобилизация людей на фронт, тотальная эвакуация промышленности, материальных и людских ресурсов на Восток, перевод в кратчайший срок всей экономики на военный лад, создание единой слаженной военной экономики, второй линии обороны на Востоке, формирование гигантской армии на фронтах, армии труда в тылу и т. п. — все это было под силу только милитаризованному государству и Коммунистической партии. Если в мирное время силовое государственное начало было встречено советскими людьми в штыки, то в годы войны такое начало было одобрено значительным большинством общества. Именно здесь Коммунистической партии удалось достичь известной гармонии интересов народа и советского государства.

Потеряв в 1941 г. 67% стрелкового оружия, 91% танков и САУ, 90% боевых самолетов, 90% орудий и минометов, уже в 1943-1944 гг. Советский Союз сумел создать и полностью оснастить всем необходимым 6 танковых армий, 10 артиллерийских корпусов, 44 артиллерийские дивизии подрыва, 14 воздушных армий.! За пять месяцев в самом начале войны Советскому Союзу удалось сформировать 291 дивизию, 94 бригады. Разве это не граничит с фантастикой!

Организаторская и руководящая роль во всем этом принадлежала партии коммунистов и отрицание этого граничило бы с фальсификацией истории. Отмечая положительно главенствующую роль партии и государства в обеспечении победы, мы в то же время сознаем, что здесь наиболее ярко проявились милитаризованная природа партии, тоталитаризованная сущность диктатуры пролетариата, мобильность идеологической машины и большевистское искусство управления страной в условиях чрезвычайности.

Бесконечно много вместили в себя военные годы. Здесь и опыт созидания, суровое испытание войной, и боль потерь, и счастье, и обиды, унижение человеческого достоинства, и возвышение национального духа, и отвага ожесточенных сражений, и скромное величие трудовых будней. Война проверила огнем и мечом все завоевания революции и выявила потери казарменного социализма.

“Феникс”. март, 1997 г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Историография исторической демографии Казахстана имеет свою давнюю традицию и уходит своими корнями в далекое дореволюционное время. Серьезное внимание уделялось проблемам демографии в Казахстане в 20-е годы. Новый импульс к изучению исторической демографии в нашей стране дала перестройка, новое мышление. В ряде опубликованных работ освещена историография проблемы. В республике ныне складывается школа историков-демографов, труды ученых республики вошли в научный оборот зарубежной историографии. Имена и труды Н. В. Алексеенко, Н. Е. Бекмахановой, А. Б. Галиева, Ф. Н. Базановой, М. М. Татимова и др. широко известны за пределами республики. Заметные сдвиги произошли в освоении проблем “белых пятен”. Демографы и историки Казахстана выступали со статьей “Казахская трагедия” о демографической трагедии, пережитой народом в результате насильственной коллективизации, голода 1932–1933 гг., о демографических последствиях безусловной унификации социально-этнических процессов в период социалистических пятилеток, подъема целинных земель и особенно застоя. Появились первые публикации о силовой миграции, в результате которой народ, давший название республике, оказался в меньшинстве. Ученые-демографы принимают участие в подготовке законов по вопросам демографической политики, формируют общественное мнение. Одним из крупных центров республики, где идет процесс формирования школы демографов, стал г. Акмолинск. Во главе ее видный историк-исследователь, организатор науки демографии профессор Н. В. Алексеенко.

Вместе с тем было бы ошибочным с нашей стороны преувеличивать успехи казахстанских демографов. В республике не сложилась постоянно действующая стройная система демографической службы. Не развита координация усилий демографов для решения целевых республиканских и межреспубликанских программ. Мы все еще не преодолели тяжелое наследие прошлого - боязнь демографической науки начала XX в. Ни одно высшее учебное заведение республики не готовит специалистов по истории демографии.

Между тем задачи создания обновленного Союза, суверенизация республик, перехода к рыночным отношениям, к правовому государству настоятельно требуют от ученых как можно быстрее определить место исторической демографии в системе знаний о народонаселении и в системе исторических наук. Настала пора перейти от описательной демографии к собственно ее предмету. Как известно, основным тезисом социалистического закона народонаселения был тезис о полной и рациональной занятости трудоспособного населения, т. е., попросту говоря, об отсутствии при социализме безработицы. На демографию механически переносилась марксистская социологическая концепция формационного развития, приоритета классовых интересов перед национальными и общечеловеческими. Все это деформировало демографическую науку в СССР, наши зарубежные коллеги теряли научный интерес к трудам советских ученых. Поэтому главная задача советских ученых — отказаться от прежних идеологических стереотипов и войти в мировое сообщество демографов.

Уточнив предмет, восстановив в правах историческую демографию как науку, стоящую на стыке социобиологических наук, по всей вероятности, мы должны ответить на ряд вопросов. Прежде всего, почему демография (историческая демография — часть ее) вышла из рамок скучного и строгого академизма и смело шагнула в число политических наук? Почему вопросами демографии вдруг заинтересовались все, начиная от писателей, поэтов и политологов до репортеров вечерних газет? Вероятно, демографическая сфера человеческой жизнедеятельности оказалась не менее значимой, чем социальная, экономическая, политическая и духовная. Мы с большевистским пуританством обходили такие вопросы, как реальное состояние брачности, разводов, рождаемости, смертности, считая все, что связано с сексуальными проблемами, недостойными внимания, кроме того, не хотелось раскрывать поистине ужасающую картину социально-демографического неблагополучия. Снятие завесов секретности и с этих материалов выявили неадекватную общественно-политическую реакцию у всей читательской публики и было расценено как повод для усиления социального недовольства существующим режимом. Не менее важным фактором, пробуждающим интерес к исторической демографии, является процесс национального возрождения народов, ко-

торый вызвал взрыв не только национального, но и демографического самосознания больших и малых этносов. Каждый народ, будь то малочисленные ногайцы или ненцы, или многочисленные великороссы или малороссы, имеют свое место на исторической карте, являются не только объектом, но и субъектом исторического прогресса. Демографический фактор играет не последнюю роль в определении исторической судьбы больших и малых народов. Историческая самореализация этносов, проявление исторического социального творчества непосредственно зависит от количественных и качественных их характеристик, а также фазы пассионарного развития самого этноса и его соседей. Вот почему демографические проблемы встали вровень с политическими, парламенты многократно обсуждают демографические аспекты законодательных предложений.

Говоря о национальном факторе в исторической демографии, нельзя обходить в ней проблему казахской нации. Волею исторической судьбы казахи оказались близкими соседями двух народов-великанов, великих держав – России и Китая. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на историю Казахстана, который трижды, начиная с XVIII в. по первую половину XX в., стоял на грани демографического, а значит, исторического небытия. Смогут ли ученые-демографы определить, какова будет историко-демографическая судьба 10 млн. казахов в начале XXI века? Не исчезнут ли с политической карты казахи, подобно некогда многочисленным тангутам, манчжурам, не станут ли казахи, подобно курдам, объектом геополитических игр на уровне великих держав? Вот почему мы, заглядывая в глубь веков демографической истории, не должны забывать вопросы этнодемографических прогнозов с их геополитической проекцией на XXI в. Тем более за этот труд уже взялись некоторые суетливые коллеги и мастера политических игр.

Не менее остросюжетной является проблема “демография и рынок”. Ученым, историкам-демографам, предстоит изучить историю рыночных отношений в период становления капитализма в прошлом, в период НЭПа, и влияние этого архисложного явления на демографический процесс в крае, прогнозировать демографический процесс в условиях рынка в 90-е годы нашего века. Демографам-экономистам необходимо выработать модели рыночного

хозяйства, определить соотношения централизации власти и самоуправления на местах, демократии и дисциплины, проблемы образования свободного рынка рабочей силы, ускорения конверсии и передачи на деле, а не на словах предприятий военно-промышленного комплекса в гражданские отрасли, выработать рекомендации по прекращению использования труда военнотружеников в гражданских отраслях, демилитаризации труда, уменьшению числа режимных предприятий, отмене обязательного трудоустройства и либерализации КЗОТ, борьбе с вахтовым производством союзных министерств и ведомств.

Говоря о вхождении Казахстана в рыночную экономику, нелишне подумать о том, как поведет себя коренное население республики. Ведь казахское население имеет ряд неблагоприятных для рыночной экономики исходно-стартовых демографических характеристик: многодетность, преобладание сельского населения над городским, аграрного хозяйства над индустриальным, расселение в аридных зонах, сравнительно невысокий удельный вес этноса в республике (41%), а также неблагоприятные стереотипы массового сознания и казахского менталитета - предубеждение против частной торговли, мелкого бизнеса и т.д. Не станут ли казахи нацией безработных и городских пауперов, поденщиками у экономически расторопных наций страны? На эти и другие вопросы, возникающие в связи с переходом к рыночным отношениям, предстоит ответить ученым. Вспомним, что над этими вопросами еще размышлял в начале века великий Абай.

В качестве весьма актуальной проблемы исторической демографии я бы назвал следующую проблему: *"Историческая демография и историческое сознание народов"*. Ни для кого не секрет, что в историческом сознании народов откладываются трагические и героические масштабные судьбоносные события. Так, например, в историческом сознании казахской нации запечатлены события периода национально-освободительной борьбы с джунгарами. В начале XVIII в. для казахского народа наступили трагические времена. Походы джунгарских феодалов сопровождались набегами волжских калмыков, яицких казаков, а также башкирской конницы. Джунгарское нашествие на казахские земли, начавшееся еще в XVII в., достигло особенно губительных масштабов в первой трети XVIII в. Как отмечает хан Аблай, за первые 40 лет XVIII в. в вой-

нах с джунгарами погибло около 2/3 казахов. Известный японский ученый Закота в книге “Россия и Средняя Азия” пишет, что в тот период Средняя Азия являлась крупнейшим степным государством, сумевшим противостоять джунгарской экспансии. Уйгуры подчинились без борьбы. Киргизы слабо противодействовали. Только казахи на протяжении многих лет оказывали достойное сопротивление, хотя джунгарам удалось захватить восток и юг, но захватить всю “Казахию им не удавалось”.

В историческом сознании отложились пережитые казахским народом в начале XX в. две демографические катастрофы — в 1916–1921 и 1929–1933 гг. Жестокое подавление национально-освободительного движения привело к разворачиванию карательных экспедиций царизма, а затем Временного правительства на большей части территории Казахстана. Генералом Куропаткиным впервые в истории по отношению к казахским повстанческим зонам была применена тактика выжженной земли, сопровождаемая массовым истреблением и изгнанием казахского населения с насиженных земель.

Казахстан был ареной военных действий и в годы гражданской войны. Империалистическая война, бурный 1916 г., кровопролитная гражданская война, голод 1921–1922 гг. поставили казахский народ перед демографической катастрофой. Голод и джунг охватили северное побережье Каспия, все Поволжье, почти весь бассейн р.Урал, Северный и Центральный Казахстан и Западную Сибирь. Как видно из приведенного перечня районов, голод постиг в значительной степени этническую территорию казахов. Меры правительства, помощь из-за границы помогли ограничить масштабы голода. По данным ЦСУ, численность погибших от голода составила 5053 тыс. человек¹. К марту 1922 г. в Казахстане голодало 2 млн. 350 тыс. человек, многие из них погибли. Но ведь правительственная помощь дошла только до городов, в которых проживало лишь 2% от общей численности казахов. Можно предположить, что коренное население практически не ощутило продовольственной помощи. Мало этого, имеются данные, свидетельствующие о том, что центр недооценил масштабы надвигающегося голода в Казахском крае, его продовольственные отряды во главе с Ф. Э. Дзержинским силовым методом изъяли так называемые из-

¹ Костиков В. Прожить проклятый год // Совершенно секретно, 1990. № 6. С.9-11, 29.

лишки продовольствия у трудящихся Туркестана, Акмолинской и Семипалатинской губерний в пользу голодающих Поволжья. Тем самым голод на севере и западе Казахстана в известной мере оказался запрограммированным. Здесь сказались недостаточная информированность центра о событиях в регионах, слепая вера в силу централизации власти, сила инерции командно-административных методов управления страной, имевшее место в годы гражданской войны.

Самая грандиозная демографическая катастрофа XX в. при-
шлась на его первую треть. Она превзошла по масштабам только геноцид турецких властей против армянского народа. Понятно, что события 1928–1934 гг. являются не геноцидом, а этноцидом, потому что жертвой чудовищного социально-экономического эксперимента оказались по преимуществу казахи. Казахская нация в те годы уменьшилась более чем на половину и на долгие годы потеряла историческую перспективу.

Изучаются ли демографические процессы, прежде всего динамика численности казахов в период последнего трехсотлетия, в том числе в составе Российской империи, в едином советском государстве, как проблема в целом? Развернуто ли комплексное исследование таких сложных проблем, как влияние национально-освободительной войны, карательной миссии царизма, голода, джухов, двух мировых войн, трех революций в России и гражданской войны на демографические процессы казахского народа? Создана ли широкая историческая панорама демографии в едином ключе с историческим сознанием народа? На все эти вопросы можно дать только отрицательные ответы. К сожалению, демографы изучают лишь отдельные сюжеты, все еще находятся в плену старых идеологических стереотипов. Психологические драмы народа при этом остаются незатронутыми. Полагаю, что, не определившись по этим проблемам, нам трудно будет ответить на вопрос: насколько было прогрессивным вхождение казахского или иного народа в состав Российской империи, насколько была эффективной национальная программа большевиков, каковы уроки истории, ее перспективы?

В самостоятельный блок следует отнести круг проблем, связанных с изучением истории депортации репрессированных народов и классовых выселков в Казахстан. Так, не удается уяснить чет-

кой картины поэтапных переселений в Казахстан в период 1928–1954 гг. Накануне и в ходе сплошной коллективизации в Казахстан стали привозить спецпереселенцев. Так, в 1931 г. из центральных областей России под Караганду были выселены спецпереселенцы. Только в пяти поселках-обсервациях проживало около полумиллиона человек². Весной 1936 г. в Казахстан были депортированы политически неблагонадежные поляки с Украины, в 1937 г. — курды Азербайджана, Армении, в том же году — корейцы с Дальнего Востока численностью 180 тыс., из них 95 тыс. обосновались в Казахстане. В 1939–1941 гг. продолжалось переселение 102 тыс. поляков с Западной Украины и Западной Белоруссии, а также из советских республик Прибалтики. Накануне массовых депортаций, согласно переписи населения 1939 г., в Казахстане проживало 54 696 поляков, 3569 латышей, 808 литовцев. Массовые высылки немцев начались раньше 1941 г. Так, по переписям населения в 1937 и 1939 гг. резко возросла их численность: в 1937 г. — 80 568, в 1939 г. — 92 379 человек, причем в основном дети, старики и женщины³. 28 августа 1941 г. в Казахстан было переселено 349 713 немцев, а их общее количество достигло 441 713 человек. В Казахстан были переселены немцы не только из Поволжья, но и с Украины, Северного Кавказа и других областей страны.

В феврале 1944 г. в Среднюю Азию и Казахстана была произведена депортация чеченцев и ингушей, в марте — балкарцев (507 тыс.), в ноябре — турок-месхетов. Насильственно перевозились крымские татары, карачаевцы и евреи. Народы Прибалтики пережили несколько волн переселений, последняя была в 1948–1955 гг. Часть эстонцев, латышей и литовцев оказалась в Казахстане. В октябре 1946 г. в республике было 890 698 спецпереселенцев. С 1953 г. контингент спецпереселенцев стал уменьшаться. Только в 1956 г. в КазССР было снято с учета 195 911 спецпереселенцев, из них 141 745 чеченцев, 36 831 ингуш, 17 335 карачаевцев⁴. Я не говорю о том, что Казахстан в те годы представлял гигантскую систему Гулага. Только через Карлаг проходило около 2 млн. репрессированных.

² Казахстанская правда, 1990. 8 августа; 1991. 1 марта; Московские новости, 1990. № 9. С. 6; 1991, № 21. С. 6.

³ ЦГА КазССР. Ф. 698. Оп. 21. Д. 226. Л. 1, 2, 5; Вестник статистики, 1990, № 7. С. 79

⁴ Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954–1960) // Социологическое исследование, 1991, № 1. С. 5–26; Московские новости, 1990, № 41, С. 11.

Изучена ли данная проблема демографами, историками Казахстана? Пока делаются лишь первые шаги. В сборнике "История Казахстана: "белые пятна" печатаются статьи М. Козыбаева "Советские немцы: мифы и реальность", Г. Кима "Советские корейцы". Появился ряд интересных статей В. Аумана и др. Есть на эту тему работа А. А. Вайс (Павлодар). Большой резонанс имела конференция, проведенная ЦК Компартии Казахстана и Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР, посвященная судьбе советских немцев. Весьма интересна публикация В. К. Мотревич "Спецпереселенцы 40-х (хроника "Великого переселения)". На наш взгляд, история этих народов - составная часть истории народов страны. Мы более чем уверены в необходимости создания научного подразделения в составе нашего института по истории малочисленных народов Казахстана. Следовало бы нам, ученым соседних регионов, объединить усилия по изучению истории советских немцев.

Особо следует сказать о политике мобилизации спецпереселенцев и народов Средней Азии в трудовые колонны. Это по существу было повторением имперского царского июньского указа 1916 г. о "реквизиции туземцев на окопные работы". Вряд ли можно считать обычной миграцией насильственную мобилизацию на тыловые работы 700 тыс. жителей Казахстана, в том числе 500 тыс. спецпереселенцев и 200 тыс. казахов. Это была не миграция, а продолжение сталинского геноцида малых народов. Названная проблема имеет и другую сторону - это силовая миграция населения в районы восточнее Урала, в частности в Казахстан, в период пятилеток, освоения целинных земель. 2 июля 1991 г. Президент республики Н. А. Назарбаев справедливо говорил, что нам, видимо, ныне следует раскрыть нравственные аспекты миграционных процессов, выделить в блок вопросы "командно-административный метод и демография" в самостоятельную проблему.

Великая Отечественная война унесла около 28 млн. жизней советских людей, из них потери на поле битвы составляют около 9 млн., т. е. каждый третий. В Казахстане из 7,6 млн. населения, включая спецпереселенцев и эвакуированных, встали на защиту Отечества 1 млн. 200 чел. и 700 тыс. были мобилизованы в трудовые колонны. Потери на фронтах казахстанцев составляют 410 тыс. и пропавших без вести - 125 тыс. Вернулись немногие из тех, кто

трудился за колючей проволокой и без нее. Погиб по существу каждый второй. При тотальной мобилизации гитлеровская Германия призывала в армию 12,5%, а Казахская ССР — 25%. Этот феномен также нуждается в объяснении.

Демографам, на наш взгляд, следует обратиться к различным формам безработицы как социальному явлению. Одна из них — перенаселение при социализме. Необходимо разработать формы проявления относительного перенаселения, например, в Казахстане. Как происходит в условиях республики текучее, скрытое перенаселение? Как связана сезонная работа с формами безработицы и перенаселения? Другой блок проблем: безработица — отходничество — промыслы — сезонная миграция. Между тем масштабы различных форм незанятости рабочей силы возрастают. Ведь нужно признать и демографическую перенасыщенность, скрытое аграрное перенаселение, незанятость женщин, желающих трудоустроиться, отсутствие работы по соответствующей профессии у имеющих специальное среднее и высшее образование, безработицу среди выпускников средних школ и профтехучилищ. Низкий культурно-технический уровень населения создал известный избыток именно людей низкой квалификации. По нашим подсчетам, все формы незанятости приближаются к 1 млн. трудоспособных.

В научной литературе по рассматриваемым проблемам обходится вопрос о миграции из зон экологического бедствия. Сельское население пустынных и полупустынных зон постоянно уменьшается. Наблюдается переселение в наиболее благополучные климатические и экологические зоны, в пригороды крупных городов, в меньшей мере — в малые и средние города. Постоянное обезлюдивание ряда районов Кызыл-Ординской, Чимкентской, Джамбулской, Алма-Атинской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской областей, несомненно, будет все более очевидным. Из-за социальной и экономической обделенности этих районов сельское население покидает родные места. Также интенсивен выезд за пределы республики. За последнюю четверть века отрицательный прирост населения составил около 1 млн. человек.

Практика наших дней нуждается в рекомендациях ученых по проблеме ликвидации безработицы и миграции из зон экологического бедствия. Правы наши коллеги, которые считают, что настало время принять закон о шадящей миграции и гражданстве КазССР.

Внимание исследователей не может не привлечь проблема пауперизации рабочего класса. Ярко выражено деклассирование в городах и поселках Кызыл-Ординской, Гурьевской, Актюбинской областей. Отрыв от сельского рабочего класса, соответствующего образа жизни и невозможность некоторой части бывших селян по социально-бытовым (отсутствие жилья), социально-экономическим (безработица) и др. причинам влиться в городской промышленный рабочий класс создал новый тип городского жителя — целый социально-неустойчивый слой населения, близкий к пауперу. На самом социальном дне этой социальной категории оказались “летуны”, “бичи”, “бомжи”, проститутки, ведущие откровенно паразитический образ жизни.

Однако проблема пауперизации рабочего класса, образование маргинальных потоков вокруг крупных городов и создание зон социальной напряженности, в том числе в области межнациональных отношений, советскими обществоведами широко не изучается. События в Ферганской долине и Новом Узене тому доказательство. Мы движемся вперед методом проб и ошибок и здесь проблема деклассирования и обнищания рабочего класса, да и не только рабочего класса, не исключение. В обществе накапливается столько горючего материала, погасить пламя которого, видимо, в перспективе будет не так уж легко. Свой вклад в пауперизацию местного населения Запада Казахстана вносит хваленый некоторыми советскими демографами (проф. Б.С.Хорев) вахтовый метод.

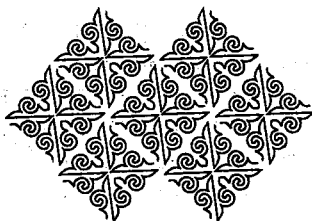
Итак, на наш взгляд, в наших рекомендациях следовало бы подчеркнуть: необходимость подготовки кадров демографов в университетах республики; чтение спецкурсов на исторических факультетах педвузов; создание в системе Академии наук КазССР научно-исследовательского подразделения, в будущем центра или института; объединения усилий вузов и академических институтов, с одной стороны, научных сил восточных регионов страны — с другой.

Вестник НАН РК. 1991, № 11

ЧАСТЬ V

РЕЦЕНЗИИ

КИТАЙ, РОССИЯ, СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Представленный господином Ян Фаженом проект трансконтинентального моста от Восточного края Азии до самой западной точки Европы выдержан в духе общепризнанного геостратегического прогноза о перенесении в XXI веке мирового центра экономического и технологического лидерства с Атлантического на Тихоокеанское побережье. Помимо этого, если говорить языком социальной антропологии, его предложение представляет собой историческую реконструкцию сухопутного маршрута знаменитого “Шелкового Пути” в современных условиях глобального процесса, интеграции региональных и национальных экономических систем. И именно с точки зрения хозяйственной перспективы, уходящей вглубь веков ретроспекции, на мой взгляд, необходимо рассматривать как материально-технические, так политические и культурно-логические последствия проложения второго Азиатско-Европейского континентального моста (АЕКМ) для Республики Казахстан. Кроме этого, в качестве ремарки следует сказать, что китайская сторона, в отличие от нашей, проявила большую настойчивость и последовательность в продвижении, по-существу, выдвинутой нашим руководством идеи создания данной транспортной артерии на суд деловых и политических кругов. Но, как говорится: “Не тот силен, кто первым бьет, а тот силен, кто выстоит”.

Следует прежде всего отметить, что из 10 970 км общей протяженности АЕКМ на долю Казахстана приходится 3 700 км, т. е. республика занимает второе место после Китая среди Азии и Европы по длине дороги, приходящей на его территорию (4 120 км). Прав был Петр I, когда он говорил о Казахстане как “ключе и вратах Азии”. Видимо, не случайно и проф. Ян Фажен уделяет Казах-

стану особое место и направляет острие крупномасштабного экономического продвижения в его сторону. Между тем, роль Средней Азии и Казахстана, как активно задействованного в реализации проекта субъекта, не должна ограничиваться простым коммерческим интересом. Поскольку он может, в случае его успешной реализации, принести не только процветание, но и оказать такое глубокое влияние на менталитет и “состояние души” населения, что повлечет за собой необратимые процессы деградации нации в плавленном котле рыночной, жестко конкурентной стихии. Говоря в китайской манере, мы можем вполне потерять свое лицо.

Функционировавший раньше как регулярная дипломатическая и торговая артерия, “Шелковый путь”, особенно его степной вариант, представлял собой “питательный бульон” для установления контактов и диалога, взаимного обогащения культур. Благодаря ему, распространялись также религиозные идеи, а различные миссионеры несли свою веру в заморские страны. Из Индии через Среднюю Азию и Восточный Туркестан пришел буддизм, из Сирии, Ирана и Аравии распространилось христианство, а затем — ислам. Все эти напоминания свидетельствуют о том, что культурно-идеологические компоненты, хотя в осовремененном виде, но неизменно проявятся и сегодня с установлением трансконтинентального моста. Давая оценку проекта, Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор отметил: “ “Шелковый путь”, проходивший через степи, моря и пустыни, представлял великолепную возможность для установления контактов и диалога, способствовал возможности взаимного обогащения выдающихся цивилизаций. Цель проекта комплексного исследования “Шелкового пути” — содействовать тому, чтоб народы сегодня осознали необходимость возобновить диалог, воспользовались имеющей историческое значение возможностью взаимопонимания, общения и взаимного обогащения цивилизаций, расположенных вдоль этого пути”

Нельзя также забывать, что угасание и гибель “Шелкового пути” — этой неисчерпаемой сокровищницы доходов — произошло именно потому, что правители одних народов стали стремиться подводить под свою зависимость другие народы, начался дележ сфер влияния, повлекший за собой перманентные военные конфликты. От этого никто не выиграл, а все проиграло, ибо какой бы малой ни была страна на маршруте “Шелкового пути” она пред-

ставляла собой звено единой цепи. Нужно исходить из исторического прошлого, чтобы предусмотреть все последствия реализации данного проекта.

Нужно исходить также из сложившихся на сегодняшний день реалий. Необходимость соединительного моста, как отмечалось выше, продиктована объективными требованиями экономической интеграции как мегатенденции развития. С другой стороны, как сопутствующее явление, на всем протяжении этой магистрали и зон ее влияния будут происходить процессы взаимовлияния, взаимопонимания цивилизационно-культурных потоков. И по естественным законам развития в большую зависимость попадут наиболее слабые звенья, нерезистентные пласты, которыми на современном этапе являются молодые государства СНГ. Из идей, высказанных уважаемым господином Фаженом, ясно прослеживается отведенная Казахстану и республикам Средней Азии роль, исходя из их потенциальных возможностей. К сожалению, действительность отраженная такова, что данный ключевой регион интересен как сырьевой источник, транзитный перегон и рынок для сбыта ширпотреба. Вместе с тем, процесс интеграции подразумевает увеличение роста влияния на международных рынках. Структурная конкурентноспособность, в свою очередь, зависит от взаимодействия экономической структуры с политической и социальной структурами.

Неприукрашенная действительность сегодня такова, что действует закон обратной связи. Приобретенная после распада СССР политическая независимость самым болезненным образом сказалась на хозяйственной деятельности. Экономический суверенитет еще не достигнут: отрасли глубокой переработки и краны к коммуникациям остались в метрополии, российские генералы от экономики продолжают диктовать условия в духе прежних директив из Кремля, болезнь неплатежей и невыполнения договорных обязательств как "пляска святого Витта" сотрясают экономики независимых государств. Прав был Чрезвычайный и Полномочный посол Казахстана в России Таир Мансуров, когда он заявил, что большинство из более 400 совместно принятых за последние годы в масштабе стран СНГ договоров, соглашений и договоренностей остались только на бумаге. /См. : Казахстанская правда. 1994. 6 мая./

В этих условиях, до достижения уровня самодостаточности единственным средством сохранения стабильности остается экс-

порт невосполнимого органического сырья. Но даже и в этом, как подчеркивал Президент Н. А. Назарбаев, проблема решается в безальтернативном варианте, поскольку на пространстве СНГ еще рано говорить о каком-то “курсе наибольшего благоприятствования”. По существу, блокадные условия для Казахстана, искусственно созданные в ближнем западном зарубежье, вполне мог бы решить трансконтинентальный мост, как один из своих вариантов.

При этом, на мой взгляд, не должны терять своей актуальности на всем протяжении разработки и реализации проекта два момента.

Первое. Увязка строительства транспортных коммуникаций, создание мощной перерабатывающей инфраструктуры на основе формирования транснациональных консорциумов. Обязательным же предварительным условием должна стать сильная социальная политика, включающая в себе представление рабочих мест на современном технологичном оборудовании местному населению, рекреацию в соответствии с экологическими требованиями мест их обитания и прочее.

Второе. В выдвинутой господином Фаженом концепции “западного и восточного крыла” упущено одно перспективное направление – “южное крыло”. С точки зрения китайской стороны проблема ясна: перевозка грузов с Дальнего Востока на Средний уже налажена морским путем. Однако следует проанализировать и перспективу максимального задействования существующей трансазиатской железной магистрали и внутренних водных путей на Турцию, Иран, Ирак, Афганистан, Пакистан и далее к североафриканским странам.

Автор правильно отмечает, что на преодоление отставания потребуется длительное время. Таким образом, три региона, потенциальных участников проекта, – Запад, Азиатско-Тихоокеанский регион и страны СНГ – находятся, образно говоря, в разных весовых категориях, где последний не только физически изможден, но и мало натренирован к рыночным схваткам. Единственно правильным выходом в преодолении данной непропорциональности может быть выработка совместными усилиями правильной протекционистской политики на принципах равноправия, что предшествовало бы открытию границ и созданию общего рынка. Еще раз хочу подчеркнуть, что надо исходить прежде всего из того, что

АЕКМ в большей своей части пройдет по территории, переживающей глубокий политический и экономический кризис, и в этих обстоятельствах всегда существует соблазн деления на старших и младших партнеров, исходя из сиюминутных обстоятельств.

Будем же предельно откровенными. Молодые государства Центральной Азии в начале подлинной независимости — политической, экономической, духовной, языковой, культурной, информационной. Стремления Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева к подлинной интеграции, его идею создания Евразийского союза А. Солженицын, и не только он, называют призраком, дымом (см.: Интервью журналу “Форбс”. — Известия, 1994, 4 мая.) Иначе говоря, с Запада для нас по прежнему существует “русский фактор”. С другой стороны, как видно из доклада проф. Я. Фажена, Китай к началу века станет супердержавой. За его спиной набирают силу “молодые драконы Азии”. В этих условиях архиважна выработка межнациональной программы стран АЕКМ, учитывающая интересы молодых государств, стремящихся к национальному возрождению. Полагаю, что в ней будут предусмотрены меры, гарантирующие равноправие сторон, шадящий режим для молодых государств Центральной Азии, получивших редчайшую в истории возможность встать на путь подлинной независимости

Однако если взглянуть на проблему под углом зрения поиска выхода из данного кризиса, то проект АЕКМ может оказаться именно тем ключом, который в конце концов, и поможет в его преодолении. В этом случае примером для поддержания может послужить китайская модель развития, которая, учитывая географические и ресурсные преимущества отдельных регионов (юго-восток страны), в первую очередь сосредоточила усилия государства на их интенсивном возрождении. Сейчас же, в том числе и на проекте АЕКМ, мы являемся свидетелями второго этапа — переноса накопленной мощи на остальное пространство КНР.

В нашей стране также, за счет “свободных экономических зон”, была сделана попытка прорыва в экономике, которая успешно провалилась. Главная причина неудачи, на мой взгляд, отсутствие четко разработанной программы и возможность не нести никакой ответственности со стороны государственных чинов и коммерческих структур. Энтузиазм по этому поводу пропал у правительства, хотя идея не исчерпала своих возможностей.

Строительство трансконтинентального моста представляет новую попытку практической реализации модели регионального развития, но уже в принципиально новых условиях. Существует два варианта. Первый: отдать маршрут на откуп иностранным инвесторам и получать мзду, подобно развращающим нефтедолларам в прошлом, что, конечно же, неприемлемо. Второй — избрать реализацию проекта в качестве приоритетного направления развития республики в течение ближайших трех — пяти лет, что предусматривало бы концентрацию финансов и ресурсов, развитию инфраструктуры, переориентацию промышленности и сельского хозяйства, перемещение трудовых ресурсов из бесперспективных отраслей и т. д., т. е. комплексный переворот экономики на системной основе. Иными словами, проект мог бы стать той несущей осью, по примеру которой закрутились бы все хозяйственные механизмы. С социально - политической точки зрения проект мог бы явиться мощным побудительным мотивом для реализации до сих пор еще не востребованных сил народа, который уже устал от неопределенности. Франклин Д. Рузвельт нашел выход из “Великой депрессии”, начав строить дороги. Отправным пунктом программы модернизации Китая стали реконструкция и строительство океанских портов. Сухопутному же Казахстану сама природа велит строить добротные железнодорожные и шоссейные пути.

Безусловно, проект должен приветствоваться как один раз в эпоху предоставляемую прорыва не то, чтобы в лидеры, но хотя бы в их активных партнеров в подобных трансформациях глобального масштаба..

И если уже тут прибегать к историческим аллегориям, то не следует забывать, что существовал и другой “проект века” — Байкало — Амурская магистраль, ведущая ныне в некуда. Во избежание этого горького примера необходимо, чтобы общегосударственной программе предшествовало всестороннее обоснование не только производственно — технического, но и социального, оборонного и, если хотите, идеологического порядка. Меня, например, профессионального историка волнуют проблемы аккультурации казахского этноса в этом смещении языков и культур, который нам предстоит пережить. Детальный анализ позволил бы избежать большую часть побочных явлений.

В заключении хотелось бы выразить благодарность китайским коллегам за предоставленную возможность в открытой дискуссии обсудить проект, представленный господином Фаженом, хотя в нем сформулированы интересы только одной стороны. Однако думается, что его обсуждение на национальном уровне — это только начальный этап, после которого будет создана международная компетентная организация, которая решит вышеперечисленные проблемы с учетом заинтересованных сторон.

Вестник университета Яссави, 1997, № 5.

ОПРЕДЕЛИТЬСЯ В СВОЕМ БУДУЩЕМ

Автор книги “На пороге XXI века” жанр ее определил как воспоминание о будущем. Рассматривая историю во Времени, Пространстве, Личности, глава государства самокритично оценивает пройденное пятилетие, анализирует будни сегодняшнего дня и пристально вглядывается в будущее. При этом он ясно представляет, что каждый прожитый день новейшего времени уже принадлежит Истории и является предметом для творческого изучения: размышления и поиска.

Автор справедливо назвал XX век “веком ответственности за свой выбор” (с.121). Действительно, каждая страна, освободившаяся от колониального гнета, имела право на выбор. Диапазон возможностей и альтернатив предполагал социализм и капитализм, авторитаризм и демократию, конфессиональный характер государства, развитие в рамках традиционного уклада жизни или же выбор модернизированной модели. В книге анализируется исторический опыт около ста стран, возникших на развалинах мировой колониальной системы после 60-х годов XX века. Одни из них отдали предпочтение советскому опыту, другие облюбовали образцы западных стран. Автор прослеживает этапы развития этих стран, моменты противоречия и согласия, вердикты, вынесенные временем.

Определяя новаторский путь развития в виде модели “адаптированной модернизации”, автор отмечает, что “стратегия развития должна определяться своими собственными силами, только с учетом национально-государственной специфики, особенностей политической истории, культуры, постсоветских стереотипов, этнических традиций” и много другого, что Нурсултан Абишевич назвал “цивилизационно-культурным фоном” (с.125).

Многие наши современники уподобляются Ивану, не помнящему родства, отказываются от всего того, что было в недавнем прошлом. Автор, опираясь на принцип историзма, научной объективности, справедливо полагает, что наша страна вступила в новый мир, имея свой облик, свою неповторимость.

Исходя из этого, Н. Назарбаев отмечает, что “Казахстан — преимущественно урбанизированное общество с достаточно развитым индустриальным комплексом, наличием машинных форм труда в массовых масштабах, стопроцентно грамотным населением, более современной, нежели в большинстве развивающихся стран, системой образования, науки, культуры, здравоохранения. Безусловно, советский характер государства, сложившийся в предыдущие годы, наличие свободы прессы, формирование многопартийности и элементов гражданского общества, появление которых связано уже с современной историей, — все это радикально отличает нас от классических постколониальных стран” (с.126).

Не скрою, мне, профессиональному историку, импонирует такой научный подход. Да, мы на своем пути встретим еще немало “подводных камней”. Нельзя забывать, что мы все — дети тоталитарной системы, что над нами довлеет психология верноподданчества, “бейшаризма”. Мы все еще подвержены болезни лозунгового социализма, доносительства. Нельзя не учесть и фактор географический, Казахстан является зоной рискованного земледелия. С большими сложностями встречаются наши соотечественники во многих отдаленных районах республики. Еще великий Абай отмечал менталитет казахов, его наименьшую приспособленность к ремеслу и торговле.

Первый Президент республики определяет и историческую перспективу страны. При этом он отмечает, что она не является продуктом утопии, результатом безответственного подражания тра-

диции Запада. В основе — накопленный веками исторический опыт, менталитет народа.

Н. А. Назарбаев подчеркивает, что в ряде государств СНГ широкое распространение получила популистская идеология: “Полный развал союзных структур стал возможен на базе мощнейшей волны популизма” (с.131).

“Наш народ, — пишет Президент — жил в ожидании светлого будущего” (с.132). Мне вспоминается наш разговор с Нурсултаном Абишевичем. Я сетовал: “Нуреке! Народная поговорка гласит: “Голодный человек подвержен ругани, больной человек — раздражительности”. С начала этого столетия народ живет в условиях перестройки. Все ждет и надеется. Не теряет веру”. Народ действительно устал, он стал раздражительным. Разве Н. Хрущев не говорил, что мы в начале 80-х годов будем жить при коммунизме? Разве Л. Брежнев не кормил нас обещаниями жить лучше и краше? М. Горбачев днем и ночью говорил о перестройке, о райской жизни, в которой жила только одна его Рая. Он убеждал нас, что к 2000 году наша страна будет в числе экономически развитых стран мира. Я был немало удивлен, встретив в книге размышления Президента о популизме вождей, об искусстве иных популистов, которые методами лжи, демагогии и обмана добивались одного — девальвации коммунистических идей и ценностей.

Н. А. Назарбаев подчеркивает, что “в конце концов эпоха коренной ломки еще раз показала недолговечность политических утопий, в какую бы форму они ни рядились — социалистическую, либеральную, национальную” (с.133).

Искусство определения исторической альтернативы — удел умных политиков. Недаром в народе говорят: “Көшбасы түзелмей, ел түзелмейді” (Страна, не имеющая признанного вожака, не будет благоденствовать”). Н. А. Назарбаев считает, что настоящий политик должен обладать тремя качествами: теоретической подготовкой, опытом практической работы в экономике, ответственностью за принимаемые решения. Разумеется, для политика наших дней мало что дает марксистско-ленинская подготовка, опыт административно-командного руководства времен тоталитаризма, ответственность перед коммунистической партией. Поистине практическое значение имеет для политиков новой формации настав-

ления Президента о том, что “политический деятель обязан владеть современной общественной теорией, знать все тонкости предлагаемых реформаций, а не только слепо идти за своими советниками. Те из политиков новой волны, которые считают для себя обременительным заниматься самообразованием, делают большую ошибку” (с.134).

Н. А. Назарбаев в своем труде придает особое значение проблеме казахской национальной государственности. Он считает, что перед последней стоят великие задачи: “Это и формирование государственности, и переход от одной экономической системы к другой, развитие процесса демократизации, сохранение и укрепление социальной и межнациональной стабильности, развертывание внешнеполитического курса, развитие интеграционных процессов и стабилизация в пространстве СНГ” (с.135). Он напоминает, что процесс национального возрождения, сопровождающий восстановление государственности, происходит сложно. Тем не менее вопрос о легитимности создания независимых государств в постсоветском пространстве решен. Президент отмечает в качестве большого достижения “эволюционный характер обретения государственности” (с.141).

До недавнего времени нас пугало понятие “национальная государственность”. Готовя Конституцию на заре независимости, мы долго дискутировали по поводу этой проблемы. Возражения оппонентов вызывала даже классическая трактовка самоопределения наций. Иные строптивые вольнодумцы задавались вопросом, не заражены ли мы вирусом национализма. Даже во время принятия Конституции Республики Казахстан не было речи о казахской национальной государственности. В работе “На пороге XXI века” Н.А.Назарбаев придает ясность рассматриваемой проблеме, что не может не вызвать морального удовлетворения. Следует сказать, что национальные интересы не являются предметом купли и продажи, а любовь к национальному не должна перерастать в оголтелый национализм. Совершенно прав автор, когда он считает этнопопулизм вирусом на здоровом теле нашего общества.

Н. А. Назарбаев приводит определение революции, данное А. Токвилем в книге “Старый порядок и революция”: “Революция, уничтожив политические убеждения, принимается за разрушение гражданского порядка, вслед за законами переделывает

нравы, обычаи и даже язык... Разрушив правительственный механизм, она колеблет основания общества и, по-видимому, готова, наконец, приняться за самого Бога..." (с.142).

Вместе с тем следует иметь в виду, что в последнее время иные понимают революцию в ключе погромов, разгромов, разрушения. Полагаю, что революция наряду с этим предполагает и созидание, резкий стремительный скачок от одного состояния к другому, более совершенному. Далеко не простой объективный процесс идет в странах постсоветского пространства, в том числе в Республике Казахстан. Разве в соседнем Китае в результате адекватного приспособления к рыночной экономике за последние 15 лет не происходят заметные, революционные сдвиги в экономике и культуре страны?

Автор считает, что критическая точка в становлении казахстанской государственности уже пройдена, что мы избежали "радикального отрицания и разрушения административной системы управления экономикой и обществом до создания ей какой-нибудь замены. Это, пожалуй, одна из главных причин экономической и политической стабильности Казахстана" (с.142).

Действительно, завершилось формирование основных атрибутов казахской государственности. Нашу суверенность, территориальную цельность признало мировое сообщество. На этом поприще Президент республики завоевал известность во всем мире.

Это выступление я посвятил проблемам, затронутым во втором разделе книги ("Определение пути"). Слов нет, при критическом анализе пройденного пути можно заметить немало досадных промахов. Так, например, ведущие экономисты часто говорят о поверхностном характере ряда экономических преобразований. Иные иностранные советники проявили самоуверенность, насаждая опыт Запада без учета наших особенностей. Социализм со времен Томаса Мора — мечта человечества. На наше горе в России утвердился тоталитарный, казарменный его вариант. В Китае строится социализм с учетом закономерностей рыночной экономики. Исторически сложившиеся веками политические взаимоотношения, экономические, культурные связи, особенности демографического развития, проблемы национальной безопасности объективно толкают нас в объятия великих соседей. Тем не менее, полагая, что в иных случаях мы нетворчески повторяем эксперименты

перехода к рынку вслед за Россией, значительно слабее изучаем опыт Китая.

Несомненно, мы желаем, чтобы “адаптированная модернизация”, о которой пишет Президент, была безоблачной и плодотворной. Но мы также понимаем, что прокладывание нового пути невозможно без противоречий и трудностей, как и в любом естественном историческом процессе. Проявляя иногда нетерпимость к недостаткам и противоречиям, мы, интеллигентные люди, порой чрезмерно торопливы, не всегда глубоко просматриваем диалектику общественных процессов. Но верно одно — что при всем при этом мы честны перед обществом.

“Казахстанская правда”, 1996 г., 18 июня

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ – ЗАЛОГ ВНУТРЕННЕЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В общественной жизни страны с высоты завоеванного суверенитета встает необходимость переосмысления недавнего прошлого с тем, чтобы диагностировать биение пульса государства, найти его точку на шкале координат мирового развития. Это тем более актуально в периоды, когда рушатся устоявшиеся традиции, а система новых ценностных ориентаций пробивает себе дорогу сквозь сопротивление рутинного мышления. И морально-нравственный долг тех, кто со всей ответственностью принял вызов, брошенный временем, и повел народ по пути реформ, состоит именно в том, чтобы откровенно и без прикрас изложить свое видение как перспектив, так и препон, стоящих на пути преобразований. Именно эту задачу выполняет Нурсултан Абишевич Назарбаев в своей книге “На пороге XXI века”, где нашли отражение как теоретические выкладки, так и практические результаты деятельности профессионального политика. Особую заинтересованность вызывают у обществоведов новационные положения по поводу национальных и межнациональ-

ных отношений на современном этапе. Причем стиль подачи материала исполнен не в качестве директивной доктрины, а скорее как исходная мотивация, дающая богатую пищу к размышлению и творчеству. Как отмечает сам автор: характерная черта нашего времени в сфере науки и технологии — “это необходимость работать в открытых научных и информационных системах” (с.22).

Сегодня для всех уже очевидно, что недооценка и недопонимание высшим руководством бывшего СССР национального вопроса явилось одной из причин его крушения.

На пространстве бывшего Союза наблюдается своеобразная этнопсихологическая патология, когда каждая из “более ста наций и народностей” выдвигает собственную национальную идею с претензией на доминацию. Причем в некоторых регионах она набирает столь высокие обороты, что уже на международном уровне приходится решать проблему погашения межнациональных конфликтов. Именно трагическая история народов СССР позволяет Н. А. Назарбаеву сделать вывод: “Превращение идеи в идею национальной исключительности губительно для самого этноса” (с.139).

В моменты уязвления национального достоинства, выхода этнического тела из состояния покоя, идея национального романтизма чревата как позитивными результатами (движение младотурков после развала Османской империи), так и трагическими последствиями (нацизм после Веймарской Республики).

В книге Н. А. Назарбаева анализируется вопрос о восстановлении этнического идентитета народов Казахстана и проблема модернизации населения республики. Именно в контексте национальных задач, а не навязчивой национальной идеи.

“В отличие от других регионов планеты — пишет Президент, — распад СССР привел к образованию не принципиально новых государств, не имеющих под собой оснований, а к возрождению утраченной некогда государственности, имевшей глубокие исторические корни” (с.138). Причем “...бывший СССР — это территория глубокого цивилизованного разлома” (с.34), а не некоего однородного монолита.

Автор монографии отмечает, что, основываясь, по-существу, на идеях евроцентризма, власти так и до конца не поняли этнокультурную проблематику Центральной Азии — институт семьи, религиозные, конфессиональные институты, традиционные струк-

туры власти (с.32). В результате господства классового подхода над национальным, антогонизма ложного постулата “или буржуазный национализм, или пролетарский интернационализм” было слеплено деформированное национальное сознание как у этнического большинства, так и у национальных меньшинств последней имперской державы.

Национальная задача на современном этапе заключается, прежде всего, в том, чтобы привести код нации как таковой в естественно-нормальное состояние. Примеры подобной реанимации в мировой истории многочисленны, однако слепое подражание внешним образцам может повлечь за собой совершенно обратные результаты. При всем уважении к мнению и советам со стороны, все же следует отдать приоритет опыту лидера Казахстана: “...со временем приходило понимание того, что стратегия развития должна определяться своими собственными силами, только с учетом национально-государственной специфики, особенностей политической истории, культуры, постсоветских стереотипов, этнических традиций и много другого, что я бы... для краткости назвал цивилизационно-культурным фоном” (с.125).

Основная задача на сегодняшний момент с точки зрения историзма — это восстановление национальной идентичности, которая никак не связана с самопревозношением или унижением других. Необходимо перекинуть мост через эпоху исторического и культурного нигилизма, небытия. Должны быть прерваны пустоты между настоящим и тем временем, когда человек ощущал себя частью коллективной души этноса, а не находился в подвешенном маргинальном состоянии.

В новых условиях Президент провозгласил “сочетание новой гражданской идентификации с казахстанской государственностью” (с.148-149). Иначе говоря, предложен многоуровневый характер идентификации, которая по восходящей линии (личность — социальная группа — государство) будет способствовать не только национальному возрождению, но и явится побудительным стимулом к “эволюционному движению навстречу друг другу” (с.38). Данный принцип заложен и в государственное строительство. “Существенная дифференциация национальных, религиозных, географических групп в Казахстане, безусловно, потребует оформления весьма разветвленной политической машины” (с.167-168).

Демократический принцип, заложенный в национальную политику Казахстана, наряду с развитой частной собственностью, гражданским обществом, устойчивыми традициями парламентаризма, невозможен без скорой адаптации к стремительно изменяющемуся миру. Способность приспосабливаться к внешнему окружению, быстро усваивать правила игры на уровне международных контактов также входят в систему механизма идентификации, как одна из составляющих категории модернизации. Данная категория формулируется в книге следующим образом: "Модернизация в буквальном смысле может пониматься как осовременивание, приведение чего-либо в соответствие с современными нормами, стандартами" (с.122). Причем подчеркивается, что развитие должно идти на собственном цивилизационно-культурном уровне (с.125).

Последнее замечание актуально для стран, переживающих пору реформ. Для транзитных обществ весьма велика угроза потери собственного лица на фоне внедрения в мировую экономическую систему, глобализации информационных обменов, широкомасштабного наступления массовой культуры. Переход Казахстана в состояние открытого общества обнаруживает пока восприятие лишь во многом негативных, то есть наиболее примитивных форм вхождения в модус вивенди западного образца. Попытки же создания некоего подобия протекционистской политики против духовного обнищания находится пока в эмбриональном состоянии из-за невнимания к отечественным культурным проблемам реформации. При сохранении данной тенденции уже сейчас можно обнаружить признаки того, что в случае навязывания модернизации извне, ее результаты будут чреваты непредсказуемостью последствий, поскольку она будет означать не столько экономический прорыв для местного населения, сколько глубокое изменение соответствующих социальных, культурных и других институтов. Модернизация, принятая в чистом виде, по европейскому или американскому ранжиру, чревата такими же результатами, что и печально известная силовая коллективизация, когда антисистема строилась на отрицании традиционных стереотипов поведения и инфицировала необратимые процессы в торжество казахов и других этнических групп.

Президентом страны предложен вариант адаптированной модернизации, приспособленной, прежде всего, "к традиционным институтам, этнокультурным особенностям, политической исто-

рии региона, реальному положению государства в геополитической, геоэкономической, геокультурной структуры” (с.125-126). Урбанизация, всеобщая грамотность, достаточный индустриальный уровень, светский характер государственности, сложившийся фундамент социальной инфраструктуры и являются тем нулевым циклом, отправной точкой, опираясь на которую народ Казахстана сможет интегрироваться в мировое сообщество, сохраняя при этом свой неповторимый облик.

Все вышеизложенное лишь общим пунктиром обозначило проблематику национального вопроса на современном этапе в контексте понятий идентификации и модернизации.

Вышедшая в свет книга нашего Президента “На пороге XXI века” дает нам, историкам, ряд направлений научного изучения особенностей национального вопроса на современном этапе развития Казахстана. На сегодняшний момент всем серьезным исследователям ясно, что невозможно решить национальные проблемы раз и навсегда, межэтнические противоречия в реальном обществе происходили и будут происходить в дальнейшем. Основной задачей является то, чтобы данные противоречия не переросли в открытый вооруженный конфликт, который отбросил бы поступательное движение молодого государства назад.

1. Несмотря на то, что межнациональные противоречия могут возникать и в экономически благополучных странах (Канада, Великобритания, Югославия), на мой взгляд, в Казахстане на современном этапе преодоление последствий экономического хаоса во многом решило бы и проблему межнациональных отношений. Именно успешный ход рыночных реформ при безусловном соблюдении прав человека может существенным образом ослабить миграционный поток неказахского населения за пределы страны и выравнить жизненный уровень между преимущественно русскоязычным и казахским селом, с одной стороны, и между всеми областями Казахстана, с другой стороны. Кроме того, успешное проведение экономических реформ позволит в дальнейшем изменить те диспропорции, которые сложились среди различных национальностей, представители которых заняты в тех или иных отраслях народного хозяйства. Например, традиционно сложилось так, что русское население Казахстана преобладает в таких сферах экономики, как: промышленность, наука и научное обслуживание, ин-

формационно-вычислительное обслуживание, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство; а коренное население в основном задействовано в сельском хозяйстве, в народном образовании. Таким образом, государство должно создать предпосылки не только для правового равенства, но и для "фактического", экономического равенства наций.

2. Одной из особенностей многонационального Казахстана является то, что стержневыми этносами стали казахи и русские, совокупная численность которых на данный момент составляет 80,0% от всего населения. Если дальше продолжить анализ, то необходимо учитывать тот факт, что к русскому населению тесно примыкают все восточно-славянские этносы и немцы, а к коренному — все тюркоязычные народы. С другой стороны, в условиях отсутствия общенациональной идеи все более заметную роль играет религиозный фактор. В этом плане фактически мы имеем безраздельное доминирование двух конфессий: ислама суннитского толка и православного христианства. В целом считаю, что современные национальные проблемы в Казахстане необходимо рассматривать в рамках осуществления с одной стороны, тюркославянской общности, с другой, — исламской и христианской конфессий. Данная объективность требует тщательного научного изучения. На мой взгляд, и в православии и в исламе суннитского толка больше точек соприкосновения и схожести нежели различий, поэтому считаю необходимым в будущем проведение таких исследований, которые отражали бы своеобразие и осуществление ислама и православия на территории Казахстана. В конечном итоге только союз ислама и православия может успешно противостоять деструктурирующим общество религиозным учениям радикального типа (исмаилиты, мунизм, белое братство, аум-сенрике и т. п.).

3. В менталитете казахского народа, в силу того, что на его исконных землях постоянно проживали иноэтнические группы, всегда был силен элемент толерантного отношения к проблемам межэтнических противоречий. Уже издревле, со времен Великого шелкового пути, в казахах был заложен принцип добросовестного отношения, уважения к культурам и обычаям иных народов. Для казахского менталитета чужды чувства расизма и национального превосходства. В истории казахского народа нет примеров ведения религиозных войн, следовательно, ему также присуща религиозная терпимость.

Утверждение А. Н. Сахарова и В. И. Буганова в учебнике для 10 класса общеобразовательных учреждений “История России с древнейших времен до конца XVIII века” (М., 1995, с.102) о том, что “Мономах, бывший вдохновителем этой войны, придал ей характер **крестового похода** по образцу крестовых походов западных рыцарей против мусульман”, или Игумену Даниилу принадлежала идея придания походу Руси против “поганных” характера крестового нашествия” не имеет под собой историческую основу. Если говорить о формировании русского населения, то первоначально оно складывалось за счет вольной крестьянской колонизации и перевода военно-служивого сословия (казачества) к новым рубежам Российской империи. Кроме того, в северную и восточную часть Казахстана проникали старообрядцы. Сами по себе как старообрядцы, так и казаки являются особыми этнографическими группами русских со своеобразным укладом жизни, психологией, мировосприятием и школой нравственных ценностей. Данные группы русского населения требуют особого изучения, как в историческом, так и в этносоциологическом планах. Их не следует путать с основной массой русского населения России. В то же время крестьянское население Казахстана составляли наиболее предприимчивые, хозяйственные и активные люди, которым было тесно в рамках общины центральных губерний империи, т.е. крестьянское население Казахстана не по всем параметрам адекватно крестьянам России. В дальнейшем в ходе промышленного освоения природных богатств республики, строительства промышленных объектов, а также освоения целинных и залежных земель, в Казахстан прибывала наиболее активная часть русского и славянского населения бывшего СССР. Именно они и их потомки на данный момент и составляют один из стержневых этносов республики. И нашей исторической науке необходимо комплексно изучить историю становления и современный облик всех этнографических групп (казачество, старообрядцы, сельчане, горожане и т. д.) современного русского населения и примыкающих к нему этносов. Исторически известно, что рядовые русские, прибывая на жительство в новую иноэтническую среду, довольно легко находили общий язык с местным населением и вступали с ним в активный материальный и культурный обмен (жержаки, чалдоны, сибиряки, уральцы),

следовательно, при проведении исторических исследований по национально-освободительным движениям необходимо акцентировать внимание на тот факт, что они были направлены не против русского населения вообще, а против колониальной политики русской администрации, в которой, кстати, были и немцы. Точно также необходимо помнить, что геноцид, обрушившийся на народы СССР, не миновал и русский народ, и, что русский народ не был проводником имперской политики в национальных окраинах. Комплексное изучение русского населения Казахстана наиболее актуально именно сейчас. Если раньше изучение данной категории населения было отдано на откуп историкам Москвы и Ленинграда, которые не всегда выявляли отличительные черты местного русского населения и фактически идентифицировали его со всеми русскими, то сейчас необходимо провести данное комплексное исследование силами наших ученых. Необходимо выявить прежде всего отношение русских к процессу государственного строительства Казахстана, изучить особенности его культурного склада, исследовать те социальные ниши, которые традиционно занимает русское население в казахстанском обществе и определить наиболее вероятные пути развития данного этноса в новых геополитических условиях.

4. В рамках идейной консолидации общества историкам в своих работах необходимо уделять особое внимание такой проблеме, как разработка общекзахстанского патриотизма. Необходимо на конкретном историческом материале выявлять примеры вклада отдельных представителей тех или иных этносов в экономику, культуру и науку Казахстана, проводить примеры совместного отражения внешней агрессии в период Великой Отечественной войны, разъяснять государственную символику и адекватно интерпретировать законодательную деятельность государства по развитию каждой национальной страны. Считаю необходимым осветить также боевое прошлое сибирского, уральского и семиреchenского казачества (разумеется, не в плане завоевания Казахстана).

Еще один аспект проблемы касается культурного развития населения Казахстана. В условиях полиэтнической среды обитания у нас сформировалась уникальная по своей сути, содержанию и форме культура, которая органично вобрала в себя достижения

всех этносов, проживающих в республике. По своим потенциальным возможностям культура народов Казахстана может в дальнейшем занять достойное место в общемировой культуре. Ведь именно у нас, тесно переплетаясь, взаимовлияя и взаимообогащаясь существуют элементы европейской и азиатской культур. У нас имеется достаточно подготовленный и взыскательный потребитель культурной продукции. Объективной основой широкого воспитания культурных достижений человечества, на мой взгляд, является довольно высокий образовательный уровень населения и развитость всех отраслей сферы культуры. Считаю, что основной нашей задачей является дальнейшее развитие культур всех этносов страны во всем их многообразии и уникальности.

Несомненно то, что те новые подходы в решении национального вопроса, изложенные Президентом страны, требуют теоретического осмысления и дальнейшего развития. В силу особой важности проблемы сохранения межнационального согласия в Казахстане необходимо сделать все возможное, чтобы все правовые акты, касающиеся такой деликатной проблемы, как национальный вопрос, имели под собой солидную научную базу. Перед исторической наукой Казахстана стоят поистине глобальные задачи, которые необходимо решить уже на новой методологической и теоретической основе.

**Проблемы стратегии преобразования
казахстанского общества на пороге XXI века.
Алматы, "САНАТ", 1997 г.**

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

к новому изданию книги Левшина А. И.

“Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей”

“Civium amor patrium” (Любовь сограждан — моя награда) — так в емком афоризме республиканцев античной эпохи определил свое жизненное кредо выдающийся русский ученый первой половины XIX в. Алексей Ираклиевич Левшин (1797–1879). Печать со своим вензелем и этим изречением по-латыни он заказал сразу же после окончания Харьковского университета¹, когда увидел свет его первый научный труд². Этому кредо историк следовал в научной и служебной деятельности более 60-ти лет — с середины 10-х гг. XIX в. и до дня смерти. В напряженной творческой жизни исследователя нельзя выделить сколько-нибудь существенных эпизодов, противоречивших поставленной им перед собой цели. Книги, письма, статьи, служебные материалы и мемуары А. И. Левшина отражают всю суть жизни ученого.

Выходец из небогатой мелкопоместной семьи, принадлежавшей к древнему дворянскому роду, талантливый и целеустремленный молодой человек в 1816 году начал свой путь в науку и за короткое время достиг широкой международной известности. Почти все крупные достижения в области географии, истории и этнографии Казахстана и казахов, сделанные к середине XIX в. в России и Европе, связаны с именем А. И. Левшина, которого Чокан Валиханов с полным основанием назвал “Геродотом казахского народа”. Автор первого в мировой науке фундаментального исследования по географии, истории и этнографии казахских степей и первого специального научного труда, посвященного уральскому казачеству, создатель первого в России сочинения о знаменитых развалинах итальянского города Помпеи, один из основателей Русского географического общества, а затем член Совета и помощник председателя РГО, почетный член Российской Академии наук и Харьковского университета, действительный, либо почетный член в 16 научных обществ России и зарубежных стран, в том числе Парижского географического общества, Парижского азиатского общества, Королевского датского общества северных антиквариев,

¹ Голос. 1868.1 (13) мая № 120.

² Левшин А.И. Письма из Малороссии. Харьков, 1816.

Мекленбургского патриотического общества, Курляндского экономического общества, Саксен-Альтенбургского общества хорошего обращения с животными, почетный член Третьего международного конгресса ориенталистов и член оргкомитета Восьмого съезда Международного статистического конгресса — таков далеко не полный перечень научных званий и заслуг русского ученого, отдавшего свои молодые годы исследованию истории и культуры казахского народа.

Еще при жизни Левшина его творческое наследие было предметом оживленного обсуждения при оценке заключенных в нем сведений, мыслей и наблюдений. И в настоящее время оно представляет огромный интерес не только как яркая страница истории изучения Казахстана русской наукой, но и как явление отечественной и мировой культуры.

Предлагаемый читателю фундаментальный труд А. И. Левшина, широко известный в нашей стране и хорошо знакомый специалистам Европы, представляет собой самое крупное достижение в творческой биографии ученого.

В первой части описано географическое положение и природа Казахстана, во второй — впервые в науке — история казахского народа, и в третьей — его быт и культура. Лаконично озаглавленная автором “Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей”, эта монография, изданная в 1832 г. в одной из частных типографий Петербурга, является по своему характеру энциклопедическим собранием материалов о казахском народе и природе населяемых им земель. Особую ценность работе придает то, что большая часть материалов приобретена автором в результате непосредственного общения с казахами во время прохождения дипломатической службы в Оренбургской пограничной комиссии (1820—1822 гг.), где он выступал не только любознательным и просвещенным чиновником-бытоописателем, но и глубоким, компетентным исследователем, ученым собравшим, систематизировавшим и самостоятельно осмыслившим огромный фактический материал.

Судьба исследования Левшина сложилась в научном мире вполне удачно. Сразу после выхода в свет книга получила признание в науке. Российские и зарубежные ученые единодушно назвали ее классическим научным трудом. В 1840 г. “Описание киргиз-казахских орд” было переведено на французский язык и опублико-

вано одной книгой в Париже. Почти одновременно с французским изданием в научной печати появились переводы отдельных ее разделов на итальянском языке.

В 1886 г. известный русский ученый-географ И. В. Мушкетов писал в одной из своих работ: "Сочинение А. И. Левшина представляет всю сумму знаний того времени о киргизах (казахских — ред.) степях. Ни до, ни после него еще не появилось другой работы, которая бы затмила сочинение Левшина, оно до сих пор — лучший источник для знакомства с киргиз-кайсацкими степями"³.

Высокую оценку работа Левшина получила и в советской исторической науке. В 60-е гг. XX в. выдающийся казахский этнолог и исследователь истории отечественной этнографии казахов Э. А. Масанов (1926–1965) писал, что этот труд "представляет интерес не только для историографии, как первое капитальное исследование, в котором впервые поставлены некоторые важные научные проблемы, но и для изучения исторической этнографии казахов, так как точно и добросовестно описанные в ней многие материалы сохраняют значение достоверного и зачастую единственного источника"⁴. Так же высоко оценивается книга А. И. Левшина в одном из последних фундаментальных исследований по истории дореволюционного востоковедения, авторы которого рассматривают ее как закономерный итог всех предшествующих исследований о казахах, отмечая, что она "сохранила большое значение и поныне"⁵.

Со дня выхода в свет первого издания этого замечательного труда прошло 164 года, в течение которых имя автора не сходило со страниц многих библиографических и энциклопедических справочников, а его научное творчество стало предметом изучения со стороны многих историков науки, культурологов и литературоведов (Э. А. Масанов, Л. А. Шейман, М. И. Фетисов, Б. Г. Ерзакович, И. Р. Емельченко, П. А. Аравин, Н. С. Ахмаева, А. С. Бейсенова, В. З. Галиев, И. В. Ерофеева, В. А. Вишневецкая, Ю. Ю. Гречихова и др.). Между тем, исследование А. И. Левшина, опубликованное в первой трети XIX в. очень

³ Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 гг. Пг., 1915. Т.1. С.107.

⁴ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С.118.

⁵ История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990, С.397.

незначительным тиражом (400 экз.), уже при жизни ученого стало библиографической редкостью, но с тех пор по странному стечению обстоятельств ни разу в нашей стране не переиздавалось. В то же время потребность в его новом издании настоятельно ощущалась многими специалистами, а так же всеми, кто интересуется вопросами истории и культуры казахского народа.

Со времени публикации работы историческая наука продвинулась далеко вперед, решены были многие проблемы, поставленные А. И. Левшиным, введен в оборот новый фактический материал, подтверждающий или же отрицающий высказанные им оценки и суждения. Принимая во внимание это обстоятельство, а так же непреходящий интерес научных кругов республики и других государств СНГ к первому в историографии региона монографическому труду, группа сотрудников Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова НАН РК и Республиканского музея книги подготовила к переизданию трехтомное исследование ученого. Оно полностью воспроизводит текст первого издания "Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей", опубликованного в трех томах, но объединяет их в одной книге. Наряду с текстом монографии А. И. Левшина, новое издание включает научные комментарии специалистов, которые содержат необходимые уточнения, поправки и пояснения к наиболее важным положениям авторов с учетом современных достижений исторической науки. В прилагаемой в конце настоящего издания статье И. В. Ерофеевой читатель найдет подробные сведения о жизни и деятельности А. И. Левшина и обстоятельную характеристику его труда. В книге приводятся указатели имен, этнических и географических названий.

На протяжении более полутора столетий труд А. И. Левшина считается классическим исследованием по истории и этнографии казахов. Для многих поколений отечественных и зарубежных ученых он является источником ценнейших сведений о казахском народе, собрать которые было под силу только человеку, обладавшему блестящей гуманитарной подготовкой и огромным трудолюбием, целеустремленностью и жадой познания малоизвестных территории и народов.

Вместе с тем, в наше время было бы неправомерным рассматривать труд А. И. Левшина как историко-этнографическое исследование.

дование, имеющее адекватную эпохе его создания научно-практическую ценность. Сын своего времени, в своих взглядах он не был, да и не мог быть, свободен от влияния присущих его времени идейных течений и теорий. Воспитанный на классических понятиях европейской истории, в традициях европейской культуры, в изучении Востока он был одним из первопроходцев, и поэтому вряд ли можно ожидать от него объективных суждений, наработанных значительно позже всем ходом развития науки.

Обремененный массой сословных, религиозных, культурных предрассудков своего общества и своей эпохи, А. И. Левшин, тем не менее, сумел с исключительной добросовестностью собрать колоссальный материал, касающийся истории, культуры, обычаев, образа жизни казахов, огромное количество сведений, которые без его труда были бы абсолютно недоступны современному исследователю, который, зная теперь много больше, чем было доступно Левшину, способен по иному прочесть этот материал, вписать в его контекст других источников наших знаний о Казахстане и казахах, получить более объективную историческую картину. Всесторонне оценивая в данном контексте творческое наследие Левшина, мы должны воспринимать его труд главным образом как первоклассный источник по истории и этнографии казахов и, как подобает благодарным приемникам первопроходцев, не будем ставить в вину автору этого блестящего труда его невольные заблуждения и ошибки.

**Опубликовано в новом издании кн. А. И. Левшина
“Описание киргиз-казахских,
или киргиз-кайсацких, орд и степей”.
Алматы. 1996. С. 5-10.**

ПРЕДИСЛОВИЕ
К КНИГЕ Т. А. МАНСУРОВА
“КАЗАХСТАН И РОССИЯ:
суверенизация, интеграция,
опыт стратегического партнерства”

Актуальность монографии бесспорна и обусловлена теснейшими социально-экономическими, политическими, духовными, культурными, этническими и даже генетическими связями между Казахстаном и Россией, которые складывались на протяжении многовековой истории народов этих государств, начиная с конца первого тысячелетия нашей эры, и всегда оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на все стороны их жизнедеятельности. Это обстоятельство играет значительную роль в сложных социально-экономических и политических процессах переходного периода в обоих государствах и его игнорирование может сказаться на них самым негативным образом.

Поэтому обращение автора к теме казахстано-российских отношений в исключительно сложный и противоречивый во всех отношениях период становления Казахстана как суверенного и независимого государства имеет большую научную, познавательную и практическую значимость.

Подтверждая научную актуальность и значимость темы, хочу подчеркнуть, что проблема казахстано-российских отношений в процессе суверенизации кажется не сложной только при поверхностном подходе. На самом деле ее изучение сопряжено с определенными трудностями. Во-первых, высота гор видна издалека. Мы еще должным образом полностью не осознали аромат свободы, независимости, суверенного развития. Во-вторых, мышление периода казарменного социализма все еще дает о себе знать во всех сферах нашей жизни. В-третьих, в самом Казахстане население знает о наследии советского режима не понаслышке (Семипалатинский полигон, Аральская трагедия). Не скрою, что серьезный урон авторитету новой России нанесли события в Чечне.

Из серьезного историографического обзора, приведенного в работе, видно, что до ее появления, как в казахстанской, так и в российской общественно-политической и исторической литерату-

ре не было фундаментальных исследований, в которых всесторонне и комплексно рассматривался бы весь спектр казахстанско-российских отношений в постсоветский период.

Работа выполнена на солидной источниковой базе, с широким привлечением, не опубликованных ранее документов, что значительно повышает как научный, так и общественный интерес к ней.

Безусловным достоинством исследования является и то, что Т. А. Мансуров не простой наблюдатель исторического процесса, а его активный участник. При этом следует отметить, что он один из тех деятелей новой формации, которые хорошо понимают, что казахстанско-российские отношения имеют объективный, стратегический, долговременный характер.

Несомненной заслугой автора является разработка научных основ исследуемой темы. Впервые процесс казахстано-российских отношений рассматривается им на основе принципа последовательности, как движение от простого к сложному, от первичных форм сближения к углубленной интеграции, от закладки фундамента правовых отношений к высокому уровню отношений стратегического партнерства. Автор подходит к анализу сложных, не лишенных политической остроты проблем спокойно, взвешено без конъюнктурных намерений. Особую значимость и ценность придают исследованию практические рекомендации, направленные на развитие и углубление сотрудничества Казахстана и России. Монография является самостоятельным, творческим, научным исследованием, вполне отвечающим самым высоким требованиям. В ней успешно решена актуальная научная проблема, имеющая важное политическое и социальное-экономическое значение.

**Т. А. Мансуров "Казахстан и Россия:
СУВЕРЕНИЗАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ,
ОПЫТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА",
Москва, "Русский раритет", 1997, С. 5-7.**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ IV. СОЦИАЛИЗМ: ОПЫТ И ГОРЬКИЕ УРОКИ

1. Тоталитарный социализм: реальность и последствия.	4-30
2. Правоохранительные органы и общество.	31-34
3. Заключение Комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению постановлений Каз ЦИК и СНК КАССР от 27 августа 1928 года "О конфискации байских хозяйств", от 13 сентября 1928 года "Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодалного байства", от 19 февраля 1930 года "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством".	35-51
4. Новое мышление и некоторые проблемы истории коллективизации.	52-70
5. Новое о коллективизации в Казахстане.	70-102
6. Сталин: "Наша страна станет самой хлебной страной в мире".	103-111
7. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства	111-126
8. Общественное сознание в период советского тоталитаризма и политические репрессии в Казахстане.	127-133
9. Суд над памятью.	134-151
10. Навечно в памяти народа	152-167
11. Еще не все известны имена.	167-171

12. “Классовый” натиск	172-183
13. Некоторые аспекты изучения истории депортированных народов	184-188
14. И боль, и скорбь народа	188-199
15. Филиал Гулага — Казахстан	199-202
16. “Золотой фонд партии”... на костре по воле партии.	202-206
17. Становление историографии Казахстана периода Великой Отечественной войны	207-217
18. Казахская историография Великой Победы: итоги и нерешенные задачи	218-255
19. Актуальные проблемы историографии Великой Отечественной войны	256-269
20. Чужая победа? Нет! Она — наше достояние!	270-275
21. Казахстан в годы Великой Отечественной войны.	275-285
22. На алтарь победы	285-303
23. Национальные войсковые формирования в республиках Средней Азии и Казахстане (1941—1945 гг.)	303-316
24. Москва в моей судьбе	317-325
25. Принудительный труд в СССР: трудармейцы Казахстана на защите Отечества	326-347
26. Демографические исследования в Казахстане: итоги и перспективы	348-357

ЧАСТЬ V. РЕЦЕНЗИИ

	359-365
1. Китай, Россия, Среднеазиатские государства	365-370
2. Определиться в своем будущем	
3. Межнациональное согласие — залог внутренней ста- бильности	370-378
4. Вступительное слово к книге А. Левшина “Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей”.	379-383
5. Предисловие к книге Т. А. Мансурова “Казахстан и Россия: суверенизация, интеграция, опыт стратегическо- го партнерства”	384-385

Автор
КОЗЫБАЕВ М.К.

КАЗАХСТАН
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПОИСКИ

Книга вторая
НЕСБЫВШИЕСЯ
НАДЕЖДЫ

Сдано в набор 19.06.2000 г.
Подписано в печать 28.07.2000 г.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бум. офсетная.
Усл. печ. л. 22,6+0,12. Уч. изд. л. 23,1.
Тираж 500 экз.
Печать и верстка –
типография “Комплекс” Тел. 93-01-79